

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Высота смертников 9
- Леонид ЮЖАНИНОВ
Володька. Рассказ 91
- Сергей КОЗЛОВ
Отцы. Рассказ 104

Поэзия

- Игорь ТЮЛЕНЕВ
Однокашники
русских равнин 3
- Ренат ХАРИС
Протрите глаза 87
- Виктор ЛАПШИН
И мигом дождя каждым... 101
- Поэтическая мозаика 111
- Поэтическая мозаика 135

Очерки и публицистика

- Александр ЛУКАШЕНКО
Народ прежде всего 143
- Михаил ДЕЛЯГИН
"Новые кочевники"
по-старому рвут Россию 151
- Руслан ЛЫНЕВ
Рассказы, рассказы,
профессор 164
- Павел ЛАВРЁНОВ
Камчатка: русский край 168
- Тамара КАЛЁНОВА
Записки инспектора 196
- Рудольф ГОЛОСОВ
За Россию обидно 208

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 123
- Станислав ЗОТОВ
Истина Евгения Родионова 285

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Слово читателя

Родина — это страна и люди,
которые ею гордятся 184
“Только ваш журнал...” 223

Критика

Юрий ДВОРЯШИН
М. А. Шолохов в переписке
с современниками 241
Станислав КУНЯЕВ
Живущий в своём народе 255
Михаил БАЗАНКОВ
Заветный жемчуг поэта 259
Николай РАЧКОВ
Колокола Михаила Чванова 268
Александр ГОЛУБЕВ
Россошанские яблоки 262
Альбина ПОТАПОВА
“Когда моей душе
сойдёт успокоенье...” 273
Юрий ЛОЩИЦ
Поэт и богема 277

Патриотика

Сергей ФИЛАТОВ
Русский взгляд 281

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 22.04.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,8. Заказ № 2012. Тираж 10500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ОДНОКАШНИКИ РУССКИХ РАВНИН

* * *

Авианосец СССР
Пропал в неведомых глубинах.
Он миру дан был, как пример,
Примером был, а мир покинул.

Сейчас лежит на дне морском,
Как Атлантида или Китеж...
А я всё думаю о нём,
И не могу забыть, как видишь.

Я РУССКИЙ

Ну, хватит скрываться — я русский!
Не турок, не грек, не еврей.
И воин французский и прусский
Страшатся атаки моей.

Я просто окликну: — Брусилов!
Враги залатали Прорыв!

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич — член Союза писателей России, автор многих поэтических книг. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми

Таится в нас страшная сила,
На сжатие и на разрыв.

Вождей отливали из стали,
Державу души — из огня!
Вождей отливать перестали —
Величие в сердце храня.

Я пахарь страны, я мыслитель!
При этом я добрый вполне.
Конечно, Господь Вседержитель
Всегда на моей стороне.

А также Небесная Дева!
Илья и Георгий с копьём.
Не верю я в басни халдея —
Мы всех проходимцев порвём!

Россия для русского будет
Окопом, избою, селом.
Потомок меня не осудит,
Цитируя деда потом.

КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Русский с китайцем братья навек
Из песни.

Я стоял у Китайской стены
И смотрел, как закат наступает.
Проболтали Москву пацаны.
Нашу речь здесь уже понимают.

Через площадь иду Тяньаньмынь,
Змей воздушный по небу летает.
Здесь прохладно, а в небе теплынь,
Восходящим потоком шатает.

Я не верю, что — “братья навек”.
И не факт то, что белая кожа.
Мимо желтый идёт человек —
В нём Даманский торчит, как заноза.

ИЕРУСАЛИМ

Бессмертный ленинский акцент.
С. Куняев.

Отдайте “пятую графу”
Тем, у кого её забрали.
Чтоб каждый знал в своём краю,
Кого им черти навязали.

— Гори, гори, моя звезда...
Пою пред небом вечерами.
В земной Иерусалим езда
Всегда венчается стихами.

“Бессмертный ленинский акцент”
Над “пятою графой” рыдает...
Куняев прав! Ты слышишь, мент? —
Я выпил литр, а не шатает.

ИОСИФ СТАЛИН

Смотри, порхают две голубки.
Москва. На месте мавзолеей.
Гранитный бюст вождя без трубки —
Дороже римских алтарей.

“Он не взвился небесным телом,
Не испарился, не истлел...”
Так Пастернак писал умело,
Когда был он чертовски смел!

Молчите, Самарканд и Мурманск,
Санкт-Петербург и Ленинград!
Два монстра — либерал и тупость,
Отчизну превратили в ад.

И что ему друзей лояльность
И ненависть его врагов?
Есть Сталинград — победы ярость!
И Севастополь моряков!

Он — смертью смерть поправший Сталин,
А не Хрущёв или Помпей.
Он из гранита, не из стали,
Осколок родины моей.

Он Кремль подпёр хребтом Кавказа,
Сжал бури и шторма в горсти!
Он был Москвой миропомазан,
Чтоб Царство Русское спасти.

КОЛЧАК

Колчак встал на ангарский лёд.
Географ, он привык вперёд
Лететь, поднявши паруса...
А здесь над ним свистит коса!

Всё ближе, ближе свет небес.
И всё слышнее стук сердец
Родных... Уж в отдаленье взвод
Команды пулям отдаёт!

Они летят путём пчелы,
Не разбиваясь о стволы.
Проездом встал на этот лёд.
Стою, и оторопь берёт.

И кто б мне что ни рассказал,
И что бы впредь я ни узнал —

Останется со мной всегда
“Гори, гори, моя, звезда”.

* * *

Николаю Гумилёву

Николай Степанович, поэты
Вспомнят ваших жен под шашлычок.
Вас Россия помнит не за это,
А за то, что слово — это Бог!

Захлебнулись воинские трубы,
В Африке изысканный жираф
В небеса вытягивает губы
Чтоб отведать в небе райских трав.

Ты же мог, но Родину не бросил.
Мог сбежать, как все, но не сбежал...
Вынес, как шпицрутены, допросы
И, сложив стихи, под пулю встал.

Ну а пуля не такая дура,
Выбрала по сердцу молодца.
Вылетев с жужжанием из дула,
Поманила смертью храбреца.

Ты не смог от смерти отказаться.
Тормоза трамвайные свело:
— Станция какая? — Божье Царство!
А он думал — Царское Село.

ПОЛИКАРПЫЧУ

Он во сне перешел свой предел.
Ю. Кузнецов

Вот и ты перешёл свой предел,
В сонном царстве душа полыхала.
В это верить никто не хотел,
Что тебя, Поликарпыч, не стало.

Ни в стране, ни на этой тропе...
Потому что глагольные скрепы
Будут долго греметь о тебе
Даже тем, кто и немь, и слепы.

Не запомню ухмылки врагов,
Не замечу их жалкую радость.
Потому что Держава стихов
Не простит им и малую малость.

Поликарпыч, ты там не один? —
Передреев, Рубцов и иные...
Однокашники русских равнин,
Словно раны в груди ножевые.

Ты теперь в небесах высоко...
Гнобят Русь, но она не распалась!
Только знай, что и нам нелегко,
Мало русских поэтов осталось.

МАМА

Классически с крыльца
Сбежишь ко мне навстречу,
От радости в слезах
И уронив платок.
Ах, мама, мама, ма-а-а...
Чем на любовь отвечу?
Ты видишь, я, твой сын,
До косточек продрог.

Такой она была,
Как в памяти осталась.
Смягчала боль мою,
И беды, и судьбу.
Бессмертная любовь
В её глазах плескалась.
Как море-океан,
Где в лодке я гребу.

СЛУЖАНКА

Волхвы посошком выбирают дорогу.
Мария поёт колыбельную Богу.
Вокруг догорают пастушьи костры.
На улице снег превращается в знамя.
Без древка его на сугроб взгромождая,
Пронесются ветры, как осы, быстры.

Сидит у порога служанка враскачку,
Тепло, у коров не кончается жвачка.
А значит, всё сходит помощнице с рук.
И лень, и хандра, и тоска по мужскому
Плечу, и плохая уборка по дому...
Святое семейство не может без слуг.

Служанка впервые глядит на Младенца.
Не знало любви её глупое сердце.
Не знало, а нынче приходит пора.
Безгрешна она под вселенскою ношей.
Глядит на ребёнка, а это Сын Божий!
Он скоро уйдёт навсегда со двора.

А нищие духом, как дети, наивны,
Сердца их простые, а души их дивны.
Они поддаются святой красоте.
Младенец не сгинет в Чечне и Афгане,
Он будет за правду в голгофском тумане,
За бедных и сирых — распят на Кресте.

* * *

На душе бывает мутно,
Чтоб не лезли бесы в дом,
“Отче наш” читаю утром
И читаю перед сном.

За жену и за детишек
У икон один стою...
Слава Богу, что не слышат —
Я в семье, словно в раю.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ВЫСОТА СМЕРТНИКОВ

РОМАН

“...и кажется, что мы, над обыденным поднятые, живём в надземности, в вечности. И поставлены как бы перед лицом Судьбы”.

И. С. Шмелёв. Из писем периода Второй мировой войны.

Глава первая

В какой-то момент Воронцов почувствовал, что немец конвоир смотрит ему в спину. Словно примеривается. Видимо, немца раздражал его высокий рост и необычная курсантская шинель, похожая на комсоставскую.

Сразу за станцией двое пленных из команды, пригнанной на днях откуда-то с северного участка фронта, присели на обочине. Позже из разговоров шедших рядом Воронцов узнал, что это были вяземские. Наголодавшиеся в окружении, а потом в лесах, они ели что попало. Ночью, когда колонну загнали в какой-то пустой скотный двор, они нашли несколько старых свёк-

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Повести и рассказы публиковались в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Ясная поляна”, “Воин России”. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

* Журнальный вариант.

лиц и тут же принялись их грызть. Утром у них открылся понос. Конвоир подошёл к присевшим на обочине, сказал коротко:

— Steht!

Подождал с полминуты, чтобы стало очевидным, что команда не выполнена, и, примерившись, как примериваются ножом, когда колот поросёнка, всадил штык в спину одному из пленных. Тот раскинул руки и завалился набок. Немец брезгливо оскалился, выдернул штык и тщательно вытер его о шинель убитого. Заколотый штыком пленный лежал ничком, в последнем судорожном движении подобрал к животу колени, как усталый путник, так и не одолевший остаток своего пути. Пыльная, с прожогами, шинель коробом поднялась на тощей сгорбленной спине. И конвоир всё время, пока считал со штыка бурую слезь, совсем не походяю на кровь, что-то зло бормотал, не поднимая глаз ни на пленных, ни на своих товарищей. Колонна медленно и молча проходила мимо.

Пленные косились на убитого, на спущенные его штаны и раскинутые в пыли чёрные руки. Никто не осмеливался поднять глаза выше и посмотреть на немца, который всё ещё возился со своим испачканным штыком. Воронцов посмотрел на лежавшего в дорожной пыли, немного замедлил шаг, так что на него сади напёрли и толкнули в спину, что-то бормоча со злой надсадой. Но он успел мельком взглянуть и на немца. Лицо немца выглядело каменным, непроницаемым, а глаза не выражали ничего.

И вот теперь он всё время шёл неподалёку. Воронцов чувствовал, как немец смотрит ему в спину.

Надо искать напарника...

Рядом плёлся, охая и что-то шепча, пожилой пехотинец в линялой гимнастёрке и разорванных штанах, через которые были видны худые бледные жилистые ноги, искусанные комарами.

— Берите всё, — бормотал он, повторяя свою фразу через каждые две три минуты. — Мне уже ничего не надо... Всё забирайте... Берите всё...

С этим не побежишь.

Другой, молодой артиллерист с бледным, онемевшим лицом в грязных потёках пота, скрёб по дороге рыжими опорками, время от времени поправляя штаны, подвязанные куском телефонного провода. В глазах его всё же просвечивало что-то живое, осмысленное. И Воронцов вскоре шепнул ему:

— Откуда?

— Из-под Вязьмы. — И артиллерист ответил настороженным взглядом. Этот ещё живой, с этим можно разговаривать.

— Там... Вашего?

— Нашего. — И снова вскинул глаза, в них стыла неподвижная, как камень, настороженность. — А тебе что надо?

— Того же, чего и тебе. Потом потолкуем. Если интересуешься.

На привале раздавали баланду. Артиллерист выхлебал, вылизал языком свою миску и подошёл к Воронцову:

— Ну? Интересуюсь.

— Скоро леса кончатся, — сказал Воронцов и посмотрел за болотину, заросшую тусклой, будто обгорелой на солнце зеленою. — Там не побежишь.

— А, вон ты что... Ну, я тебе не компания. Лично мне воевать надоело. Я в плен сам пошёл. Своей волей. Понятно тебе? Так что иди ты к...

Артиллерист ушёл. Осталась горечь, которая напомнила о саднящем затылке и о болях в боку. Вот тебе и поискал напарника. И хорошо ещё, если не сдаст конвою. Он уже знал, что добровольно в плен шли две категории людей: одни — уставшие воевать, с надеждой, что завтра-послезавтра их распустят по домам; другие же шли служить новой власти. Моли Бога, Воронцов, чтобы артиллерист оказался из первых, подумал он и попытался осторожно отыскать в толпе сгрудившихся сутулых потных спин и пыльных пилотов артиллериста. Но тот словно сквозь землю провалился.

Отдых оказался коротким. Их снова подняли и погнали дальше. Впереди был Рославль. Значит, гонят в рославльский концлагерь.

Воронцов оглянулся: немец, заколовший вяземского, по-прежнему маячил поблизости.

Однажды им встретилась небольшая колонна беженцев. Несколько телег, запряжённых коровами. Беженцы, видимо, остановились на отдых. Они распрягали коров, чтобы дать им попасть на обочине. Усталые женщины и старухи сидели на траве. Трое ребятшек побежали к дороге и начали совать пленным печёные картофелины. Охрана их не отгоняла. Картофелины быстро кончились, и, когда подошёл Воронцов, мальчики уже стояли с пустыми руками и молча смотрели на проходивших мимо. Воронцов их сразу узнал. И они узнали его. И хотели было кинуться к нему, но поостереглись: подходил конвоир, держа карабин наперевес. Глаза мальчиков сияли такой радостью, что, казалось, дети вот-вот бросятся к Воронцову. Но старший из братьев, стоя впереди, что-то сказал им, и те притихли. А Воронцову махнул рукой и окликнул негромко, чтобы не услышал конвоир:

— Дядя Саша! — И растерянно оглянулся на опушку, где распрягали коров взрослые.

Оттуда, от леса, уже бежала к колонне женщина с ребёнком на руках. Она бежала, оступаясь в промоины и колеи, и время от времени хваталась одной рукой за бредущее мимо угрюмое серое пространство, из которого на неё смотрели измученные человеческие глаза, среди которых она вдруг узнала те, которые ей снились по ночам все эти дни и недели и за которыми она отправилась в этот нелёгкий путь. Но утекающее вместе с пылью пространство, тот молчаливый поток, куда был обращён её взгляд и жест, нельзя было ни остановить, ни даже хотя бы прикоснуться к нему. Он принадлежал охране. И всё-таки она бежала к нему и хватала его, потому что знала: случай, который ей много раз рисовался в воображении несбыточной сказкой, произошёл, что он ещё длится и неизвестно чем кончится, но если не вмешаться, если пустить всё на волю судьбы и покориться ей, то всё и закончится ничем, а значит, плохо. Она вдруг почувствовала свою силу и власть. Нет, не всё может забрать у человека война. Не всё. И она сейчас встанет поперёк обстоятельств, которые огромным железным колесом катились по дороге, не разбирая ничего, ни рытвин, ни ухабов, и, конечно же, могут раздавить любого, кто окажется на пути. Но только не её. Монах Нил однажды сказал ей, что Саша сам найдёт её и окликнет. Он и окликнул. Детей. Бог детей к дороге послал. Чтобы Саша увидел их.

— Саша! Сашенька! Родненький же ты мой! — пронзая пыль и ропот людей, осаживая окрики охраны, внезапно пронёсся над колонной отчаянный, как последний зов, женский крик, который, может, уже в это мгновение спас не одну человеческую жизнь. Кому-то вернул силу, а кому-то достоинство.

Нет, женского крика колонна не слышала никогда. Она слышала ругань и брань конвоиров. Стоны и стенания пленных. Но женского крика, зовущего родного человека по имени... И колонна остановилась. Серый поток, громыхавший стёртыми подошвами солдатских ботинок и сапог, внезапно начал иссякать и, наконец, замер. Все смотрели на бегущую женщину с ребёнком на руках. И всем было страшно оттого, что бежит она слишком отчаянно и вот-вот может упасть и повредить ребёнка. И каждому из них в те мгновения представлялось, что та незнакомая женщина бежит к нему, что никакая она не незнакомая, а самая родная и близкая — жена, сестра, невеста, дочь. Но только к одному она бежала. К кому же? К кому она бежит? Кого из них окликнула судьба?

— Зна! Зиночка! — откликнулся замерший серый поток отчаянным голосом одного из них.

К Воронцову подошёл конвоир, тот самый, коренастый, шедший всё время позади, неподалёку. Неужели это и есть та ошибка, которую всё же сделал Воронцов, дав немцу повод расквитаться с ним. За тот взгляд на дороге. За то, что он, пленный, не человек, а дорожная пыль, увидел растерянность в глазах человека, ту мимолётную человеческую растерянность, которая свидетельствовала о том, что он только что совершил убийство пленного, поступок, считавшийся позором для любого солдата любой армии. И что же, спрашивал он себя, всё произойдёт здесь? Сейчас? На глазах у тех, кого он так любил и любит и по ком так сильно скучал? Зачем это нужно судьбе? За-

чем? Немец приближался, не сводя с Воронцова глаз. Что ж, пускай всё произойдёт именно так и теперь. Хотя бы будет кому похоронить тело. А где Пелагея? Она, должно быть, тоже здесь. Он сделал шаг вперёд, готовый принять удар штыка. Увидеть бы её, Пелагею. Нет, уже не успею. Но хотя бы голос её услышать. В последнее мгновение. Где ты, Пелагея? Почему не окликнешь меня? Так и прощаемся. Хотя бы так. Но немец закинул карабин за спину и спросил Воронцова, одновременно останавливая жестом руки бег Зинаиды:

— Wer ist diese Frau?

Он спрашивает, кто она ему. Кто она ему? Кто? Как кто? Она ему самый близкий человек. Сестра. Жена. Да, да, жена. Роднее жены и сестры нет никого на свете. Разве что мать. Но мать бывает только одна.

— Wer ist diese Frau? — повторил вопрос немец.

— Es ist meine Frau, herr Soldat. Meine liebe Frau. — И он посмотрел конвоиру в глаза.

Немец улыбался. Это была улыбка усталого человека, тоже измученного обстоятельствами. Никакого подвоха ни в его улыбке, ни в глазах не таилось. Перед Воронцовым стоял человек. Не конвоир, несколько часов назад заколовший штыком беспомощного большого человека, пленного, не жестокая машина для убиения себе подобных и истребления в живых последних человеческих черт, а — человек.

— О! — покачал тот головой и, махнув рукой колонне, чтобы та продолжала свой путь. Немец ухватил Воронцова за рукав и повёл к начальнику конвоя.

Зинаида в это время подбежала, остановилась и, глядя то на Воронцова, то на конвоиров, медленно опустилась на колени и положила свёрток с ребёнком на дорогу, в пыль, к ногам того, кого вдруг узнало её сердце среди сотен других, похожих друг на друга, но чужих.

Конвоир что-то говорил своему начальнику. Наконец тот поднял руку, закинул автомат за спину, сказал:

— Gut.

Немец присел на корточки и пальцем подозвал к себе младшего из Пелагиных сыновей, Колюшку. Тот подошёл, оглянулся на Зинаиду.

— Не бойся, мальчик, — сказал немец по-русски. — Скажи, кто это? — и указал пальцем на Воронцова.

— Это наш папка. — И мальчик припал к ноге Воронцова, крепко обхватил своими цепкими ручонками.

— Gut, — устало сказал немец и что-то дальше говорил конвоиру тем же усталым голосом.

Тот кивнул и побежал в голову колонны. Он даже не оглянулся.

Колонна двигалась дальше, уходя на запад и унося за собой стоны, вздохи, взгляды и запахи обречённых на страдания людей. Вместе с нею ушли и охранники. А на обочине дороги, среди оседающей пыли, остались стоять те, кому выпала иная судьба.

Он смотрел в её радостные глаза, пытался прочитывать, что в них, но ничего, кроме радости и счастья, не мог разглядеть.

— Я знала, что тебя найду. — Она так и светилась вся, какими-то едва уловимыми движениями и интонациями голоса напоминая Пелагею. — И ребята все, в один голос: пойдёмте, тётя Зина, дядю Сашу искать, да и всё тут. Дядя Ваня и тётка Васса отговаривали, мол, пропадёшь и детей погубишь. А Нил сказал: иди.

— Нил? Кто такой Нил?

— У нас на озере живёт. Монах. И чем только кормится, непонятно. У нас ничего никогда не брал. Живёт и живёт. Молится, ягоды собирает, травы, какие-то коренья. Найдёт, выкопает, помоем в озере, высушит. Тем и живёт. И всё молится, молится. И у воды, и у могил, и в лодке, и возле дерева. Я не раз видела.

Она рассказала ему о монахе, о его предсказании. Но не сказала всего.

До озера было километров тридцать. До Подлесного, родного села Воронцова, километров восемнадцать-двадцать. Но хутор находился в одной

стороне, а родина Воронцова в другой. На хуторе — тихо, нет ни немцев, ни полицаяев. В Подлесном — неизвестно кто и что. А в Прудках снова немцы. Как это могло произойти? Видимо, наши не удержали эту местность и отступили на несколько километров.

Воронцов сделал несколько глотков и передал кружку Зинаиде.

— Что ты? Невкусно?

— Пей сперва ты. Я — потом.

— Да что ты, что ты! Думаешь, мне не достанется? Пей, пей. Я и ещё волью. Поправляйся.

Вечером, когда нашли в лесу полянку для ночлега и развели костёр от комарья, Зинаида вскипятила в котелке воды, откуда-то достала чистые тряпки, кусок марли и принялась промывать раны Воронцова. Он не чувствовал боли. Он чувствовал прикосновения бережных, осторожных пальцев Зинаиды и вскоре, то ли от усталости, то ли оттого, что всё осталось позади, то ли от этих заботливых прикосновений, задремал. Голова его поклонилась, поплыла в сторону, как тяжёлая коряга по воде, и вскоре легла на колени Зинаиды.

Вначале он действительно спал сутками, так что, просыпаясь, путал ночь с днём, а утро с вечером. Но потом совестно стало подходить к столу, и он взялся с Иваном Степанычем поправлять загон для скота. Потом перекрыли крышу на хлевах. Потом обновили пральню. А женщины тем временем занимались огородами, скотом, детьми. Всем работы на хуторе хватало с утра и до того часа, когда солнце, тоже утомлённое, заваливалось за дальние сосны на другой стороне озера, где иногда появлялась и исчезала сторбленная фигурка человека. То был монах Нил. Воронцов уже привык к нему. Всякий раз, приходя на кладбище, он встречал Нила то по дороге туда, то на обратном пути, то на самом кладбище, или на полянке, которая отделяла кладбище от озера.

— А я тебя признал. — Нил махнул в его сторону тяжёлым пальцем. — Евсеев внук. Что ж ты так постарел?

После того случая Воронцов сбрил бороду. И теперь, когда брился, трогал морщины, действительно появившиеся вокруг рта и на лбу. Вот почему немцы поверили, что Зина — его жена. Там, на дороге, он выглядел на все тридцать. Шрамы на скулах и подбородке и рубец на рассечённой губе постепенно затянулись, подсохли, опухоль спала. Зинаида внимательно следила за его ранами, мазала какими-то мазями, которые ей давала Анна Витальевна. Вскоре отвалились и корки, открыв розоватую нежную наготу шрамов. Вначале шрамы чесались, но спустя некоторое время Воронцов о них забыл.

Глава вторая

Август уже заплетал в берёзовые косы золотые ленточки. Воздух стал прозрачнее, а тени на полянах резче и темнее. Захолодели обильные росы по зорям.

В одну из таких зорь Воронцов уходил с хутора в сторону фронта. Не нужно было компаса, чтобы определить направление движения, фронт рокотал, ухал тяжёлой артиллерией, гудел моторами, лязгал железом о железо, вытаптывая и выжигая вокруг себя окрестность за окрестностью. И к нему с обеих сторон по воле штабов и людей с маршальскими и генеральскими лампасами двигались новые и новые маршевые роты и батальоны, на ближайших железнодорожных станциях и полустанках спешно разгружались с платформ новые и уже побывавшие в боях, но основательно отремонтированные танки и бронетранспортёры, выкатывались на позиции орудия, взлетали с аэродромов подскока самолёты с полным комплектом бомб и нанесёнными на карты целями. Противоборствующие колонны сходились на каком-нибудь безымянном поле или на лесной опушке и приступали к своей кровавой работе, стараясь сделать её основательно, чтобы потом заслуженно отметить отличившихся, а убитых и раненых положить на отдых в братские могилы и тыловые госпитали.

— Прощай, Зиночка. — И Воронцов потянул её к себе за руку и почувствовал, как она сразу хлынула к нему всем своим теплом и доверчивой нежностью. — Не знаю, доведётся ли... Улю береги, ребят. Автомат я оставил в сарае, под сеном. Но лучше, если что, сразу — в лес. С Анной Витальевной держитесь вместе. Она женщина хорошая, добрая. Бывалая. Думаю, что мы о ней очень мало знаем. Но человек она хороший. Пока ты с ней, люди Старшины вам никакого зла не сделают. Она и сама к тебе льнёт, ни на шаг не отходит. Вместе держитесь. И Тоню с Настенькой не бросайте. Старики уже старые стали, скоро валиться начнут...

— Молока у неё много. Улюшку подкармливает. Сразу двоих и кладёт на колени, Лёньку к левой груди, а Улю к правой.

Зинаида обхватила его за шею и стала целовать в губы. Он перехватил её за талию и прижал крепче, так что она откинулась назад и засмеялась. Смеялась она тихо, будто боясь, что их могут услышать. Смеялась она так, что спрашивала: ну? что? что дальше?

А что дальше? Дальше — разлука. Уходить надо. Уходя, не остаются. Даже на час. Чтобы не остаться навсегда.

— Где искать нас, знаешь. — И она резко оттолкнула его, высвободилась и принялась поправлять волосы и платок, сбившийся на затылок.

— Знаю.

— И помни, что ты теперь для нас роднее всех родных. Понятно тебе? — Голос её дрожал. Последнюю фразу она почти выкрикнула.

— И вы для меня. Самые родные. И поэтому я вернусь. Обещаю.

Так они и объяснились в любви. Потому что это и были самые дорогие, самые нежные и главные слова. В других нужды не оказалось.

Воронцов зашагал в сторону леса. Сосны чернели непроницаемыми пред-рассветными сумерками. Точно такие же сумерки стояли и в душе Воронцова. Вот с ними-то справиться было труднее. Он смотрел вперёд, высматривал стёжку. Скоро она кончится, и он пойдёт по лесным дебрям. Чем ближе он подходил к соснам, тем гуще становились сумерки. В такую глухую пору кажется, что всё вокруг ещё спит и проснётся не скоро. Он шёл и чувствовал, что та, тепло и запах губ которой ещё пылали на его губах, смотрит ему вслед. Но рано или поздно деревья и темень разлучат их.

В лесу было ещё совсем темно. Но птицы уже перепархивали где-то сверху, под чёрными куполами сосен, и посвистывали, позванивали, торопили сонный рассвет. Ноги сами понесли Воронцова к кладбищу. По знакомой, едва различимой в зарослях черничника тропе он вскоре вышел к березняку. Пелагеин холмик осел и начал зарастать редкой травкой. Воронцов сел на край.

— Ну, здравствуй, Пелагея Петровна. И прощай. Ухожу. Жив буду, детей не брошу. А что ещё сказать тебе, я и не знаю. Слышишь ли ты меня? А, Пелагея? Дочь у нас с тобою растёт. — И он вздохнул тяжким и долгим вздохом.

До полудня он добрался до шоссе. Вышел на просеку, осмотрелся. Редкие грузовики проносились то на восток, то на запад, протягивая за собой шлейфы серой известняковой пыли. Фронт отсюда слышался уже совсем близко. И можно было отчётливо различить удары крупнокалиберных снарядов. Они ухали через одинаковые промежутки времени километрах в пятнадцати. Он подождал с полчаса и перешёл шоссе. Углубился на полкилометра, нашёл место поукромнее, надёргал мха, лёг, укрывшись от комаров шинелью. Уснул мгновенно. А проснулся, когда солнце высоким малиновым столбом стояло на закатной стороне неба, просвечивая сквозь ветви деревьев уже неживым и прохладным светом. Он быстро встал, закинул за спину вещмешок, прислушался к дальнему гулу и пошёл, держась всё время на него.

Шёл всю ночь. Утром Воронцов вышел к лесному ручью.

На берегу, на замшелых зелёных камнях лежал убитый. Форма на нём была красноармейская, но сапоги немецкие и немецкая камуфляжная плащ-накидка. Голова убитого наполовину погружена в воду. Никакого оружия при нём не оказалось. Воронцов, даваясь от приступов тошноты, обшарил его карманы. В карманах — пусто. Ни документов, ничего. Он прошёл несколько шагов навстречу течению, помыл руки и тут увидел в траве фляжку. Фляжка немецкая, стеклянная, в каучуковой оболочке, обшитой материей.

Это была хорошая офицерская фляжка. Она тоже оказалась пустой. Воронцов подобрал её, понюхал и принялся мыть. Он засунул внутрь пучок крапивы и начал старательно драить свою находку. Фляжка ему была нужна. Тщательно оттерев и промыв её с песком, он наполнил её водой и сразу же, чтобы подавить в себе приступ тошноты, сделал несколько глотков. За год своих скитаний по лесам он привык ко многому. То, что в иных обстоятельствах казалось немислимым, отвратительным, здесь, на войне, стало обыденным. На раздутый труп он всё же старался не глядеть...

Вскоре Воронцов обнаружил винтовку. Это была не просто винтовка, а карабин системы “маузер” с отличным, можно сказать, лучшим в мире оптическим прицелом. Таковую он однажды видел у десантников на Извери. Оптический прицел был аккуратно закрыт самодельным чехольчиком, снизу задёрнутым тесёмкой. Тут же лежал ремень с подсумками. Воронцов схватил карабин, смахнул со ствола землю, протёр рукавом затвор и аккуратно отвёл его. В глубине патронника блеснул жёлтой латуной патрон. Он потянул затвор ещё немного, и, убедившись в том, что в патроннике не стреляная гильза, а патрон с пулей, толкнул затвор на место.

Воронцов оцупал подсумки. Два оказались пустыми, но в четырёх других плотно лежали обоймы, придавленные клапанами с медными застёжками. Он перекинул ремень с подсумками через голову, болтавшиеся концы пристегнул карабинчиками к ремню.

Через несколько минут Воронцов уже стоял на опушке леса, откуда хорошо виднелся край шоссе, белёсая запылённая насыпь и выкрашенные белой краской, видать, ещё до войны, аккуратные столбики моста. Он лёг на дерево, расчехлил прицел, вскинул винтовку и посмотрел через поле. Двое охранников сидели на корточках возле костерка и подкладывали под гирлянду котелков дрова. В окопе, возле пулемёта маячили ещё две головы в круглых красноармейских касках. Воронцов насчитал пять котелков. Значит, где-то находился и пятый. Выйти к ним? В лучшем случае разоружат и отведут потом в особый отдел. В худшем — полоснут очередью издали. А вот и пятый, разглядел-таки Воронцов ещё одного охранника, сидевшего на ящике под ивовым кустом и пристально смотревшего в бинокль вдоль ложины. Воронцов, увидев наблюдателя, медленно опустил винтовку и такими же медленными движениями стал отползать в глубину березняка.

Куда идти теперь? Дальше? Но куда? Партизанский отряд майора Жабо действовал где-то в лесах возле Выходов. Только там его знали, там его могли принять как своего. Но туда ещё нужно пройти. Карты у него не было. Но карту он помнил. И представлял примерно линию расположения немецкой и своей обороны. Запомнил и то, что его родное Подлесное находится на немецкой стороне. Всё чаще и больше он думал о своей деревне. Что там сейчас? Стоят ли немцы? Или хозяйничают полицейские? А может, квартирует по-прежнему казачья сотня? Или нет уже Подлесного... Что с матерью и сёстрами? Линия фронта, помеченная на карте синим и красным карандашом, проходила в стороне от его села, и это немного успокаивало.

Фронт гудел совсем рядом. По всем просёлкам сновали мотоциклы и грузовики. В основном одиночные. Он посмотрел в прицел: так и есть — немецкие! Мотоциклисты были одеты в плащи и каски. В глубоком тылу на дорогах они обычно ездили в пилотках или в носатых кефи. Теперь стало понятно, почему над лесом несколько раз пролетали и разворачивались косяки “петляковых” и штурмовиков. Немцы начали наступление. Или отходили наши. А значит, линия фронта меняла свою конфигурацию. И авиация прикрывала отход, бомбила немецкие колонны на подходе к передовой, чтобы противник не мог ввести в дело свежие части и развить наступление. Или ночью он, сам того не зная, перешёл линию фронта на каком-то тихом участке.

Вечером Воронцов вышел к переправе через небольшую реку. И в это время на неё налетели “Илы”. Впереди виднелась дорога и понтонный мост, наведённый в два ряда, забитый грузовиками и танками. По краю, держась за шатучие тросы поручней, гуськом перебегала пехота. И когда из-за леса вынырнули три пары штурмовиков, тут же, с обеих сторон моста захлопали

эрликоны. Зенитные установки были хорошо замаскированы, и Воронцов увидел их только тогда, когда они заработали. Иссиня-белые пульсирующие трассы мелкокалиберных снарядов уходили в небо, пытаясь перехватить стремительный полёт самолётов. На втором заходе пара “Илов” изменила траекторию полёта и накинута на ближайшую установку. В одно мгновение площадка, с которой яростно стрелял эрликон, была очень точно накрыта серией снарядов, всё потонуло в разрывах, в багрово-чёрном дыму и облаках тяжёлой пыли.

Грузовики и фургоны, оказавшиеся в момент налёта по эту или ту сторону переправы, начали расползаться по пойме. Водители, поняв, что реальная возможность спастись самим и спасти груз — как можно скорее оказаться подальше от переправы, погнали свои машины вдоль реки или повернули назад и газовали по всему лугу, пытаясь забраться на гору. Опыт им подсказывал: штурмовики не улетят до тех пор, пока не израсходуют весь боекомплект. А пара, ловко подавившая один из эрликонов, тем временем делала заход для выполнения очередного противозенитного маневра. Снова облако огня и пыли поднялось вверх. Но сиреневые струи зенитной установки продолжали выплёскиваться вверх, и ведомый штурмовик, мгновенно потеряв пластичность и стремительность полёта, начал отставать от своего ведущего, затем выбросил узкий шлейф дыма. Дым потянулся за ним, как будто это был вовсе не дым, а привязанная к фюзеляжу материя. Материя буквально на глазах начала менять цвет, из сизовато-белого превращаясь в чёрный. “Ил” стал уходить к лесу с набором высоты, задымил ещё гуще.

Еловые лапки хлестали по лицу и рукам Воронцова. Наконец он отыскал коровью стёжку и побежал по ней.

Штурмовик срубил верхушки нескольких сосен и торчал в земле, нелепо задрал вверх обтрёпанный фанерный фюзеляж. Обе плоскости лежали неподалёку. Мотор ушёл в землю и, видимо, поэтому ни пожара, ни взрыва не произошло. Пахло авиационным бензином и свежей хвоей. Шагах в десяти от рухнувшего самолёта лежали бронестекло и человек в кожаной куртке и лётном шлеме. Лежал он неподвижно. Лицо залито кровью. В задней части кабины, под колпаком, быстро наполнявшимся бурым дымом, кто-то судорожно шарил по стеклу окровавленными руками. Воронцов подбежал к самолёту и отодвинул заклинившее стекло. Вытащил из кабины стрелка. Тот мотал головой, задышливо кашлял и повторял одно и то же слово:

— Лейтенант... лейтенант... лейтенант...

— Там твой лейтенант, — толкнул его Воронцов вперёд. — Выбросило его из кабины. Вон, вроде ковыряется. Живой.

Через час они снова остановились на отдых. Опустили носилки возле ручья. Бегущая по камням в тени смородинных кустов прозрачная вода завораживала. Хотелось упасть прямо в ручей, лечь грудью на камни и — пить, пить, пить. Так они и поступили. А когда напились и немного отдышались, стали решать, что делать дальше.

— Надо перевязать твоего лейтенанта. Есть чем? А то мухи вон лезут...

Стрелок достал индивидуальный пакет. Рану на лбу тут же промыли. Когда начали бинтовать, лейтенант открыл глаза и спросил:

— Калюжный, ты рацию забрал?

Тот даже вздрогнул. И сказал:

— Разбило её вдребезги, нашу рацию, товарищ лейтенант. Так что ничего там снимать было. Самолёт — в лепёшку.

— Машину надо было взорвать. Или сжечь. Почему ты этого не сделал, Калюжный?

Лейтенанту помогли сесть. Но его ещё болтало из стороны в сторону. Воронцов посмотрел на него и махнул рукой:

— Ложись, ложись, лейтенант. Тебе лежать надо. Головой всё же ударился.

— Сжечь надо было машину, — не унимался лейтенант. — Ты, Калюжный, приказ нарушил. Воспользовался тем, что я находился в бессознательном состоянии.

Воронцов прикрыл раненого своей шинелью. Тот закрыл глаза. Вскоре его начал бить озноб.

— Жар у него. Надо отвар сделать. Но тут костёр разжигать нельзя.

— Пеглицы у тебя курсантские, — кивнул стрелок на шинель Воронцова. — Ты что, курсант?

— Курсант.

— Значит, лейтенанта не успел получить.

— Не успел.

— Я тоже. Нас на лётчиков-истребителей учили. Потом вдруг в срочном порядке начали переучивать на штурмовиков. Ускоренный выпуск. А тут полковник в училище приехал, построили наш курс: на фронтовых аэдроммах не хватает техников и техников-оружейников, если есть, мол, добровольцы, — шаг вперёд. Мне мой земляк и говорит: Федька, давай пойдём техниками, лётчиков скорее убивают. Это точно. Начальник курса наш до ранения летал на “Ил-2”. Так он сказал, что у штурмовиков на фронте самый короткий век. Пять-шесть вылетов, и сбивают. Мы и вышли из строя.

...На носилках тащить раненого было куда легче и удобнее. Правда, приходилось всё же обходить заросли кустарника. Вскоре начались сосновые посадки, и они пошли по просеке. Здесь почти бежали. Снова появилась возможность поговорить.

— Винтовка у тебя немецкая. И подсумки тоже. — Стрелок говорил медленно, задыхливо кашляя почти после каждого слова. Видать, наглотался-таки дыма, отравил что-то внутри. Но после всего пережитого поговорить ему очень хотелось. — Ты что, в разведке, что ли?

— Да вроде бы, — уклончиво ответил Воронцов.

— Это как понимать?

— А так. В разведке... Почти уже год...

— Не понял...

— Потом как-нибудь расскажу. Когда лейтенант очухается. А сейчас вот что скажи: кто наступает, мы или немцы?

— Никто не наступает. — Стрелок закашлялся. Быстрая ходьба влияла на его бронхи плохо: чем глубже он дышал, тем сильнее его душил кашель. — Мы сегодня утром вылетели на штурмовку колонны, которая двигалась к фронту. На обратном пути должны были ударить по переправе. Но колонну застали как раз на переправе. Так получилось. А неделю назад наступали. Но сейчас наступление заглохло. Немцы начали жать. Контратакуют по всей ширине нашего фронта. Видал, сколько техники к передовой гонят?

Значит, ночью он всё-таки миновал и своих и немцев. Прошёл две линии и ничего не заметил. Вот тебе и разведчик.

Стрелок пристально смотрел ему в спину. Воронцов это почувствовал. И понял, что дальше, тем более если очнётся лейтенант, такие ответы не пройдут, и надо будет лётчикам говорить что-то определённое. Но как им расскажешь правду? Кто в неё поверит? Они здесь, по эту сторону фронта, всего несколько часов, а он... Они и войну знают разную. У них она — одна. У него — другая. И он решил молчать, пока не очнётся лейтенант. Всё-таки старшим по званию среди них был лётчик, и уже если кому-то докладывать, то только ему. А сержант-стрелок, которого распирало любопытство и одновременно доминала тревога, подождёт.

— Ты бы потише кашлял, сержант, — предупредил его Воронцов.

— Не могу. Мутит. Внутри будто гарь стоит. Как будто ожог внутри. Дыма наглотался.

— Хочешь воды?

Они остановились. Лейтенант застонал. Воронцов помог ему повернуться набок.

— И фляжка у тебя, курсант, не нашенская...

— А вода? — усмехнулся Воронцов, не сводя со стрелка пристального и холодного взгляда.

— Вода-то в норме, — напряжённо засмеялся стрелок. — Наша водичка. Но её, как известно, и немцы пьют.

Что ж, разговор зашёл в тупик.

— Всё. Привал. Надо разжечь костёр. Лейтенанта колотит. Жар не спадает. Да и ты бохаешь... — Воронцов осмотрел голову лейтенанта, осторожно поддел пальцем бинты. — Рану ещё раз промыть надо. Отваром. Иначе загубим твоего командира.

— А ты, курсант, нас не сдашь? — спросил вдруг стрелок, и в голосе его Воронцов почувствовал страх.

Глава третья

Стрельба в стороне траншеи стала постепенно затихать. Григорьев то привставал на корточках, то снова садился, прислушивался. Там, за деревьями, прогрохотали танки, лоскоча гусеницами. Похоже было, будто трактора возвращались с пахоты. Нелюбин даже прикрыл глаза от внезапных сладких воспоминаний, когда всё в окружающем мире происходило правильно, без особой обиды для людей, когда люди не гонялись друг за другом, чтобы поймать на мушку или всадить в живот штык. Было ж и такое хорошее время. Эх, какое хорошее время было! Ушло. Разом обрезало. В одно утро.

— Григорьев, ты, голову убери. Пока не прошли. А то заметят...

— А видать, поздно, взводный. — Голос сержанта Григорьева разом задеревенел, осип. — Идут... Вон они...

Нелюбин приподнялся на локте и посмотрел туда, куда неподвижным истуканом глядел сержант Григорьев.

И правда, по коровьей стёжке, держа как раз на их осину, под которой они залегли в надежде переждать контратаку, шли трое немцев. Один с автоматом, двое с винтовками. В солнечных бликах поблёскивали гофрированные коробки противогазов, мелькали каски, обтянутые камуфляжной материей и утыканные берёзовыми веточками.

Их повели той же коровьей стёжкой, по которой полчаса назад они пытались уйти в лес и затаиться, переждать контратаку. Немцы шли следом, курили и тихо переговаривались. Вот, Кондрат, и опять опрокинулась твоя фронтовая жизнь, корил себя за малодушие младший лейтенант Нелюбин. Ну что тебе стоило разжать пальцы? Сейчас бы летела душа в рай. И не мучился бы, не мучил бы ни Григорьева, ни себя. Как всё неладно вышло... Господи, как неладно... Сходили, называется, в атаку...

Лес кончился. По чистине их погнали бегом. Немец в кепи с длинным козырьком подтолкнул Григорьева прикладом:

— Schnell, Iwan! Schnell!

Вот и началось, подумал Нелюбин. И сказал Григорьеву:

— А ты думал, нас тут баранками кормить будет...

Григорьев ничего не ответил, а только крепче перехватил взводного под руку и потащил через луговину. Ноги у Нелюбина всё ещё заплетались.

Вскоре спрыгнули в пыльную, разбитую минами траншею, укреплённую изнутри прутьяными матами. По отводному ходу их повели в глубину, к вершине холма. Нелюбин угрюмо смотрел по сторонам и, видя, как основательно, в несколько линий, укрепились немцы на этой проклятой Зайцевой горе, подумал: а мы, дураки, ротой хотели прорвать на всю глубину... Вон сколько пулемётов у них во всех местах порасставлено. Запасные позиции открыты. Блиндажи. Судя по ступеням, глубокие. Не то что у нас, там, внизу, в болоте — только на карачках и влезешь на нары, а под жердями в чёрной воде тритоны плавают. Половину взвода малярия катает от сырости и ночных холодов. Другая половина чирьями покрылась. А вон у них и миномёты спрятаны. Умно, в лощинке, снизу и в бинокль не разглядишь. Но воронок и у них полно. Видно, наши артиллеристы всё же научились засекать их огневые.

Их втолкнули в тёмную землянку, по всей видимости, штабную. И Нелюбин с удивлением обнаружил, что стены внутри землянки обшиты тёсом. Да ещё и струганым. И потолок тёсом забран. Ну прямо — вагон-ресторан. За столом возле керосиновой лампы сидел пожилой немец. В углу молодой

солдат — телефонист, совсем мальчишка. Связист с любопытством разглядывал их. Нелюбин тоже смотрел на него и думал: видать, и у них детей стали в армию забирать. Взгляды их встретились. Немец отвернулся. Следом за ними вошли ещё двое, судя по шитью на погонах, тоже офицеры, но рангом, видать, пониже пожилого. Один из вошедших что-то спросил немца, который их конвоировал. Тот долго рассказывал. Потом указал на младшего лейтенанта Нелюбина, дёрнул его за петлицу. Немцы некоторое время молча смотрели на его руки. Видать, конвоир рассказал им про гранату, догадался Нелюбин.

— Ну что, младший лейтенант, закурим? — вдруг заговорил один из офицеров и вытащил портсигар.

Нелюбин успел разглядеть тот портсигар. Узкий, вполтину меньше обычного солдатского и, должно быть, серебряный. На крышке, которую этот самый не то немец, не то русский ловко открыл перед ним, была выгравирована Спасская башня Кремля и надпись: “Москва”. Что ж, раз дают покурить, надо воспользоваться, подумал Нелюбин. Содержимое их карманов, в том числе и кисеты с табаком, немцы очистили ещё в лесу. Он собрал все свои силы, прицелился и, удерживая дрожь в руке, взял не одну, а сразу две сигареты. Одну тут же передал сержанту Григорьеву, стоявшему рядом.

— Курите, курите, младший лейтенант. — Офицер снял фуражку, бросил её на топчан, застланный красноармейскими шинелями. — И приготовьтесь ответить на некоторые вопросы, которые вам задаст господин полковник. Отвечать советую точно, по возможности кратко.

После допроса их погнали дальше в тыл. Уже вечерело, когда они увидели впереди наполовину выгоревшую деревню. Печные трубы, как аисты, стояли вдоль дороги. Другая сторона уцелела. В огородах, прикрытые нарубленными берёзами, стояли танки, средние Т-IV и несколько бронетранспортеров. Возле “гробов” ходил часовой. Вот бы куда закинуть несколько тяжёлых снарядов, подумал Нелюбин, оглядывая огороды, забитые техникой. Он вспомнил офицера, его безупречно подогнанную форму, тщательно начищенные сапоги и узкий серебряный портсигар. Видать, из господ. Русский. Говорит без акцента. Но и по-немецки лопочет без запинки. Обещал, что нас сразу же после допроса накормят. Где там, хорошо, хоть не расстреляли. А то шлёпнули бы где-нибудь в дальней траншее, чтобы через пару часов не завоняли.

Их загнали в приземистый сарай на краю деревни. В сарае пахло овечьим помётом и извёсткой.

...Конвоиров было двое. Один шёл впереди, другой замыкающим. Вскоре, когда они проходили какую-то полуразбитую деревню, к их колонне присоединили ещё шестерых пленных. Выглядели они совсем неважно. Обросшие, грязные, бледные, оголодавшие. Одеты в тряпье, в котором почти не угадывалась красноармейская форма. Вместо сапог и ботинок обуты кто в опорки из шинельного сукна, кто в обрезанные красноармейские валенки, подвязанные проволокой. И где они раздобыли те валенки? Нелюбин и танкист снова переглянулись, когда поняли, что конвой с увеличением колонны остался прежним. В той же деревне конвоирам передали повозку. Гнедой конь, как видно, кавалерийской выучки, тащил широкую телегу на железных осях. В телеге лежали двое раненых. Нелюбин успел разглядеть лежавшего спереди — пожилого артиллерист, вроде капитан. А может, даже и майор. В петлицах — шпалы. Сколько, не разглядел.

Один из пленных жестами начал уговаривать конвоира, чтобы тот позволил ему сесть на телегу.

— Nein, — сказал конвоир и оттолкнул пленного от повозки.

Тот снова подошёл и указал на ногу. Под разодранной штаниной виднелась грязная повязка. Из-под повязки багровыми ступками сочилась сукровица. Пленный, конечно, понимал, что в таком состоянии он до Рославля не дойдёт. О том, что будет с отстающими, их уже предупредили.

— Пан солдат, разреши ему ехать, — начали просить за раненого его товарищи.

— Плохой он, пан солдат.

— Кранк. Посмотрите на его ногу.

— Не дойдёт же...

— Пожалейте, пан солдат.

Конвоир, видимо, понимал немного по-русски.

— Никт дойдёт? Никт дойдёт? — закричал он и сдёргнул с плеча винтовку. — Дойдёт! Карашо дойдёт!

— Дойдёт, дойдёт, — замахали руками пленные и затолкали раненого в середину колонны.

Шли медленно. Впереди похрустывали на камнях железные обода телеги. Конвоиры через каждый километр менялись. При этом один из них шёл замыкающим и видел всё, что происходило на дороге.

Однажды им встретилась войсковая колонна. Она двигалась к фронту. Кони, запряжённые парами, тащили просторные фуры, выкрашенные в болотно-зелёный цвет. Конвой снова начал окриками и прикладами теснить пленных к обочине. Немецкие пехотинцы с любопытством смотрели на них из-под запылённых кепи. Некоторые, привстав в телегах, прицеливались в пленных, выбирая то одного из них, то другого.

— Пуф, Иван! Пуф!

Немцы весело гоготали. Горячий пыльный воздух над дорогой так и колыхало здоровыми, не знающими ещё никакого горя голосами. А другая колонна тем временем молчала, провожая встречных угрюмыми взглядами.

— Под Зайцеву гору пошли, — заговорили в колонне, оглядываясь на последнюю фуру, на которой лежали пулемёты и какие-то ящики, тоже выкрашенные в зелёный цвет.

— На усиление.

— Маршевые...

— Ишь, весёлые какие.

— Ничего, под Зайцевой и им лапти сплетут...

— Мы туда, к той проклятой горе, тоже весёлые шли, с гармошкой.

А Нелюбин подумал вот о чём: немцы едут на телегах, значит, не может Гитлер все свои войска обеспечить машинами. И танков у них поменьше стало, чем зимой. Тогда вон какой силой пёрли! И где теперь их танки? Он-то знал — под Иневкой да под Мальми Семёнычами. Под Наро-Фоминском да под Вязьмой. Вот где они свои танки растеряли.

В другой раз их догнал санитарный обоз. Также на телегах. Немцы вывозили в тыл своих раненых. Вот тут повеселело на душе и у Нелюбина, и у других пленных. А танкист, проводив цепким взглядом холодных голубых глаз очередную подводку, подхохотнул зло и тихо процедил сквозь стиснутые зубы:

— Это, братцы, называется: сходили на танцы в чужую деревню...

Понял ли что конвоир, или понял по-своему, но ехавший впереди немец вдруг соскочил с телеги и пошёл гулять прикладом — по головам, по плечам, по выброшенным вперёд рукам. Не понравилось.

— Тебя как зовут, танкист?

— Демьяном, — ответил тот, трогая свою засохшую ссадину над глазом. — А ты разве не слышал, как меня мои ребята окликают?

— Слышал. А теперь от тебя самого услышал. А меня — Кондратом.

— Ну и что, Кондрат, ты мне хорошего скажешь? — скосил цепкий взгляд Демьян.

— Да ничего пока.

— То-то и оно-то, что половина колонны уже никуда не побежит. А некоторые действительно верят, что в Рославле их гречкой с маслом сливочным кормить будут. А что мы им, Кондрат, можем предложить против котелка горячей гречки на сливочном масле?

— Да я бы и сам сейчас хорошенько присел возле такого котелка.

— Какая ж живая душа такому не возрадуется?

Прошли ещё километр. Километры Нелюбин считал по сменам конвоиров на телеге.

Солнце палило над дорогой, мучило жаждой и без того выбившуюся из сил колонну. И когда впереди, в долине, в ольхах, блеснул ручей, пленные,

сгрудившись и сбивая шаг, инстинктивно шатнулись всей своей зыбучей массой к обочине. Конвоиры сразу всё поняли.

— Steht! Стоять! — скомандовал старший конвоир.

Немцы о чём-то переговорили. Второй конвоир взял у старшего фляжку, отстегнул от ремня свою и спустился с насыпи вниз, к ручью.

— Ну, Григорьев, приготовься.

— Давай, взводный, сперва напьёмся. А так сил никаких нет.

Но к ручью их отпустили не всей оравой, а только по три человека. Второй конвоир жестом командовал очередной шеренге, вскидывал винтовку и внимательно следил за тем, чтобы никто из пленных не переходил на сторону ручья и не заступал дальше стёжки на затоптанном берегу. По всему было видно, что здесь, через этот лесной ручей, прошли уже тысячи людей. И технология водопоя у охраны уже была хорошо отработана. Старший конвоир тем временем сидел на фуре и курил. Винтовка лежала у него на коленях. Нет, понял Нелюбин, здесь бежать не получится. Дальше, там, за ручьём, болотина, быстро не побежишь. Пристрелят. Вот если бы кто-то бросился на того, который сидит на телеге, мы бы с Григорьевым со вторым как-нибудь справились. Демьян тоже крутил головой, хмуро освещивал своим холодным взглядом. И, когда, наконец, подошла их очередь, тихо обронил:

— Тут нельзя.

Вода в ручье была холодной и такой желанной, что Нелюбин припал к ней иссохшими губами и начал с такой жадной силой захватывать её вместе с сором и мутным дымком илистого дна. Кто-то из лежавших здесь до него, видать, неосторожно ступил в ручей ногой. Но мутная вода была всё же водой. Хотя и пахла илом. Вот бы такой, мутненькой, после каждого километра...

— Хороша водичка, — утёр свой небритый рот Демьян.

— Григорьев, давай котелки, — приказал Нелюбин.

Сержант мигом развязал “сидор”, выхватил оттуда котелки. Они возвращались в строй с котелками, наполненными водой. Многие потом по их примеру делали то же. Черпали воду кто в консервную банку, кто в каску, а кто просто в ладони. Что ж, и из ладоней, если крепко их держать, можно было сделать ещё полтора-два хороших глотка.

И тут произошло вот что. Раненый, которого всё время вели его товарищи в середине колонны, тоже спустился с насыпи. Он лёг прямо в воду и пил не переставая. Блестел на солнце его потный, в грязных потёках стриженный затылок, судорожно дёргалась жила на напряжённой шее. Двое красноармейцев из его тройки, напившись, стали поднимать его. Но он оттолкнул их. Второй конвоир, внимательно следивший за очередностью и всё время потопрапливавший пленных, крикнул:

— Steht!

Но раненый не вставал. Казалось, уже ничто, никакие окрики и угрозы не смогут разлучить этого невыносимо измученного жаждой и недомоганием человека с тем желанным, что возвращало ему жизнь. Товарищи снова начали тормозить его. Но конвоир сделал жест, чтобы они отошли в сторону.

— Застрелит... Он же сейчас его застрелит!

— Что же он делает!

— Эх, сволочь! — загудела колонна угрюмыми голосами.

Конвоир подошёл к обрывистому краю насыпи, вскинул винтовку. Раненый устало повернул голову и, шурясь, посмотрел на него. Всё он, видимо, сразу понял. И... снова прильнул к воде. Судорожно двигались его бледные, заросшие грязной щетиной скулы.

Выстрел в одно мгновение прервал все сомнения и надежды. Пуля ударила прямо в стриженный затылок и, пройдя навывлет, разбросала по затоптанному кочкам берега брызги серого ила. Через мгновение подбежала очередная тройка. Хрипя от жажды, они перетасили тело своего товарища в заросли таволги и принялись пить из бочажины, в которой ещё не осела розовая муть.

В колонне кто-то вздохнул то ли с жалостью, то ли с облегчением:

— Только зря таскали...

До ближайшей деревни, где колонну застал вечер, шли молча. Второй конвоир, тот, который расстрелял раненого, сменив на повозке своего товарища, пикивал на губной гармошке какую-то незамысловатую весёленькую мелодийку. Ни о чём он уже, видать, не думал.

— Вот сволочь, ему хоть бы что...

— Да они нас за людей не считают.

— Людей от нас, ребятки, сразу отделили, — подхватил настроение колонны Нелюбин. — А мы... Кто мы для них? Пыль дорожная.

Нелюбин, пользуясь тем, что конвоиры были сравнительно далеко, и ещё хотел сказать что-то, чтобы подбодрить идущих рядом, а заодно и прощупать, кого бы ещё можно подбить на побег, но Демьян толкнул его в бок и сказал тихо:

— Не надо, Кондрат, не хлопочи. Тут половина добровольно к немцам перешли.

— А что ж они из строя не вышли, когда их в роту, на хороший харч, поманули?

— А ты не понял? Не хотят они воевать. Ни за белых, ни за красных. Рассчитывают, что войне скоро конец. А там — новая власть. Всё всем пишется. А им — в первую очередь. Потому как винтовки добровольно покидали. Так что ты тут со своей агитацией поосторожней. Впятером пойдём.

А танкист малый тёртый, подумал Нелюбин, глядя на серые, унылые поляны вокруг, и, пожалуй что, прав. Его надо держаться. Его и его ребят.

За полянами, выжженными солнцем, пошли болота, потянулись заросшие бурым хвощом бесконечные кочкарники с польньями, затянутыми нежно-зелёной ряской. И вот, наконец, за болотами показалась деревня.

Когда они подходили к деревне, солнце уже провалилось за дальний лесной окоём. Сразу заглодало. Осень всё же сказывалась. Днём стояла августовская жара, как будто лето, уходя, торопливо растрачивало свои нерастраченные запасы. А по ночам, в низинах, уже прихватывало белым. Взводу младшего лейтенанта Нелюбина буквально на днях выдали ватники. Правда, не всем. У кого были ещё годные, не особо изношенные шинели, ватников не досталось. Но в атаку, через сухой ручей, большинство пошли налегке, побросав в окопах и скатки, телогрейки. Оставил свой новенький ватник и Нелюбин. Теперь горевал: кто-нибудь, должно быть, уже прихватил его одежду. Жалко. Сейчас бы вон как сгодились.

На ночь их загнали в конюшню, закрыли ворота и заложили тяжёлой завалкой снаружи. Немного погода немец, застреливший возле ручья раненого, просунул им в окно полмешка ржи. Плохо вымолоченная, напололам с мякинами и остью, она, эта скудная ржаная пайка, оказалась всё-таки нечаянной радостью, так что Нелюбин, слизывая с ладоней пахучие зёрна, втайне благодарил конвоира. Он понимал, что эти полмешка несортowego фуражного зерна — не их пайка. Зерно предназначалось, скорее всего, для лошади. Стало быть, немец кормил их лошадиным фуражом из жалости, а не потому, что пленные тоже люди и им положен какой-то паёк, чтобы не умерли с голоду и чтобы дошли до Рославля.

Окно, сизо поблёскивавшее в ночи и пропускавшее вовнутрь свет звёздного неба, вскоре забили досками. Забывавшие окно ругались по-русски. Гвозди им попались гнутые, и они ими никак не могли пробить берёзовые горбыли, видать, засохшие за лето до костяной твёрдости. Охраняли конюшню местные полицейские. Рушились надежды и на ночной побег.

Глава четвёртая

Дождь с механическим звоном сёк по ельнику и кустам жимолости, тяжёлыми каплями падал на землю, шевеля коричневые еловые иголки. Лейтенант спал. Его стрелок терпеливо стоял под елью неподалёку и тоже дремал. Воронцов сидел возле костра, время от времени подбрасывал сухой хворост и слушал лес. Винтовка лежала рядом, и это успокаивало. От костра исходило тепло. И это уютное тепло, и спокойное дыхание лейтенанта, и ти-

хий шорох дождя, — всё слилось в одно, стало теснить внутри каким-то внезапным, сильным чувством, от которого он отвык, и, чтобы избавиться от него или хотя бы обмануть его, Воронцов начал думать о Зинаиде и Уле, о Пелагеиных сыновьях и всех, кто остался на хуторе. Улиту он только в мыслях научился называть дочерью. Зинаида однажды сказала:

— Поговори с ней. Она ведь очень любит, когда с ней разговаривают. Вот попробуй, скажи ей что-нибудь.

— Она же ничего не понимает, — возразил он.

— А посмотри, как она радуется, когда слышит твой голос.

— Разве она меня узнаёт?

— Она тебя узнаёт даже по запаху.

Не надо ни о чём думать, остановил он себя, чувствуя, что мысли о родных меняют окраску и завладевают в нём тем, что должно принадлежать только ему одному, и только тому, кто он сейчас есть. Только его воле. Он смотрел, как капли дождя падают на угли, оставляя на них тёмные пятна, как те пятна дрожат, мгновенно меняют цвета и вскоре исчезают вовсе. Вот так и жизнь человека на войне — не больше той дождевой капли в костре; иная хоть на угле померцает, а другая просто бесследно исчезает в пламени... Воронцов вдруг вспомнил, как год назад они хоронили Селиванова. Вспомнил, как его ранило, как Селиванов вскрикнул удивлённо и испуганно: “Р-б-б-б! Кажется, я ранен!” Теперь эти слова плыли в нём новым мучительным паводком, затоплявшим всё. Первые убитые запомнились больше всего.

Пора было сменить Калюжного, пусть поспит у костра. Воронцов встал и потянулся за винтовкой. И в это время в глубине ельника, в противоположной стороне треснул сучок. Нет, это был не случайный звук. Так ломается придавленная ногой сушина. Воронцов медленно опустился на землю и залёг за елью. Сдёрнул с оптического прицела парусиновый чехол и начал всматриваться в прогалы между стволами деревьев и зелёными наплывами кустарников. Вот качнулась ветка орешины, и человек в красноармейской телогрейке и надвинутой на уши пилотке перебежал от одного дерева к другому. Замер. Снова появился. Оружия в руках нет. За плечами вещмешок. Воронцов крепче придавил к плечу приклад и поймал в окружность прицела высокую фигуру. Да, оружия у него нет. Воронцов повёл прицелом вначале влево, потом вправо. Никого. Значит, один. Он снова поймал его в прицел. В лице и осанке человека в зелёной телогрейке, который, должно быть, заметив их костёр, теперь старался обойти его стороной и скрыться в орешнике, Воронцову показалось что-то очень знакомое, что он не просто вдруг узнал, а вспомнил. Это же Смирнов! Стёпка Смирнов! Что он здесь делает? И как его окликнуть? Сейчас ведь уйдёт... И, словно тугой сучок в глаз, селанула мысль: а если он не один? И если не один, то с кем? Если Стёпка выжил после Угры, то с кем он теперь? Если перешёл через фронт, то понятно. Послан в разведку. Местность он здесь знает неплохо. А если не вышел? Почти год война мотала Воронцова по окопам, лесам, деревьям и дорогам то по ту линию фронта, то по другую. За это время узнал и насмотрелся многого. И потому сейчас, увидев в орешнике крадущегося Смирнова, Стёпку Смирнова, бывшего командира третьего отделения курсантского взвода, а потом диверсанта из боевой группы Радовского, Воронцов мог предположить всё что угодно.

Воронцов вскочил на ноги и, прячась за деревом, перебежал к часовому. Калюжный всё так же дремал, привалившись плечом к дереву.

— Сержант, — окликнул его Воронцов, стараясь не выдать своего смещения, — иди к костру. Я подежурю.

Калюжный тут же побежал к костру, на ходу подхватывая сухие сучья.

А Воронцов пошёл вдоль тёмной непроницаемой гряды старых елей, за которыми открывалась узкая поляна или лощина, заросшая таволгой и крушиной. Вскинул винтовку: голова в глубоко надвинутой пилотке какое-то время колыхалась над порывевшими зонтиками таволги, а потом исчезла. Появилась снова, но уже правее. Оглянулась. Стёпка! Смирнов! Да он же! Он! Воронцов даже привстал и, не отрываясь от оптического прицела, сделал несколько шагов в заросли таволжника, когда увидел знакомый шрам

на лице убегающего от него человека. Ошибки быть не могло. Там, в конце лощины, бежал, часто оглядываясь, его боевой товарищ, Степан Смирнов, командир третьего отделения их погибшего под Юхновом взвода.

— Степа-а-ан! — кричал он что было сил, теряя осторожность и самообладание. Но тут же присел и, держа винтовку наготове, лихорадочно огляделся по сторонам. Кругом тихо. Ни звука, ни движения.

Через минуту голова в линялой пилотке, глубоко надвинутой на голову, выглянула из рыжего таволжника чуть левее, огляделась по сторонам и снова исчезла. И Воронцов понял, что Смирнов услышал его голос и возвращается.

— Степан! Иди к ёлкам и ничего не бойся! Это я! Воронцов!

— Санька? Как ты оказался здесь? — Шрам на подбородке Смирнова дёргался, натягиваясь в судорожных движениях, как будто под тонкой, как намокшая папиросная бумага, кожей пульсировал какой-то беспокойный нерв.

— А ты?

Когда они вернулись к костру, стрелок менял повязку на голове лейтенанта. Тот сидел уже не на носилках, а под елью, на охалке лапника, и встретил Воронцова и Смирнова напряжённым взглядом воспалённых глаз.

— То ты, курсант, один был, то вас уже двое... — Калюжный покосился на носилки, где лежал пистолет лейтенанта.

— Это мой напарник.

— Тоже курсант? — усмехнулся Калюжный.

— Тоже.

— Мутные вы ребята.

Воронцов и Смирнов никак не могли привыкнуть к тому, что судьба снова свела их вместе. Они радовались этой встрече и в то же время оба понимали, что впереди их ждут нелёгкие испытания. Там, возле тёмной гряды ельника, они успели рассказать друг другу многое. И дальше, что бы ни случилось, решили идти вместе.

Они пробрались к обмыску леса и затаились, прижавшись к земле, пахнущей прелой еловой хвоей и грибницей. Паутины, унизанные бисером росы, висели над головой, дрожа и раскачиваясь от неуловимого движения воздуха, и мешали обзору вправо и влево. И когда Воронцов расчехлил прицел и провёл им слева направо по всему сектору, ничего, кроме серой мглы и редких тёмных пятен выступающих на той стороне дороги кустов, не увидел. Туман прогоняло по дорожной просеке как в трубу, рваные клоки тащило мимо берёз, закручивало вокруг зарослей бурьяна. Вот-вот должно было встать солнце, и оно, быть может, уже стояло над дорожной просекой, но тяжёлый туман, сгрудившийся над шоссе, мешал ему взглянуть на землю и на всё, что здесь, внизу, происходило.

— Ну что, курсант? — ворохнулся на носилках лейтенант. — Что там? Видно что?

— Видно. Туман вокруг. Сейчас пойдём.

Смирнов и Калюжный уже взялись за ручки носилок, а Воронцов с винтовкой переместился левее, ближе к просеке, чтобы лучше контролировать дорогу, когда вдали послышались моторы. Шла колонна. Это сразу стало понятно по мощному однородному гулу. Когда в одном режиме работает больше десятка моторов, то всегда кажется, что слышишь звук одного, очень мощного. Потому и слышится он далеко.

— Тихо.

— Можно проскочить. Успеем, курсант!

— Лежать. Замереть.

И вот, буквально через мгновение, на дороге послышались голоса и шуршание лёгких шин. Из тумана, как из опрокинутой реки, выкатились велосипедисты. Пять или шесть, Воронцов даже не успел их сосчитать. Они ехали парами и беспечно болтали. У одних винтовки торчали над их пилотками, надвинутыми на уши. У других оружие болталось на ремнях спереди. Внезапное появление немецких велосипедистов, чужая речь, мгновенная мысль о том, что это — передовое охранение, которое шестью или семью парами глаз сейчас осматривает каждый придорожный куст, каждый бугорок и ка-

навку, заставили Воронцова и всех, лежавших под елями, буквально вдавить свои тела в землю, раствориться среди россыпей еловой хвои и кочек, обросших лишайником и редкой долговизой травой. Велосипеды прошуршали мимо, оставив едва уловимый запах табачного дыма.

— Всем — замереть. Будем пережидать колонну.

Колонна шла медленно, с потушенными фарами. Впереди, задрав вверх раструб тяжёлого пулемёта, мчалась танкетка. Из люка торчала голова в чёрной пилотке. Наблюдатель. На груди у танкиста висел бинокль. Немец держался за поручни и крутил головой. Следом за танкеткой прошла зенитная установка. За ней два средних танка. А потом — нескончаемым потоком грузовики, закрытые высокими плотными тентами.

Прошло уже около часа, а колонна всё продолжала двигаться в сторону Юхнова. Брезенты некоторых грузовиков сзади были откинuty, и Воронцов видел ряды бледных, запylённых лиц солдат в глубоких касках, стволы винтовок, зажатых между колен. Вот так когда-то к фронту ехали и они, курсанты шестой роты. И было это год назад. И ехали они тоже к Юхнову. Только с другой стороны. Наконец прогрохотал гусеницами замыкающий танк, и рокочущее, вибрирующее на басах эхо в лесу стало затихать. Но через несколько минут снова зашуршали по дорожному покрытию велосипедные шины, и новая группа велосипедистов молча проследовала тем же курсом. Туман уже рассеялся, как будто колонна грузовиков и бронетехники разрежала его вдоль, искромсала, разогнала по обочинам и ложбинам. Над лесом засияло солнце, разом озарив окрестность. Заблестела трава и паутины, растянутые по опушке леса. Стало явным то, чего в тумане невозможно было разглядеть и в двух шагах. Паутины изгибались под тяжестью нанизанного на них тумана, колыхались и время от времени взблёскивали, как только что отлитые из серебра нити. Вид облитой молодым утренним солнцем опушки настолько напомнил им, лежавшим здесь в ожидании перехода, совсем недавнее довоенное прошлое, что они не могли оторвать от просеки глаз и зачарованно ждали, что будет дальше.

Воронцов повёл прицелом по колонне. Туман прикатал пыль, и теперь видимость на дороге была хорошей. В песчано-зелёной массе выгоревших гимнастёрок отчётливо выделялись чёрные комбинезоны танкистов. Они шагали рядом, трое. А с ними, в крайней правой колонне, четвёртым или пятым от направляющего тяжело передвигал усталые ноги пожилой боец с лицами младшего лейтенанта. Худощавое загорелое лицо, несколько суток небритая щетина действительно напоминали бывшего бойца его взвода. С тех пор, как они расстались, прошло полгода. Война меняет многое, не только людей. Но людей — в первую очередь. А вот старшина Нелюбин, кажется, не изменился совсем.

— Действительно, похож на нашего Кондратия Герасимовича, — осторожно заметил Воронцов. — Правда, этот — младший лейтенант.

— Помнишь, он рассказывал, что учился на курсах младших лейтенантов. Он дедок шустрый. Ты вспомни, как он на льдину вскочил! Ну что, он или не он?

Воронцов провёл перекрестьем прицела в хвост колонны, где обочиной, в сбитой на затылок кепи, шёл замыкающим конвой, потом снова вернулся в середину. Нелюбин. Конечно, он. Старшина. То, что вчера в лесу он вот точно так же, в прицел, разглядел своего боевого товарища и друга по курсу Степана Смирнова, было такой неожиданностью, что Воронцов ещё никак не мог привыкнуть даже к мысли о том, что теперь они снова вместе. Но что там, на дороге, в колонне пленных, которых немецкий конвой гонит куда-нибудь в Спас-Деменск или в Рославль, сейчас, в эту минуту идёт и с каждым мгновением и шагом приближается к ним всё ближе и ближе Кондратий Герасимович Нелюбин, их добрый и не унывающий старшина, в это поверить было почти невозможно.

— Он. — И в горле у Воронцова в одно мгновение пересохло, как перед атакой. — Что будем делать? А? Стёп?

У Воронцова уже возник план, но в одиночку его осуществить было нельзя.

— Пусть пройдут. Перенесём лейтенанта. А там посмотрим. Идут они медленно. Догоним. Только вот с одной винтовкой...

— Ничего. Охранников всего двое. Стреляешь ты хорошо...

Колонна шла с кашлем и стонами. Воронцов и Смирнов, теперь уже не в прицел, внимательно разглядывали идущих. В пятой шеренге крайний справа шёл Кондратий Герасимович Нелюбин. Теперь они уже не сомневались в этом.

Глава пятая

Колонну они догнали быстро. Зашли немного вперёд, чтобы отдышаться, и залегли в кустах крушины.

— Сань, помни, у тебя два выстрела.

— Знаю.

Они переглянулись и увидели в глазах друг друга то, что видят перед атакой, когда ничего уже изменить нельзя. Смирнов вытащил из-за пазухи ТТ и дослал патрон в патронник. Воронцов снял с прицела чехол, аккуратно сложил его и сунул в карман. Его первый патрон был уже в патроннике. Стрелять надо, когда колонна поравняется с ними. Тогда оба конвоира окажутся в зоне его огня. Тогда и Степан сможет помочь ему, если после первого выстрела что-то пойдёт не так. Хотя для пистолета расстояние до колонны всё равно оставалось критическим.

Телегу тащил гнедой кавалерийский конь. Конь так же, как и пленные, порядком уже устал, бока его потемнели и западали. Немец дёргал вожжам и покрикивал.

— Сань, — шептал Смирнов, — ты посмотри, какой конь... Коня не задень.

Конь, что и говорить, был хорош. Конь им очень даже нужен.

Воронцов придавил к плечу приклад "маузера", и все сомнения, которые только что одолевали его, отлетели прочь. Рука уже не дрожала. Левый висок конвоира плавал в его прицеле. Розовый, с синей веточкой вспухшей от жары вены, наполовину прикрытый пилоткой, обрамлённой тёмной неровной полоской пота. Воронцов сделал небольшое упреждение и надавил на спуск. Спуск у винтовки оказался плавным, и пуля, не отклонившись ни на сантиметр, вошла точно над ухом. Пилотка слетела с головы конвоира, а сам он сунулся под ноги коня, и тот, то ли почувствовав кровь, то ли удила больно врезались в его дёсны, шархнулся в сторону, опрокинул телегу и понёс вдоль кювета.

Второй конвоир тут же залёг и начал лихорадочно высматривать, откуда стреляли. Но уже через мгновение хлестнул второй выстрел, и пробитая его пилотка сползла на затоптанную дорогу.

Колонна остановилась, и, когда уронил голову и второй конвоир, половина пленных тут же ринулась к лесу. Остальные попадали прямо на дороге, обхватив руками головы. Выстрелы Воронцова поделили колонну на две части. И теперь обе части решали свою судьбу сами.

Воронцов вскочил на колени, выбросил из патронника пустую гильзу и заметил, как группа, человек семь, в которой были танкисты и тот, ради которого они пришли сюда, перемахнули через придорожный кювет и рассыпались по просеке. Но вдруг двое из них остановились и кинулись к лошади.

Выстрел рассёк тяжёлые мысли младшего лейтенанта Нелюбина как раз в то мгновение, когда танкист сказал, что больше тянуть нельзя и что, если он сомневается, то они побегут одни. Нелюбин вдруг увидел, как шархнулся с дороги конь и как поволоклось под телегой зацепившееся за передок тело старшего конвоира. Вначале ему показалось, что их обстрелял самолёт и что звука мотора он просто не услышал из-за контузии. В ухах опять гудело и покалывало, как от простуды. Но потом увидел, как дымок ещё одного выстрела плеснул из-за куста, и человек в красноармейской гимнастёрке встал из травы и передёрнул затвор винтовки. В следующее мгновение его

сбили с ног и один из танкистов подхватил его за воротник и потащил с дороги на обочину. Там они кубарем покатались вниз, под насыпь.

Нелюбин бежал вместе со всеми, перепрыгивая через кочкарник и берёзовые пеньки, стараясь не упасть и не угодить кому-нибудь под ноги. Но, чем ближе они подбегали к лесу, тем очевидней становилась мысль о том, что и там, в лесу, без оружия они всё равно беглые бараны, а не бойцы. И он отыскал лихорадочным взглядом бегущего рядом Григорьева и крикнул ему:

— Сержант, к повозке! Винтовку надо!..

И они побежали к повозке, опрокинутой неподалёку. Раненые копошились в кювете. Немец неподвижно лежал под передком, зацепившись ремнём за крюк. Винтовка висела на его окровавленной шее.

Нелюбин ловко, по-кошачьи прыгнул под телегу, сдёрнул с убитого винтовку. Григорьев тем временем расстегнул ремень с подсумком и кинжальным штыком.

— Ранец возьми! — рывкнул Нелюбин и выхватил из рук Григорьева ремень.

В лес они бежали уже вчетвером. Следом за ними какие-то бойцы вели выпряженного коня. На пленных они похожи не были. И уже в березняке, когда можно было перевести дыхание, он спросил их:

— А вы, ребяташки, кто такие будете?

— А мы, Кондратий Герасимович, шестой роты курсанты Смирнов и Воронцов! — радостно закричал ему в ответ Степан.

— Ох! Это ж опять спаситель мой! Опять тебя Бог прислал! Стёпушка ж ты мой родимый! Дай же я тебя обниму! — И Нелюбин повис на плече у Смирнова и некоторое время так и бежал, прилипнув к своему спасителю.

Ночью они сидели возле костра и разговаривали. Котелки уже были опустошены по нескольку раз. Всё, что удалось прихватить у немцев, а также припасы Смирнова, было пущено по кругу. Лейтенант спал на носилках. Чтобы он не мёрз, носилки поближе подтащили к костру. Танкисты и четверо бойцов спали вповалку на лапнике. Калюжный и Григорьев с винтовками ушли в охранение. Спать не ложились только трое: Воронцов, Смирнов и Нелюбин.

— И как же это вы нас, милыи вы мои, подкараулили! — мотал головой Нелюбин и тут же, с тем же внутренним ликованием продолжал: — А я всегда говорил, что товарищ на фронте для солдата — первая и самая близкая родня! Боевого испытанного товарища солдату на войне Бог даёт! А то, что Богом дадено, вот так беряжить надобно! — И Нелюбин сжал кулаки и потряс ими.

За полуночью разговор стал тускнеть. Всё, что шло от души, сказалось, а то, о чём все трое думали, но о чём пока молчали, угнетало. И вот Нелюбин, чувствуя, что подошли уже к краю, разорвал эту тягучую паутину:

— А куда ж, ребяташки, мы теперича пойдём?

Воронцов и Степан молча переглянулись.

— Я так думаю, что выходить нам надо где-то возле Зайцевой горы. Хоть там и самая бойня, и войска все сгрудились, но там и полк мой. А ежели где в другом месте переходить, ещё неизвестно, каким карим глазом на нас посмотрят.

— До Зайцевой горы ещё дойти надо. Сколько дотуда километров?

— Примерно сорок, сорок пять.

— Два перехода. Если по прямой. Но таких дорог не бывает. Да и нельзя нам по дорогам идти. А у нас раненый. Да и кормить людей уже завтра утром чем-то надо.

— И то правда, и то, а идти, ребяташки, — надо, — подытожил Нелюбин и хлопнул Воронцова по коленке. — Поведёшь ты. У тебя уже опыт есть. Народ у нас подобрался надёжный. Одни танкисты чего стоят. У них, имей в виду, младший сержант хороводит, Демьяном зовут.

Утром Воронцов построил свой отряд. Встал и лейтенант. Его ещё пошатывало. Но он уже был полон решимости дальше идти своим ходом. В строю оказалось пятнадцать человек, с Воронцовым — шестнадцать. В боевых условиях — взвод. Потому что на передовой, Воронцов это знал, через неделю боёв во взводе редко остаётся больше половины личного состава.

...Отряд всё глубже уходил в лес. Шоссе уже не окликало их своими звуками, каждый из которых таил опасность, угрожал погоней или слепой пулемётной очередью. Воронцов вёл взвод по компасу, время от времени сверяя маршрут по карте. Старая дорога, по которой они шли, на карте не значилась. Она уводила их всё глубже в лесной массив, но что было там, в конце её, никто не знал. Воронцов выслал вперёд разведку: Степана и Полёвкина. Через час те вернулись.

— Лучшего места для привала не придумаешь, — доложил Степан. — Километрах в двух отсюда — луга и брошенная усадьба. Видимо, до колхозов хутор был.

— Стреления какие-нибудь остались?

— Сарай. Банька. И погреб. Дома нет. Видимо, перевезли куда-нибудь в ближайшую деревню.

— А дальше дорога куда уходит?

— Дороги дальше нет. Мы обошли хутор по всей округности — другой дороги, кроме этой, не обнаружили. Может, и была, но заросла. Хутор заброшен давно.

Обоз продолжал двигаться вперёд, и вскоре Воронцов, шедший в головном дозоре, в расступившейся лесной просеке увидел простор довольно обширного луга. Точно так же год назад он вышел к Прудкам. Только тогда простор, вот так же внезапно распахнувшийся перед ним, был ослепительно-белым, ярким — всюду сиял снег. А здесь всё казалось более скромным, меньшим по размерам. Но душа вздрогнула точно так же.

Воронцов приказал занимать прируб и баню. Коней распрягли и отогнали в лес, в лоцину, пастись. А телеги, вывернув из них оглобли, закатили в сеник. Под раковой возле бани развели костёр и заварили в ведре густую мучную болтушку, сдобренную мелко нарезанными кусочками сала. Это был первый горячий обед. Кухню и лошадей Воронцов поручил Нелюбину. Демьяну — охрану пленных.

Немцев заперли в погребе. Выставили часового.

Лейтенанта перенесли в баню. Воронцов нагнулся к носилкам, спросил лётчика:

— Горичкин, ну как ты? Держишься?

— Хреново. Знобит, — ответил тот нехотя и отвернулся.

— Ты держись. Немного осталось. Скоро перейдём. А там тебя сразу в госпиталь.

Конечно, лейтенант понимал, что без врачебной помощи ему с такой раной жить недолго. Срочно нужен врач. Лицо лётчика распухло. Губы посинели. Врач. Хотя бы фельдшер. Но где его возьмёшь? И тут Воронцов вспомнил, как в дороге один из немцев, тот, который во время захвата был мертвецки пьян и очнулся только в лесу, часто поглядывал на повозку с лейтенантом. Однажды подошёл к нему и что-то сказал, указывая на повязку. Что-то его не устраивало либо в том, как была наложена повязка, либо он всё же имел в виду состояние раненого. Но Калюжный оттолкнул немца, видимо, думая, что тот снова претендует на то, чтобы его везли на телеге. Немец покачал головой и снова дважды повторил незнакомое слово. Он сказал: "Eine Geschwulst". Гешвульст, гешвульст, повторял про себя Воронцов, пытаясь выловить из памяти перевод этого слова. Опухоль! Точно, немец сказал, что у лейтенанта начинается опухоль! Значит, он хотел их о чём-то предупредить. А может, он, тот проспавшийся пьяница, и есть фельдшер или даже врач?

Воронцов приказал танкисту, охранявшему дверь в погреб, вывести пленных.

— Wir haben Krank, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Wir mochten Arzt. Helfen Sie wir bitte.

— Ich bin Arzt, — тут же ответил немец. Обут он был в опорки, которые оставил ему Полёвкин после того, как стащил с него, спящего, сапоги.

— Gehen sie mit, bitte, — сказал Воронцов и кивнул ему на баню.

Калюжный сидел на порожке и тоскливо смотрел в овраг, который начинался сразу за баней, огибал дуг и уходил сосняк, поднимавшийся сплош-

ной высокой стеной в полукилометре от хутора. По лицу стрелка было видно, что лейтенанту стало совсем худо.

— Вот, Каложный, доктора привёл.

— Да разве ж он доктор? Пьяница горький!

— Самые лучшие доктора всегда — пьяницы. Ты разве не знал? У нас в районе хирург до войны был. Так он без стакана спирта к больному не подходил. Вот так, Каложный. Тоже, между прочим, имел немецкую фамилию.

Каложный внимательно посмотрел на пленного.

— Думаете, он соображает?

— А посмотри на его руки. — И Воронцов кивнул немцу: — Der Argm... Zegen Sie mir der Argm.

Немец протянул руки. Пальцы его дрожали.

— Да, — покачал головой Каложный, наблюдая за тем, как ходили ходуном пальцы пленного немца, — сильно он там, в деревне, перебрал. Тут не одним стаканом пахнет.

— Не туда смотришь, Каложный. Видишь? Жёлтые пятна на кончиках?

— Так это, может, от курева.

— Да нет, Каложный, это следы йода. Будешь ему помогать. Делать всё, что он скажет. Понял?

— Вас-то я понял, а как я его пойму? Он же ни бельмеса по-русски.

— А ты с ним по-немецки поговори. Кому врач нужен, нам или им? Ты в школе какой язык изучал?

— Немецкий.

— Ну вот и примени свои знания.

Каложный помялся:

— Тройка у меня по-немецкому была. Но несколько фраз я помню точно.

— Например?

— Ви хайст ду? Их хайсе Федя. Ну, и так далее.

— Ну, этого, Федя, тебе будет вполне достаточно. Ты всё поймёшь. Хочешь, чтобы лейтенант выжил? Дюбин вас будет охранять. Посидит тут с винтовкой.

Бойцы уже сидели вокруг костра и хлебали из котелков и касок густое нелюбинское варево.

— Кондратий Герасимович, — окликнул Воронцов Нелюбина, хлопотавшего вокруг ведра, — ты сразу-то не перебарщивай. Не ели, небось, по несколько суток. Понемногу им сейчас надо. Пусть поспят пару часов, а там снова покорми.

Они пододвинули металлический ящик поближе к костру, откинули крышку. Три автомата, девять рожков, цинк с патронами, три сапёрных лопаты, три противогАЗа.

— Ох! Гожий же сундучок вы, ребяташки, нашли. — Нелюбин открыл один из противогАЗов. — А тут, видать, лекарства. Бинты вот, порошки. Может, и для лейтенанта что гожее есть? А, командир?

— Гожее, гожее. Тащи-ка из подвала немца.

— Хвершал там, в бане ночует. Рядом с лейтенантом. Там его Демьян держит.

Привели пленного. Тот схватил медикаменты и тут же побежал назад, к бане.

— Похоже, что и правда — настоящий доктор. Вон как старается.

— Он знает, за что старается. — И Воронцов окликнул часового, бегом поспешавшего за немцем: — Дюбин! Ты там не усни смотри. А то тебя немец будить не станет...

— У меня, командир, скорей он уснёт, — отозвалась темень.

— Что будем делать с немцами, курсант? — Нелюбин снял с палки ведро и прикрыл его сверху тряпицей.

— В костёр больше не подбрасывай. Хватит. Демаскирует. — Воронцов встал, взял с пенька котелок, вытащил из-за голенища ложку и принялся хлебать нелюбинский кулеш. — Спасибо, Кондратий Герасимович. Продукты вы не испортили. А с голодухи очень даже вкусно.

— Ну, конечно, не ротный повар, но при котле, в наряде, бывать случалось.

— Главное, не отошаем. Может, так и доберёмся до своих. Лесами. А там где-нибудь дырку найдём. Проскочим.

— Так что с немцами? Ребята на них косятся. Боюсь, ночью порежут.

— Немцев с собой поведём. Сдадим как пленных. Зачтут. За них Петров головой отвечает.

— Может, этот пьяница ихний лейтенанта нашего выходит. Всё же какая-никакая — польза.

На хуторе, вопреки первоначальному намерению выступить к фронту следующим же вечером, они простояли ещё несколько дней. Назавтра в полдень лейтенант Горичкин встал на ноги и, держась за притолоку, выбрался из бани. За ним следом вышел немец. Ноги лейтенанта тряслись. Немец его поддерживал.

Глава шестая

Фронт был рядом. По звукам, доносившимся из селений, которые они из предосторожности обходили стороной, по редким взрывам шальных снарядов, прилетавших с той стороны, из-за Варшавки, стало понятно, что они вышли в ближний тыл, что через два-три километра, а может, и меньше, начнутся немецкие линии. И здесь нужна была особая осторожность. Шли молча. Воронцов даже курить запретил. Хотя махорки давно уже ни у кого не было. Выкурили последние трофейные сигареты. Однако бойцы приспособились изготавливать табак из старого мха, листьев и травы. Курево, конечно, получалось слабым, а дым то невыносимо вонючим и приторным, то слишком кислым, то прогорклым и до одури противным. Но народ не унывал. Нелюбин посмеивался:

— Старики говорили: из бороньего зуба щей не сварить. А ведь неправда! Кустарный-то табачок очень даже питательный, порою у иных умельцев, вроде моего Куприкова, очень даже духовитый. — И вздыхал. — А что, товарищ курсант, как говорят: хлеба нету, так пей вино! А?

Воронцов присел на муравьиную кочку, снял в прицела чехол и начал всматриваться через прозрачные кусты в глубину луга, где вот-вот должно было появиться тыловое охранение. Пролетела сорока, мелькнула в прицеле чёрно-белым ворохом своих крыльев и пропала в осиннике. Кто-то её вспугнул. Должно быть, охранение и вспугнуло. Когда проходило вон тот пологий луг, обрамлённый с одной стороны стройным высоким ельником, а с другой таким же взгонистым зрелым березняком. Вот и летает теперь заполошная птица, не может никак успокоиться, что потревожили её покой, нарушили одиночество, принадлежащее только ей одной. Как должно быть счастливо одинокое существо в этом мире, подумал Воронцов. Ему не с кем враждовать. Собирай себе букашек и семена трав. Вон их тут сколько. Но сорока — хищница. И одиночество ей ни к чему. Это Воронцов знал.

Танкисты вышли из ельника одновременно. Они быстро пересекли луговину, и, если бы не чёрные комбинезоны, Воронцов вряд ли бы проконтролировал их появление. Ивовые заросли, ещё сохранившие на молодых побегах остатки бурой листвы, на некоторое время скрыли танкистов. Прицел был заполнен другими предметами. Танкисты вышли левее. Они часто оглядывались куда-то в дальний угол луга, где темнели мокрые валуны, обросшие сизым лишайником. Пригнувшись, тут же побежали к нему. Мгновенно сразу всё поняв, Воронцов залёг и перевёл прицел в дальний угол луга, туда, где зеленела изумрудной отавой болотистая лощина. Нет, никого там не было. Сорока вновь появилась в прицеле. Она стремительно ныряла в ольховые заросли, то исчезая в них, то вновь появляясь в сизой сырой дымке над лощиной. Слышался такой же нервный её стрёкот. Там кто-то ходил. Так сороки могут реагировать только на крупного зверя. Или на человека. Но вряд ли здесь, в нескольких километрах от фронта, остались кабаны или

лоси. Даже более мелкая живность наверняка давно откочевала подальше от грохота канонады и людей с оружием, заполнивших лес.

По хрусту травы и хриплому дыханию Воронцов понял: танкисты залегли где-то рядом.

— Демьян! — окликнул он младшего сержанта. — Кто там?

— Кто-то — за лощиной. С той стороны. Идут всё время параллельно нашему следу. На след не выходят. Дистанцию не сокращают.

— Вы их наблюдали?

— Нет. Думаю, и они нас тоже. Мы сразу сменили маршрут.

— Уходите живее. Я найду вас по следу. Передай Нелюбину — пусть свернёт в лес. Затаяйтесь там где-нибудь в лощине и выставите часовых.

Он продолжал осматривать опушку дальнего березняка за лощиной, гать левее, видимо, давно заброшенную, заросшую камышом и какими-то толстыми будыльями, высохшими и повалившимися в чёрную колею. Хорошо, что они не поехали по той дороге, не воспользовались бродом и не оставили там следа. Обозу он приказал двигаться по лесу. Но след за ними всё равно оставался. Если идут по нашему следу, то скорее всего местные полицаи. Эти не отстанут. Выследят и будут брать. А может, кто-нибудь и похуже.

Сорока вновь нырнула в березняк и больше не показывалась. Это означало только одно: те, кто её так раздражал, были совсем рядом. Оставалось ждать.

Качнулась ивовая ветка, роняя рыжий лист. Падающий лист мгновенно вспыхнул в окуляре прицела, как вспышка выстрела, и исчез в бурой траве. Человек в немецком камуфляже появился в глубине просеки. Остановился. Не оглядываясь, сделал знак рукой. И тотчас ещё трое в таких же камуфляжных накидках и кепи с длинными козырьками выскочили из-за ольх и, на бегу перестраиваясь в цепочку, напрямик направились к броду. Трое. Четвёртый, опустившись на корточках, сидел на просеке и осматривал в бинокль луг и противоположную опушку. Блеснули окуляры его оптики. Судя по движениям, не заметил. Главное, теперь не двигаться. Хуже, если их больше. Четверо... Четверо... Четверо — тоже много. Нет, видимо, больше всё же никого. Четверо. Но если их только четверо... И если они идут по следу их обоза... Главное, не шевелиться. Сидевший на корточках встал, сунул за пазуху бинокль и тоже пошёл к броду. Во всё время, пока он сидел на просеке на четвереньках и смотрел в бинокль, ни с кем другим, кроме троих, перебежавших брод, он не перекинулся ни словом, ни жестом. Значит, четверо. Их было всего четверо. Вооружены немецкими автоматами. Приклады откинута для прицельной стрельбы.

Через минуту автоматчики в камуфляжах перебрались по гати через болотину и скрылись за ивняком в лощине.

Если они теперь за гатью уйдут правее, то след обоза не заметят. А значит, пусть уходит своей дорогой. Пусть спокойно уходят. Они — своей. Мы — своей. Такой вариант возможен был в том случае, если немцы шли не по следу.

Но “древесные лягушки” появились точно там, откуда полчаса назад выскочили танкисты. Значит, тележный след они всё-таки нашли и идут по нему. Пробежали шагов двадцать, присели. Видимо, совещались. Старший привстал и снова поднял к глазам бинокль. Опустился. И тотчас один из группы побежал назад, к броду.

Воронцов, всё это время лихорадочно метавшийся между надеждой, что всё обойдётся, что у “древесных лягушек”, скорее всего, другая задача, а не преследование обоза, и необходимостью действовать, мгновенно понял: если хотя бы один из четверых уйдёт, через несколько часов по их следу сюда придёт взвод с пулемётами и миномётами, они окружат обоз и всех расстреляют с расстояния. Кому-то повезёт меньше — их захватят живыми.

Он просунул винтовку в развилку молоденькой берёзки и взял в прицел бегущего к броду. Никто не должен раньше сроков вынести из леса тайну того, что здесь происходит и что через минуту произойдёт...

Хотя их обоз, как видно, для кого-то уже не тайна. Тогда хотя бы выиграть время. Несколько часов времени отряд выиграть у погони ещё может.

При условии, что он, Воронцов, командир отряда, будет действовать сейчас безошибочно.

Выстрел прозвучал так громко, что тишина лесного дуга, счастливо затеявшегося в прифронтовой полосе и чаявшего не увидеть ни человеческой крови и не услышать ни близкой стрельбы, ни стоны смертельно раненных, оказалась разнесённой в ключья. У Воронцова оставался ещё один шанс и ещё один более или менее верный выстрел в том случае, если “древесные лягушки” не успели проконтролировать место вспышки его первого выстрела. Хотя это противоречило одной из главных заповедей снайпера: не стрелять с одной позиции, какой бы удобной и выгодной она ни была, более одного раза. Воронцов рискнул. Он остался в прежней позе: стоящим на колене, с винтовкой, удобно прилаженной на сучке молодой берёзы. Берёзка ещё шелестела, хлопала на ветру не опавшей листвой и неплохо его маскировала. Оставалось надеяться на то, что ветер мгновенно рассеял пороховой дым, и “древесные лягушки” его тоже не заметили. Упасть в траву и откатиться в сторону, чтобы поменять позицию на случай прицельного ответного выстрела, означало увеличить реальность того, что его заметят именно во время выполнения этого маневра. Если за ними идут немцы, то — егеря. Если спецподразделение, какая-нибудь айнзацкоманда, то тем более следует опасаться их. Всё знают, в том числе лес и повадки тех, кого преследуют. Правда, почему-то без радиопередатчика. Обычно такие группы, отряженные для преследования или выслеживания партизан, обеспечиваются портативным передатчиком “Петрике”. А эти, видимо, осуществляют связь посредством связных.

Воронцов наблюдал одним глазом — в окуляр прицела, — как неподвижно лежал в траве, упав ничком, вперёд и немного развернувшись, так что одна рука была с размаху откинута назад, связник, а другим, как залёгшие в траве крутили козырьками длинных кепи, похожих на утиные клювы. Они пока не стреляли. И Воронцов понял, что он всё же заполучил у судьбы и второй выстрел. Связник признаков жизни не подавал. К нему никто не бросился на помощь. Значит, он не стонал и не издавал других звуков, которые всегда заставляют находящихся рядом подбежать или подползти к раненому для оказания помощи. Но стрелять в первую же попавшуюся в прицел кепи или самую удобную цель было нельзя. Мешала листва, закрывавшая прицел своими жёлтыми напыльями. Следующий выстрел он должен сделать только в одного из них. Только в одного. Но его Воронцов пока ещё не видел. Для того, чтобы увидеть в прицел новую цель, нужно было перенести, переложить на другой сучок винтовку.

Воронцов осторожно перевёл ствол винтовки левее. Прицел удачно миновал жёлтые напыльи листвы и заскользил по бурным разводам травы. Вскоре остановился. Вот они... Лежат... Все трое... От напряжения скрипнули шейные позвонки. Который из них? Кепи приподнимались из травы и исчезали. Двигались плавно, словно в воде. В их движениях чувствовалась уверенность, опыт. Один начал отползать левее. Воронцов увидел стриженный затылок и белую подкладку капюшона. За спиной вещмешок. Но не красноармейского образца. Узел затянут не лямкой, а шнурком, который завязан петлёй и свисает вниз. Нет, не этот... Этот выполняет приказ. Командир тащить мешок не будет. У немцев это соблюдается строго. Значит, один из этих... Вон он. Лежавший правее шевельнулся и медленно приподнялся. Он наблюдал в бинокль. Движения его были медленные, как у хищника, готовившегося к атаке. Он вёл биноклем в сторону Воронцова. Вот остановился, замер, вытянул шею, бинокль в его руке вздрогнул, то ли он что-то успел сказать своим подчинённым, то ли не успел ничего, а просто пуля, вылетевшая из ствола “маузера”, мгновенно описав короткую, в полтора метра, траекторию над прогорклой осенней травой невыкошенного дуга, пробила ему кадык, и камуфляж рухнул в ту самую траву, которую только что обжил — примял, нагрел своим телом.

То, что произошло в следующие минуты, Воронцов отчасти предугадал заранее. Человек на войне приобретает многое. И если ты не пропал в одной из первых атак, не сгинул во время выхода из окружения, когда никому ни до кого, если научился спать вполглаза и при этом слышать не вполу-

ха, а абсолютно всё, что происходит вокруг, и мгновенно давать оценку услышанным звукам, то это означает, что ты научился жить на войне. Ты стал частью войны. Ты даже менее уязвим, чем еловый кол, стоящий в двадцати пяти шагах от твоего брствера с обрывками колочей проволоки. И вот теперь, не искушая судьбу, Воронцов медленно опустился в траву. Автоматы уже грохотали длинными очередями, и пули рубили верхушки сухостоя и кору деревьев вокруг. Но это была неприцельная, слепая стрельба. Так ведут огонь испуганные и неуверенные стрелки, желая, в первую очередь, психологически подавить противника, вынудить его сделать ошибку, торопливое движение — машинальный жест самосохранения или такой же торопливый ответный выстрел. Тогда станет ясно, где затаился противник и куда надо бросать гранаты, куда стрелять. По характеру стрельбы Воронцов понял, что “древесные лягушки” до сих пор не обнаружили его. Позиция могла послужить ещё одному верному выстрелу. А значит, незачем пока менять её. Надо лежать и ждать. Терпеливо выжидать удобного момента и наверняка поражать цель, как сказано в уставе.

Вот один автомат умолк. Кончились патроны. На то, чтобы перезарядить новый рожок, даже самому опытному солдату потребуется около десяти секунд: подтянуть автомат к себе, отщёлкнуть пустой рожок, вытащить из магазинной сумки или из голенища сапога полный, защёлкнуть его на место, взвести затвор, чтобы дослать патрон в патронник. При этом стрелок вряд ли будет отвлекаться на наблюдение за противником. А этого вполне достаточно, чтобы произвести очередной выстрел. Но стрелять надо не в него. Хотя Воронцов его хорошо видел в прогал между двумя кустами ивняка: кепи торчала из травы, как манекен на стрельбище. И всадить пулю под обрез этой кепи, в висок или переносицу, не составляло для такого стрелка, каким был Воронцов, особого труда. Но именно это и было бы роковой ошибкой, после которой он бы остался с последним автоматчиком на равных. Впрочем, преимущество у него всё же было, и пока существенное: расстояние, которое делало стрельбу из автоматов малоэффективной.

Второй автомат тем временем продолжал молотить по площади, сосредоточив огонь в основном на зарослях ельника правее Воронцова. Именно там он хотел залечь в начале боя. Но, как оказалось, именно заросли можжевельников кустов больше всего настораживали и привлекали внимание “древесных лягушек”. Воронцов медленно начал привставать на колено, так же медленно просунул между ветвей винтовку. Прицел заскользил по бурым разводам травы и редких кустарников, остановился, замер. Воронцов сделал небольшую поправку на ветер и плавно надавил на спуск. Послышался стон и крик испуганного внезапной опасностью человека. Значит, промахнулся, понял Воронцов и тут же залёг, отполз на несколько шагов в сторону. Отсюда он уже не видел второго автоматчика, того закрывали кусты. Но кусты закрывали и его, Воронцова, от автоматчика, который наверняка его уже заметил. Стрельба прекратилась. Раненый продолжал стонать. А второй автоматчик молчал. Затаился и тоже ждал. Начался поединок.

Когда-то в детстве Воронцов услышал от деда Евсея такое поучение: если ты не видишь зверя или птицу, но слышишь её на расстоянии выстрела или точно знаешь, что она здесь, наберись терпения и жди. Не крути головой, не переступай с ноги на ногу, не шевели ружьём и ни в коем случае не пытайся найти её. Шевелить можешь только ноздрями. Не издавай ни звука. Растворись в тишине. Превратись в зверя или птицу. Стань такой же осторожной и мудрой, как она. Но помни, что ты — человек, и у тебя больше терпения и хитрости. Слушай, принохивайся к воздуху и жди.

Глава седьмая

Если они одни, то ждать можно спокойно. И минуту, и час. Тот, последний, которому Воронцов ещё не подарил свою пулю, тоже замер и тоже ждёт. Но он ждёт другого. И надежды у него другие. Потому что он не видит ничего, кроме леса впереди, редких кустов, заросших травой, с первы-

ми морозами превратившейся в солому и будья, да своих товарищей, которые истекали кровью справа, слева и позади него. Это, конечно, не прибавляло ни сил, ни храбрости. Но самое главное и самое опасное для него, он не видел стрелка, который тремя выстрелами выбил почти всю группу и теперь охотился за ним. Правда, его могла достать одна из автоматных очередей, которыми они хлестали хоть и наугад, но зато густо, так что основательно обработали все кусты, обступавшие их. Но расстояние... Расстояние, которое разделяло их, уменьшало шансы того, у кого в этот момент оказалось оружие ближнего боя, и увеличивало шансы того, у кого была винтовка.

Воронцов неподвижно стоял между двух кустов, упершись локтем в колено и держа на мушке последний узкий коридор дуга и зарослей кустарника. Где-то за теми ивами замер последний автоматчик из группы “древесных лягушек”. Воронцов успеет взять его на мушку, даже если тот сейчас появится не там, где он его ждёт. Главное, не шевелиться. Первое, что может подумать последняя “лягушка”: стрелок убит автоматной очередью. Второе: ушёл, тихо упоз в лес и ушёл. Но оставалось и третье, самое опасное. Но “лягушка” не уверена ни в одном, ни в другом, ни в третьем. А Воронцов знает точно: немец жив, лежит где-то там, в сотне шагах от него, за кустами, и тоже ждёт.

Снова застонал раненый. Но уже тихо. Стоны раздавались через одинаковые промежутки времени, всё тише и тише. Надо ждать... Ждать... Не двигаться... Окаменеть... Воронцов почувствовал, как от напряжения поскрипывают шейные позвонки. Шевельнул пальцами — нет, всё в порядке, руки не затекли, не онемели, вполне послушны и готовы мгновенно исполнить любую его волю.

Раненый наконец затих. Только ветер гулко гулял по верхушкам сухих трав, теребил остатки листвы на ивах. Сорока вновь застрекотала в лесу. А может, Воронцов до этой минуты просто не обращал на неё внимания, весь поглощённый схваткой. Он прислушался. Он-то знал, что именно теперь сорочий гам тоже мог стать частью схватки, которая ещё не закончилась. Сорока явно кого-то заметила и сопровождала. Но на этот раз она подняла переполох не в ложине, откуда пришли “древесные лягушки”, а слева и немного позади его, почти там, куда ушли танкисты. Воронцов замер, прислушался. Если четвёртый немец успел отползти и теперь обходит его, он это услышит. Но ничто, ни единый звук не нарушал гулко шороха травы, придавленной ветром. Казалось, что никого, кроме ветра, и не было здесь в эти сдавленные ожиданием мгновения. Даже его, Воронцова, с винтовкой, вскинутой к плечу, тоже здесь не существовало. Только ветер, трава и кустарник с необлетевшей листвой. Даже сорока затихла. И Воронцов, не выдержав напряжения, начал медленно поворачивать голову.

Там, левее, в березняке, мелькали фигуры танкистов. Видимо, услышав стрельбу, охранение вернулось. Воронцова охватило беспокойство: танкисты бегут гурьбой, возможно, прямо на выстрел затаившегося автоматчика. Но останавливать их было уже поздно, да и себя он мгновенно бы выдал. И тогда, понимая, что всё произойдёт в ближайшую минуту-две, а может, и гораздо быстрее, Воронцов принял мгновенное решение: он начал медленно вставать, держа винтовку наготове. Глаза его ощупывали каждый бугорок впереди, каждую ветку зарослей густого кустарника, где несколько минут назад он потерял из виду четвёртого немца. Танкисты тем временем приближались, охватывая дуг слева своей короткой цепью. С ними был и младший сержант — его голос Воронцов услышал отчётливо: Демьян спрашивал танкистов, где они выходили, а потом скомандовал: в цепь. Воронцов распрямил спину и уже стоял во весь свой рост. Левая рука, поддерживающая холодное цевьё винтовки, начала дрожать, и бурые наплывы луговой травы, приближенные сильной оптикой прицела, задрожали ещё сильнее.

— Обходи левее! — послышался голос Демьяна.

И тотчас из-за куста привстал и замер со вскинутым автоматом осторожный, как рысь, человек. Он выжидал, когда танкисты, явно не видевшие его, подойдут на расстояние верной очереди. Приклад автомата был откинут. Немец рисковал. Но это выдавало в нём опытного и хладнокровного воина.

Воронцов подвёл уголки прицела под обрез кепи, потом опустил ещё немного и плавно нажал на спуск. Немец вскинул над головой автомат и опёрся на спину.

Воронцов собрал автоматы, отстегнул магазинные подсумки, снял ранцы.

— Там, дальше, четвёртый, — указал он Демьяну в сторону лоцины.

— Ну, командир, навалил ты гансов! Четверо!

Минуту спустя, когда они отошли в лес, оставив на опушке Михайлова, он услышал такой разговор Демьяна и Штыренки:

— Обрати внимание, Штырь, все трое убиты в шею или в горло.

— У этих двоих — пуля вон куда вошла, под ухо. А у этого кадык оторвало. И где наш командир так стрелять научился?

— Курсант. Там их основательно учили.

Воронцов подошёл к ним, когда они уже сняли дёрн и начали углубляться в сырую землю.

— Глубоко не копайте. Надо спешить.

Он вытащил из-за голенища нож, спустился в лоцину и нарезал ивовых веток.

— Потом сверху набросать... Если будут искать, то, конечно, найдут. Но если им не до того, то и так сойдёт.

Демьян торопливо выбрасывал из ровика землю. Вскоре его сменил Штыренко. А Демьян обошёл немцев вокруг и указал лопатой:

— Обужа на них исправная. А, командир? А у нас половина отряда — разутые. И куртки у них хорошие. Сюда бы Золотарёва. Он бы быстро инвентаризацию произвёл.

— Вот что, Демьян, давайте быстро снимайте с них всю амуницию. Тела — в яму, а форму свяжите ремнями, по комплектам. Она нам ещё очень может пригодиться.

— Бинокль-то возьмите, товарищ командир. Это ваш трофей, законный. — И Демьян протянул Воронцову бинокль. — Видать, офицер. Вон у него какие нашивки.

— Да нет, не офицер. Шарфюрер, — определил Воронцов. — Петлицы, видите, какие? Руны. СС. У них свои звания. Не такие, как в вермахте.

— Один хрен — фашисты.

— Эсэсовцы хуже. Пленных наших расстреливают.

— У них в эсэс что ни звание, то — фюрер. Все фюрерами хотят быть. На нашей земле.

— Шарфюрер — это кто, старшина, чи шо? — поинтересовался Штыренко.

— Нет, унтер-фельдфебель, — пояснил Воронцов. — А по-нашему — старший сержант.

— А я думал, связисты или что-то в этом роде. Может, думаю, электрики какие-нибудь... — И Штыренко снова налёг на лопату.

— Ну да, Штырь, — тут же усмехнулся Демьян, — строители Днепророзга.

— Всего лишь старший сержант, а с биноклем. У нас во всём танковом батальоне всего три бинокля. А в пехотном батальоне, наверное, только у одного комбата.

Воронцов взял бинокль и пошёл к опушке, где сидел на корточках за кустом крушины часовой.

— Михайлов, ну что?

— Всё спокойно. Даже сороки не трещат. Напугали вы их своей стрельбой, товарищ командир.

— Стрельбы было много. Это верно. Но я стрелял мало.

— Всего четыре раза, — засмеялся танкист и смерил взглядом расстояние от лежавших в траве тел до позиции Воронцова.

— Иди, помоги ребятам. А я пока тут подежурю.

Воронцов подобрал с земли винтовку, положил её на колени и хотел было встать, но вскинул к глазам бинокль и решил ещё раз осмотреть противоположную опушку и гать. И тут же сказал танкисту:

— Штыренко, замри. А теперь тихо, без резких движений, — на землю.

— Что там, товарищ командир? Опять немцы?

— Может, и не немцы, но то, что по нашу душу — это точно. Ползи к ребятам, скажи, чтобы заканчивали. Через пять минут уходим.

Снежная крупа перешла в густые хлопья. Снова дёрнул и помчался по дугу ветер, захватывая остатки листвы на ивах и берёзах. Линзы бинокля залепляло белым, мутным, так что приходилось то и дело прочищать их. Сквозь молочную пелену снежных зарядов Воронцов всё же разглядел цепь, которая медленно выбиралась из леса и выравнивалась в ложине перед гатью, всадника на сером коне в казачьей папахе, группу людей, стоявших на опушке. Он протёр линзы и ещё раз всмотрелся в стоявших на опушке: один смотрел в бинокль, двое о чём-то разговаривали, одеты странно — двое в красноармейские офицерские шинели, перетянутые портупьями, один в куртке “древесной лягушки” и немецкой офицерской фуражке.

Спустя несколько минут они уже бежали по лесу, держась глубоко прорезанной во мху тележной колеи. Воронцов шёл замыкающим, время от времени останавливался, прислушивался. Погони он не слышал. Однажды во время очередной остановки он внимательно осмотрел свои руки, поднёс их к глазам. Нет, они не дрожали. На кончики пальцев падали снежинки и тут же таяли, прозрачными струйками стекая вниз, в ладони. Он подождал, когда в ладонях соберутся лужицы, и жадно схлебнул их и не почувствовал ничего — ни жажды, ни избавления от неё. Внутри, будто стальной стержень, стояла та же твёрдость и холодная мысль о том, как действовать в следующую минуту.

Примерно через час они догнали свой обоз.

Нелобин вёл его лесной дорогой, выслав вперёд усиленный дозор.

Остановились. Стали решать, что делать дальше.

— Распрягай коней, Кондратий Герасимович! Живо! — распорядился Воронцов. — Телеги загнать в лес, замаскировать. Лейтенанта посадите на коня. Петров, раздайте одежду и обувь всем, кто разут и плохо одет. Оружие я раздам сам. Гранаты — только тем, кто умеет ими пользоваться. Действуйте. — Затем он окликнул Степана. Развернул карту.

Дорога шла, по всей вероятности, через ту самую гать, которую они миновали стороной, и вела в село Маковец, которое было обозначено на карте как крупный населённый пункт.

— Там наверняка сильный гарнизон. До фронта — километра три-четыре. Если они нас прижмут к этому селу, то...

— Надо изменить маршрут, — предложил Степан и кинул пальцем на север.

— Глубже в их тыл? — Воронцов задумался. — Конечно, они, если даже потеряют след, будут искать нас здесь, в ближнем тылу. Да, Стёп, ты, пожалуй, прав — поворачиваем резко на север. Здесь больше возможности затеряться, оторваться от погони.

Но вначале они несколько километров прошли по дороге, потом часть отряда свернула на юг, к фронту, а другая часть продолжала идти по дороге. Затем они соединились, свернули на юг, прошли с полкилометра и так же резко повернули на север. Арьергардное охранение тащило за собой срубленные молодые берёзки. Листва легко скрывала тропу отряда. Шли след в след, аккуратно и тщательно затаптывая глубокие лунки лошадиных копыт. Снег сыпал до самой ночи и прятал то последнее и незначительное, что оставляли люди.

Глава восьмая

Воронцов приказал не останавливаться до утра. Шли из последних сил. Шли, засыпая на ходу, толкая плечами деревья и мгновенно просыпаясь от посторонних шорохов и криков младших командиров: “Не спать! Подтянуться!” Разговаривать Курсант запретил. Команды — только полусёпотом.

Нелобин, не доверяя конвоирам, которые тоже клевали носом, сам приглядывал за пленными. Шёл немного позади и всё время смотрел вперёд

и слушал, не шагнул ли кто из немцев в сторону, не замер ли за деревом. Нет, Нелюбина не обманешь, Нелюбин на войне уже опытный человек. Не только на фронте, но и в окружении, и в плену, и в партизанах побывал. И что такое ночной марш по лесу без дороги, с вымотанными вконец людьми тоже знает. Слава Богу, приделали немного совсем обносившихся и раздетых. Теперь и они стали похожи на бойцов. Эх, какой молодец у них командир, думал Нелюбин о Воронцове. Вот выйдем, выпустил он на волю свою мечту, и присвоят нашему курсанту лейтенантское звание. А может, даже сразу старшего лейтенанта. А что? Разберутся, учтут все его заслуги и героические поступки и вынесут справедливое решение — присвоить курсанту Воронцову Александру Григорьевичу звание старший лейтенант и назначить на должность... командира стрелковой роты, а может, даже и батальона! Вот так! С таким командиром не страшно воевать. Умный, рассудительный. Младших командиров ценит, прислушивается к их мнению. Хотя и строг порой бывает. Настоящий боевой командир. Другого солдату и желать не надобно.

— Кондратий Герасимович, — очнулся Нелюбин от голоса Воронцова. Тот догнал его и, видать, давно уже шёл совсем рядом. — Останавливайте людей на отдых. Располагайтесь. А я с танкистами и Степаном вперёд пройдуся.

— Есть останавливаться. А костёр можно жечь? Обсушиться бы...

— Придётся. Все продрогли. Обувь хлопает, одежда мокрая. Где-нибудь под елью, чтобы сверху не было видно. И по бокам заплетите маты. И теплей будет, и маскировка какая-никакая...

— Слушаюсь.

Нелюбин остановил колонну. Распорядился о дозорах, костре, матах и лошадях. А Воронцов собрал вокруг себя танкистов, окликнул Степана.

— Вот что, ребята. Пока взвод будет отдыхать и приводить себя в порядок, мы должны разведать маршрут. Впереди, как я понимаю, последний переход. Надо всё там прощупать, продумать. У кого есть какие предложения?

— Я согласен с Александром Григорьевичем, — отозвался Демьян. — Эту разведку лучше провести самим.

Впервые во взводе его называли имени и отчеству.

— Я тоже так думаю, — кивнул и Степан.

Пошли. Рассвет ещё дремал где-то на востоке, в той стороне, где рокотал и гулко долбил мёрзлую землю фронт, передвигаая с места на место своё непомерно разросшееся железное тело. Впереди Демьян с Николаевым, следом на ними, шагах в двадцати, на пушечный выстрел, Воронцов, Штыренко, а замыкающим — Степан. Это были самые надёжные люди в его взводе, на кого он мог положиться как на себя самого. Так, в полной темноте, прошли несколько километров, когда в лицо пахнуло свежим ветром и вместе с его лёгкими порывами откуда-то из глубины бездонной темноты донёсся какой-то странный звук, явно чужой и лесной тишине, и рокочущей впереди войне. Тут же рябчиком свистнули в передовом дозоре, и вся группа замерла в ожидании. Звук повторился. Из передового дозора пришёл Демьян и сказал, возбуждённо дыша морозным паром:

— Александр Григорьевич, товарищ командир, похоже, там или дорога, или, скорее всего, сборный пункт битой техники.

— Почему ты так думаешь?

— Так это ж танк ремонтируют! Во-во, слышите? Кувалдой палец загоняют. Гусеницу сращивают. Я это ни с чем не спутаю. Тут у них ближний тыл? Так? Чтобы битую технику не далеко таскать. Что у наших, что у них...

— Выходит, мы вышли на их тылы? Что ж, похоже. Пора. Тогда здесь где-то должны быть их посты.

Дальше пошли двумя группами по два человека. Воронцов с Николаевым двинулись в обход справа, младший сержант Петров со своим заряжающим начали обходить слева. Степан остался в прикрытии.

Все эти дни казались Степану Смирнову одним непрерывным сном. Сон длился, спрессовывая новые события и превращая их в смутную массу. Так он жил почти год с тех пор, как попал в плен. Потом служба в русской роте, которую вскоре стали называть Боевой группой Радовского. Бывший переводчик штаба 5-й танковой дивизии получил разрешение на формирование

вспомогательного подразделения. Дивизия несла большие и непрерывные потери. Тыловые службы, из которых почти каждый день кого-нибудь забирали и отправляли на передовую, начали заполнять пленными русскими. Но Степан сразу был зачислен в Боевую группу. По сути дела это был полнокровный батальон: три взвода курсантов, которых обучали навыкам ведения боя в лесу и на открытой местности без применения тяжёлого оружия, взвод связи, разведвзвод, из которого потом часть людей перевели во вновь формируемый диверсионный взвод, транспортный взвод, миномётный взвод, хозвзвод, караульный взвод. Степана зачислили в разведвзвод. Радовский сразу приметил его и начал брать с собой на задания. В Боевой группе поговаривали: и зачем старику, бывшему белогвардейцу, бегать с молодыми разведчиками по лесам? Какая в том надобность? Не доверял? Но тогда мог бы послать других инструкторов. Когда ликвидировали кочующий “котёл” 33-й армии и поступил приказ захватить во время выхода управление вместе с двумя генералами*, Радовский, казалось, не спал сутками. Разведвзвод гоняли день и ночь. По всему чувствовалось, что предстоящей операции немецкое командование придавало особое значение. В роту приезжал какой-то важный штабной чин, ходили разговоры, что из самого Берлина.

И вот в начале апреля их перебросили в расположение 33-й армии. Сплошной линии фронта не существовало, и они свободно прошли по одной из просёлочных дорог в деревню, занятую обозами армии, изготовившейся для решающего броска в сторону Юхнова. Их группу возглавлял сам Радовский. Вначале всё шло хорошо. Агент, некий Профессор, всегда находившийся рядом с генералом, исправно снабжал их информацией о маршруте движения. Непосредственно с ними в связь вступал не сам Профессор, а его связник. Профессора Радовский берёт как ценнейшего резидента и поэтому оградил его от малейшего риска. Хотя, и это Степан заметил сразу, своего ценного резидента Радовский презирал. Что, впрочем, никак не мешало делу. Всё было отлажено. Действовало, как механизм тщательно вычищенной и смазанной винтовки. Информация из штаба окружённой группировки — связник, который тут же передавал её дальше — немедленная реакция группы Радовского и, одновременно, — информирование через других связников штаба 5-й танковой дивизии. Люди, участвовавшие в проведении операции, действовали слаженно. Всё шло к тому, что задача будет успешно выполнена и управление 33-й армии, весь её штаб, со всеми службами и архивом, окажется в руках немцев. То есть вначале в руках Боевой группы Радовского. И только потом — немцев. Но именно немцы вскоре всё и испортили. Видимо, почувствовав напор прорывающихся и боясь, что им действительно удастся уйти через их оборонительные линии к Юхнову, немцы начали непрерывно атаковать и обстреливать из орудий и миномётов колонну кочующего “котла”. На дорогах курсировали танки, которые открывали огонь на любое движение в поле их видимости. Штабная группа почти вся погибла. А когда генерал потерял связь и управление дивизиями и группами оказалось полностью нарушенным, он просто поступил так, как должен поступить офицер. Степан видел, как это подействовало на Радовского. Тогда, в сосняке, они тоже едва не погибли под пулями автоматчиков, которые зачищали лес. И там уже началась другая война. И у курсанта Смирнова именно тогда мелькнула надежда уйти к своим. Вместе с Санькой Воронцовым. Вместе со старшиной. Не вышло. И выйдет ли теперь?

Степан слушал ночь. Разведка ушла вперёд. Обе группы исчезли в густой темени предрассветья, растворились в тишине. А в поле, которое угадывалось по характеру тянувшего оттуда ветра и звукам, действительно ремонтировали какую-то технику. Либо немцы стояли на дороге, устраняя какую-нибудь поломку, либо...

* Во время прорыва из окружения Западной группировки 33-й армии в апреле 1942 г. в составе штабной группы было два генерала: командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов и командующий артиллерией 33-й армии генерал-майор П. Н. Офросимов. М. Г. Ефремов застрелился во время последнего боя, получив тяжёлое ранение. П. Н. Офросимов был ранен в грудь днём раньше, во время очередной атаки на прорыв, в лесу, и вскоре умер.

Неожиданно, так что Степан даже вздрогнул и машинально плотнее прижал к телогрейке металлическую скобу откидного приклада “шмайссера”, взревел мощный танковый двигатель. Дернул несколько раз на высоких оборотах и заработал мерно. Но это был не немецкий бензиновый двигатель. Моторы немецких танков работали иначе.

Рёв мотора заставил залечь и обе группы разведчиков. Демьян Петров, услышав раскатистый запуск родной “тридцатьчетвёрки”, присел и перестал дышать. Откуда здесь наши? Неужели наши? Кто там, на дороге? И куда они вообще вышли? Может, в темноте они благополучно миновали посты обеих линий и оказались на своей стороне, в ближнем тылу? И вот вышли в расположение ремонтного подразделения.

— Штырь, слышал?

— Демьян, наши, чи шо? — поднял голову Штыренко, изо всех сил вслушиваясь в глубину дороги.

Звук запущенного мотора застал их как раз в тот момент, когда они перебежали просёлок, исклёванный гусеницами не то танков, не то тягачей. Разъезженные колеи смёрзлись, образовав две глубоких траншеи. В одну из них и залёг безжавший следом за своим командиром Штыренко.

— Бачь, командир, по-нашему гуторюют.

— Хер поймёшь, — прошептал сквозь стиснутые зубы младший сержант Петров. — Одно пока ясно: там, на дороге, “тридцатьчетвёрка”... и её ремонтируют. А запустили для того, чтобы прогреть.

Теперь, когда двигатель танка был запущен и тишина была в одно мгновение разрушена, разведчики почувствовали себя свободнее. Звуки кувалды не прекращались. Обойдя заросли кустарника, танкисты увидели шагах в двадцати от дороги, ближе к перелеску, вывернутый в сторону хобот башенной пушки, очертания башни и кормы Т-34. Возле танка стоял немец с зажжённым факелом. В каске с подшлемником, в шинели, повязанной то ли шарфом, то ли скрученным бабьим платком. Винтовку он держал подмышкой.

— Немец.

— Часовой. Греется, — зашептал, загораясь азартом младший сержант Петров.

— Ты что задумал? Надо с Курсантом согласовать.

— А что тут согласовывать? Командир и сам сейчас наверняка о том же думает.

Тем временем возле танка шла работа. Возле распушенной гусеницы мелькали люди, одетые не то в телогрейки, не в комбинезоны. Ещё двое гремели кувалдой. Ещё один обдалбливал гусеницу на другой стороне. Видимо, она вмёрзла в землю. Слышались голоса. Звук работающего мотора заставлял говорить громко. Говорили на двух языках.

— Придержи, придержи!

— Да ты ж мимо сергы́ не бей! Один раз по железке, два раза по рукам... Работник, твою-раствору...

— Ничего не вижу. Скажи ему, чтобы повыше светил.

— Скажи ему... Он тебе по башке засветит...

— Kurt, sagt Sie mir die genaue Zeit?¹

— Halb seben².

— Beeilen Sie sich!³ — закричал ещё один, высунувшийся из башенного люка. — Иван, быстро! Бистро! — И снова исчез, грохнув за собой люком.

Стало развиднать. Засинелось внизу, где проходила неглубокая лощина.

Немцы загремели котелками. Вспыхнул за кормой небольшой костерок. Видимо, плеснули соляры.

— Kurt, — снова послышался знакомый голос, — bitte Speisekarte!⁴

— Fleisch in Aspik! Und... Und Zwiebelsuppe!⁵

¹ Курт, который час?

² Четверть седьмого.

³ Поторапливайтесь!

⁴ Курт, пожалуйста, меню!

⁵ Заливное мясо! И... и луковый суп!

— Sprechen Sie mir bitte, ist das Frühstück im Preis inbegriffen?¹ — про-рычала, высунувшись из люка, голова в мятой офицерской фуражке с наушниками, и возле танка раздался дружный смех.

— Что они там?..

— Меню обсуждают, завтрак, — коротко перевёл Воронцов.

— Шутники.

— Интересно, что у них на завтрак? — поинтересовался Михайлов.

— Мясо заливное и луковый суп, — сказал Воронцов, не отрываясь от бинокля.

— А шо цэ такэ?

— Ты что, Штырь, не знаешь, что такое луковый суп?

— Та ни. Цэ я бачу. М'ясо заливное...

— А это, Штырь, навроче нашего холодца, — снова усмехнулся младший сержант Петров.

— А-а...

— Ну что, ребята, будем ждать, когда они свой луковый суп сварят? — И Воронцов опустил бинокль.

— А что ты предлагаешь, командир?

— Демьян, ты мне сперва вот что скажи: кто-нибудь из вас танком управлять может?

— У нас в экипаже полная взаимозаменяемость. Все могут. Но лучший мехвод — Штыренко. Что молчишь, Штырь?

— Смогу, — коротко согласился Штыренко.

— Тогда будем брать танк. Николаев, дуй быстро за Степаном. Не вздумай срезать. Иди точно по нашему следу. Тихо. Наблюдай и слушай. Если что, три раза — рябчиком. Вперёд.

— Есть, командир. — И Николаев бесшумно растворился в зарослях кустарника.

Воронцов снова вытащил из-за пазухи бинокль. Танкистов было трое или четверо. Один сидел возле костра и занимался приготовлением завтрака. Другой ломом отдалбливал мёрзлую землю. Третий, видимо, командир, сидел в танке. Но возможно, там же, в танке, был и ещё один. Механик-водитель. Он сидел за рычагами и не высовывался, прогревал двигатель. Значит, четверо. Пятый немец, с винтовкой подмышкой, похаживал с факелом вокруг русских механиков. Если не брать в расчёт русских, немцев всего пятеро. Как раз по одному.

— Ну, что, Семён, надо натягивать, — сказал пожилой механик своему напарнику.

Кувалда затихла. Русские встали, проделали в отверстия крайнего звена лом, тяжело подняли и так же тяжело понесли провисающую дорожку гусеницы к танку. Перекинули через ленивец. Загрели ломом по каткам. Немцы тут же кинулись им помогать. Снова ударила по металлу кувалда.

— Ловко работают. Со знанием дела, — заметил Демьян.

Русские ещё возились с гусеницей, а немцы гуськом побежали к лощине. Через минуту там, в овраге, загремели железом. Вспыхнул скупой луч карманного фонарика. Погас. Танкисты вскоре вернулись, неся на плечах какие-то продолговатые предметы.

— Снаряды несут, — догадался Демьян.

— Интересно, откуда?

Один из немецких танкистов нырнул в открытый люк башни, другой стоял на площадке трансмиссии. Третий подавал длинные снаряды, сложенные внизу. Получалось у них ловко и быстро. Как будто всю войну они воевали на “тридцатьчетвёрке”. Через несколько минут они снова побежали в лощину и опять вернулись со снарядами.

План созрел мгновенно. Воронцов с беспокойством оглянулся: позади, в кустах, захрустела трава под торопливыми шагами — наконец-то пришли Николаев и Степан.

¹ Скажите, пожалуйста, входит ли завтрак в стоимость номера?

Глава девятая

Они побежали гуськом к лощине. Воронцов — впереди, Степан — замыкающим. Танкисты — в середине. Танкистов надо было беречь. Тихо спустились в лощину. Взяли правее, пробежали по темнеющей ольховой лиственной стёжке, протоптанной, видимо, немецкими танкистами, и вскоре впереди, на переезде, увидели застрявшую в болотине вторую “тридцатьчетвёрку”.

В поле уже рассветало. Только здесь, в глубине лощины, переходящей в лесной овраг, всё ещё царилась ночь. Воронцов сидел на четвереньках, прижавшись к заиндевелым каткам танка и прислушивался. Т-34, по всей вероятности был вполне исправным. Его просто утопили в болоте. Теперь он вмёрз в грязь, одной стороной утонув почти до моторной решётки. И немцы перетаскивали из затопленного танка боеукладку. Однажды на дороге, пережидая немецкую колонну, Воронцов видел целую колонну наших “тридцатьчетвёрок” и тяжёлых КВ, уже перекрашенных, с крестами на башнях. Шли они к фронту. Вот и этот Т-34 завтра-послезавтра вытащат. А тот, куда таскают снаряды, видимо, уже боеготов. Немцы — народ хозяйственный, бережливый. Из лесов вытащили все брошенные нашими войсками пушки и миномёты, собрали все снаряды и мины. И теперь стреляют из них по нашим же окопам и танкам.

Голоса, которые донёс со стороны поляны низкой утренний ветер, заставили Воронцова забыть обо всём. Он держал в рукаве нож, найденный им несколько дней назад, ещё до морозов, на теле убитого снайпера. Винтовку он оставил Нелюбину. Ремень МП-40 перекинул через голову, передвинул автомат за спину, чтобы не мешал свободно двигаться.

Немцы шли не спеша. Один из них курил, роняя под ноги тусклые искры. Шли спокойно, переговаривались. Миновали ивовый куст, за которым затаился Николаев. Начали приближаться к танку. Воронцов примерился к замыкающему. Курил именно тот, шедший последним. Его предстояло валить Воронцову, если Степан замешкается. Плотный, чуть выше среднего роста. Здоровяк. Не дай бог, если именно он полезет в танк. Штыренко, метр с пилоткой, с таким не справится. У шедшего впереди Воронцов увидел на ремне тяжёлую кобуру. Пистолетами, видимо, вооружены и остальные. Если случится заминка, начнут стрельбу, а там уж — чья возьмёт... Шедший впереди, не останавливаясь, вскочил на броню, но то ли споткнулся, то ли поскользнулся на обмётанной инеем наклонной броне, тут же загremел вниз.

— Mein Gott! — взвыл упавший. — Es ist sehr glatt! Das ist vielleicht ein Wetter!¹

Двое других засмеялись. Танкист снова, уже осторожнее, вскарабкался на башню. В руке у него сверкнул фонарик. Луч скользнул по серым веткам ольхи и исчез в чреве башни. Вот этого они не учли. Воронцов потянул из рукава нож. Если Штыренко затаился в башне, немец его сразу же обнаружит. Немец благополучно спустился в люк, загremел сапогами по днищу, затих. Его окликнули. Но из танка никто не отозвался. Второй танкист взял у здоровяка тусклый огонёк сигареты, несколько раз ярко осветил своё лицо, отщёлкнул недокуренную сигарету в снег. Окурочок подпрыгнул и зашипел. И в это время танковый мотор за ольхами затих. Сразу вокруг всё замерло. Немец натянул перчатки и постучал сапогом по броне:

— Helmut! Was ist geschehen?²

Почему медлит Степан? Штыренко, видимо, уже сделал своё дело. Воронцов сразу понял те звуки, которые прекратили топот немецкого танкиста по днищу танка. Насторожился тот, который, видимо, приготовился принимать из люка снаряды.

И в это мгновение напряжённая скрюченная тень метнулась к здоровяку. Тот охнул и, медленно поворачиваясь к ольхам, стал заваливаться набок. Второй танкист успел вскрикнуть, но тут же рухнул на колени, мотнул головой и захрапел, разбрызгивая по затоптанному снегу кровавые пятна. Во-

¹ Боже! Очень скользко! Ну и погода!

² Гельмут! Что случилось?

ронцов запрыгнул в люк, чиркнул зажигалкой: Штыренко сидел на днище танка, держа в руках огромный гаечный ключ, а под ногами у него лежал танкист, уткнувшись лицом в россыпи гильз.

— Общи его, Штыренко! Давай, быстро!

Воронцов спрыгнул вниз. Степан заскрёб под ногами пригоршню снега, протёр нож и сунул его обратно за голенище. Потом вытащил из-под днища свой автомат, ватник и начал не спеша одеваться, застёгивать пуговицы — снизу вверх, все до одной.

Переоделись молча, быстро. Своё затолкали под днище танка. Взвалили на плечи по два снаряда и гуськом, как ходили немцы, пошли по тропинке в сторону поляны. Штыренко впереди, за ним Степан, Воронцов — замыкающим. Николаев оставался следить за дорогой.

Уже совсем рассвело. Внизу, левее, виднелась какая-то речка или овраг, заросший ольхами и раkitами. Правее начинался пологий склон, исхлестанный колеями. Дальше, по опушке, виднелись колья с обрывками колючей проволоки. И по всему склону — разнокалиберные воронки, присыпанные снегом. На обочине, в кювете, запрокинувшись в небо обгоревшим остовом, лежал искорёженный грузовик. Видимо, совсем недавно здесь проходила передовая. Или наши действительно прорвались сюда, и здесь их остановили.

Охранник ходил вокруг “тридцатьчетвёрки”, размахивал руками в широких рукавицах, грелся. Механики по-прежнему возились возле гусеницы. Костерок прогорел. Из котелков пахло разогретой тушёнкой и кашей.

— Если сейчас дело сделаем, сразу пожрём. А, командир? — Штыренко оглянулся, сверкнул горячечными глазами. Губы его дрожали в неестественной улыбке, от которой ему, видимо, хотелось избавиться, но всё никак не получалось.

Когда вышли на чистое, Воронцов огляделся и оценил обстановку.

— Слушайте внимательно: на дороге долго находиться нельзя, поэтому действуем быстро. Всё собираем, танкисты угоняют танк в лес, мы — следом.

— А мехвод ихний вон он, — с той же дрожащей улыбкой сказал Штыренко. — Курит.

На башне “тридцатьчетвёрки” сидел четвёртый танкист и курил сигарету.

— Эх, не положено на борту курить... Эх, не положено... Что будем делать, командир? Узнает он нас, постреляет издали.

— Идём как шли. Спокойно, Штыренко. Запомни: ты идёшь к своему танку. Понял?

— Понял.

Где Демьян? Если бы он подполз с другой стороны... Нет, оттуда не добраться. Сверху, с башни, всё видно на десятки шагов. У механика-водителя на ремне кобура с пистолетом. У охранника — карабин. Воронцов почувствовал, что его начинает бить озноб.

— Поднимите повыше локти, закройте лица, — сказал он шедшим впереди, когда до танка оставалось шагов пятьдесят.

И в это время он увидел младшего сержанта Петрова. Демьян медленно встал из зарослей бурьяна. Руки его были высоко подняты.

— Не стреляйте, гер офицер! — крикнул он. — Не стреляйте! Хенде хох! Сдаюсь!

Часовой тут же сорвал с плеча карабин, клацнул затвором, прицелился. Неужели выстрелит?

— Если выстрелит, бегом к танку. Снаряды сразу не бросать, а то всё поймут. Степан, твой — танкист. Я возьму часового. Штыренко, твои — механики.

— Ком! Ком, Rus! — неожиданно засмеялся немецкий танкист. Он встал, спрыгнул на корму и замахал Демьяну руками.

Механики тоже бросили работу. Все смотрели на неизвестно откуда взявшегося красноармейца.

— Быстрей! — скомандовал Воронцов. — Степан, давай вперёд!

Штыренко отстал и занял место за Воронцовым. Они быстро приближались к танку. Демьян что-то кричал, спотыкался, падал, снова вставал и снова что-то кричал... Он выполнял свою роль — отвлекал немцев. Грубо, неле-

по. Но у него получалось. Немцы смеялись, весело жестикулировали. Часовой опустил карабин и пошёл навстречу Демьяну. И Воронцов, превозмогая лихорадочную дрожь, понял, что хотя бы на часового им теперь не надо отвлекаться, Демьян с ним управится сам. А им оставалось добраться до танка. Поскорее — до танка. Они уже почти бежали. И в это время немецкий танкист, стоявший на корме “тридцатьчетвёрки”, что-то резко крикнул часовому.

Но Демьян уже шагнул к своему противнику, схватил его своими огромными руками, рванул на себя с такой силой, что тот выронил карабин. Демьян и часовой покатались в воронку, молотя друг друга кулаками. Демьян, наконец, изловчился, сорвал с немца каску и начал рубить ею по голове, по выброшенным вперёд рукам и бил до тех пор, пока тот не перестал двигаться.

Степан с разбегу запрыгнул на броню танка и, пока механик-водитель вытаскивал пистолет и досылал патрон в патронник, дважды ударил его ножом.

— Штыренко, быстро в танк! Проверь там! — И Воронцов подбежал к механикам.

Трактористы, пригнанные немцами из ближайшего села, где совсем недавно со всеми своими службами размещалась межколхозная МТС, стояли возле танка и испуганно наблюдали за происходящим. Старший толкнул своего напарника, и они тут же подняли руки. Воронцов посмотрел на них и ничего не сказал.

— В танке, командир, никого, — доложил Штыренко.

Демьян вылез из воронки, устало посмотрел по сторонам и, убедившись, что всё в порядке, сел прямо на снег — отдохнуть.

— Ну что, мужики, — отдышавшись, хрипло позвал он механиков, которые всё ещё стояли, онемев, — машина исправна? Запускать можно? Ходовая не подведёт?

— Всё как есть в полной исправности, товарищ командир, — бойко доложил старший, медленно опуская озябшие руки. — Тут только и было делов, что ленивец сбило да гусеницу порвало. Она и размоталась. Пару звеньев только и поменять пришлось.

— Горючее?

— Бак почти полный, товарищ командир, — тут же уточнил старший механик. — Мы из того... ну, который в овраге, в болоте утоплен, слили и дозаправили. И вон они... — Он указал на убитого танкиста. — Три канистры с собой принесли.

— Штыренко, проверь уровень масла. И — запускай.

— Танк отгоняйте к опушке. След замаскировать. Степан, бери автомат и — на дорогу. — И Воронцов спросил механиков: — Село ваше далеко отсюда?

— Ровно три километра.

— Немцы есть?

— Есть. Батальон пехоты и танки. До села деревня ещё есть, примерно в полутора километрах, Рябухино, шесть дворов. Там немцев нет. Три полица постоем стоят. При лошадях. Они каждое утро все дороги здешние объезжают. Мы второй день тут. Вчера — были. Все трое. С винтовками.

— Что, вас проводят?

— Вряд ли. Служба у них такая. Когда тут глубокий тыл был, жизнь у полицаев куда как вольготная была. Ездили по деревням, поросят резали. Печёнку ели да баб шупали. А теперь — другое дело. Фронт, вон он, рядом. И немцы с них службу требуют.

Воронцов посмотрел на механиков. Второму, который всё ещё стоял с поднятыми руками, было лет двадцать пять. Пряча в кобуру пистолет, спросил его:

— А ты почему не в армии?

— Не призвали, — ответил тот и опустил руки. — Да я хоть сейчас. С вами пойду. Возьмёте?

— Нет, не возьмём. Но и отпустить вас сейчас не можем. Уйдёте, когда и мы пойдём. Карту кто-нибудь из вас читать умеет?

— Да мы вам и без карты всё тут знаем и расскажем. Вам, как я понял, через фронт надо?

Воронцов кивнул.

— Тогда вот что. Этой дорогой ехать нельзя. Там, дальше, Луковка, немцев там много, большая часть стоит. И танки, и пехота, и артиллерия. Оттуда они ездят к Зайцевой горе. До Зайцевой от Луковки километра четыре, не больше. А правее есть лесная дорога. Там только в одном месте неважный переезд. Но если брёвен настелить, то проехать можно.

— Куда идёт эта дорога?

— На вырубки. А с вырубков — на шоссе. Немцы по ней ездят редко. На лошадях. Там у них то ли пост, то ли что...

— Проводить сможете?

— Что ж, смогу, — сдержанно согласился старший.

— Зовут-то вас как?

— Дядей Захаром. А вас же как величать, товарищ командир?

— Курсантом.

Дядя Захар качнул головой и сказал:

— Для командира уж больно невеликое звание.

— А это, дядя Захар, и не звание, — сдержанно ответил Воронцов.

— А что ж?

— Должность.

Механик снова покачал головой.

В это время мотор “тридцатьчетвёрки” дёрнул тишину, эхом прокатился по окрестности и заработал ровно. Из башни выглянул улыбающийся Демьян. Ссадина на его лбу совсем засохла, казалась масляным пятном. Он крикнул:

— Подавайте снаряды!

И механики кинулись выполнять приказание нового командира танка.

Покончив с укладкой снарядов, Демьян снова выглянул из люка и сказал:

— Товарищ командир, Штырь говорит, что там ещё полный “чемодан” броневой. Давайте заберем? Пригодятся. И ещё кое-какое барахлишко. Тоже надо забрать.

— Пулемёты проверил? — спросил Воронцов.

— Пулемёты, похоже, в порядке. Патронов маловато. Надо там посмотреть.

— Быстро — туда и обратно. Ждём вас на опушке. Заезжать в лес так: вначале дайте кругая по краю поля, а потом — заднюю, и вон до той осины. Заглушите мотор и ждите. Кто у вас за механика?

— Штырь.

— А мы с Николаевым, если что, стрелять будем. — Демьян указал на котелки над прогоревшим костром. В горячке о них, казалось, забыли: — Штырь просит поесть. Подайте, товарищ командир, пару котелков.

— А пару-то зачем?

— Как зачем? На весь экипаж, — улыбнулся Демьян, и холодные глаза его немного потептели.

Глава десятая

В разведку Воронцов отправил троих: Степана, молодого механика Гришку, который хорошо знал местность, и одного из танкистов. От своего экипажа Демьян назначил в разведку Штыренко. Сказал ему:

— Тебе, Штырь, машину вести, вот и посмотри там, где и как проехать лучше. Особенно низины проверь. Чтобы нигде не сели. И разведайте позиции ПТО. Учитывай сразу и то, что мы будем прорываться с тыла.

— Понял, — радостно козырнул ему Штыренко.

Экипаж летал как на крыльях. То, что они снова обрели боевую машину, что под завязку заправили баки соляжкой и имели полную боеукладку, казалось невероятным. Особенно после того, что с ними произошло: гибель товарища, плен, побег. Появился реальный шанс не только вновь вернуться в строй, но и вернуть родной бригаде исправную “тридцатьчетвёрку”, которая наверняка уже считалась в графе безвозвратных потерь.

Группу возглавил Степан.

Они прошли с километр. Лесной просёлок повернул на восток.

— Зайцева гора там, левее, — пояснил Гришка. — А дорогу мы можем пересечь здесь. Или левее. До неё отсюда километра полтора, не больше.

— Судя по карте, — заметил Степан, — высот тут несколько. Которая из них Зайцева?

— Так и есть. — Гришка для важности заглянул в карту. — Там этих гор — гора на горе. Сразу и не разберёшь, где какая. А Зайцева посреди. Самая большая. Говорят, там немцы и сидят.

— Что же получается? — Штыренко протиснулся к карте, ткнул пальцем в карандашный кружок, сделанный Воронцовым. — Значит, высоты, если их несколько, начинаются ближе?

— Выходит, что так. Значит, и до передовой уже рукой подать.

Решили разведать подступы к шоссе.

Пошли дальше — сплошной траншеи у немцев здесь не оказалось. Она начиналась левее. Несколькими линиями, удалёнными одна от другой где на триста метров, где на полкилометра и больше, траншеи расплзались в снежных просторах изломанными линиями и уходили в перелески, то теряясь там, то снова возникая вдали на горбовинах холмов и высотках. Виднелись квадратные шапки блиндажей, из которых курились дымки. Часовые в грязно-белых касках и маскировочных халатах расхаживали возле пулемётов.

Впереди, возле самого шоссе, виднелись крыши деревни.

— Мамоновка, — сказал Гришка. — Там у них небольшой гарнизон. Иногда они отсюда на машинах ездят в сторону Зайцевой горы. Что-то постоянно возят. Машины — под брезентом.

— Людей возят. Меняют своих.

Лесом они пробрались к Мамоновке. Выползли на опушку. Степан пристально осматривал в бинокль деревню.

— Немцев здесь немного. Может, до взвода. Но не тыловые. А это опасно. Эти быстро нам *иди сюда* сделают. Это тыловых можно путнуть, а эти ребята пуганые.

— Противотанковых пушек нет? — спросил Штыренко.

— Пушек не вижу. Но есть кое-что похуже. На, посмотри сам. Подумаи, как эту бандуру можно будет объехать.

Штыренко взял бинокль и тут же выругался:

— Ох, ты... От этой "гусыни" нам не уйти. Она на километр бьёт без промаха. Тут нам не пройти — сто процентов. Я от неё уже горел.

На краю деревни, возле высокой постройки, видимо, сеного сарая, чернела хорошо оборудованная позиция 88-миллиметрового зенитного орудия.

— Всё правильно. Танков они здесь не ждут ни на дороге, ни с тыла. А вот самолёты отпугивать от деревни надо. Таким образом, снаряды у них наверняка не бронестойкие.

— Ну и что? — снова взял бинокль Штыренко. — Она нас любыми разделяет, как слон черепаху. У неё начальная скорость полёта снаряда знаешь какая?

— А у вас пушка для чего?

— Нам с ними соревноваться в меткости — дело рискованное. Сто процентов — они окажутся более меткими и быстрыми.

— Танкисты, вашу мать...

— Была бы тридцатисемимиллиметровка... Её бы мы раскатали в два счёта. А с этой тягаться не стоит.

Они обошли деревню и пересекли шоссе.

Степан подозвал к себе Гришку, спросил:

— Ты тут дорогу какую-нибудь знаешь? Чтобы — в обход деревни?..

— Тут больше дорог нет, — неожиданно заявил проводник. — Тут болота одни. Топь непроходимая. Дорога есть в двух километрах отсюда. Если проехать по шоссе на запад, то скоро будет деревня. Небольшая, такая же, как и эта. Клесты называется. Вот там дорога есть. От Клестов она идёт в сторону Кирова. К фронту.

— А нельзя нам к Клестам напрямую проехать, чтобы сюда не показываться? — спросил Штыренко механика. — И кругалья не давать...

— Нельзя. Там сплошной лес. Ни одной дороги. И тоже болота. Это путь — самый короткий. И единственный.

— Ладно, Штыренко, ты особо не переживай. Двинемся ночью. “Гусыню” твою как-нибудь уговорим. Чтобы нам не мешала.

— А если у них там прожектор? Зенитчикам ночь — не помеха. Осветят и — нате вам пудовую болванку в моторное отделение...

— А другого пути у нас всё равно нет.

Дотемна они успели разведать остальной участок пути. Дошли до немецких траншей, вырытых в лесу. У дороги обнаружили позицию противотанкового орудия. Внизу виднелся разрушенный мост, а дальше, метрах в трёхстах, чернели плохо замаскированные или недавно отрытые линии других окопов.

— Наши, — сглотнул Штыренко, не отрываясь от бинокля. — Мост этот мы проскочим. Ручей — так себе. Проскочим с ходу. Если бронебой не останавят.

— Переезд, сто процентов, утыкан минами. И нашими, и ихними. Расчистить его мы не сможем. Это, танкист, ещё один вопрос тебе. Думай, как нам тут перескочить на ту сторону.

Воронцов стоял за сосной рядом с часовым, и, когда увидел возвращающуюся разведку, обрадовался. Выслушал. Собрал отделённых и танковый экипаж. Начали решать, как идти и где прорываться. Маршрут непростой. Две позиции противотанковых орудий на пути. Заминированная переправа.

— А может, бросим танк? — предложил кто-то из сержантов.

— Нет, танк мы не бросим, — тут же твёрдо ответил Демьян. — Вы, если сомневаетесь в нас или что-то другое надумали, идите в обход. Может, и правда где найдёте свободную дырку. А мы на своей машине пойдём. Сожгут — не сожгут... Пойдём напролом.

Демьяна выслушали молча. Шли, шли все вместе, а теперь... Словно что-то начало разлаживаться. Вот о чём вдруг подумали стоявшие возле “тридцатьчетвёрки”. Молчал и Воронцов. И вдруг почувствовал, что все смотрят на него. Уже стемнело, и лица стоявших вокруг него он видел смутно, а потому и почувствовал напряжённые взгляды танкистов и бойцов.

— Пойдём все вместе, — сказал он. И это было главное. — Никто танк бросать не собирается. Зенитку возьмём ночью. По-тихому. Чтобы немцев в дворах не переполошить. Пройдём краем леса, там — на дорогу. С потушенными фарами — до следующей деревни. К передовой мы должны успеть до рассвета. Что делать с противотанковым орудием возле дороги, надо подумать.

Через полчаса выдвинулись по заранее разведанной дороге. Впереди шла разведка: Степан, Дюбин, Золотарёв и Полёвкин. Метрах в трёхстах следом за ними двигался на небольшой скорости Т-34 с бойцами на броне. Остальные на лошадях ехали следом. Немцев связали и уложили на десантную площадку. Охранял их один из бойцов, имея приказ Воронцова: в случае крайней опасности пленных расстрелять.

В километре от шоссе остановились. Танк, ломая молоденькие берёзки, залез в перелесок. Выставили охранения. Разведка ушла вперёд.

...Воронцов сам вышел вперёд, и, когда увидел в поле бегущего к ним разведчика, сам побежал навстречу.

Взревел мотор “тридцатьчетвёрки”. Придавливая молодой березняк и ёлочки, танк выполз на опушку и снова пошёл вдоль леса, держась старого, наполовину заметённого просёлка, по которому, как видно, с самого первого снега никто не обновлял следа.

— Давай, давай, ребята, не отставать, — поторапливал людей Воронцов.

Сердце Воронцова прыгало под самым горлом. Снова его захватила упругая волна, и он уже знал, что надо делать, как поступить в следующее мгновение. И эта его уверенность передавалась бойцам. Они оглядывались на своего командира и поторапливали друг друга и лошадей.

Обогнули поле, оставляя слева бледные пятна деревенских крыш. Танк качнулся в глубоком кювете, прибавил оборотов, выбросил густой чёрный сноп выхлопных газов и легко развернулся на просторном шоссе. Следом за ним шли кони.

Дальше Воронцов выстроил колонну следующим образом: впереди — конные, а следом, с интервалом в двадцать шагов, двигался танк с автоматчиками на броне. Всех переделали в немецкое.

Степан, Полёвкин и Золотарёв ушли вперёд. Артиллеристы Дюбин и Прибылов остались возле зенитки.

— Дюбин, твоя задача следующая: если со стороны деревни появится какой-либо транспорт, остановить его здесь. На тот случай, если пойдёт пехота, оставляю вам пулемёт. Коня лучше запрягите в повозку. Телега вон есть. — И Воронцов указал на немецкую фуру, стоявшую в сенном сарае. Коня оставляю самого лучшего. Досчитайте до двух тысяч и догоняйте нас.

— Ох, Курсант, погубишь нас, до конца жизни Бога не отмолишь. — Дюбин в упор смотрел на Воронцова.

— Ничего, Дюбин, мы ещё поживём.

— Ох, уверенный ты, командир! Душа заходитесь, тебя слушаю.

— Только раньше срока не уходить. Иначе погубишь, Дюбин, всех. И нас, и себя.

— Да понял я, понял. Смертники мы тут с Прибыловым. После того, что мы сделали с их часовыми, в плен они нас брать не станут. Что ж тут ждать.

— Всё правильно ты понимаешь, Дюбин. Держись.

Артиллеристы развернули орудие. Зенитка была установлена на спланированной площадке, на мощной турели, легко поворачивалась в любую сторону. Снаряды лежали тут же, в плоских контейнерах, сплетённых из лозы.

— Поищи-ка прапнельные или фугасные, — сказал своему напарнику Дюбин. — Ты в ихней маркировке разбираешься?

— Понять можно. Что у них, что у нас...

— Подтащи-ка их поближе. А то, если попрут, не управимся подносить.

— А ты что, Дюбин, стрелять собираешься?

— Собираюсь, не собираюсь, а снаряды всё ж таки поднеси, как я сказал.

Прибылова Дюбин знал мало. Можно сказать, совсем не знал. Шли в одной колонне. Молчаливый, замкнутый. То ли контуженый, то ли пережил много.

— Слышь, гаубичник, ты в плен-то как попал?

Прибылов подтащил одну плетёнку. Аккуратно положил её возле станины. Откинул клапан, чтобы легче было брать снаряды. Пошёл за другой. Ничего не ответил.

— В плен, говорю...

— А какое тебе дело до моего плена? — тихо сказал он и взялся за следующую плетёнку. Снаряды были тяжёлые, и Прибылов с трудом волок их по затоптанному снегу, пятясь враскорячку.

— Да мне никакого дела до этого, конечно, нет.

— А тогда давай думать, как отсюда поскорей ноги унести, — неожиданно оживился Прибылов.

— Нам, гаубичник, приказ какой даден?

Прибылов вдруг распрямился, посмотрел на Дюбина, на то, как тот уверенно трогал маховики, как пытался заглянуть в панораму, подошёл, сказал тем же тихим голосом:

— А ну-ка...

— Ты ж не наводчик. — Но Дюбин всё же уступил место наводчика.

— Я и наводчик, и заряжающий, и по танкам тоже, между прочим, стрелял.

Прибылов повернул ствол орудия и тем же тихим голосом приказал:

— Заряжай.

Дюбин откинул затвор, засунул длинный снаряд.

— Высоко как! Заряжать неудобно.

— Немцы вдвоём заряжают, с ящиков.

Они сели на зарядные контейнеры и напряжённо всматривались в чёрную полосу дороги, исчезающую в сотне шагов среди деревенских построек и тынов. Спустя некоторое время Дюбин сказал шёпотом:

— Ну что, гаубичник?

— А что? Тихо.

— Да я не про то. Пора нам. Иди, выводи коня, а я за пулемётом схожу.

Они погрузили на телегу оружие. Дюбин сбежал в сарай, принёс коробки с пулемётными лентами.

— Гони, гаубичник!

Они отъехали метров двести, когда в середине деревни, на шоссе, мелькнули приглушённые фары и послышался рокот мотора. Грузовик с высоким тентом медленно выполз из-за дворов. За ним второй, третий.

В эту ночь на Зайцевой горе немцы меняли батальон, который не выходил из боя уже около месяца. Солдаты дремали под застёгнутыми тентами. Грелись, прижавшись друг к другу. Грузовики двигались медленно, с приглушенными фарами, закрытыми специальными колпаками, через которые свет пробивался настолько скудно, что водители попросту выключали освещение и двигались на ощупь, стараясь соблюдать дистанцию и не наскочить на впереди идущий транспорт. И когда впереди раздался стук пулемёта и первые пули начали рвать брезент и кромсать спины и затылки сидевших в кузовах, передние грузовики шархнулись в кюветы, а третья машина, остановившись посреди шоссе, выпыхнула, как факел. Солдаты съпанули с кузовов. Погодя, опомнившись, начали вытаскивать раненых, складывать на обочине в ряд убитых. Другие залегли и открыли беспорядочный огонь по лесу. Но вскоре поняли, откуда стрелял пулемёт. Офицер позвал к себе двоих солдат, отдал короткое распоряжение, и тотчас они исчезли в лесу. Через несколько минут на дороге, в той стороне, откуда стрелял пулемёт, разорвались, перемешивая пламя со снегом и мёрзлой землёй, одна за другой четыре гранаты. И сразу наступила тишина.

Глава одиннадцатая

Сквозь рёв двигателя они слышали позади, на дороге дальнюю стрельбу. Длинные очереди прерывались короткими, торопливыми. Воронцов сразу всё понял. Он остановил коня, прислушался. Последовала серия гранатных взрывов. Ну, вот и всё, подумал он и снова тронул каблуком сапога чуткий бок коня.

Раненого лейтенанта они разместили в танке. Немцы, нахохлившись, сидели на броне. Рядом с ними, с автоматами, опершись на броню башни, стояли бойцы. Воронцов, Нелюбин, Григорьев и Куприков ехали на лошадях. Воронцов приспособил вместо седла сложенную вчетверо шинель, которую Степан снял с убитого пулемётчика. Подвязал её верёвкой. Если погнать коня галопом, то на таком седле далеко не ускачешь. Степан с разведчиками шёл где-то впереди.

Вскоре повернули. Танк прошёл вперёд. Тут, если что случится, решили уже лезть напролом. Глаза, свыкшиеся с темнотой, мгновенно различили впереди, сквозь снежную пыль, гряду окопов. Видимо, они были пустыми. Скорее всего, это была вторая линия, которую немцы занимали в случае опасности или перегруппировки. Впереди было тихо. Связной, которого должен был выслать Степан и в случае опасности, и в случае удачи, не возвращался. Воронцов хлестнул куском верёвки коня, догнал “тридцатьчетвёрку” и постучал прикладом винтовки по броне. Танк остановился. Из люка высунулся Демьян:

— Ну что, командир?

— Надо подождать. Глуши мотор.

Немцев связали попарно и уложили на площадку трансмиссии. Рты заткнули тряпками и паклей.

Воронцов приказал занять круговую оборону и ждать.

Степан полз по полю, время от времени останавливался, замирал, слушал ночь, всматривался в темень, обрамлённую впереди грядой кустарника, росшего вдоль придорожного кювета. Днём дорога казалась ближе. Вскоре он увидел бруствер большого окопа, над которым чернела полоска косога орудийного щита. Левее виднелась белая шапка блиндажа с чёрной трубой. Пахло дымом костра. Из трубы высвёркивали струи искр. Неужели с той стороны оврага, от наших окопов, этого не видят, подумал Степан. Хороший корректировщик и несколько снарядов давно бы расковыряли этот блиндаж вместе с пушкой. А вот и часовой. Он увидел сторбленную фигуру над приземистым щитом пушки. Подползти к нему со стороны поля невозможно. Заметит.

Немец тем временем с кем-то разговаривал.

Степан выждал несколько минут. Ситуация не менялась. И тогда он начал отползать назад.

Полёвкин и Золотарёв его ждали в лощинке, в кустарнике.

— Ничего не получается. — Он лёг на снег рядом с ними. — Полёвкин, дай сюда гранату. Иди к командиру и доложи следующее: подобраться к орудийному окопу ПТО скрытно нет никакой возможности, я принял решение атаковать и забросать блиндаж гранатами. Они пусть начинают движение по дороге. В случае успеха мы присоединимся к ним на месте. Золотарёв, за мной.

Полёвкин ушёл через поле, исчез в темноте, подсинённой морозным снегом. Степан толкнул в бок замершего Золотарёва:

— Ну что, скокарь, пойдём сходим по мокрому делу?

— С таким напарником, как ты, скоканёшь... Мы что, прямо на них полезем?

— А ты думал что? Это тебе не по форточкам лазить. Пошли.

Они подползли к позиции шагов на тридцать. Часовой стоял на прежнем месте. Но голоса затихли. Значит, тот, второй, с кем он несколько минут назад разговаривал, ушёл. И часовой остался один.

Накинув на голову белый капюшон немецкой камуфляжной куртки, в которые Курсант приказал одеть разведку, Золотарёв быстро продвигался по неглубокому снегу вдоль полосы молоденьких берёз и редкого кустарника, которым зарос придорожный кювет. До трубы, из которой теперь уже изредка вылетали яркие, как окурки, искры, оставалось шагов пятнадцать, когда впереди, возле немецкого орудия, он опять услышал тихий разговор. Разговаривали немцы. Не спят, зыбнуло внутри у Золотарёва. На мгновение он затаился. Но тут же заставил себя снова ползти к чёрной трубе блиндажа. Давай, давай, Клятый, сержант уже, должно быть, подполз, момента ждёт. И вот она, труба. Тепло от неё чувствуется на несколько шагов. Он оступил за пазухой гранаты. Две “феньки” он бросит в трубу. Немецкую, с длинной ручкой, — в проход. Свои гранаты он знал хорошо. После третьего броска и “феньки”, и “эргэдэшки” стали как родные. Немецкой побаивался. Но ничего, справится как-нибудь и с ней. Степан всё объяснил. Что отвинчивать и какой шнурок дёргать. Предупредил и о том, что взрыватель у неё поздний. Получается, что наши даже поопасней.

В это время позади него, где-то на дороге, дёрнул ночь танковый мотор. Всё, через пять минут “тридцатьчетвёрка” и весь взвод будет здесь. А орудие ещё не уничтожено.

Где-то левее, за дорогой и лесом, отстучал дежурный пулемёт, отстрелял в ночное безмолвие положенный кусок ленты и затих. Ему, видимо, с другой стороны, но пореже, ответил другой. Золотарёв его узнал — “максим”, наш.

Золотарёв приготовил гранаты и привстал, чтобы лучше видеть, что происходит в артиллерийском окопе. И в это время там началась возня. Он вскочил, выдернул чеку первой гранаты и сунул её в жаркую струю чёрной трубы. Землю, укреплённую бревенчатым настилом, встряхнуло. Трубу вырвало из земли, и в дыру ударило потоком искр. Послышались вопли раненых. Золотарёв разжал скобу второй гранаты, дождался щелчка взрывателя и сунул её в багровую дунку. Снова встряхнуло шапку блиндажа. Крики ра-

ненных затихли. Он оглянулся в сторону артиллерийского окопа. Там тоже было тихо. За пазухой лежала ещё одна граната. Он скатился вниз к лазу, прислушался. В блиндаже разгорался пожар. А в стороне пехотных окопов слышались голоса. В небо, расплёскивая искры, как от электросварки, взметнулось сразу несколько осветительных ракет. Они повисли в стороне, но здесь, в окрестностях блиндажа и в артиллерийском окопе, стало видно как днём. Приземистый косой щит орудия и узкий, как шило, ствол, развёрнутый вдоль дороги. Чёрная тень бруствера. Плетень внутри окопа. Штабель ящиков в углу. Степана не видеть. Часового тоже.

— Золотарёв! — слышалось откуда сквозь кашель.

— Командир! Живой!

— Давай третью! Сюда! — Степан выбрался откуда-то сбоку, из-за бруствера, сплюнул тягучую багровую слюну. — Давай! Засовывай!

Золотарёв увидел, как Степан сдёрнул с орудийного прицела плащ-накидку, открыл затвор.

— Сюда суй! Не бойся! Она не кусается. Разве что голову оторвёт.

Золотарёв сунув в казённый гранату, и они со Степаном кубарем покатились за бруствер, в придорожный кювет. Грохнуло ещё раз.

И в это время к ним подошла “тридцатьчетвёрка”. Танк остановился, развернул башню, опустил орудие и сделал несколько выстрелов. Фугасные снаряды рвались недалеко, в ольхах, справа и слева от дороги. Оттуда уже выплёскивало пулемётные струи. Но немцы, застигнутые врасплох, вели огонь вслепую.

Степану и Золотарёву помогли взобраться на броню танка.

— Ну, ребята, теперь держись! — крикнул младший сержант Петров и захопнул люк. Танк послал в ольхи ещё несколько осколочных и рванулся вперёд. Следом за ним скакали всадники.

Заработали все пулемёты. Курсовой стриг кусты, перепахивал окопы, отгонял немецких пехотинцев в глубину траншеи. Стреляли и сидевшие на броне.

Вскоре пришли в себя и немцы. Сообразив, что это вовсе не атака и не прорыв на соседнем участке с выходом в их тылы, а одиночный танк, неизвестно как оказавшийся позади их позиций, быть может, заблудившийся, они начали возвращаться по траншее и ходам сообщения и занимать свои ячейки. Через несколько минут они уже вели прицельный огонь. Один из них, неожиданно оказавшись вне зоны огня курсового пулемёта, стрелявшего трассирующими, побежал на сближение с танком. Он держал в руке круглый контейнер и, припадая к земле, продвигался всё ближе и ближе к “тридцатьчетвёрке”.

— Сержант! Мина! — закричал Полёвкин; он расстрелял последние три патрона, но ни одна из его пуль не достигла цели. Немец, ловко маневрируя между деревьев и одиночных окопов, быстро сближался с танком.

Короткая автоматная очередь срезала бежавшего в десяти шагах от левой гусеницы Т-34. Достигнув линии траншеи, танк резко остановился, развернул башню и послал несколько осколочных снарядов туда, откуда взлетали частые ракеты. Один из снарядов опрокинул противотанковое орудие. Немецкие артиллеристы спешно разворачивали его, чтобы ударить в борт “тридцатьчетвёрки”. Осколками перебило расчёт. И это спасло прорывающихся.

Под Воронцовым убило коня.

— Сашка! Хватай стремя! — услышал он голос Кондратия Герасимовича.

Он вскочил на ноги и, хромая, поймал ногу младшего лейтенанта и побежал рядом. “Тридцатьчетвёрка” грохотала гусеницами, расчищая им путь. Впереди был мост через замёрзший ручей. Воронцов увидел его в свете ракет, которые продолжали взлетать в чёрное небо теперь уже с двух сторон. Но окопы, белевшие брустверами на той стороне поймы, огня не открывали. Неужели сейчас полоснут, с ужасом думал Воронцов. Башня “тридцатьчетвёрки” медленно поворачивалась назад. Время от времени из неё в сторону немецких окопов полыхало стремительным длинным языком пламя очередного выстрела. Возможно, эта стрельба экипажа никакого урона немцам

не приносила, но она показала сидевшим за нейтралкой, что прорываются свои и что свои нуждаются в поддержке. Не прошло и минуты, как по всей полосе немецких окопов начали рваться мины.

Танк остановился перед мостом.

— Командир! Курсант! — закричали с брони, высовываясь из-за развёрнутой башни. — Мост разобран!

Из люка высунулся Демьян:

— Курсант, вброд нельзя! Брод наверняка заминирован!

— Быстро взяли бревна! По два! — И Воронцов первый бросился к штабелю брёвен, которые он вначале принял за мост.

Брёвна со звоном падали на лёд. Через несколько минут всё было готово. Взвод переправился на другую сторону и залёг на обочине дороги. А танк, хрустя обледенелыми разезжающими брёвнами, медленно перебрался через ручей.

Последние сто метров взвод под прикрытием “тридцатьчетвёрки” преодолевал под сплошным градом мин. Наши миномёты затихли. Но немцы, видимо, окончательно придя в себя, открыли шквальный огонь по всей линии окопов. Т-34 изредка останавливался, делал очередной выстрел и снова пятился вверх по склону. Курсовой пулемёт его молчал — закончились патроны.

Воронцов последним прыгнул в глубокую траншею. Рядом, гремя траками, перелез через брусстер танк. Заполз в огород, обнесённый высокой изгородью, остановился шагах в десяти от траншеи и выстрелил. Трассер сверкнул над поймой и ушёл в сторону немецкой траншеи. Танкисты, израсходовав весь боезапас осколочных, в азарте стреляли бронебойными. “Тридцатьчетвёрка” снова взревела мотором и ушла в заросли тёрна.

Стрельба прекратилась. Стало тихо. Так что было слышно, как за ручьём кричали раненые немцы.

Воронцов огляделся и с удивлением обнаружил, что уже рассвело. Сыпал снег. Тихо шуршал по одежде и краям окопов.

— Товарищ Курсант, а траншея — пустая! Вот ёшки-матрёшки! Куда ж мы прибежали?

Воронцов открыл слипавшиеся глаза. Рядом с ним на дне траншеи стоял на коленях боец в закопченной каске. Это был Куприков.

— Куприков, это ты?

— Я, товарищ Курсант. — Куприков высунулся из траншеи, покрутил головой. — Неужели мы проскочили? — И он снова устало опустился на колени. — Проскочили. Это ж надо...

Снег шуршал, охлаждал потный лоб, залеплял глаза, щекотал ноздри. Белые пушистые шапки прилетали с неба, невесомо опускались на землю, засыпали следы и копать. Казалось, небо опустилось к истерзанной земле, трогало дымящиеся раны, стараясь хоть как-то успокоить их. Умиротворить людей, копошащихся среди сотворённого хаоса разрушения и смерти, дать им возможность одуматься, остановиться, ужаснуться.

— Спасибо вам, товарищ Курсант. — Это сказал всё тот же Куприков. Его голос услышал Воронцов где-то совсем рядом и открыл глаза. Закопченная каска колыхнулась и замерла действительно рядом, в полушаге. Воронцова это обрадовало: Куприков жив, он тоже добежал...

— За что?

— За то, что вывели нас. Вы ж нас спасли от позора. — Куприков уткнулся в угол окопа, затрясся. — От позора, товарищ Курсант. От позора... У меня ж дома двое детей. Сыны. Кем они вырастут, если папка ихний в плену сгинет?

— Ты что, Куприков? Плачешь? — Воронцов никак не мог отдышаться. Слова из него выходили с хрипами, с глубоким задышленным кашлем. — Пустое. Не плачь. Лучше сходи, позови Нелюбина, Степана и сержанта Григорьева. Всех — ко мне.

Закопченная каска качнулась и приподнялась.

— Подожди, Куприков. Знаешь что... Это тебе спасибо, Куприков.

— А мне-то за что? Я вон и патроны не все израсходовал. Танк как даст

через наши головы! Ёшки-матрёшки!.. Вот где страху! А коня моего тоже убили. Жалко коня. Да где ж тут коня убережешь?

Воронцов, карабкаясь руками по стенке окопа, тоже встал. Обнял Куприкова и сказал ему:

— Ты хороший боец, Куприков. Вот за это я и выражаю тебе благодарность.

— Служу трудовому народу! — неожиданно ответил Куприков и подобрался.

— Голову-то не высовывай. Рассвело. Для снайпера самое время.

Спустия некоторое время боец вернулся. Доложил:

— Спят они все, товарищ Курсант. Сморило. Никого не смог разбудить.

— Раненые есть?

— В драке не без синяков. Но тяжёлых, слава богу, нет. Степану досталось. Там, в окопе, возле “колотушки”¹. Немец ему попался, видать, здоровенный.

— А что так тихо, Куприков?

— Наши спят. А хозяева, видать, разбежались. Мы ж на них — с той стороны, да ещё с танком. Их тоже понять можно. У них же тут пушек противотанковых нет. Это вон у немцев — всякой твари по паре. Даже в пехотных окопах.

— Куприков, я назначаю тебя в наряд. Пока взвод спит, будешь охранять наш участок траншеи. А я немного посижу. Посижу и пойду хозяев поищу. Должен же тут кто-то быть.

На рассвете командиру стрелкового полка, державшему оборону перед склоном одной из высот в окрестностях Зайцевой горы, подполковнику Колчину доложили из левофлангового батальона: немцы проявляют активность в районе деревни Фомино, слышна ружейная стрельба. Через несколько минут новое сообщение: в ближнем тылу у немцев, похоже, идёт бой, с применением танков, но с чьей стороны, пока не ясно. Наших танков там нет. Но стрельба ведётся явно из танковой пушки калибра не меньше 76 мм. По темпу стрельбы очень похоже, что там ведёт бой “тридцатьчетвёрка”.

— Ты, Дроздов, повнимательней будь, — предупредил комбата-3 Колчин. — От немцев всего можно ждать. Но, возможно, что на твоём участке прорывается заблудившаяся разведка из соседней дивизии. Будь готов ко всему.

— С танком прорываются, Илья Митрофанович, — сообщил комбат-3. — Вот только из второй роты позвонили. Солодовников сообщил: “тридцатьчетвёрка” с десантом на броне, пятится, ведёт сосредоточенный огонь по немецким траншеям. На провокацию не похоже. Солодовников докладывает, что лупит по немецким окопам — только брёвна летят.

— Ну так помогите им, Дроздов! Или хотите, чтобы их перед вашими траншеями распekli?! Действуйте. Пусть миномётчики откроют отсечной огонь.

— Да ведь мин и так по десятку на ствол.

— Танк потеряем — дороже выйдет.

— Танк не наш. Нам за него в бригаде и спасибо не скажут. А мины нам на артекладах по счёту выдают. Израсходуем сейчас суточную норму, другой не будет.

— Слушай, Дроздов, срочно прикажи миномётчикам открыть огонь. И брось мне эти рассуждения: мой колхоз, не мой колхоз... Докладывать — через каждые пятнадцать минут!

— Понял. Разрешите действовать?

— Вы уже должны действовать!

...Старший лейтенант Солодовников бежал по траншее. Теперь достаточно было пригнуть голову, чтобы каска не маячила над бруствером и не дразнила снайпера. Топот сапог и обледенелых валенок за спиной свидетельство-

¹ “Колотушкой” немцы называли свою противотанковую 37-миллиметровую пушку.

вал о том, что взвод Могилевского бежал следом, постепенно собираясь из отводных ходов сообщения и ячеек. За вторым изгибом Солодовников увидел лежавших вповалку людей с немецкими автоматами и карабинами, в немецких камуфляжных куртках и сапогах. Несколько человек среди них были одеты иначе. Один, рослый, худощавый, в поношенной шинели с курсантскими петлицами, в пилотке, глубоко надвинутой на уши. Другой в таком же поношенном ватнике и тоже в пилотке. Третий смотрел на пистолет Солодовникова испуганными глазами из-под закопченной каски. Каска его была в таком затрапезном состоянии, как будто в ней сутки на костре варили кашу на весь взвод.

— Кто такие? — Старший лейтенант Солодовников строго смотрел на людей, занявших окопы левого крыла его роты. — Разведка, что ли? Почему в немецкой форме?

То, что это не немцы, старший лейтенант Солодовников понял сразу. С такими заросшими рожами... Немцы, даже убитые, выглядели куда лучше.

Младший политрук тем временем выглядывал в сторону поймы. Двоим автоматчикам, на всякий случай, приказал взять на мушку людей, занявших их траншею при совершенно неожиданных и странных обстоятельствах и теперь спавших вповалку прямо в ячейках, на затоптанном снегу, на ящиках. Словом, кто где.

А немцы, наблюдавшие за их траншеей, тем временем окончательно придя в себя, кинули несколько пристрелочных мин. Взрывы хряснули в саду, немного с перелётом, между первой и второй траншеями роты.

— Пристрелочный, — сразу определил старший лейтенант Солодовников. — Могилевский! Живо расставляй людей! Сейчас в атаку попрут!

Бойцы протискивались в тесной траншее мимо ротного и младшего политрука, стараясь не смотреть им в глаза, карабкались на четвереньках к своим ячейкам, перешагивали через спящих в незнакомой форме, которых час назад они приняли за немцев, внезапно, при поддержке танка, атаковавших их взвод.

Мины начали перепахивать правый фланг. Потом немцы обработали левый, на стыке с третьей ротой, и обрушились на центр.

Когда обстрел закончился, взвод Воронцова зашевелился и начал выглядывать в пойму. Там, в полтора метра от них уже бежала, с каждой минутой выравниваясь в более правильный порядок, густая цепь. Атаку немцев поддерживали два бронетранспортёра с крупнокалиберными пулемётами и штурмовое орудие. Приземистое, как черепаха, оно осторожно ползло справа, подминая кустарник и не отрываясь от пехоты.

— Кто командует группой? — спросил ротный, как спрашивают своих, когда надо готовиться к бою.

Воронцов шагнул навстречу и вскинул ладонь к виску:

— Сержант Воронцов.

— Сержант? Как сержант? — В глазах ротного было недоумение. — Ладно, пусть будет сержант. Где ваш танк? У него есть снаряды? Он может вести огонь?

— Должны быть, товарищ старший лейтенант. — Внутри у Воронцова всё колыхалось и подпрыгивало от радости. Вот он, Сашка Воронцов, курсант шестой роты Подольского пехотно-пулемётного училища, принявший свой первый бой в октябре прошлого года неподалёку отсюда на реке Извери, а потом год скитавшийся по лесам, наконец-то вышел к своим. Вывел людей. Он докладывает старшему по званию. Правда, похоже, тот не особо нуждается в его докладе. Потому что немцы атакуют его участок, и сейчас, прежде всего, нужно приготовить людей к бою.

— Он что, не подчиняется вам? — спросил Солодовников, указав стволом пистолета в сторону сада.

— Подчиняется. Мы — одно подразделение, один взвод. Сформировались во время выхода.

Ротный снова в недоумении покачал головой и сказал:

— Ладно, потом разбираться будем. Пусть твоя “тридцатьчвёрка” попытается остановить их штурмовое орудие.

— Есть остановить штурмовое орудие, товарищ старший лейтенант! — И Воронцов снова лихо векинул ладонь к пилотке, которая теперь уже вполне по уставу, хотя и не по сезону сидела на голове сержанта с курсантскими петлицами и нашивками “ППУ”¹.

Воронцов позвал Степана и сказал:

— Ну, Стёп, надо отличиться. Сама судьба нам посылает эту атаку. Скажи Демьяну, если, конечно, у них есть бронебойные, чтобы стрелял по самоходке. У них тут, как видно, артиллерии нет. Так что пусть постарается.

Глава двенадцатая

Воронцов приказал своему взводу поделить поровну оставшиеся патроны. Автоматчики, которые всё это время неотлучно следовали за старшим лейтенантом, принесли ящик с гранатами.

— По две на брата, — сказал один из автоматчиков. Они поставили ящик к ногам Воронцова и побежали на левый фланг, где ротный распекал кого-то матюгами.

Воронцов крикнул:

— Кто не боится гранат, подходи получать!

Первым подбежал Куприков.

— Давайте, товарищ Курсант, мою пайку и пайку Калюжного.

— А ты разве бросать умеешь?

— Умею.

— А Калюжный что?

— Да не бросал он ни разу.

Ребристые, настывшие на морозе “Ф-1” быстро расхватили из ящика, Начали торопливо ввинчивать запалы. Оборона — не наступление. Если немцы подбегут на бросок гранаты, поздно будет вставлять воспламенители.

Воронцов рассовал три доставшиеся ему гранаты по карманам и выглянул в поле. И в это время сине-фиолетовая трасса, гулко шипя в морозном воздухе над головами затаившегося взвода, ушла в пойму, и Воронцов увидел, как бронебойная болванка ковырнула землю перед гусеницей самоходки и рикошетом ушла в сторону ольховых зарослей. Штурмовое орудие тут же остановилось, сделало небольшой доворот. Короткий ствол её, торчащий из ниши приплюснутой башни, дёрнулся, выплонул снаряд. И она, снова выровнявшись и держась своего курса, пошла вперёд. Опасаясь мин, своих и русских, механик-водитель вёл машину точно по следу “тридцатьчвёрки”.

В саду взревел танковый мотор. Танкисты меняли позицию. Потому что из ольховой гряды на той стороне поймы вдруг начало стрелять одиночное противотанковое орудие. “Тридцатьчвёрка” переместилась куда-то левее, на стык с соседней ротой. Там слышались команды старшего лейтенанта. Вскоре оттуда с тем же гулким шипением в пойму, к мосту, унеслась вторая трасса. Она ударила под углом в низкую боковую броню немецкого штурмового орудия, вспыхнула искрами и, выломав дыру, проникла внутрь. Потому что самоходка резко остановилась, дёрнулась и медленно начала сползать с дороги вниз, в болотину. Открылся люк. Но никто оттуда не вылез. А ещё через мгновение чёрный дым повалил из моторной части и откинутого люка, окутывая омертвевшую машину маслянистыми разводами. Следом за второй ещё несколько трасс ударили в разгоравшуюся самоходку. Она вздрагивала и ещё глубже оседала в чёрную болотину, расплзавшуюся бесформенной лужей по льду вокруг гусениц.

А танковый мотор за спиной взвода снова взрывал и затихал. Танкисты маневрировали, чтобы не попасть под огонь ПТО.

— Не стрелять! — кричал изо всех сил, матерясь, старший лейтенант Солодовников. — Не стрелять!

Время начала огня для стрелков ещё не наступило.

И тут резким электрическим щелчком ударило по каске стоявшего в со-

¹ Подольское пехотно-пулемётное училище.

седней ячейке Куприкова. Боец опрокинулся навзничь. Воронцов увидел его испуганные глаза.

— Убрать головы! — рывкнул Воронцов и кинулся к Куприкову. — Огонь открывать только по моему приказу!

Куприков лежал с открытыми глазами. Во взгляде не было того покоя, который Воронцов видел у умирающих.

— Куприков, живой?

— Ох, ёшки-матрёшки... — Боец сдвинул рукой каску, потрогал голову. — Я думал, мне голову оторвало.

— Разрывными бьёт.

— Снайпер, что ли? Вот гад. Каска ему моя глянулась.

— А ты тоже, головешку свою высунул. Хоть бы снегом облепил...

Воронцов расчехлил прицел винтовки, снял с головы пилотку, свернул её вчетверо, сунул в карман и осторожно высунулся над бруствером. Немецкая цепь как раз забежала в полосу замёрзшего ручья. Чёрные и белые фигурки в капюшонах перепрыгивали через расклёванные во льду и болотине лунки, оставленные минами. Немцы атаковали примерно двумя взводами. Но, кто знает, сколько их там сосредоточилось в траншее на исходных в ожидании результатов атаки ограниченных сил первой волны. Бронетранспортёры сунулись было вниз, но слабый лёд, видимо, не держал, и они тут же дали задний ход, остановились и начали поливать траншею на противоположной стороне огнём крупнокалиберных пулемётов с расстояния. Штурмовое орудие, осев набок, вовсю горело, выбрасывая из люка багровое пламя. Хорошо ему вцепили танкисты. Воронцов скользнул окуляром прицела по фронту. Ничего подозрительного. Цепь бежала по льду и болотине. Самоходка разгоралась. “Гробы”, маневрируя и время от времени меняя позиции, продолжали стрелять длинными очередями, поддерживая атаку своей пехоты. И тут над бортом одного из бронетранспортёров вспыхнул дымок порохового заряда. Без сомнения, это был одиночный выстрел. Воронцов медленно повернулся влево и поймал в прицел крайний “гроб”. Над бронеплитой, окрашенной в грязно-белый цвет, показалась такая же белая каска, обернутая материей, прихваченной по окружности тонким ремешком. Блеснула линза оптики. Немец произвёл свой очередной выстрел так быстро, что Воронцов не успел его упредить. Дымок порохового заряда снесло в сторону. Белая каска с поперечным ремешком медленно утонула за обрезом бронеплиты. Что ж, полдела сделано, Воронцов его обнаружил, и теперь надо ждать, когда немец перезарядит винтовку и снова высунется, чтобы определить очередную свою жертву и снова выстрелить.

— Рот-та-а! Слушай мою команду! — И старший лейтенант Солодовников в азарте выскочил на бруствер, трепанул над головой своим ТТ. — По фашистским извергам — огонь! — Ротный прибавил ещё несколько слов для связи и выстрелил в пойма.

Почти одновременно с ним выстрелил и Воронцов. Потому что белая каска снова начала подниматься над наклонной бронеплитой. Воронцов не стал ждать, когда снайпер покажется до плеч, нажал на спуск. Но бронетранспортёр дёрнул. Возле переднего колеса вырос багровый фонтан взрыва фугасного снаряда, и водитель тут же отреагировал. Снайпер исчез. Воронцов успел заметить, как его пуля ударила в край бронированного борта.

Он знал, что снайпер теперь вряд ли снова высунется из-за борта. Но огонь он продолжит. Только с другой позиции.

— Витюков! Бегом к миномётчикам! Скажи, чтобы накрыли склон. Хоть бы пару залпов! — Старший лейтенант Солодовников размахивал винтовкой с примкнутым штыком. Видимо, взял у кого-то из убитых. — Всем раненым, кто может стоять, взять в руки оружие! Отобьёмся, ребята! Отобьёмся!

Но немцы, сломав цепь, накатывались стремительной лавой. До некоторых из них оставалось шагов пятьдесят. И Воронцов увидел, что бежавшие в передней цепи начали выдёргивать из-за голенищ противопехотные гранаты с длинными ручками. Он знал, что такие палки можно бросать издалека.

Нелюбин, проснувшись, не сразу понял, куда попал. Его трясло. Но холода он не чувствовал. С ним происходило что-то нервное. Эх, утомила меня война проклятая, подумал он, глядя в молочно-мутное небо, откуда на землю, на бруствер и в траншею, на плечи и лица его товарищей падали белые шапки снега. Потом, услышав знакомый голос командира роты, которая держала оборону рядом, в соседях, когда они атаквали в Сухом ручье, понял, что фронтовая судьба всё же милостива к нему. Он хотел было окликнуть старшего лейтенанта Солодовникова, но тот, яростно матерясь, пролез по траншее, наступая на их ноги и руки, и начал приводить в чувство кого-то на левом фланге. Туда немного погодя, по приказу Курсанта, ушёл Калюжный. И Нелюбин вспомнил, что там, когда они спрягивали в траншею, он заметил пулемётный окоп и на дне его накрытый плащ-палаткой и припорошенный сверху снегом “максим”. Тут же мелькнуло: позиция рядом с пулемётом... опасная позиция... накроют первым же залпом. Когда автоматчики принесли ящик с гранатами и Курсант начал распределять по едкам самые гожие для такого случая оборонительные Ф-1, Нелюбин, как всегда, пожадничал, взял шесть штук. Рассовывал и рассовывал по карманам, пока не отяжелела куртка.

— Так-то оно... Так-то, Сашка... Укуси пирожка, да и за пазушку... — приговаривал он, понимая, что сейчас будет.

— Бери, бери, Кондратий Герасимович, — помогал ему Воронцов, глядя, как дрожат большие натруженные руки Нелюбина. — У тебя не пропадут.

— Да уж беряжить буду, — засмеялся невесело Нелюбин. — На Пасху вместо яиц на божницу положу...

— Кондратий Герасимович, позиция у вас хреновая. Пулемёт.

— Да я вижу.

— Они сейчас на него полезут. Попытаются его гранатами закидать. Так что держитесь.

— Удержимся. Не впервой. А не удержимся, так и побежать можно.

— Нельзя нам тут бегать. Вы, главное, не подпустите их. Подпустите, все гранаты — ваши.

— Да я уже всё понял. Арихметика нехитрая... Два пиши, а три — в кармане...

Когда началась пальба, Нелюбин управлял своим отделением и сам стрелял из автомата, тщательно выцеливая очередную фигуру в распахнутой шинели. Но сколько бы они ни палили по цепи, она всё равно продолжала приближаться к их траншее, накатываясь серо-зелёной волной от замёрзшего ручья вверх.

“Максим” заработал, когда до немецкой цепи оставалось метров восемьдесят. Пулемёт сделал несколько прицельных очередей, и Нелюбин увидел, как поредело сразу внизу. То ли пулемётчики их срезали точной стрельбой, то ли немцы залегли, прижатые более плотным огнём. Но тотчас из-за ольх на той стороне прилетели мины, легли перед бруствером, простригли пространство над головами хриплыми голосами осколков. Вслед за первой, с небольшим перелётом, легла следующая серия. И началось!

— Калюжный! В траншею! — успел крикнуть Нелюбин и увидел, как пулемётчики подхватили “максим” и перебежали вперёд, к траншее.

Третий залп точно накрыл пулемётный окоп, в котором, к счастью, никого и ничего уже не осталось, кроме пустых патронных коробок.

— Давай на запасную! Калюжный! На запасную!

Но пулемётчики уже сами знали, что делать. Спотыкаясь и падая, они тащили “максим” к зарослям шиповника. И через минуту оттуда ударили трассирующие струи, подрывая атакующих с фланга.

Теперь немцы бежали грушами. Нелюбин уже видел их лица, оскаленные рты, прыгающие в руках автоматы и белые лезвия плоских штыков на карабинах. И вот с недолётом, но точно напротив его ячейки в снег плюхнулась первая граната с длинной ручкой. Ну, подумал Нелюбин, вот оно и началось, о чём всегда копчик ноет...

— Отделение! Приготовить гранаты! — крикнул он, хотя знал, что бросать гранаты ему придётся одному. Рядом на дне окопа корчился незнако-

мый боец с простреленным плечом, и его уже пытались оттащить в боковую нишу, чтобы не мешал и чтобы его не затоптали, когда начнётся свалка. Полёвкин гранаты не брал. А Куприков стрелял где-то правее, находясь рядом с Курсантом.

Нелюбин выглянул из-за бруствера, чтобы определить, куда бросать первую, и увидел, что к ручью спускается новая волна атакующих. Как быстро они преодолели расстояние от своей траншеи до замёрзшего ручья! Если не отобьёмся от первой, вторая цепь наверняка прыгнет на головы, и тогда... Взглядом бывалого солдата Нелюбин успел заметить, что народ кругом был нестойкий. Бойцы палили наобум лазаря, не прицеливаясь, некоторые зажмуривались, прежде чем нажать на спуск. Лейтенант бегал за спинами с наганом, бледный как полотно, и что-то испуганно бормотал. Ротный наводил порядок на левом фланге. Нелюбин выдернул чеку, отпустил скобу и, хорошенько размахнувшись, бросил первую “феньку” далеко в пойму. Граната чёрным мячиком с серебристым карандашиком запала за кувыркалась в молочно-белом пространстве, описала дугу и ударилась под ноги бегущим от ручья. Взрыва Нелюбин не услышал. Только увидел, как раскидало снег и куски мёрзлой земли, как оглянулся назад один из бегущих и начал падать навзничь, будто его перевешивал тяжёлый рюкзак за плечами. И тотчас гряда взрывов пронеслась по всему фронту перед траншеей обороняющихся. По короткому истончающемуся свисту и характерному металлическому хряску Нелюбин сразу догадался — мины. Это миномётчики снова помогли им.

Когда снежная пыль и копоть осели, Воронцов увидел, что уцелевшие отползали к замёрзшему ручью, утаскивая раненых. Раненые кричали. Но вторая цепь уже поднималась по склону от ручья. По тому темпу, который они держали, как напирали, можно было понять, что немцы решили захватить траншею во что бы то ни стало.

Воронцов положил винтовку на бруствер, посмотрел в прицел. Офицеров и командиров отделений он определял сразу: время от времени те взмахивали руками или короткими автоматами, поторапливая своих подчинённых. Снайперская подготовка в училище оказалась короткой. Но самое главное он успел усвоить и за те несколько дней, когда с ними проводил полевые занятия один из лучших снайперов-инструкторов Московского военного округа. Нельзя вести фронтальный огонь, вспомнил он одну из основных заповедей снайпера, ищи цель на фланге, и тогда есть вероятность, что тебя обнаружат не раньше третьего выстрела. Он взял в прицел одного из тех, кто был похож на командира. Винтовка дёрнулась. Немец сунулся вперёд, выронив автомат. В такой сумятице можно рисковать и вести огонь, не меняя позиции. Но где-то там, в бронетранспортёре, который снова подошёл к ручью и поливал огнём из крупнокалиберного пулемёта их траншею, сидел немецкий снайпер. По всем правилам снайперской войны, он должен сменить позицию. А если и немец тоже рассчитывает на сумятицу, в которой вряд ли кто обратит внимание на то, что с той стороны ведёт интенсивный огонь снайпер. Воронцов перекинул винтовку вправо. В “гробе” никого, кроме двоих пулемётчиков, не было. Он прицелился в первого номера. Выстрел. Пулемёт замолчал. Бронетранспортёр дёрнулся и начал отползать. В лобовой части Воронцов увидел горизонтальное окошко, над ним приподнятую бронированную заслонку с узкой смотровой щелью. Водитель, видимо, нуждался в наибольшем обзоре и пренебрёг правилами безопасности. Воронцов поймал окошко и выстрелил в тот момент, когда в нём что-то мелькнуло. “Гроб” замер. Но Воронцов продолжал держать его в прицеле, опасаясь снайпера, который в любое мгновение мог высунуться из-за наклонного борта. Воронцов взял в прицел второго пулемётчика. Выстрел. Всё. Довольно. Удача снайпера не может длиться долго. Иначе это что-то другое. И он медленно убрал с бруствера винтовку.

Командир роты старший лейтенант Солодовников, навалившись грудью на край развороченной взрывом траншеи, смотрел в бинокль. Воронцов уже успел оценить его хладнокровие и выдержку.

По траншее, куда-то вправо, оттаскивали раненых. В обратном направлении пробежал один из автоматчиков. Воронцов узнал в нём связного, который во время первой атаки был послан к миномётчикам. Демьянова “тридцатьчетвёрка” молчала. Должно быть, боеприпасы закончились, подумал Воронцов. Вот что такое — стоять на позициях. Тут не уйдёшь. Окоп свой не оставишь. Это не по лесам бегать.

Мимо, отчаянно матерясь, пробежал с винтовкой ротный. Он на ходу отдавал распоряжения связным:

— Витюков! Давай жми к Лазуткину, скажи ему: оба пулемёта срочно на фланги! Сам пусть сидит и не дёргается. Ударит, когда нам на головы прыгнут. Не раньше! Понял, Витюков? Ну, тогда — бегом!

Связной натренированным движением окопного человека выскочил из траншеи и мигом скрылся в зарослях тёрна и низкорослого кустарника, который был весь изрублен, искромсан пулями и осколками.

А этот старший лейтенант человек не такой уж и простой, каким кажется. Воюет с резервом.

Прибежал Степан, доложил:

— Выбили! Болванку наконец-то выбили!

— Что с танком? — спросил Воронцов. — Почему не стреляли?

— Болванка прямо под башню угодила. Заклинила поворотный механизм. Демьяну отбоем лицо посекло. Перевязывать пришлось.

— Как себя чувствует лейтенант?

— Лейтенанта в тыл отправили. Немцев тоже. Один ранен. Перевязали.

— А что со снарядами?

— Снаряды есть. Правда, одни бронебойные.

— Пусть дупят бронебойными! Вначале — по “гробам”. Потом — по цепи.

Винтовочных патронов у Воронцова осталось всего три обоймы. Он снова высунулся из-за бруствера. Повёл прицелом вдоль цепи. На лицах атакующих была решимость. Один из бронетранспортёров переместился ближе к мосту, где догорала самоходка. Воронцов поймал в прицел пулемётчика, выстрелил. Тот ткнулся головой в гашетку. Менять позицию было нельзя, да и некогда. Стрелять второй раз — опасно. Он перезарядил винтовку и,ждавшись команды ротного “Огонь!”, поставил рядом каску, брошенную кем-то из бойцов роты, кого, видимо, унесли в тыл санитары, отодвинул её на локоть в сторону, чтобы не мешала, и продолжил стрельбу. Он выхватывал из цепи бегущего прямо на него, поднимал прицел до подбородка, задерживал на мгновение дыхание и плавно давил на спуск. Снова досылал патрон в патронник, снова ловил цель, снова повторял то же. И вот патроны закончились. Взял из-под ног автомат. Передёрнул затвор. И тут почувствовал, что кто-то тормозит его за плечо. Оглянувшись — Куприков:

— Товарищ Курсант! Спрячьте винтовку! Захватят — разорвут на куски! Снайперов не любят.

Винтовку действительно надо было где-нибудь спрятать. Прикопать под бруствером. Сунуть под гранатные ящики. Но неловко это было делать на глазах у своего бойца. Хотя тот и понимал всё.

Первая бронебойная трасса ушла за ручей, обожгла моторную часть “гроба”, разбросала раскалённые искры, и бронетранспортёр тут же взорвался. На флангах заработали пулемёты. Ударил и “максим”, позиция которого находилась неподалёку. Цепь вначале замедлила своё продвижение, потом дрогнула и залегла. Добросить гранату до залёгших было невозможно. Но “тридцатьчетвёрка” продолжала методично, болванку за болванкой, посылать снаряды в пойму. Стальные стержни с упругим шипением пронеслись над головами обороняющихся, врубались в мёрзлую землю, кромсали тела залёгших и атакующих.

Миномёты и той, и другой стороны молчали. Слишком близко сошлись противники. В такой горячке можно в два счёта накрыть своих.

— Отползают, сволочи! — закричал Куприков. — Ну, товарищ Курсант, дали мы им! Смотрите, бегут!

Немцы подхватывали раненых и начали отход. Отходили они не оравой, как это бывает во время бега, а организованно, всё тем же, давно отрабо-

танным способом — перекатами. Воронцов смотрел в бинокль и видел, как они, по двое, подхватывали под руки раненого, несли его десять-пятнадцать шагов, ложились и открывали огонь. В это время, под прикрытием их огня, поднимались другие, подхватывали своих раненых и делали свои десять-пятнадцать шагов к спасению.

Немцы, отходя, утащили даже трупы убитых. Только на левом фланге, напротив горящего “гроба”, виднелись два тёмных пятна на исклёванном минами снегу. Степан, вернувшийся в траншею во время самой горячки боя, кивнул Воронцову:

— Твои?

Воронцов посмотрел Степану в глаза, и тот не выдержал его взгляда, отвернулся. Больше он его ни о чём не спрашивал. Разжился на закрутку у кого-то из местных, которые охотно делились с неожиданным подкреплением табаком и сухарями, пристроился в углу на ящиках и начал разбирать автомат.

Возле разрушенного пулемётного окопа стучали лопаты. Бойцы поправляли траншею, для маскировки набрасывали на бруствер свежего снега.

— Где ваш взводный? — послышался оттуда голос ротного.

В траншее показался старший лейтенант Солодовников, и люди Курсанта, до этой минуты устало сидевшие в своих ячейках, задвигались.

— Сержант! — издали окликнул его ротный, улыбаясь и блестя глазами. — Живой! Ну, спасибо, брат! Не знаю, кто ты есть и откуда на нашу голову свалился, но воевал ты со своими орлами хорошо. Особую благодарность передай танкистам. — И тут же, глядя куда-то в глубину хода сообщения, где бойцы возились с дверью в землянку, которую разбило прямым попаданием мины, закричал: — Да в гроб вас и душу! Раненых — в тыл! Могилевский, распорядись! Печатники, так вас и растак!..

Воронцов понял, что наступило время, когда старшему лейтенанту, как старшему по званию, он обязан был доложить по всей форме. Но что докладывать? Как вместить в короткий доклад всё, что они пережили за эти дни и недели? И когда ротный снова повернулся к нему, Воронцов вскинул к ладонке ладонь и сказал:

— Товарищ старший лейтенант, сводный взвод, сформированный из бойцов Красной Армии, бежавших из немецкого плена, вышел из окружения в полном составе, с оружием и ранеными. Выведен исправный средний танк Т-34 с боекомплектom и экипажем. Во время выхода приняли бой, уничтожив до десяти солдат и офицеров противника, а также два ПТО. Доставлены пленные, захваченные во время марша на выход. Все пленные с документами. Командир взвода — сержант Воронцов.

Доклад Воронцова изумил не только ротного, но и всех бойцов третьего взвода, которые в это время оказались рядом.

— Из окружения, говоришь? Из плена? А я думал, разведка. — Ротный поморщился. Спросил, уже тише: — А где попали в плен?

— Кто где. Из разных частей.

— А ты, я вижу, курсант?

— Курсант. Подольское пехотно-пулемётное училище, Шестая рота старшего лейтенанта Мамчича. Потом воевал в Тридцать третьей.

— Был в окружении?

— Так точно, был.

— Слыхали, слышали о Тридцать третьей... — В голосе ротного слышалось сочувствие.

Бойцы с любопытством разглядывали Воронцова и его бойцов. “Из плена” прозвучало как с *того света*.

Глава тринадцатая

Воронцов умылся, оделся в новую форму. Ремни пахли военторгом, добротностью. Однажды, ещё в училище, он зашёл в городской военторг. Чего там только не было! И он решил, что, когда окончит училище и получит лейтенантское звание, обязательно купит себе всё, что нужно. И даже начал

откладывать на это деньги. Лейтенантское звание он получил только вчера. Да и кубарь в петлицу понадобился всего один. А деньги, которые он откладывал, чтобы купить хорошую офицерскую полевую сумку, латунный наручный компас, яловые утепленные сапоги и ещё кое-какие мелочи, ушли на покупку хлеба в деревнях, когда выходил из окружения. Кое-что он отдал Пелагее, чтобы она потратила их на детей. Эх, Пелагея, Пелагея...

Форма сидела на нём ладно. Сапоги поскрипывали. Воронцов подошёл к умывальнику, заглянул в зеркало. Из глубины полусумрака землянки на него смотрело худощавое лицо человека лет тридцати, со скобками морщин вокруг рта. Даже глаз своих он не узнал. Они были темнее и глубже. Он отвернулся и сказал:

— Мы зачислены командирами взводов в штрафную роту. Знаете об этом?

— Знаем, Сашок. Знаем.

— Сегодня-завтра будет закончено формирование. Роте дадут номер. И — вперёд.

— Куда же нас пошлют? — спросил Могилевский.

— А сюда. На высоты. Высоты будем брать.

Как-то раз приказали построиться. Приехал батя. Посмотрел на шеренгу, прошёлся вдоль, заглядывая в лица.

— За что осуждён? — спросил молодого артиллериста, одетого в ватник.

Артиллерист шагнул из строя и чётко доложил:

— Рядовой Миронов! Неповиновение старшему по званию.

— Кто был старший по званию?

— Командир батареи старший лейтенант Гребенщиков.

— Это — грубое нарушение устава. Какой вы солдат, если не слушаетесь своего командира?! — Губы у полковника Колчина затряслись. Говорил он громко, чтобы слышали все.

— Когда это произошло? Во время боя?

— Никак нет. Дивизион отвели на отдых. Проводили учебные стрельбы. Товарищ старший лейтенант Гребенщиков приказал по часу бегать вокруг позиций, потом стрелять.

— Так?

— А я отказался.

— Стрелять?

— Нет, бегать. После продолжительной пробежки мне трудно наводить. А после каждого промаха по мишени товарищ старший лейтенант Гребенщиков назначал ещё несколько кругов.

— И что, ты никак не мог попасть?

— Иногда снаряд проходил мимо цели.

— Кем ты был в расчёте? Наводчиком?

— Так точно, наводчиком. — И боец лихо вскинул к виску ладонь. — Наводчик первого орудия второго взвода третьей батареи, бывший младший сержант Миронов!

— Ты знаешь, что тебя ждёт, сынок? — внимательно глядя в глаза штрафнику, спросил вдруг полковник Колчин.

— Знаю, товарищ полковник. Атака.

— Да, сынок. Постарайся её провести так, чтобы ваш взводный после боя тут же подготовил на вас положительную характеристику. А я эту характеристику подпишу. — И вдруг сказал: — А твой командир батареи — раздолбай!

После построения полковник Колчин уехал. А рота приступила к выдаче оружия.

Когда с саней сняли длинные ящики и откинули крышки, Нелюбин заметался. В ящиках не оказалось обещанных первому взводу автоматов.

— Автоматы — только командирам взводов, — распорядился старший лейтенант Солодовников.

Но, прежде чем раздавать винтовки, ротный обошёл строй и спросил:

— Кто из вас умеет обращаться с противотанковым ружьём?

Вышли несколько человек. В том числе и Полёвкин.

Всех, кого вывел Воронцов, зачислили в третий взвод. Командирами отделений с присвоением сержантских званий Нелюбин назначил Григорьева и Демьяна Петрова. Куприкова и Золотарёва оставил при себе для связи. Танкистам учли их храбрость и находчивость при прорыве из окружения, спасении и возвращении в строй боевой машины: трибунал назначил экипажу самую лёгкую меру наказания — один месяц в ОШР¹. С ними привезли и механиков. Спустя несколько дней взвод пополнили ещё тридцатью пятью окруженцами. Ещё через два дня к землянкам, которые успели оборудовать окруженцы, подошли два взвода. Одеты они были неважно. В латанные-перелатанные ватники и шинели, судя по всему, последнего срока. Изношенные до последней степени шапки, побывавшие, как шинели и ватники, в дезинфекционной камере, обработанные от паразитов и кое-как отстиранные от присохшей крови.

Вместе со взводами прибыли лейтенанты: командир четвёртого взвода, заместитель командира роты, замполиты взводов и четверо младших лейтенантов — заместители командиров взводов по строевой части. Таким образом и переменный состав ОШР, и постоянный вскоре были сформированы².

Глава четырнадцатая

Зайцева гора, обозначенная на штабных картах как высота 269,8, представляла собой гряду довольно высоких холмов, с пологими скатами несколько квадратных километров лесов, дорог, лугов и болот, плотно опоясанных траншеями, ходами сообщения. Скаты холмов, склоны горок и долины, овраги и балки были изрыты артиллерийскими и танковыми окопами, блиндажами и воронками авиационных бомб. На местности противостояния, занятой войсками обеих армий, в одинаковой степени поработали и “катюши”, и шестиствольные миномёты, которые бойцы прозвали “ишаками”, и штурмовики Ил-2, и пикировщики Ю-87. К этому времени русские и немцы почти год стояли здесь. Одни мокли и гнили в болотах, ожидая в своём неглубоком окопчике в любую минуту пули или миномётного налёта с той стороны. Другие, устроившись в более выгодных условиях, сидели в своих блиндажах и полнопрофильных ячейках и ожидали того же с другой стороны. С некоторых пор немцы, до этого времени уверенные в непреступности высот, вдруг поняли, что, имея перед собой такого противника, как русские, невозможно быть уверенным ни в чём. Вскоре эти опасения подтвердились самыми невероятными событиями.

В самом начале октября одна из ключевых высот была сотрясена гигантским взрывом. Оказалось, что русские использовали древний способ: подвели подкоп, на глубине около пятнадцати метров заложили двадцать пять тонн взрывчатки. Взрыватель сработал утром 4 октября 1942 года. Сила взрыва была такова, что от детонации сработали все минные поля в радиусе

¹ Отдельная штрафная рота.

² Первые штрафные формирования в РККА в годы Великой Отечественной войны появились летом (28 июля) 1942 года, когда Сталин подписал приказ № 227, в котором потребовал прекратить отступление, “упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности”. В этом приказе, в частности, был такой пункт: “Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной...” Данные статистики свидетельствуют: к концу 1942 года, то есть в период, когда действуют наши герои, в РККА насчитывалось 24 993 штрафника. В 1943 г. — 177 694. В 1944-м — 143 457. В 1945-м — 81 766. За период с 1942 г. по 1945 г. в РККА было сформировано 1028 штрафных рот и 65 отдельных штрафных батальонов. Постоянный состав роты, то есть офицерский, насчитывал 15 человек, включая командира роты. Переменный (бойцы), как правило, колебался от 200 до 350 человек. Постепенно офицерский состав сократился до 8 человек. Существенно уменьшилось число политработников: остался один агитатор.

се тысячи метров, усилив, таким образом, взрывную волну. Взрыв разметал немецкий батальон, орудия прямой наводки, миномётную батарею. Мощные стены бетонного дота, который не могли взять даже тяжёлые орудия, разлетелся, как скорлупа ореха. Дот был построен ещё в первые месяцы войны русскими, создававшими здесь, на Варшавском шоссе, систему обороны, хорошо понимая, что, если противник прорвётся к Москве, то пойдёт он, прежде всего, вдоль магистралей запад-восток. Что вскоре и произошло. Но год назад по этим же магистралям вермахт откатился на запад. В том числе и по Варшавскому шоссе. Зимой немцы оставили Малоярославец, Медынь, Мосальск, Киров¹. Весной — Юхнов. Вскоре положение на центральном участке фронта стабилизировалось. Лето прошло в непрерывных боях левее Варшавского шоссе, под Сухничами и Жиздрой, и правее, подо Ржевом и Сычёвкой. Сухничи и Киров немцам отбить не удалось. Но не отдали они и Вязьмы, Ржева и Жиздры. Катастрофа под Сталинградом заставила войска группы армий “Центр” сгруппировать все силы для того, чтобы не допустить подобного и здесь. Тем более что и развитие событий, и разведка, действовавшая и в ближнем тылу русских войск, и в глубоком, подтверждали: русские постоянно ведут перегруппировку и к чему-то готовятся.

И действительно, штаб Западного фронта требовал от командующего 50-й армией взять артиллерийские высоты, помеченные на полевых картах как высота 269,2 и высота 275, чтобы ликвидировать угрозу контроля противником этого участка фронта на многие десятки километров вокруг. Более того, на штабных и полевых картах хорошо просматривалась конфигурация передовой линии: высоты с немецкой стороны, словно надёжные кольца, держали туго натянутую проволоку фронта. На станцию Мятлевская прибывали всё новые и новые эшелоны с техникой и боеприпасами. С местного аэродрома, находящегося недалеко от станции, взлетали самолёты. Но танки горели на западных склонах Зайцевой горы. Самолёты падали в болота. И тысячи трупов пехотинцев стыли на нейтральной полосе между двумя рядами колючей проволоки. Их стриженные головы заметал снег. Мёрзлую плоть обледали мыши и лисы. Они были ничьи на этой ничейной полосе, где так же, как и метель, вольно гуляла только смерть. Только она одна. Взрыв одной из высот и последующая атака русских на несколько часов изменили положение на этом участке фронта. Один из батальонов прорвался вперёд и перехватил шоссе, отрезав, таким образом, оборонявшихся на высотах от тылов. Но удержать кольцо не удалось. Со стороны Милятина, где немцы сосредоточили свой резерв, подошли танки и пехота и сбили батальон с шоссе. На высотах танков не было. Немцы их держали в тылу, тщательно замаскировав от налётов авиации. Танки немцы берегли, зная, что все имеющиеся резервы израсходованы в боях на Волге. И что новых танков им не получить, потому что именно туда, в донскую и волжскую степи, направлял сейчас фюрер последние свои резервы, чтобы добить Сталинград и окончательно отрезать центральные области СССР от нефти и, таким образом, лишить Красную Армию горючего.

Здесь же, в центре, тоже всё колыхалось и гудело. Калининский и часть армий Западного штурмовали Ржев. Ржевская битва, начавшаяся ещё в январе, не прекращалась². Левый фланг Западного фронта тоже давил вперёд. И немцы хорошо понимали, что, в том случае, если они не удержатся на Варшавском шоссе, мгновенная угроза нависнет над Вязьмой. А если падёт Вязьма, то русские замкнут ржевский “котёл”. То, чего они добивались уже год. Таким образом, как часто случалось на войне, одна высота, возможно, даже незначительная, решала много задач, и она, как некий главный ключ, запирала сразу многие замки.

И то, что русские пошли на подкорм, впечатляло.

С того жуткого дня прошло больше двух месяцев. Но воронка ещё дымилась. Её завалило свежим снегом. Мороз сковал вывороченную землю.

¹ Районный центр на Западе Калужской области, бывшая Песочня.

² В историю Великой Отечественной, да и всей Второй мировой войны, битва подо Ржевом вошла как самая продолжительная и кровопролитная.

Но сидящим вверху возле дежурных пулемётов наблюдателям казалось, что воронка ещё дышит. Снег кое-где протаивал, и талая земля парила и дымилась.

Никто из офицеров штрафной роты не знал, когда их бросят в бой.

После пополнения состав роты снова перетасовали. Теперь первым взводом командовал лейтенант Могилевский. Первый взвод значительно пополнили вновь прибывшими, в основном из соседних полков дивизии. Могилевскому приказано было передать все автоматы, которые получили командиры отделений. ППП оставили только лейтенантам. Зря хлопотал Кондратий Герасимович. Винтовки успели хорошенько пристрелять. Среди бойцов оказались такие, кто вообще впервые держал в руках оружие. С ними занимались особо.

Воронцова поставили на третий взвод. Состоял он из бывших карателей, в разное время перебежавших к партизанам, а затем переправленных через фронт или оказавшихся на освобождённой территории. Третий взвод тут же прозвали власовским, хотя настоящих власовцев было всего четверо. Их-то Воронцов и назначил на должности командиров отделений. На второй день во взводе произошло ЧП. В четвёртое отделение зачислили пятерых окруженцев. И в первую же ночь между ними и власовцами произошла драка. Воронцов и лейтенанты разняли, разбросали кучу малю. Попытались разобраться, из-за чего пошёл сыр-бор. Но ничего существенного ни одна сторона, ни другая объяснить не могли. Воронцов доложил Солодовникову. Тот приказал выстроить взвод. Вытащили перед строем зачинщиков. Но и ротный толком не смог ничего выяснить.

Четвёртый взвод пополняли до самого последнего дня. В него собрали бывших полицейских. Не все ушли с немцами. На ком не было крови, остались в деревнях и райцентрах — на милость победителей. Их некоторое время держали под арестом. Вскоре вышел указ: проверить, опросить местных жителей, и, если нет тяжких преступлений — на три месяца в штрафную роту. Вместе со взводом полицейских в роту пришли трое лейтенантов, Прохоренко, Безземельный и Теплицкий. Первого ротный назначил взводным, второго — его заместителем по строевой, а третьего, Теплицкого, замполитом.

Замполитов назначали в каждый взвод. Во взвод к Воронцову на должность замполита пришёл младший лейтенант Саенко, а замом по строевой — младший лейтенант Дронов.

Ротный в первый же вечер собрал лейтенантов и сказал:

— Вот что, ребята. Через неделю-другую, если не раньше, пойдём на горку. Роту гвардейской делать будем. Наше дело — обеспечить прорыв. Раскромсать их оборону на узком участке. Если артиллерия не поможет, штыками и сапёрными лопатками кромсать придётся. Или всех нас на склонах положат. Одно из двух. Так что подтягивайте людей. Обучайте. Чтобы стрелять умели и, главное, не боялись. Патронов будет достаточно. Сегодня же назначьте сержантов. Присмотритесь, кто у них там верховодит, кого слушаются. Это сразу заметно. Отделения большие, по двадцать человек. В штатных ротах через пару недель боёв во взводах людей остаётся меньше, чем сейчас у нас отделениях. Замполиты... Вы по своей, печатной части занимайтесь. Вас Кац всем газетным материалом обеспечит. Но имейте в виду, в атаку пойдём все. В ротах генералов не бывает. А во взводах... Во взводах выше лейтенанта генерала нет.

И вот ночью их подняли по тревоге. Построились взводными коробками и пошли по расчищенной дороге вдоль фронта, почти в тыл. Шли километров пять. Остановились. Глаза уже привыкли к темноте. И Воронцов увидел, что рота стояла на широко расчищенной дороге в небольшой низине, видимо, ложине.

Откуда ни возьмись вышел командир полка полковник Колчин:

— Ребята! Вы — не преступники, и в этот разряд вас никто не зачислял. Кто-то дрогнул в бою, кто-то совершил недостойное звания бойца и младшего командира Красной Армии. Родина и командование Пятидесятый армии Западного фронта дают вам возможность искупить свою вину, стереть

пятно позора со своей красноармейской книжки, вернуть свои награды, а возможно, и заслужить новые. Смойте свой позор! Пусть он вас больше не тяготит! Возьмите высоты, закрепитесь там! За вами поднимутся стрелковые батальоны. Их задача — сразу сменить вас там, на захваченных позициях, сразу, как только вы там закрепитесь. Всё, что от вас требуется — мощный рывок вперёд. Вас будет поддерживать артиллерия и миномёты. Сапёры делают проходы. Выполните приказ, сынки! И вы станете героями Зайцевой горы! Посмотрите на неё! Завтра она станет вашей!

Взводы стояли молчаливыми чёрными колоннами. Пламенная речь полковника Колчина, похоже, не вдохновила штрафников. Кто-то за спиной Воронцова вздохнул:

— Сказал бы проще — надо сдохнуть там...

Вновь пошли по скрипящему, искрящемуся под луной притоптанному снегу. У каждого за плечами топорщился вещмешок с патронами, гранатами. Там же лежали сухари, по две сушёных воблы. Воронцов свой паёк завернул в бумагу и сунул на дно “сидора”, чтобы не мешал заряжать запасные диски автомата.

— Ну что, младший лейтенант, в третьем взводе всё в порядке? — Его догнал лейтенант Гридякин, назначенный в роту оперуполномоченным особого отдела.

— Всё в порядке, товарищ лейтенант госбезопасности, — ответил Воронцов. Он не думал увидеть здесь, на дороге, в колонне марширующих к передовой взводов лейтенанта Гридякина.

— Тебя как зовут, Воронцов?

— Александром. Вы же знаете. Записывали.

Гридякин усмехнулся:

— Да я многих записывал. Всех не упомянешь. Сашкой, значит.

Вещмешок оттягивал плечи. Три запасных диска лежали в противогазной сумке, постукивали по бедру. Воронцов нащупал пряжку брезентовой лямки и подтянул её, поднял сумку повыше. Три диска — это хорошо. Где-то в обозе, на одной из санных повозок, лежала его снайперская винтовка.

Лейтенант Гридякин шёл с автоматом. И его противогазную сумку тоже оттягивали заряженные под завязку диски.

— А меня Николаем, — вдруг сказал Гридякин.

И Воронцов вдруг понял, что Гридякину тоже страшно. Старший лейтенант Солодовников в бой погонит всех. У этого на НП не отсидишься.

— Долго нам ещё? — спросил Воронцов.

— Уже пришли. — Гридякин кивнул в сторону пологой горы, которая серела впереди. — Вон она, передовая.

Остановились. По цепи передали, чтобы при подходе к передовой соблюдали тишину и порядок движения. Вперёд побежали сапёры — протаптывать тропу.

Чем ближе они подходили к Зайцевой горе, тем выше она вздымалась над ними. Контуры её гребня, озаряемые частыми вспышками осветительных ракет, смутно проступали из темноты, раздвигались и казались уже необъятными. И у Воронцова сдавило в груди: куда же мы, со своими тремя сотнями?..

— Вон они где.

— Высоко сидят, далеко глядят...

— Ой, гора-гора, гора высокая... — тихо пропел, не отрывая взгляда от склона, утыканного обрубками пней, командир первого отделения сержант Чинко.

Вокруг помкомвзвода, сбивая шаг, сразу образовалась теснота. Словно бойцы вдруг почувствовали, что сейчас сержант им скажет что-то такое, очень важное, что определит их судьбу. И тот действительно сказал:

— А знаете, братцы, как в окопах Зайцеву гору называют? — Он помедлил, будто наперед зная, что никто не ответит на его вопрос. Снова посмотрел вверх, где просверкивали, оплавливая чёрные сучья деревеньев, немецкие ракеты. — Высота смертников.

Долго потом шли молча.

То, что сказал сержант Чинко, подавило многих. Нехорошо задёргалось и в груди Воронцова. Он отдавал себе отчёт, в какую роту получил назначение и с каким взводом предстоит идти в бой. Знал, что бой есть бой. Без убитых не бывает. Знал и то, что у взводных на передовой век недолгий. Но так уж устроен человек, что среди людей, среди забот нет места мрачным мыслям. И даже смерть близкого тебе человека, с которым только что спина к спине грелся в окопе и таскал холодной ложкой кашу из одного котелка, помнится и переживается не долго. Но тут подумалось о многом. И сёстры, и Улита, и Зинаида с ребятишками, и глаза Пелагеи вспомнились вдруг, выступили из темноты, будто пытаясь защитить его от предстоящей опасности.

— Ой, гора-гора, гора высокая! А под горою той четыре сокола... — снова услышал он голос сержанта Чинко.

Сержантов Воронцов назначал после совета со своими заместителями. Но Чинко на должность помкомвзвода он определил сам. Сразу приметил этого коренастого, лет двадцати пяти, бойца. Вокруг него на перекурах всегда образовывалась группа. И табачком Чинко делился с товарищами не скупясь. Хотя сам курил редко. Вроде как за компанию. В первый же день Воронцов расспросил его, как да что. История оказалась простая: 27 октября 1941 года батальоны 151-й мотострелковой бригады атаковали Большие Горки — село под Наро-Фоминском. Батальон, в котором на должности командира стрелкового отделения воевал младший сержант Чинко, наступал, имея локтевую связь с кавалерийским полком. Кавалеристов подвели накануне, на усиление. Пошли в атаку. Немцы подпустили близко и открыли ураганный огонь. Чинко ранили в обе руки. “С того поля мало кто уполз назад, — рассказывал ему власовец. — Меня потащил мой земляк, мы с ним одной станицы. Вместе призывались. Его — осколком. А меня подобрала немцы. Попал в лагерь, в Вязьму. А там... Из лагеря две дороги: в ров или в Хмелиту. Там, под Хмелитой, роту русскую формировали. Я и вызвался добровольцем. Всё лето снаряды к передовой возили. А осенью послали на прочёсывание лесов. Когда попали в партизанский район, установили связь с командиром одного из отрядов и перешли всем взводом. Месяц воевали в партизанском отряде под Дорогобужем и Веходами.

Выходило так, что с Чинко они воевали где-то совсем рядом. Только Воронцов прятался по лесам, бегал из деревни в деревню, а Чинко его искал.

— А ну, подтянись! Губин, что у тебя котелок болтается? Закрепи. А то я тебе его срежу к чёртовой матери и в снег выброшу! — Чинко толкнул прикладом винтовки высокого бойца, у которого на ремне действительно что-то постукивало в такт шагу.

Лейтенанты шли позади, замыкающими. Воронцов приказал им подтягивать отстающих. Но взвод шёл не растягиваясь.

— Взвод у тебя непростой, — сказал лейтенант Гридякин. — Так что, если ты не против, я с вами пойду. Солодовникова я предупредил.

Бойцы топтались в рыхлом снегу, наступали друг другу на пятки, держа плотный строй.

Неужто в бой с нами пойдёт? Зачем ему это? Но переспрашивать Гридякина он не стал. Хотя от одной только мысли, что в бой он поведёт свой взвод под присмотром уполномоченного Особого отдела НКВД.

Уже слышался стук дежурных пулемётов. Вот продолбил черноту ночи размеренный “максим”. А вот, откуда-то с фланга, торопливо истратил порядочный кусок ленты МГ. И — ракеты, ракеты, ракеты... Немцы не жалели на оборону своих высот ничего. Опустились в низину, заросшую ольхами и ельником. Здесь начинался ход сообщения.

— За мной, слева по одному, первое отделение вперёд! — скомандовал он и спрыгнул в заснеженный ход сообщения.

Снег в траншее был уже притоптан. Первый и второй взводы ушли вперёд. Воронцов бежал, придерживая в руках перед собой пахнущий смазкой ППШ с полным диском. Впереди мелькала спина в ватнике, перехваченном офицерской портупеей, — кто-то из заместителей Кондратия Герасимовича

закрывал второй взвод. Позади — приглушённый топот сотен ботинок по мёрзлой земле.

Воронцов оглянулся. Увидел лицо оперуполномоченного. Тот бежал за ним не отставая, придерживая одной рукой сумку с дисками, а другой автомат. Воронцов увидел его глаза и выдохнул в морозный воздух:

— Передать по цепи: соблюдать осторожность, подходим к передовой.

И тут же лейтенант Гридякин передал команду дальше.

Наконец, вышли к траншее. Набились в неё плотно, растворив и придавив в боковых щелях местных.

— Да вас не меньше батальона, — сказал Воронцову пожилой сержант, командир взвода, в траншее которого разместился третий взвод.

— Рота, — уточнил Воронцов.

— У нас в роте восемьдесят человек осталось. А во взводе — четырнадцать. Лейтенанта вон... Вчера... В тыл унесли, а, видать, не жилица...

— Что, на высоту ходили?

— Да какой там? На высоту мы ходили первые дни. А потом выбило нас. Снайпер. Снайпер лейтенанта ссёк. Не знаю, выживет ли. Разрывными бьёт, сволочь. Как рассветёт, головы не поднять.

Старший лейтенант Солодовников собрал всех в тесной землянке. В землянке было натолено, пахло жильем, солдатским. Это, видимо, и был НП командира стрелковой роты.

— Атакуем на рассвете. — Ротный сделал паузу. — Сразу всем колхозом. Никакой артподготовки не будет.

Стало слышно, как с шипением горел кусок толстого брезента в сплюсненной гильзе от “сорокапятки”.

Вот тебе и на, без артподготовки... В горле у Воронцова пересохло.

— Бежать тихо. Огня не открывать до красной ракеты. Минные поля перед нами обезврежены. Так что проходы свободны. Проволока срезана снизу. Усиление будет двигаться следом. Артиллеристы и миномётчики. Огонь откроют вместе с нами. Но у них тут четыре пулемёта. Пулемётчики дежурят всю ночь. Так что, сами понимаете... Четырёх как раз хватит на наши четыре взвода.

— Какие у кого предложения?

— Сымать надо пулемёты, товарищ старший лейтенант, — первым подал голос Нелобин. — А так... Мы ж, товарищ старший лейтенант, и до проволоки ихней не добежим.

— Оно так, надо их как-то обезвредить до начала атаки. — Лицо ротного было бледным, на скулах бугрились, ходили туда-сюда напряжённые желваки. — Сейчас, пока не рассвело и есть час-другой до начала атаки, выделите от каждого взвода по одной группе с задачей: переползти через болото, подняться на скалы и уничтожить пулемёты. Задача ясна?

Лейтенанты молчали. То, что придётся наступать без предварительной артподготовки, противоречило всем уставам. К тому же, отрабатывая в тылу атаку на высоту, они учитывали в первую очередь то, что наступать предстоит по местности, обработанной огнём артиллерии и миномётов. А теперь выяснилось, что никакой артподготовки не будет. Да ещё пулемёты...

Глава пятнадцатая

Один из пулемётов через каждые двадцать минут отстукивал длинную очередь как раз напротив затаившегося в траншее внизу, за болотом, третьего взвода.

— Ну что, Чинко, справишься? — Воронцов ещё раз обошёл вокруг группы бойцов, осмотрел их снаряжение. — Подползите на бросок гранаты. Взрыватели вставьте на месте. Но чтобы там не копошились. Подползите и замрите. Не бросайте гранату через кусты. Найдите для броска свободный коридор. Чтобы — никакого срыва. Ваша жизнь — в ваших руках.

— Да там всё пусто, товарищ лейтенант. Давно всё вырублено. — Сержант Чинко смотрел на него спокойным взглядом.

— Хочу, чтобы все знали: выполните приказ, сразу же после боя подам рапорт о вашем досрочном переводе в стрелковый полк. Кто погибнет... — Воронцов сделал паузу. — Семьям погибших сам напишу домой. Так и напишу: смертью храбрых...

Никто ему ничего не ответил.

— Спасибо, товарищ лейтенант, и на том, — сказал тихо Чинко. — Но теперь всё в руках Божьих. Надеюсь, что мы у бога не самые последние негодяи. Пошли ребята.

Шестеро бойцов, один за другим, перекатились через бруствер и вскоре исчезли в пространстве ночи. Лишь когда на скате взмывала вверх осветительная ракета, расплёскивая свой мертвенно-белый свет, Воронцов видел удаляющиеся в сторону болота тени.

Всем шестерым он приказал поменять шинели на телогрейки. Пришлось раскулачить местных — забрали у них маскировочные халаты. Старенькие, уже порванные, замызганные, они всё же служили свою службу. На снегу, в десяти шагах, группа растаяла в темноте. И только очередная ракета обнаруживала ушедших на нейтральную полосу, отпечатывала на снегу их косые тени.

— Дронов, поведёте первое отделение.

— Есть повести первое отделение! — ответил младший лейтенант.

К атаке всё было уже готово. Где-то позади, где сосредоточивались миномётчики и расчёты дивизионных пушек, храпели кони и натужно скрипела упряжь. Что-то там постукивало, позвякивало. Немецкий пулемёт отгрохотал дежурную очередь, замер на мгновение и снова повёл трассирующим жгутом по брустверу траншеи.

— Пулемёт у них “на колышек” пристрелян, — сказал один из местных бойцов. — Может и ночью голову снести, если неурочно высунешься.

— Артиллеристы, — в сердцах бранился младший лейтенант Нелюбин. — Ну не могут тише!

Вскоре от артиллеристов пришёл связной. От каждого взвода для того, чтобы справиться с орудиями без лошадей, надо было выделить по три человека.

Нелюбин выделил тех, кто был истощён менее других. Степан, Золотарёв и ещё четверо из пополнения ушли через болото, к пулемёту. И теперь Нелюбин, да и весь взвод, молились за них.

— Знайте, ребяташки, — напутствовал их взводный, — наши жизни идёте выручать. Живы будем, детей наших научим молиться за вас. А нет, так скоро встретимся. Ступайте.

Степан полз в первой тройке. Следом за ним сопел, загребая снег руками и ногами, Золотарёв. Ракеты оставляли в небе электрическую вспышку и чёрный след копоти. Надо было успеть до очередной вспышки проползти хотя бы шагов пять-шесть. Возле колючки лежали трупы, наполовину замёрзшие снегом. Степан почувствовал толчок в подошву ботинка. Оглянулся. Торопливо подполз Золотарёв.

— Слышь, старшой. Смотри, сколько валенок кругом. Прикажи переобуться. Ноги отнимаются.

— После боя, Золотарёв. После боя.

— Старшой.

— Ну?

— А сейчас там нашим, в траншее, водку будут раздавать. Перед атакой. А нам — облом. Несправедливо.

— Я свою пайку после атаки тебе отдам.

— Правда, что ль? Вот за это спасибо.

Ракета отгорела, тьма снова легла на белое поле. Подползли к проволоке. Нижние ряды были срезаны и заведены к кольям. Штрафники тут же нырнули в приготовленные сапёрами лазы. Болото только-только начало замерзать. Ледок и кочки под их телами так и дышали. Степан пропустил Золотарёва вперёд, дождался вторую тройку.

— Шитов, давай назад. Скажи Нелюбину или ротному — я прислал. Передай ему: по болоту не пройти, лёд слабый. Только — ползком. Так что

пусть ползут до проволоки и дальше метров тридцать-сорок, до крайних берёз. Если раньше поднимутся, потопят немцы роту в болоте. Понял? Давай.

До начала атаки оставалось не больше часа. Как раз чтобы добраться до немецкой траншеи. Вот только как туда добраться? Ракеты серебряными струйками выскальзывали из-за обрубленных стволов берёз и распластывались в чёрном небе ослепительными кометами. Чёрт бы их побрал. Степан заметил, что “фонари” вверх взлетают из одних и тех же мест и что пулемётчик в окопе сидит хитрый: стреляет бессистемно, то длинными, то короткими очередями. Пули не трассирующие, а обычные. Так что куда он палит через каждые двадцать минут, не понять. Взводный сказал, что ночью немцы занимают окопы по всей ширине. Возвращаются из ближнего тыла все: и миномётчики, и стрелки, и расчёты противотанковых орудий. Так что сейчас они там, в траншее, в блиндажах. Все. Полный штат у них там. Везде выставлены часовые и наблюдатели. Только и ждут, когда к ним полезут вверх из русской траншеи.

Когда миновали болото и выползли к берёзовым пенёкам, двоим Степан приказал остаться:

— Ерёмченко, если мы не сможем, заходите с двух сторон и забрасывайте пулемёт гранатами. Другого приказа не будет. Ну, бывайте здоровы.

— Удачи, сержант.

Золотарёв полз впереди. За ним Зикун. Степан — замыкающим.

— Впереди — мины. Здесь наших сапёров не было. Так что прощупывайте перед собой каждый сантиметр.

Пулемёт снова расколол ночную тишину. Второй дежурил правее, где-то напротив первого взвода. Значит, две другие группы двигались на ощупь. В траншее, перед выходом, им указали примерные ориентиры, и они поползли на них вслепую. Гранаты будут бросать, когда пулемёты заработают. Но это не значит, что пулемётчики на тех позициях спят. Не спят. Дежурят. Смотрят вниз. Слушают. Просто не обнаруживают себя. До поры до времени.

До траншеи осталось шагов сорок. Золотарёв, ползший первым, вдруг замер. Поднял руку. Мина, догадался Степан. Вряд ли форточник разбирается в немецких минах. Он подполз к нему. Шёпотом:

— Где?

— Я её держу, старшой. — Шёпот Золотарёва дрожал.

— Тихо. Дай её мне. Отпускай. Не бойся.

— Пальцы прилипли. Не отдеру.

Степан нащупал ребристый цилиндр корпуса мины. А вот и взрыватель. Шпринг-минен. Самая паршивая сука из всех сук... Взрыватель не поворачивается. Или примёрз, или заржавел...

— Золотарёв, — зашептал Степан, — погрей мне руки. Надо взрыватель выкрутить.

— Брось ты его. Давай обползём её.

— Уже не могу. Надо выкручивать. А то рванёт.

Руки Золотарёва были тёплые. Снег под ними таял. И пальцы Степана вскоре отогрелись, стали послушными. Он начал расшатывать взрыватель, и тот вскоре поддался, пошёл, зашуршал...

Пулемёт расколол тишину, как всегда, внезапно. Но никто из них не вздрогнул и даже не оглянулся на его секущееся, клочковатое пламя. Ракета описала свою привычную траекторию и погасла. Но следом за ней взлетела другая. Ракеты взлетали из другого окопа. Иногда немец их пускал веером, в разные стороны, и тогда “форнари” неожиданно зависали на девять секунд не там, где их, возможно, кто-то ждал, а совсем в другом месте.

Степан пополз вверх. Теперь ползти стало труднее. Стаскивало вниз. С каждым метром подъём становился круче. Степан почувствовал, как испариной покрывается лоб. И всё же пробрались... Кажись, пробрались... Неужели пробрались?..

Когда погасла очередная ракета, Степан поднял руку и махнул дважды, что означало: залечь и не двигаться. Замерли. Ракеты передвигали вокруг них резкие, будто из картона вырезанные, тени. Каждый раз одинаковой конфигурации и по одному и тому же маршруту. Степан прикрыл глаза, что-

бы не видеть их больше. Но это не помогло, чёрные горбатые тени, как и мгновение назад, ползали по искрящемуся снегу, и от них мурашки бежали по спине.

По траншее понесли долгожданную канистру. Последние два-три дня в роте только и говорили, что о “подъёмных”. Некоторые шутники-мечтатели делали предположения, что будут наливать не по сто, как обычно перед боем, а по сто пятьдесят, и даже по двести граммов, — ввиду важности поставленной задачи.

— Давайте, ребята, у кого что есть. Подставляйте.

Под струю, от которой шибало морозным спиртовым запахом, подставляли кто котелок, кто кружку. Тут же пили, задыхались, закусывали кто горстью снега, кто припасённым сухарём, кашляли и кричали от удовольствия. Никто не разговаривал. Только местные покуривали, сбившись в просторных ячейках, и тихо перекидывались редким ненужным словом. Им сейчас не вылезать из траншеи, не бежать к болоту. Пусть эти, штрафные, теперь туда сбегают. А они уже два раза... Половина роты там лежит, под колями. Никаких “подъёмных” не надо.

— Командиры взводов — к командиру роты, — передали по цепи.

Старший лейтенант Солодовников посмотрел на них из-под сдвинутых бровей. Он сидел в жарко натопленном блиндаже не снимая шапки, весь перепоясанный ремнями, и от него, как и от лейтенантов, пахло морозом и окопом.

— Ну что, товарищи лейтенанты, кажись, не последние мы у бога сукины сыны. А? Прошли наши группы. Из второго взвода вернулся один боец, передал, что за проволочным заграждением — болото. Живое. Хвать его за душу... Не пройти. Ползти надо. А поэтому ползти придётся отсюда. Отсюда и до склона. На пузе надо, товарищи лейтенанты, болото переползать. Так что тихо пойдём. Если получится. И почему ни разведка, ни сапёры не сообщили, что болото не замёрзло? Если не получится, по моему сигналу поднимайте людей и — вперёд. Приказа на отход не будет. Сам из пулемёта всех положу. Вопросы есть?

Вопросов не оказалось.

— Выдвигаемся через десять минут. Сигнал — две коротких очереди из дежурного “максима”. Всё лишнее оставить в траншее. Всё. Давайте к людям.

Воронцов бежал по траншее, спотыкался. За ним, в темноте наскакивая друг на друга, чертыхаясь и смеясь, бежали младшие лейтенанты. Для некоторых из них предстоящая атака станет первым боем. А для кого-то, может так случиться, и последним. Передал по цепи приказ. Приказ приняли молча. Никто вопросов не задавал. Начали торопливо переключать вещмешки, укутывать в запасные портянки, выданные как полотенца, котелки, гранаты, взрыватели, — чтобы не гремели. Некоторые, кто уже побывал в боях, гранаты рассовывали по карманам. На спину, чтобы не мешали ползти, сдвигали подсумки.

Он побежал по траншее, повторяя одну и ту же фразу:

— Кашлять в шапки! Кашлять в шапки! Кашлять в шапки!

— Да мы там, на горке той, откашляемся, товарищ лейтенант, — ответил боец из четвёртого отделения, которого Воронцов заметил ещё во время учебных атак — Пескарёв. Весёлый парень. Чем-то Степана напоминал. Степан, как в плену побывал да в отряде Радовского послужил, будто позабыл свои шутки-прибаутки. А этого, видать, ничто не взяло. Воронцов знал, что Пескарёв и плен пережил, и в карательном отряде успел послужить. И, между прочим, где-то под Вязьмой партизан из лесов вычёсывал. Значит, и по его, Воронцова, следу ходил. Но с сержантом Чинко он компанию не водил. Что-то стояло между ними.

Простучали, отчётливо отстреливая каждый патрон, две короткие очереди.

— Ну, Сашка, пошли, — услышал Воронцов голос лейтенанта Гридякина.

— Пошли, Коля. — И сказал бойцу, который стоял рядом и напряжённо всматривался через бруствер, словно пытался увидеть свою судьбу: — Передать по цепи: ползком — вперёд!

— Вперёд!
— Вперёд!..

— Пошли, мужики! Вперёд!..

Взвод продвигался вперёд двумя колоннами на сокращённых интервалах. Впереди — лейтенанты. Сзади, замыкающими, — сержанты.

До колев доползли быстро. Пролезли под проволоку. Дальше начиналось болото. Когда взлетали ракеты, Воронцов видел, как курились парком чёрные полыньи. Болото широкое, брода не видать ни справа, где продвигался четвёртый взвод, ни слева, в полосе взвода Нелюбина.

Всё пока шло хорошо. Немцы их до сих пор не обнаружили. Если даже сейчас проснутся пулемёты, ребята забросают их гранатами.

Воронцов придерживал на руках пахнувший смазкой автомат. Противогазная сумка с дисками, подтянутая подмышку, легко тащилась по шершавому льду рядом. Иногда Воронцову казалось, что она ползёт сама по себе. А вот и берег. Воронцов привстал на колени, оглянулся. Ракета погасла. Скот погрузился во тьму. Воронцов махнул автоматом, торопя бойцов. Часть взвода ещё копошилась на середине болота, обтекая чёрные дымящиеся полыньи. Рядом тяжело дышал лейтенант Гридякин. Надо же, время от времени оглядывался на него Воронцов, тоже полез.

— Зачем вам это? — шёпотом спросил Воронцов, наклонившись к лицу Гридякина.

— Ты, Сашка, знай занимайся своим делом, а я буду заниматься своим.

В чёрное небо взлетели сразу три ракеты, за ними ещё три. И тотчас ударили сразу три пулемёта. Трассеры уходили в сторону болота, где ещё копошились отставшие. И сразу же захлопали сверху гранаты.

— Вперёд! — заревел где-то совсем рядом ротный. — Живей, ребята! Хвать её в душу!

— Вперё-о-о-о!..

— А-а-а-а!..

Скот сразу ожил и хлынул вверх. Никто пока не стрелял. Немецкая траншея молчала. Но вот внезапно ожил один из пулемётов. Длинными очередями он расстреливал почти в упор карабкающихся по склону людей. Больше всего доставалось первому взводу. Значит, там разведчики не работали. Либо ошиблись с направлением, либо далеко залегли и не добросили гранаты. Защёлкали винтовочные выстрелы, застучали немецкие автоматы. Вал встречного огня усиливался с каждой минутой. Но тут из-за болота ударили прямой наводкой орудия поддержки и миномёты. Мгновенными вспышками им ответили немецкие орудия прямой наводки, замаскированные на горе. Артиллеристы схватились в кинжальной дуэли.

Воронцов карабкался вверх, падал, делал короткую очередь, тут же откатывался в сторону, вскакивал и карабкался дальше.

— Вперёд! Встать! Всем — вперёд! — кричал он, оглядываясь на взвод.

В какое-то мгновение справа, шагах в десяти, он увидел своего замполита Саенко. Тот поднимал залёгших бойцов, тыкал их стволом автомата.

— Саенко! Дронов! Поднимайте всех! Вперёд!

Откуда-то сбоку выкатилась белая тень с оскаленным от крика лицом и винтовкой с примкнутым штыком.

— Чинко! Живой! Молодец! Где ребята?

— Все убиты!

— А ну давай — пару гранат туда! — И Воронцов указал автоматом в сторону бруствера, над которым колыхались каски и откуда стреляли автоматы.

Через мгновение туда полетело несколько гранат. Воронцов зубами выдернул чеку, разжал пальцы, отпустив на свободу скобу взрывателя. Лёгкий щелчок он скорее почувствовал, чем услышал. На ходу бросил ребристое тяжёлое тельце Ф-1, стараясь перекинуть его через бруствер. Взрыва он не услышал и не увидел. Мины миномётов усиления рвались уже в глубине обороны немцев. Там что-то вспыхнуло и загорелось, и на фоне пожара очертания горы стали ещё чернее. Чёрные каски сверху над абсолютно чёрным бруствером стали редеть. Неужели они отходят? Значит, получилось.

Левее уже началась свалка в траншее. Ворвались либо нелюбинцы, либо первый взвод. Теперь им, третьему и четвёртому, станет легче. Немцы наверняка переместились туда, чтобы выбить ворвавшихся из своих окопов. Штрафников четвёртого взвода, залёгшего на склоне, длинными очередями поливал пулемёт. Цепь копошилась на месте. Кричали и выли раненые. Матерились лейтенанты. Ракеты взлетали в небо гроздьями. Огненные хлопки орудийных выстрелов чередовались с взрывами снарядов и мин. Артиллеристы добивали ПТО прямой наводки, которые немцы имели по всему периметру траншей. И в это время сзади, за болотом, за траншеей, в которой штрафники несколько минут назад ждали сигнала атаки, загудело, завылло, и десятки огненных трасс, пронзая чёрное небо, устремились вверх. Ревущие кометы перелетали через гребень высоты, завершали там свою заданную траекторию и рвались в глубине немецкой передовой линии. От неожиданности взвод залёг. Исчезли и каски над бруствером сверху.

— “Катюши”!

— Это же наши долбают!

— Вперёд! — закричал Воронцов. — Последний бросок — бегом!

— А-а-а! — закричали справа и слева.

Рядом с Воронцовым карабкался лейтенант Гридякин. Он тоже что-то кричал и стрелял вверх из своего автомата. Воронцов ухватился за высокий пенёк, подтянулся, упёрся в него ногой и прыгнул вперёд. Мимо, обгоняя его, пронеслась трасса разноцветных пуль и рассыпалась среди изрубленных деревьев, где виднелись мелькающие фигурки — немцы. Они отходят! Но тут же, из-за бруствера, до которого оставалось шагов семь-восемь, полыхнула другая, встречная, пронеслась над плечом, так что Воронцова инстинктивно поманило к земле. Хлопнул под ногами запал ручной гранаты. Воронцов перескочил её и через минуту перевалился через бруствер. Сзади его толкнули. Он упал вниз головой. Почувствовал под собой чьё-то тело. Оно было ещё живым, пахло потом и свежей перевязкой. Воронцов вскочил на ноги. На дне траншеи, привалившись спиной к плетню, которым были укреплены боковые стенки окопа, сидел немец и смотрел на него. Он тяжело, с хрипами, дышал, прижимая к забинтованной груди руки. Немец смотрел на него спокойным взглядом человека, готового ко всему. И в это время на Воронцова откуда-то из боковой ячейки прыгнул другой немец, сбил с ног и начал душить. Воронцов напрягся, с силой оттолкнул его ногами. На того тут же навалились двое — Чинко и Гридякин.

— Пулемёт! — закричал Воронцов. — Где пулемётчик? Саенко! Дронов! Живо своих пулемётчиков! — И он указал в сторону вырубленного снарядами березняка, где немцы, видимо, отступившие во время внезапной атаки штрафников, перегруппировывались и уже развёртывались в цепь.

А в самой траншее ещё шла драка. Сапёрные лопаты и приклады рубили и проламывали каски. Кололи штыками. Ползали на четвереньках, влоча за собой перебитые руки и ноги. Кричали нечеловеческими голосами. Матерились.

Два “максима” без щитков тут же установили по флангам и ударили по березняку. Но оттуда уже летели гранаты. Один из пулемётов сразу же потонул в разрывах. Другой продолжал кромсать накапывающуюся на траншею цепь. Раненые и убитые падали в снег. Живые тут же отползали назад, в сторону березняка. А остальные продолжали с криком бежать вперёд.

— Огонь! — кричали лейтенанты.

Гридякин заменил диск и стрелял длинными очередями.

Остановить контратакующих перед траншеей взводу всё-таки не удалось. Снова началась рукопашная. Несколько штрафников выскочили из траншей и прыгнули вниз.

— Назад! — Воронцов перекинул автомат, выпустил очередь поверх голов.

Вернулись они назад или покатались дальше, вниз, Воронцов уже не видел. Чёрная тень перемахнула через колья плетня, на мгновение закрыв перед ним всё. Он наугад сбоку ударил её прикладом. Тень рухнула рядом. Скользнул по плечу штык и воткнулся в противоположный плетень. Ворон-

цов выхватил из-за сапога нож и бил им до тех пор, пока не почувствовал, что тело обмякло и уже не сопротивляется.

— Саенку закололи, — услышал он над собой голос лейтенанта Гридякина.

— Где сержанты? — спросил он, осмотревшись и поняв, что и на этот раз отбили. — Дронов, ко мне! — закричал он.

Подбежал младший лейтенант Дронов.

— Что с Саенко?

— Убит, — ответил Дронов. — Наповал.

— Обойди правый фланг, проверь стык. Узнай, что там в четвёртом? Я — на левый. Если кто убит из сержантов, назначь новых. Уточните наши потери.

— Что делать с ранеными, товарищ младший лейтенант? — спросил сержант Чинко.

Что делать с ранеными? Ротный ничего не сказал.

— Всех перевязать. Кто может идти, пусть идут своим ходом. Тяжёлых пока сложите в блиндаже. И вот что, Чинко, посмотри там пулемёт. Не сильно ты его изуродовал?

— Ребята уже смотрят. Вроде работает. Патронов навалом.

— Это хорошо.

Подбежал Гридякин:

— Ну что, Сашка? Почему сидим тут? Ждём, когда нас контратакуют? Надо дальше наступать!

— Приказа не было. Иду к ротному.

— Понял. Скажи, что мне делать?

— Младшего лейтенанта Саенко убили. Если сейчас пойдём дальше, я стану в середине, а вы с Дроновым по флангам. А пока проверь пулемёты.

— Есть, товарищ младший лейтенант! — Гридякин улыбнулся. Лоб его был разбит, но кровь уже присохла.

Глава шестнадцатая

Во взводе Нелюбина потерь оказалось больше. Воронцов шёл по ходу сообщения, перешагивал через убитых. Бойцы уже расчищали траншею, складывали в ячейках своих убитых. Снимали с них вещмешки с патронами, гранатами и сухим пайком.

— Ну что, Иван Матвейч, — хлопотал возле одного из убитых пожилой боец в разорванном ватнике. — Вот и взяли мы их. Вот и искупил ты, земляк, перед родиной... Нету у тебя теперь никакой вины.

— Где командир взвода? — спросил бойца Воронцов.

— Там. — Боец устало и, как показалось Воронцову, безразлично махнул рукой вдоль траншеи. — Там он. Сержанта ранило. Так он с ним.

— Стукалина? Сержанта Стукалина? Ну, что молчишь, боец?

— Кажись, его. Разведчика. Шустрый такой...

Воронцов побежал вперёд, расталкивая бойцов.

— Там они, — кивнул ему на вход в блиндаж санинструктор. — Я ему уже ничем помочь не могу. А работы много...

Воронцов спустился по земляным ступенькам в блиндаж. На топчане лежал Степан. Он тяжело дышал. Смотрел неподвижными глазами в брёвна накатника. В другом углу, сгрудившись над столом, сидели офицеры. Слышался голос старшего лейтенанта Солодовникова. Среди офицеров Воронцов увидел артиллериста и ещё кого-то из связистов.

— Воронцов, давай сюда. Какие у тебя потери? Докладывай. — Ротный махнул ему рукой. — План твой оказался верным. Буду писать на тебя реплицию. И ворвался твой взвод хорошо. И контратаку отбили. На тебя все кинулись. Какие у тебя потери?

— Сержанты сейчас подсчитывают.

— Да мне примерно. Чтобы знать, чем мы располагаем.

— Думаю, человек десять потеряли. Если считать раненых, то ещё человек восемь.

— Раненых придержи в траншее. Не отправляй пока в тыл. Только — тяжёлых. Ты что, Воронцов, квёлый такой? — Голос старшего лейтенанта Солодовникова доносился как из тумана. — Ранен, что ли?

— Нет, Андрей Ильич, со мною всё в порядке. Разрешите мне с другом поговорить?

Сидевшие вокруг стола затихли.

— Да, да, вы ведь вместе выходили... Молодец твой Стукалин. Пулемёт вывел из строя первыми же гранатами.

— Что с ним?

— В траншее уже... Очередь из автомата. Прямо в грудь. Фельдшер сказал, что в тыл нести бесполезно. Вот такие дела, взводный. Так что прощайся с другом и давай сюда.

Воронцов взял руку Степана. Лицо его сразу вздрогнуло.

— Ну, как ты, Стёп? Я ротного попрошу, чтобы в тыл тебя отнесли. А?

— Спасибо, Сань. — Степан говорил с трудом, медленно разлепляя спёкшиеся чёрные губы. — Помнишь, как мы... наша шестая... на речке той...

— Тихо, тихо, молчи. Тебе больно?

— Сань, в кармане у меня письмо от матери. Старое... прошлогоднее... Адрес на нём обратный... Не хочу под чужим именем...

— Хорошо, Стёп, ты только не переживай. Всё сделаю. Будем жить, Стёп! Будем жить!

Ротный снова позвал Воронцова.

Степан шевельнул губами:

— Не оставляй меня, Сань. Умирать скоро... Боюсь один остаться... А там... там не боюсь... Там нас много...

— Я с тобой, Стёп. С тобой. Ты, может, хочешь чего? Пить хочешь? У меня и водка есть. — Воронцов достал из кармана трофейную фляжку, потряс ею.

Степан снова шевельнул губами. Голос его уже стал совсем тихим. Воронцов наклонился к нему и услышал:

— Сань... устал.... Ох, как я устал...

Уже рассвело. Воронцов и не заметил, как всплыло над дальним лесом, над верхушками нетронутых снарядами берёз оранжевое солнце. Вдруг спохватился, что не взлетают ракеты. Да и вообще тихо стало кругом. Немцы притихли. Наших не слышать. Первая мысль: где батальоны? Почему не слышать боя на флангах? Там сейчас должна стоять пальба и дыбом вставать земля! Значит, не пошли батальоны?

Приполз связной с НП командира роты:

— Донесение лейтенанту Гридякину! Кто из вас лейтенант Гридякин?

— Я. — Гридякин открыл глаза. — Давай, что там у тебя.

Связной передал записку. Гридякин прочитал её и порвал.

— Скажи ротному, что приказ будет выполнен. Можешь быть свободным. — И лейтенант Гридякин снова закрыл глаза.

Левая ладонь его была перевязана. Когда прыгал во вторую траншею, немец встретил его на штык. Гридякин машинально выбросил вперёд руку, и штык проткнул ладонь. Сейчас, после второй траншеи, он выглядел ничуть не лучше штрафников. Вот почему связной не сразу разглядел его среди бойцов. В оборванной шинели, с закопченным лицом, кровоподтёком на скуле, разбитым лбом и рассечённой губой. Теперь он дремал, прижавшись к пулемётчику.

Воронцов обошёл свой взвод. Бойцы провожали его молчаливыми взглядами. Послушные и безропотные в бою, они и во время отдыха не досаждали своими вопросами и просьбами. Будто всё знали наперёд, смирившись со своей судьбой и готовностью свою чашу нести до конца.

— Чинко, — окликнул он помкомвзвода, — раненые до сих пор не отправлены. Почему?

Взгляд у сержанта Чинко спокойный. Будто и не было двух рукопашных. Голос тоже:

— Снайпер бьёт, товарищ младший лейтенант. Сами видите, что делается. Дождёмся темноты, отправим. Ребята потерпят.

В строю из семидесяти пяти человек оставалось тридцать восемь. Тридцать девятым был лейтенант Гридякин.

— Дронов, оба пулемёта — на фланги. Пусть заряжают диски.

— Они уже заряжают, — ответил зам по строевой.

Группы немцев бойцы выбросили из траншеи, образовав с западной стороны бруствер. Теперь сидели в ячейках и делили трофеи, щёлкали зажигалками, курили в рукава, посмеивались друг над другом. Обычная реакция после атаки. Живые вспоминают что-нибудь смешное. О мёртвых не говорят. Мёртвым уже ничего не нужно, они даже покурить не просят.

— Чинко, откуда бьёт снайпер?

— Да кто ж его разберёт. Лупит на каждое движение. Двоих уже в блиндаж унесли.

— Ты МГ освоил?

— Да я его давно освоил, — признался Чинко тем же спокойным тоном.

— Стреляешь хорошо?

— На сто шагов в середину корпуса не промахнусь.

— Тогда слушай меня внимательно. По фронту снайпер огонь не ведёт. Как правило, стреляет с фланга. Я сейчас высуну каску, а ты понаблюдай. Постарайся засечь вспышку выстрела. — Воронцов протянул сержанту бинокль.

— Не нужен мне никакой бинокль. У меня глаза хорошие.

— Когда увидишь вспышку, молоти по тому месту, пока ствол не перегреется. Кончится лента, спрячь голову и лежи, не высывайся.

Воронцов подобрал винтовку с разбитым прикладом, надел на неё каску, валившуюся под ногами, и поднял её на четверть над трупом немца. Затем он шевельнул труп, подтащил его к себе. Пусть снайпер подумает, что русские продолжают обшаривать убитых. Опустил каску и снова приподнял. И в это мгновение пуля щёлкнула по каске, так что та отлетела в глубину траншеи. И тут же торопливо заработал МГ. Воронцов на четвереньках подбежал к сержанту. Тот, прижав к щеке верхний рог короткого приклада, молотил из пулемёта по крыше сарая, стоявшего возле дальнего леса, метрах в ста пятидесяти от их траншеи. Вскоре плоский наконечник целиком отстрелянной ленты, щёлкнув, выскочил из приёмника. Сержант быстро убрал с бруствера пулемёт и поставил его на дно траншеи.

— Перегрел, — сказал он и швырнул на кожих горсть снега. — Пахнет, как в кузнице...

Подошёл лейтенант Гридякин.

— Что там?

— Снайпер в сарае засел.

— Думаете, вы в него попали?

— Попасть, может, и не попали, — сказал Чинко, — но напугали всеерьёз. Он теперь отсюда уйдёт. Он понял, что и за ним охота началась. Снайпер — хищник осторожный.

— Как думаешь, — спросил Гридякин, — почему они молчат? Хреновая какая-то тишина.

— Скоро узнаем.

Воронцов позвал к себе командира отделения противотанковых ружей. Худощавый сутулый сержант с раскосыми карими глазами степняка доложил, что расчёты расположились углом вперёд, что запасные позиции тоже отрыты и замаскированы. Фамилию командира отделения бронебойщиков Воронцов никак не мог запомнить. Запомнил имя.

— Карим, как вы думаете, если они пустят танки, откуда надо ждать атаки?

— Танка нада маневр, — с сильным акцентом ответил Карим. — Сюда болото, сюда болото. Там — дорога. Оттуда ждём, товарищ младший лейтенант.

— Хорошо. Один человек пусть ведёт постоянное наблюдение. Остальным — отдыхать.

— Есть, товарищ младший лейтенант. — Карим махнул ладонью у обреза каски и пошёл по ходу сообщения к позициям ПТР.

Две бронебойки были расположены в глубине траншеи, третья — непосредственно в одной из стрелковых ячеек.

Во второй половине дня началась стрельба на флангах. Немцы, казалось, забыли о прорвавшейся роте, оседлавшей одну из высот. Они сосредоточили огонь своих орудий и миномётов на скатах справа и слева от штрафников. Несколько раз там слышалось: “Ра-а-а!” Но всё тонуло в сплошном гуле взрывов и пулемётном грохоте. Девятка пикировщиков пронеслась над деревьями. Самолёты сделали вираж, набрали высоту и начали почти отвесно пикировать на скаты. Разгрузившись, “лаптёжники” улетели. Внизу всё трещало и горело. Дым и копоть сносило в лес.

— Вот и вся атака наших батальонов, — сказал спокойным голосом сержант Чинко и осторожно спросил: — Товарищ лейтенант, как вы думаете, приказа на отход не будет?

— Не будет, Чинко.

Сержант докурил немецкую сигарету, уронил окурок и сказал:

— Я тоже так думаю. Но вы не сомневайтесь. Никто из наших, товарищ младший лейтенант, второй раз в плен не пойдёт.

— А я и не сомневаюсь. Пойдём-ка проверим позиции пулемётных расчётов, сержант.

Пошли на левый фланг. Пулемётчики сидели на дне просторного окопа. “Максим” без щитка стоял внизу, прикрытый трофейной плащ-палаткой. Пулемётчики, развязав один из принесённых с собой вещмешков, набивали брезентовые ленты патронами.

— Где запасная? — спросил Воронцов первого номера.

— Там, товарищ младший лейтенант, — вскочил боец. — В двадцати шагах отсюда. Глубже и немного левее.

— Хода сообщения туда, конечно же, нет.

— Да где ж тут его откапашь, товарищ младший лейтенант. Они уже сейчас пойдут.

Все бойцы были уверены, что немецкая контратака начнётся с минуты на минуту.

— Следите вон за тем отрезком дороги. Это — ваш сектор. Стрелять — только во фланг. Фронт — не ваше дело. Только в крайнем случае. Если подойдут на бросок гранаты.

— Если подойдут на бросок гранаты, то стрелять уже поздно, — сказал первый номер. — Тогда надо будет на запасную уматывать.

Народ во взвод подобрался бывалый. Что и говорить, взвод, который достался ему в начале офицерской карьеры, оказался хорошим взводом. Вот только истаивал он быстро. И задача оказалась непомерной.

Пошли дальше. Впереди Воронцов увидел пулемётчиков второго взвода. Соседи тоже устроились и отдыхали. Там, во втором взводе, уже не было сержанта Стёпки Смирнова. Потёртое письмо его матери, которое Степан сохранил и в плену, и в роте Радовского, теперь лежало в полевой сумке Воронцова. Эх, Стёпа, Стёпа... И умереть тебе пришлось под чужой фамилией...

Во второй взвод он идти не хотел. Разве что провести Кондратия Герасимовича. Нет, Нелюбину сейчас не до него. Тоже, видать, обходит своё хозяйство и отдаёт распоряжения пулемётчикам, стрелкам и бронебойщикам.

— Чинко, — сказал Воронцов своему помкомвзвода, — я обещал вам написать на вас ходатайство за умелые действия в составе передовой группы. Учтите, я не забыл.

— Я об этом не думаю, товарищ младший лейтенант. — В глазах Чинко сияла благодарность.

— Во время боя следи за левofланговым пулемётом. Пусть не спешит обнаруживать себя. Но когда откроет огонь, пусть не робеет, что сейчас мина прилетит.

— Понял. Они ребята надёжные.

Потом, пересиливая дремотную усталость, Воронцов услышал, как Чинко тихо разговаривал сам с собой и напевал:

*Ой, гора-гора, гора высокая.
А под горой лежат четыре сокола.
Четыре сокола, четыре сизова...
Любил я девочку ещё до призыва...*

Контратака началась вечером. В лоб немцы не пошли. И взвод Воронцова, занимавший оборону в середине траншеи, занятой ротой, в начале схватки сидел без дела. Чтобы не засвечивать основную позицию, Воронцов приказал левофланговому расчёту “максима” быстро перебраться на запасную и поддержать фланговым огнём первый и второй взводы. Два “дегтяря” он держал в центре. Что-то подсказывало ему, что главные события ещё впереди. Немцы нажимали на первый и четвёртый взводы. Особенно доставалось первому. Первую атаку те отбили сами. Вторую смели миномётчики. Заболоченный дуг, глубокие канавы, заполненные водой и теперь замёрзшие и присыпанные снегом, похоже, довоенные торфоразработки, исключали применение танков. Данные разведсводки, которую перед выдвижением на исходные зачитывал им старший лейтенант Солодовников, свидетельствовали о том, что на станции Милятино, в четырёх-пяти километрах отсюда, немцы держат резервы. Резервы расположены в два эшелона: около пятнадцати танков и до двух батальонов пехоты в первом и батальон средних танков и до дивизии пехоты — во втором. Батальоны, как можно предположить, подошли. Танки они могут пустить только отсюда, с фронта. И только на их взвод.

— Карим, слушай внимательно, — предупредил он командира броневой пехоты — На фланги не отвлекайся. Твоё дело — танки. Пока их нет, слушай, наблюдай и протирай патроны.

— Задача ясный, — коснулся обреза каски степняк.

Ротный, видимо, обрывал всё телефоны. Через минуту шквал артиллерийского огня накрыл пустошь и березняк справа и слева от траншеи, занятой штрафниками. Чёрная стена взрывов шла, продвигаясь в глубину немецкой обороны, пошатывалась из стороны в сторону. Некоторые снаряды, будто выпадая из геометрии заданных траекторий, падали возле окопов первого взвода.

По ходу сообщения, который вёл в тыл, прибежал связной с НП командира роты. Связист нес “маузер” с оптическим прицелом. Винтовка была завёрнута в пятнистую трофейную плащ-палатку. Воронцов сразу узнал этот длинный свёрток.

— Товарищ младший лейтенант, велено вам передать. — Связист сунул в карман руку и выгреб оттуда горсть патронов. Потом другую. Патроны были облеплены крошками рыжего табака. — Вот всё, что есть. Двадцать один. Ещё четыре в магазине, вспомнил Воронцов.

— А где лейтенант Гридякин?

— Ушёл во второй взвод.

Связист потоптался в грязном, перемешанном с торфом снегу, посмотрел в сторону второго взвода, откуда тянуло толовой гарью. Не хотелось ему идти туда.

— Ему велено явиться на НП командира роты. Ротный ругается.

— Хорошо, передам. И скажи старшему лейтенанту Солодовникову, что мы ждём танковой атаки. Когда пойдут, пусть артиллеристы помогут нам.

— Так и передать?

— Слово в слово. Идите.

Воронцов распеленал “маузер”, открыл затвор, дозарядил магазин. Расчехлил прицел и начал осматривать сарай, углы, дыры в крыше. Сарай лучше было бы сжечь. С его чердака наверняка хорошо просматривается наша траншея со всеми и основными, и запасными позициями пулемётчиков и броневой пехоты. Идеальный наблюдательный пункт для корректировки огня. На месте офицера, который решил бы на танковую атаку с фронта, было бы разумным послать на этот НП наблюдателя и корректировщика. У них каждый танк и каждый артиллерийский расчёт оснащены радиостанциями. Знал Воронцов и другое: если во время боя командир подразделения

начнёт в полном объёме исполнять работу бойца, пусть даже снайпера, то некому будет командовать подразделением. Но в бою, Воронцов знал и это, наступает такой момент, когда никакие команды уже не влият на ход стремительно развивающихся событий, и офицеры дерутся плечом к плечу с солдатами, и их главная роль сводится к тому, что они — рядом, в окопе, и так же, как и все, продолжают вести огонь, доводя его, как написано в уставе, до наивысшего напряжения.

Первая мина шлёпнула с недолётом.

— Убрать винтовки! — скомандовал Воронцов. — Всем, кроме наблюдателей, лечь в траншею и приготовиться к бою!

— Сашка, что? Начинается?

Воронцов оглянулся. Перед ним стоял лейтенант Гридякин. Лицо его было бледным. То ли от усталости, то ли от того, от чего всегда бледнеет солдат перед атакой.

— Вам приказано прибыть на НП командира роты, — сказал Воронцов, стараясь не смотреть ему в глаза.

Лейтенант Гридякин это заметил. В такие мгновения, когда в человеке напрягаются все силы, и физические, и иные, видится многое и многие мысли приходят, и многие откровения охватывают душу, чтобы напоминать потом о себе всю оставшуюся жизнь. Если её суждено прожить. Если жить человеку не до первого разрыва мины и не до первой пули...

— Чего ж ты отворачиваешься, Сашка? А? Уже заранее меня презираешь, да? Он, мол, сейчас в тыл поползёт, шкуру спасать. Чтобы донесения писать, как мы тут храбро дрались. А нам — умирать... Ну, скажи честно, ты это подумал?

Воронцов посмотрел в глаза Гридякину. Губы лейтенанта дрожали.

— Никуда я не пойду. У меня ещё два диска патронов, две гранаты.

— Бойцов у меня во взводе хватает. Тогда иди к Прохоренко. Он там один остался. Ему помощь нужна. — И Воронцов вытащил из противогазной сумки ещё один диск и сунул в руки лейтенанту Гридякину.

Они обнялись. Лейтенант Гридякин, пригибаясь после каждого взрыва, пошёл на правый фланг. А Воронцов вскинул винтовку и снова обшарил в прицел углы сарая. Наблюдателя-корректировщика он просмотрел. Или тот подполз со стороны леса и так же незаметно поднялся наверх. Или сидел там всё время, пока рота обживала траншею, и просто не обнаруживал себя. Надо было послать кого-нибудь в разведку. То, что наблюдатель там, Воронцов знал точно: мины, прилетавшие откуда-то из-за гряды смешанного леса, ложились прицельно, плотно накрывая полосу траншеи, с каждым взрывом обжимая её всё плотнее и плотнее.

Воронцов осмотрел чёрные провалы в крыше. Их всего оказалось пять. Возле одной из них сейчас стоит немец, наблюдает за огнём своих миномётов и передаёт поправки.

Уже слышались крики раненых.

— Санитара сюда! — закричали сразу несколько голосов.

Свист мины, раздавшийся совсем рядом, заставил Воронцова прижаться к стенке отводной ячейки. Немцы, видимо, начали рыть запасной ход сообщения, но не успели. И Воронцов теперь стоял на коленях в этом недорытом окопе и ждал взрыва мины. Взрыв! Мина взорвалась в двух шагах от него. Запахло толовой гарью. Осколков он не услышал. Заложило уши. Выглянул. Поднял винтовку. И раз за разом, быстро перезаряжая, положил пять пуль в нижний обрез проломов в крыше сарая. Перезарядил винтовку и зачехлил прицел.

Гула моторов он не услышал. В ушах ещё звенело. Да и миномётный обстрел продолжался, сдвигаясь на левый фланг, ко второму и первому взводам. Но крик командира отделения бронебойщиков услышали все:

— Танка! Расчёты! Приготовиться к бою!

Карим делал своё дело. Он знал, что наступил его час, что его работу, кроме его самого и расчётов бронебоев, не делает уже никто.

Воронцов смотрел в бинокль на дальний поворот дороги, где происходило основное движение. Справа и слева виднелся лес и перед лесом болоти-

на. Там танкам не пройти. Вот и выползали они по узкому участку дороги, чтобы потом здесь, на дугу, развернуться в боевой порядок.

— Расстояние триста метров! — слышался гортанный голос Карима. В минуты боя акцент степняка становился ещё сильнее. — Стрелят подождит! Подождит!

Карим рисковал, стараясь подпустить танки на верный выстрел. Он выстраивал свой бой, и Воронцов понимал, что в его тактику сейчас лучше не вмешиваться. Карим воевал с сорок первого. Под Тулой сжёг первый танк и получил орден. Затем был ранен. Вернулся снова в один из ИПТАПов¹, подо Ржевом попал в окружение. Плен, Вяземский концлагерь, русская рота в составе РОА...

— По головному направляющему! — зло заревел Карим. — Залпом! Пли!

Все три бронебойки вздрогнули, поднимая перед окопами облачка снега и порохового дыма.

— Целься в гусеница!

Снова загрели бронебойки, теперь уже не так дружно.

— Взвод! — закричал Воронцов. — Приготовиться! Пулемётчики молчат до моего приказа! До сарая и гряды раки — только огонь из винтовок! Когда пройдут раки, всем взять трофейные автоматы и приготовить гранаты!

Глава семнадцатая

В бинокль Воронцов хорошо видел маневр немцев. Три танка шли колонной, один за другим, соблюдая одинаковые интервалы. За ними — по взводу пехоты. Дальнейшее можно было предположить заранее: как только минуют лесную дорогу, сразу за болотинной начнут развёртываться в цепь. Вот когда их бить! Пока идут колонной! Да где же там артиллеристы?

И в это мгновение несколько фосфоризирующих трасс низко прошли над головами взвода и исчезли за грядой старых раки. Одна из них ударила в головной танк, и тот развернулся и пополз к лесу, разматывая по снегу гусеницу.

— Боковой броня! Боковой броня! Беглый огонь! — Это, почувствовав неожиданную добычу, кричал Карим своим бронебойщикам.

Через минуту танк уже горел. Из моторной части начало вытягивать клочковатый чёрный дым. Открылся верхний люк. Воронцов мгновенно сдёргнул с прицела чехольчик, вскинул винтовку. Над башней маячила сторбленная фигура в чёрном комбинезоне. Он взял её в прицел, выстрелил. Танкист скатился вниз. К танку кинулись пехотинцы. Двое запрыгнули на броню. Видимо, пытались помочь танкистам. Но из люка больше никто не появлялся. Воронцов взял на мушку одного из пехотинцев и плавно надавил на спуск. Каска, выкрашенная в белое, так и слетела с его головы. Остальные тут же сыпанули вниз. Бывалые солдаты, они поняли, что стреляет снайпер и что снайпер охотится за одиночными целями. Поэтому, сбившись в кучу, они тут же хлынули за танк.

Но железные коробки оказались плохой защитой. Потому что очередные три трассы, хорошо заметные в ранних сумерках, ударили стальными семидесятишестимиллиметровыми болванками, срывая с брони танков надстройки и срубая куски брони. Один из бронебойных снарядов, миновав танк, скользнул над покорёженным крылом гусеницы и исчез в колонне пехотинцев.

Немецкие танкисты поняли, в какой ситуации внезапно оказались. Пехота расступилась, и танки на большой скорости помчались вперёд, стараясь выйти из зоны огня противотанковых орудий.

¹ Истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Особенно много таких полков было создано в начале войны, в 1941-м и 1942 годах, когда существовала угроза прорыва немецких бронетанковых и моторизованных колонн к Москве, Ленинграду, Туле, Сталинграду, Ростову и другим жизненно важным центрам и коммуникационным узлам, оставлять которые противнику было нельзя. В состав ИПТАПа входили также подразделения ПТР.

И в это время загрохотало на флангах и в тылу. Позиции артиллеристов накрыло чёрным дымом. В стороне НП командира роты тоже началась стрельба. Рота пополнялась до самого последнего дня. Когда все четыре взвода были укомплектованы под завязку, со сверхштатными отделениями противотанковых ружий и пулемётными расчётами “максим”, с группами санитаров из расчёта один санитар на каждое отделение, ротный начал формировать резерв. Его он держал при себе. Часть использовал в качестве боевого охранения при артбатареях и миномётчиках. Судя по всему, в бой вступили боевые охранения. А это означало, что и артиллеристам, и миномётчикам теперь не до танков. Там шёл ближний бой. И ротного надо было выручать.

— Прорвались!

— С тыла прорвались!

— Окружают! — донеслось с левого фланга.

Окруженцы заволновались первыми. Они-то хорошо знали, чем грозил выход противника в тыл.

Бласовцы Воронцова молчали. Бледные лица смотрели то на него, то в сторону гряды ракич, за которыми уже рассыпались в цепь немецкие пехотинцы.

— Кому что, а цыгану — сало... — проворчал пожилой боец. Он торопливо свёртывал большую самокрутку, такую бойцы называли “семейной” — из последнего табака, на всё отделение. Пальцы у бойца дрожали. Их буквально сводило судорогой, так что боец едва справился с самокруткой.

— Чинко! — приказал Воронцов помкомвзвода. — Бери пять человек с пулемётом и — на НП командира роты. Если они там справляются, бегом назад.

Шесть человек с ручным пулемётом тут же ушли в тыл, где всё гремело и откуда тащило понизу чёрный дым. В траншее тут же заняли опустевшие ячейки. Каски теперь торчали реже. Бронебойки продолжали огонь. Резкие и частые сухие их удары пытались остановить гул танковых моторов. Танки и пехота уже развернулись в правильный фронт и густой глубокой цепью двигались на штрафников. Команды открыть огонь не поступало. Наконец в небо взлетели одна за другой две красные ракеты. Должны были взлететь три. Но, видимо, на НП что-то произошло такое, что помешало сигнальщикам сделать всё так, как надо.

— Взвод, слушай мою команду! — Воронцов посмотрел вправо и влево. Его бойцы уже стояли, привалившись к стенке траншеи и положив винтовки на снежные брустверы и зачочневшие трупы немцев, замерли, нащупывая и поглаживая зачочневшими пальцами спусковые скобы. — По атакующей цепи! Два! В пояс! Первым — залп, затем часто... — Воронцов сделал паузу, прислушиваясь к тому, что происходило на флангах, во втором и четвертом взводах, и рывкнул что было сил: — Огонь!

Цепь приближалась к гряде ракич. Один из танков начал отворачивать левее. Пулемёт его плескал клочковатым пламенем. Вот остановился, повёл коротким стволом. Выстрел! Крайнюю бронебойку подбросило вверх, разметало искромсанные тела бойцов.

— С фланга! С фланга! Так вы их не возьмёте! — Воронцов подбежал к командиру бронебойщиков. — Карим! Давай туда! Стреляйте только в боковую броню и по гусеницам! Занимайте окопы стрелков!

— Понял, командир! За мной! — тут же скомандовал он своим расчётам.

Воронцов вскинул винтовку, взял в прицел бегущего в передней цепи с пистолетом. Ни один мускул его не дрогнул. Тело стало послушным и спокойным, как железо. Он надавил на спуск и увидел, как немец откинул назад голову и начал падать. Перезарядил. Провёл прицелом по цепи. Вот ещё один. Этот был с автоматом. Он часто жестикулировал и крутил головой по сторонам, видимо, подгоняя цепь. Этого тоже — в горло. Он подвёл прицел чуть выше центра груди и надавил на спуск. Приклад толкнул в плечо. Дальше он выстрелил ещё несколько раз. Магазин опустел. Он зарядил новую обойму. И через минуту снова зарядил винтовку. Когда выстрелил последний патрон, быстро зачехлил прицел, замотал винтовку в плащ-палатку и сунул её под труп немца, лежавшего за снежным бруствером.

Наступали немцы грамотно. Встретив прицельный ружейно-пулемётный огонь, они сломали цепь и теперь толпами бежали за двумя танками. Танки часто останавливались и стреляли из пушек. Снаряды ложились точно. Вскоре осталась всего одна бронебойка.

Атакующие разделились на две группы. Первая шла на взвод Воронцова. Вторая — на правифланговый четвёртый взвод.

— Карим! Стреляй по тому! — И Воронцов указал на танк, который приближался к траншее четвёртого взвода, подставляя им бок.

— Он не наш! Не наш, командир!

— Стреляй! Приказываю! — И Воронцов, сам от себя не ожидая, начал расстреливать кобур пистолета.

Ни разу он ещё не стрелял из своего новенького ТТ.

— Ты что, командир?

— Стреляй! Видишь, борт подставил!

— Почему молчит батарея?

— Делай своё дело!

Карим со своим вторым номером тут же переставил ружьё и повел огонь по танку справа. Бронебойщики остановили его в нескольких десятках метров от четвёртого взвода. Гусеница, отчаянно разбрызгивая снег, начала съезжать с резиновых бандажей дисков. Танк резко развернуло, и в него полетели связки гранат и бутылки с зажигательной смесью. Четвёртый взвод в несколько минут справился с железной машиной, которая ещё мгновение назад казалась неуязвимой. Немецкая пехота тут же рассыпалась в цепь и залегла. Открыла огонь.

— Отсекай пехоту! Отсекай! Стрелять прицельно! — Воронцов сам стрелял из автомата и поменял уже второй диск.

“Максим” рубил длинными очередями. Но немцы продолжали приближаться под прикрытием танка.

— Убери-ка голову, взводный. — Пожилой боец, тот самый, который перед началом огня скручивал “семейную” самокрутку, похлопал Воронцова по плечу. В руках у него была противотанковая граната. Вторая стояла вверх ручкой тут же, в песчаной, обмётанной инеем нише. — Ты ещё молодой. Поживи. А мне, старику...

Воронцов невольно присел, заглянув в глаза бойца. Наступило то мгновение, когда различия в звании и должности перестают иметь какое-либо значение и всё решает дружок.

Танковый курсовой пулемёт стрелял непрерывно. Пехота, прижатая огнём взвода вплотную к стальной машине, начала рассыпаться в цепь. Пехотинцы перебежали вперёд, с колена прицельно вели огонь, снова передвигались вперёд. Танк взревел и увеличил скорость, сразу оторвавшись от пехоты сопровождения.

— Ну вот и сдали твои нервы, — стиснул зубы боец, неподвижным взглядом следя за приближением танка.

И в это мгновение вихрь трассирующих пуль ударил по бровке траншеи. Воронцов и боец упали вниз.

— Живой? А, взводный? — услышал Воронцов голос бойца.

— Бросай гранату! Ну? Чего ждёшь?

— Рано, — спокойно ответил боец, вытягивая шею и отползая в другую сторону. И вдруг закричал: — Ползи туда! Подальше отсюда! Я его буду пропускать!

Воронцов подхватил автомат и на четвереньках пополз вправо. Перелез через труп, лежавший поперёк траншеи, забился в пустую боковую ячейку. Огляделся: почему никого нет? Куда все ушли? И тут же догадался, что все так же, как и он, старались укрыться от танка и отползли подальше от него. Значит, справа и слева от танка образовалась незанятая брешь, в которую вот-вот хлынут немецкие пехотинцы. Он встал, вскинул автомат. Танк уже наваливался на траншею. Пулемёт выплёскивал трассирующую струю куда-то в тыл, в пустоту. Башня с коротким стволом медленно поворачивалась, видимо, уже отыскав цель.

Сейчас остановится на линии траншеи и начнёт добивать его взвод из пушки, мелькнула в голове Воронцова страшная догадка. Но ему уже было не до танка. Немцы накатывали сплошной волной и находились уже в тридцати-сорока шагах от траншеи.

— Огонь! Огонь! Мать вашу!..

И тут с запасной позиции, через их головы ударил левофланговый “максим” третьего взвода. Калюжный! Какой ты молодец, Калюжный! Воронцов оглянулся. Но ничего, кроме трассы, уходящей в сторону бегущих немцев, не увидел.

Диск вскоре закончился. Автомат сразу стал непривычно лёгким. В сумке лежали заряженные. После боя в траншеях он зарядил все диски и сложил их в сумку. В нише ячейки он увидел несколько гранат. Четыре Ф-1 лежали рядком, с запалами. Он бросил пустой автомат, схватил две гранаты, выдернул чеки обеих. Первую швырнул прямо по фронту. Вторую правее. Две других — левее, по следу танка. И тут же начал перезаряжать автомат. Два сильных взрыва качнули воздух и секанули по лицу и рукам снегом и землёй взрывной волны. Значит, старик успел бросить гранаты, догадался Воронцов, но оглянуться туда, где раздался двойной взрыв, чтобы удостовериться в своей догадке, он не успел. Белые каски и расстёгнутые шинели уже мелькали в десяти-пятнадцати шагах от него. Он вскинул автомат и, стараясь удерживать мушку в середине корпуса бегущих, надавил на спусковую скобу и повёл вдоль цепи. Позади, с перелётом, и правее, в самой траншее, разорвались две гранаты. И сразу несколько взрывов вздыбили снег, перемешанный с землёй и кровью, под ногами немецкой цепи. Цепь начала распадаться на отдельные группы. Некоторые из этих разрозненных групп тут же залегли и начали отползать, яростно отстреливаясь. “Максим” Калюжного продолжал рубить отступающих, увеличивая их потери.

Диск, как показалось Воронцову, опустел в одно мгновение. Пока он перезаряжал автомат, немцы вскочили на ноги, подхватили своих раненых и, отстреливаясь, побежали в сторону сарая и гряды ракиит.

— Не ослаблять огня! Не ослаблять! — И он вскинул свой ПППШ и начал прицельно стрелять в спины отступающих.

Вскоре стрельба из автомата стала бесполезной. Потеряв ещё с десяток человек ранеными и убитыми, немцы укрылись за ракиитами и сараем.

— Ну что, товарищ младший лейтенант, кажись, отбились. — Сержант Чинко стоял в соседней ячейке и вставлял в приёмник пулемёта новую ленту. Ствол пулемёта раскалился, и снег под ним стал ноздреватым и грязным. А Воронцову во время боя казалось, что стрелял он один.

Только теперь Воронцов увидел и танк, всюю горевший в тылу, в двадцати шагах от траншеи, и сержанта, возившегося со своим раскалёнными пулемётом, и его группу, и пожилого бойца в расстёгнутой телогрейке. Старик сидел на дне траншеи и курил “семейную” самокрутку. Время от времени он поглядывал на разгоравшийся танк и что-то говорил сам себе и усмехался. Кровь крупными каплями капала из рукава его телогрейки, и он изредка стряхивал её в грязный снег.

— Вы ранены?

— Теперь это не имеет значения. — Раненый снова стряхнул на снег кровь.

— Давайте я вас перевяжу.

Тот начал снимать телогрейку.

Перевязав старика, Воронцов снова сел, опустил усталые руки на колени. Хотелось спать. Но надо было вставать. Действовать дальше. По обстоятельствам. Выяснить, какие потери и чем взвод располагает. Уцелела ли последняя бронбойка Карима и сам Карим? Без противотанковых ружей им тут долго не продержаться. Нужно раздать гранаты. Ещё одна такая атака...

Воронцов встал, вышел в траншею.

Когда стемнело, принесли термосы с горячей кашей. А ещё через час приказ: общая атака дивизии отменяется, роте скрытно отойти на исходные; третий взвод остаётся в прикритии; первый, второй и четвёртый взводы ос-

тавлиют дежурные пулемёты, при них — первый и два вторых номера; порядок отхода: первый взвод, второй взвод, четвёртый взвод; место сосредоточения...

Воронцов отправил в тыл раненых. Убитых выложили на бруствер. В строю оставалось шестнадцать человек.

Зимняя заря гаснет скоро. Уже не осталось и следа малинового заката на морозном горизонте, покрашенном зелёной акварелью. Через несколько минут и зелёное зарево стало выпцветать, переходить в чернильную синь.

Взводы уже снялись и начали отход. Немцы на флангах бросали ракеты, постреливали из пулемётов. Иногда выпускали две-три мины и затихали.

Когда шорох и шевеление в тылу прекратились, и Воронцов понял, что в траншее остались одни они, со стороны НП пришёл связной и передал приказ ротного: сниматься через полчаса и быстро отходить к первой траншее.

Всё повторялось в его жизни. Однажды он уже исполнял подобный приказ. Но тогда он должен был держаться со своей группой гораздо дольше. Теперь — всего полчаса. И теперь у него есть взвод и надёжный союзник — ночь. Да и окопы теперь у них получше. И тылы ближе. И ответственности меньше.

Полчаса тянулись томительно долго. Никто не спал. Воронцов отыскал свою винтовку. Танк прошёл рядом с трупом немца, под которым лежал “маузер”.

— Петрович, я вот что подумал...

— Что?

— Зря мы кашей животы набили.

— Почему? Ты ж ещё утром свой сухпай приел.

— Пуля в живот попадёт... Знаешь, что бывает? Хуже всего.

— Никто не может знать, что будет через минуту. И лучше об этом не думать. А каша есть каша.

Разговаривали в ближней ячейке. Во время отражения танковой атаки здесь сидели бронебойщики. Теперь Карим со своим вторым номером дежурил на левом фланге.

— А спать ты не пробовал?

— Пробовал.

— Не спится?

— Да не в этом дело. Уснуть-то я уснул. Но чуть не обхезался.

— Во сне, что ль? — засмеялся боец.

— Ну да. Немец приснился.

— Немца испугался? Да вон их сколько! Только перед нашим взводом двадцать один труп. Лейтенант сам считал.

— Это ж мёртвые. Мёртвые уже не страшны. А мне живой приснился. Штыком — прямо в живот... Проснулся, а кальсоны мои... Жалко — кальсоны новые. Вот отдежурим здесь, отведут во вторую линию. В баню сходим.

— В баню захотел... Слышь, Хоттабыч, Петрович в баню хочет. С венчиком...

— Я тебе не Хоттабыч, — послышался глуховатый голос старика.

— Извини, Иван Николаич. А тебе, за танк-то, небось медаль дадут?

— Да, Иван Николаич сегодня этим танком и нас спас, и себя искупил...

— Поменьше бы вы языками мотали. — Старик встал, вытянул шею, прислушался. — Вот подползут... Гора вам нетуги...

— Ну что там, Иван Николаич? Не ползёт немец?

— Тихо. Он небось тоже кальсоны свои жалеет. — Иван Николаич засмеялся сильным смешком усталого человека.

— Слышь, Иван Николаич?

— Чего тебе?

— Табачку на сиротскую закруточку не удружишь?

Бойцы замерли, напряжённо ждали реакции старика, видать, известно-го своей прижимистостью.

— Ползи сюда, скрёток, — отозвался старик.

— Правда, что ль?

— Ползи, а то передумаю.

Бойцы завозились. Запахло махоркой. И Воронцов вздохнул и посмотрел на светящийся циферблат трофейных часов. Трофей ему час назад принёс один из бойцов. Подсумок с патронами для “маузера” и часы. Теперь они пригодились. “Командиру без часов нельзя, — сказал боец, видя, что взводный не хочет брать подарок. — Тем более что это ваш трофей. Вы его, товарищ младший лейтенант, сняли. Из винтовки”. И вот он теперь смотрел на часы убитого им немецкого офицера: до начала отхода оставалось пять минут.

И в это время пришёл наблюдатель и доложил, что со стороны сарая ползут немцы, возможно, разведгруппа.

— Что будем делать, товарищ младший лейтенант? Может, пугнуть их из пулемёта?

— Подожди. Если они одни, надо выяснить, что им надо.

Прислушались. Слышался приглушённый скрип мёрзлого снега. Три сине тени маячили на фоне чёрной дороги.

— Это не разведка. Убитых своих собирают.

Значит, до утра не сунутся, понял Воронцов. Сердце его радостно забилось.

Тело Степана лежало где-то там, в первой траншее, куда они теперь возвращались. Если его уже не вынесли. Если не вынесли, то сейчас надо это сделать самому, решил Воронцов.

Они взвалили на плечи разобранные “максимы” и, уже не прячась, пошли в тыл. Прошли мимо сгоревшего танка. От него ещё веяло жаром. Земля вокруг обтаяла. Пахло горелым металлом. Демьян рассказывал, что когда тела сгорают в танке, от них не остаётся ничего, кроме горстки пепла. Из этого танка не выбрался никто. Ни один люк не открылся.

— Восстановлению не подлежит, — крикнул кто-то довольно. — Вон как его разворочало.

— Снаряды грохнули.

— Кто ж его уделал? Бронебой?

Глава восемнадцатая

Утро уцелевших штрафников застало внизу, под горой, за болотом, которое они накануне, ещё полным своим составом, переползали, с опаской поглядывая на скаты, озаряемые осветительными ракетами.

Воронцов проснулся от того, что вдруг почувствовал страх: ему надо было бросить гранату, а запала, который он положил в другой карман, никак не мог нащупать...

Открыл глаза. Над головой чёрные сосновые брёвна. Железная печь-пудбочка посвечивала дотлевающими углями. Кто-то в углу на нарах задышался и плакал:

— Уйди!.. Уйди!..

После того, что они вчера пережили, хорошие сны не приснятся.

Он отыскал возле печки свои сапоги. Намотал портянки и обулся. Накинул на плечи шинель. Правая пола оказалась разорванной почти до кармана. Жалко, новая шинель, подарок полковника Колчина. Надо будет почистить и зашить, решил он. Воронцов откинул старое армейское одеяло, заиндевшее снизу, толкнул низкую дощатую дверь и сразу оказался в траншее.

Звёзды ещё стояли над землёй. На востоке зеленела заря, снизу подрумяненная розовым сиянием близкого солнца. Немцы на горе уже не пускали ракеты. Пространство наполнялось прозрачно-синим светом утра.

По ходу сообщения из тыла прошла группа бойцов в новеньких камуфляжах. Они вышли в траншею, постояли немного. Старший некоторое время смотрел в бинокль в сторону высоты и заснеженных скатов. Вчера штрафники карабкались по ним вверх, забрасывали гранатами пулемёты.

Сегодня в траншее, идущей по обрезу горы, опять сидят немцы. Через день-другой снова заминируют склоны и окрестности болота, поправят проволочные заграждения. Возьми их тогда.

Бойцы в белых камуфляжах постояли ещё немного, посовещались и пошли в сторону правого фланга. Навстречу, пропуская вперёд бойцов, шёл старший лейтенант Солодовников.

— Воронцов! — крикнул он издали. — Что? Не спится? Я ж распорядился — сутки отдыхать!

От ротного густо несло вчерашним. Из первой траншеи они уходили вместе. Ротный всё время матерился. А Воронцову было всё равно. Главное, выbralись живыми, не попали в окружение, хотя всё шло к тому, что роту штрафников вот-вот отрежут и додают во второй траншее.

— Рад тебя видеть живым и здоровым, младший лейтенант! — И ротный обнял Воронцова, снова обдавая сивушным перегаром.

— Взаимно, товарищ старший лейтенант. — И Воронцов, освободившись от объятий Солодовникова, козырнул и сдержанно улыбнулся.

— Строгий ты парень, Воронцов. Или на душе что лежит? Давай, расскажи.

— Да нет у меня никаких секретов. Всё в личном деле. Всё, что есть.

Ротный сдержанно засмеялся:

— Я же не особняк. Что ты передо мной... — Старший лейтенант Солодовников махнул рукой. — Пойдём-ка ко мне в землянку. Поговорим.

По ходу сообщения они прошли шагов триста, свернули в сосняк. В землянке было хорошо натоплено. В углу на топчане, сбитом из досок, кто-то спал. Воронцов узнал полшубок младшего политрука Каца. Ни в первой, ни во второй траншее, ни во время отхода он его не видел. И слава богу, подумал Воронцов, в бою лучше с такими не сталкиваться. Послышался глубокий кашель.

— Заболел мой печатник, — сказал ротный и кивнул полевой сумкой в сторону топчана. — Не сходил за своим орденом. — И усмехнулся. — А на тебя я представление написал. Не веришь? Хочешь, прочитаю? Ну, как хочешь. Достоин ордена. Две контратаки отбил. Вперёд грамотно продвигался. А главное, с пулемётами придумал здорово! Не зря тебя батя на заметку взял. У него глаз — алмаз! Он твой орден сразу подпишет. Если в штабе дивизии никакая сволочь не будет в твоём прошлом копаться...

Воронцова словно ударили сзади. Он весь напрягся, вытянулся.

— Ты чего побледнел? — Ротный снял шинель и бросил её на свободный топчан. — Я говорю то, что есть. Ты на меня не обижайся. Я — мужик прямой. Зла ни на кого не держу. Доносов не пишу. Не моя это должность. — И старший лейтенант Солодовников выразительно посмотрел на занятый младшим политруком топчан. — Если что, скажу напрямую. А могу и в морду дать... Ты знаешь, за что мне очередное звание задержали? Вот не знаешь. А батя меня ценит. Вот давай за батю нашего и выпьем.

Воронцов продолжал стоять. Он увидел в углу умывальник, сразу вспомнил, что сутки не умывался. Только снегом, когда вернулись в землянку после похорон Степана. Ротный понял его взгляд и кивнул:

— Умойся. Конечно. Я подожду.

Воронцов быстро сбросил шинель, стащил гимнастёрку. Размотал распитое полотенце, повесил его на гвоздь. Вода в умывальнике была холодная, но приятная. Он с удовольствием смыл с лица и шеи пот, копоть и присохшую кровь вчерашнего дня, сунул стриженую голову под неторопливую струю. Взял в руки полотенце.

— Подарок? Талисман?

Воронцов кивнул.

— Пишет?

— Она пока ещё не знает моей полевой почты.

— Как не знает?

— Деревню её только-только освободили. Там ещё и почты, может, нет.

— Если освободили, то всё наладится. А ты ей написал?

— Написал.

— Тогда остаётся ждать. Напишет. Тебе, да не написать! Орёл! Хотя, скажу я тебе, женщина — существо причудливое. Никогда не угадаешь, как она поступит в следующую минуту. — Старший лейтенант Солодовников поморщился, вздохнул. — У тебя её фотокарточки нет?

— Нет. Вот только полотенце.

— Красивое полотенце.

— Да, красивое.

Воронцов так же быстро оделся. Полотенце аккуратно свернул и сунул за пазуху.

— Андрей Ильич, я хотел бы в представлении особо отметить действия сержанта Чинко, рядового Грибченкова, пулемётчика Каложного и сержанта... Фамилию сейчас скажу. — И Воронцов, вдруг спохватившись, что фамилию Карима он так и не запомнил, начал растёгивать полевую сумку. Там лежал список взвода.

— Сержант Чинко? Разведгруппа?

— Так точно. Грибченков Иван Николаич танк подбил. Двумя гранатами.

— Я всё видел. Пиши.

— А Карим храбро дрался. Это он сбил гусеницу с танка, который на четвёртый взвод шёл.

Ротный налил себе побольше. Сказал, пряча под стол бутылку:

— Ты ещё молодой. Да и построение через час. Батя приедет. Перья нам поправлять будет. — И ротный сделал выразительный жест.

— За что?

— За что... Дорогу-то мы так и не перехватили. До шоссе даже не дошли. Дальше оно было. Там, за тем сараем — метров триста. Ты его даже в бинокль не разглядел.

— Ясно. Именно оттуда танки пришли.

— Конечно. И неизвестно ещё, сколько у них там ещё танков имеется. Это мы только приблизились к осиному гнезду. — Старший лейтенант Солодовников вдруг задумался, будто прислушиваясь к себе, и сказал: — Знаешь, я ещё немного себе налью. Тебе не буду. Не обижайся. Ты лучше поешь, поешь как следует. Тут тебя, кроме меня да старшины, никто не угостит. А пить — не надо. Батя унюхает — беда будет. С меня-то уже ничего не поимеешь. Дальше штрафной не сошлём. — И ротный покосился на соседний топчан, на котором кашлял замполит. — А тебе может орден отменить. Понял?

— После того, как мы взяли вторую траншею, должны были подойти соседние батальоны, занять нашу траншею, распереть фланги и мы — опять вперёд, до шоссе. Но батальоны, как видишь, на скатах провалились. И батя нашу атаку отменил. Ему в штабе дивизии, я думаю, перья уже поправили. Так что нам с тобой свои реляции в штаб полка надо подавать не раньше чем через двое-трое суток. Понял?

Ротный вышел, закурил бутербродом с тушённой. И сказал:

— Пойдём-ка, я тебе кое-что покажу.

Вышли из землянки. Выпитое на старшего лейтенанта Солодовникова, казалось, совершенно не подействовало.

— Не хочу при нём говорить... И тебя хочу предупредить: при нём — ничего лишнего. Скользкий тип. Орден хочет получить. Но как, не знает. Думает, что я на него представление напишу. Просто так. До кучи. А я ему однажды возьму и скажи: возглавь, говорю, Семён Моисеич, атаку роты, я — на одном фланге, а ты, говорю, — на другом. Поднимем орлов и пойдём. Вот тогда, после боя, я на тебя реляцию и напишу. Обиделся. Ладно, ну его... Завтра-послезавтра пополнение поступит. А там, глядишь, опять на горочку ту попрём! Теперь уже до самого шоссе. Посмотрим, что у них там за осиное гнездо. Действительно ли сильный резерв держат. Или блефуют. — И ротный кивнул на гряду высот, уже окутанных утренней розовой дымкой. — Только отсюда уже нельзя...

И Воронцов понял, что их ближайшая судьба уже решена. Вот почему по передовой ходит разведка. Завтра-послезавтра оперативный отдел штаба полка определит новое место прорыва, и рота, пополненная новыми штрафниками и лейтенантами постоянного состава, снова пойдёт вперёд.

— Остатки роты я решил свести в один взвод. Восемьдесят два человека. Без лейтенантов. Этот взвод будет первым. И тебя, Воронцов, назначаю командиром первого взвода.

— А что с лейтенантом Могилевским?

— Убит. — Ротный закурил. — Зря я его ругал. Он из студентов. Человек не военный. Во второй траншее, во время рукопашной... Надо было мне его в замполиты роты перевести. И живой бы остался, и толк бы был, и мне легче.

Старший лейтенант Солодовников говорил ещё что-то. Но Воронцов слышал его как будто сквозь туман. То ли вдруг подействовало выпитое, то ли нахлынули мысли о потерянных на высоте товарищах, о Степане, о том, что в полевой сумке лежит письмо его мамы с обратным адресом и что ему предстоит написать ей о том, как погиб её сын и о том, где он его похоронил.

Сквозь обмётанные пушистым инеем ветви молодых сосен уже просачивалось позднее декабрьское солнце, золотило скаты высот. Он сунул руку за пазуху, потрогал край полотенца. Оно было ещё влажным, как пальцы Зинаиды...

Он расчехлил бинокль и посмотрел туда: немцы деловито, как муравьи, уже сновали по траншее, выбрасывали на бруствер землю, расчищали завалы, приводили в порядок свою оборону.

Через несколько дней, где-то здесь, уже с новым составом штрафников, они всё начнут сначала.

До конца войны оставалось ещё два с половиной года.

Никто из них не знал ни этих сроков, ни своей судьбы.

РЕНАТ ХАРИС

ПРОТРИТЕ ГЛАЗА

СОЛДАТСКИЕ ТЕТРАДИ

Я держу фронтовые тетради,
чьи-то давние черновики,
не представил никто их к награде,
а они-то ведь — фронтовики.

Гари запахи, пороха, дыма
от страниц уже еле слышны.
Время действует неумолимо,
истребляя приметы войны.

Но не зря по дорогам солдатским
вас пронёс ваш хозяин и друг —
в бледных строчках навеки остался
той поры героический дух.

Согреваясь в карманах нагрудных,
вы впитали в себя, словно пот,
безыскусную повесть о трудных
долгих буднях солдатских забот.

ХАРИС Ренат — народный поэт Татарстана, автор более чем сорока книг на татарском, русском и других языках России, лауреат многих литературных премий, в том числе и премии Российской Федерации за 2005 год. Член Общественного совета и постоянный автор журнала “Наш современник”.

Я глазами иду за строкою,
что течёт из немислимых лет,
и как будто касаюсь рукою
пулемётных заряженных лент.

И под выцветшими чернилами
слышит острые пули ладонь.
И командуют строки: “Огоны!” —
и бледнеют побед очернители...

...Я тетради беру, чуть дыша,
будто в каждой, как тени в потёмках,
поселилась солдата душа,
чтобы правду поведать потомкам.

* * *

Есть друзья, чтоб тайнами делиться,
есть враги, чтобы в бою сразиться,
есть соседи, чтобы мир делить,
есть земля, чтоб огород полить,
есть Отчизна, чтобы преклоняться,
есть душа, чтоб в горе не сгибаться...

А ещё — есть разум, чтоб уметь:
дружбы не чураться,
в поединке драться,
ближних уважать,
огород сажать,
Родину воспеть
и беду стерпеть...

НЕЛЬЗЯ СДАВАТЬСЯ

Всё перепуталось на свете:
весны слепящие лучи
и — ледящий зимний ветер,
что в грудь мою, как в дверь, стучит.

Душа цыплёнком из-под квочки
спешит на волю — в мир, в луга.
Но там пока что — ни листочка!
Одни снега, снега, снега.

Душа измучена зимою,
в ней всё от холода болит.
Но светит солнце над землёю —
и нам сдаваться не велит.

И что ещё нам остаётся,
когда душа, ища тепла,
словно цыплёнок, рвётся к солнцу —
и превращается в орла?!

РОДИНА-МАТЬ

Россия, ты — кормящая волчица...
Евгений Семичев

1

Россия, ты — кормящая медведица,
шумит ли лес, бегут ли с гор ручьи
или свистит февральская метелица —
тебя сосут мучители твои.

О, сколько их! И как ты терпишь, бедная?
Ещё чуть-чуть — и высосут всю мощь.
А, может быть, во сне, того не ведая,
сама себя, как лапу, ты сосёшь?..

2

Россия, ты — волчица многодетная!
Твоим волчатам сил не занимать.
У каждого — владения несметные:
леса, поля... Их в клетку не загнать!

У них — твои повадки и умения,
они за волю — горло перервут!
Весь мир — их дом, наследные владения.
И гнать зверей — им радость, а не труд.

3

Россия, ты — прообраз материнства!
Твоих объятий силой не разжать.
Уж если в чём ты вправду мастерица —
так это, видно, сыновей рожать.

Наступит час — и всем за всё ответится,
но у тебя — есть козырь про запас:
ты нас трепала часто, как медведица,
но, как волчица, защищала нас!..

ОТВЕТ

Ну что ты всё тычешь в проблемы страны?
Они самому мне прекрасно видны.
Но ты их находишь, унижить спеша,
а мне говорит о них с болью душа.

Что плохо в Отчизне — то рана моя,
её я ношу, от других не тая.
Но ты в неё тычешь перстами при всех
затем лишь, чтоб вызвать язвительный смех.

Я сам не люблю всё, что плохо в стране,
оно доставляет мучение мне.
Но я говорю о том, чтобы — лечить,
а ты — чтобы зло из себя излучить!..

КОМУ НУЖНЕЕ МОЛИТВЫ

Ушедшим в землю не нужны молитвы —
они нужны нам с вами день за днём,
когда со злом невидимые битвы
в своей душе и мыслях мы ведём.

Как опухоль, нас гложет равнодушие.
Восстать бы против зла! Пришёл наш час!..
Но мы бледнеем, словно от удушья,
и проклиная тех, кто был до нас.

Живём, не в силах побороть недуга,
не отвергая ни греха, ни зла.
Неужто в нас не стало больше духа
и наша совесть жиром обросла?

Ко всем, кто жизнь объел, как куст малины,
пришёл однажды их последний час.
Нас разделяют — лишь слова молитвы.
Одни молитвы разделяют нас...

НА РАЗНЫХ СКОРОСТЯХ

Ум сам себя порой опережает,
летит вперёд сквозь годы!.. А страна —
вчерашним пеньем слух свой убажает,
вспоминаний сладостных полна.

Несётся ум, отвергнув тлен и старость,
но мало тех, что вслед за ним спешат.
И от страны, что без ума осталась —
одни руины жалкие лежат...

ПЛАЧ ПО МЁРТВЫМ ДЕРЕВНЯМ

...И вы мне твердите, что мы — живём в мирное время?
Протрите глаза! В мирной жизни не может такого быть,
чтоб, как солдаты в бою, умирали за деревней деревня...
Найдём ли мы столько бронзы, чтоб памятник им отлить?

Ветер и дождь клюют избы, как вороны — трупы.
Люди бросают землю, уматывая в города.
В сожжённой врагом Хатыни остались хотя бы трубы,
а от деревень, где я вырос, нет уже и следа.

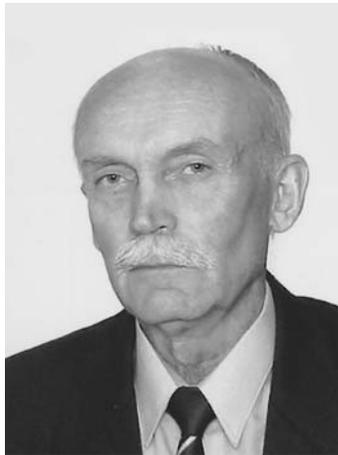
Кочую по всей стране, как бедуин по пустыне —
неужто такому раю уже никогда не ожить?..
Строки о мёртвых селениях я начал как раз в Хатыни,
Но бьюсь столько лет над ними, не зная, как завершить.

Поэтический перевод Н. Переялова

Выдающемуся татарскому поэту, видному общественному деятелю Республики Татарстан и просто замечательному человеку с мудрым взглядом и солнечной улыбкой Ренату Харису исполнилось 70 лет. С удовольствием поздравляем нашего друга, члена Общественного совета “Нашего современника” со славным юбилеем и желаем здоровья и новых произведений.

Редакция

ЛЕОНИД ЮЖАНИНОВ

ВОЛОДЬКА

РАССКАЗ

Сбылись слова матери: “Вот намотаешь на кулак слез — пожалеешь!”

После окончания семилетки не пошел Володька дальше учиться. Как ни ругала мать, как ни плакала, как ни гнала в город на учебу, а учился он хорошо, в восьмой класс или техникум — уперся как бык, не пошел. Прикипел к деревне, остался работать в колхозе. На пятнадцатилетнего рослого подростка бригадир смотрел как на мужика, посылал его и пахать, и мешки таскать, на любые работы — наравне со взрослыми. За этот тяжелый труд получал Володька “шиш с маком”: немного ржаной муки, гороха да сена для коровы. В общем, трудодни-палочки!

А вскоре зачастили из города в село его бывшие одноклассники. Одежды — баско, по-городскому, а кто и в стилижных брючках да модных цветастых рубашках навывпуск. Посмотрел Володька на свои затертые серенькие штаны, доставшиеся ему еще от погибшего на фронте отца, да выцветший коричневый в полоску пиджачок, тоже память сгинувшего родителя, и пожалел, что не послушал тогда мать. Решил: “Пора рвать когти в город!”

Мать, маленькая, худенькая, затурканная нуждой, пошла к председателю колхоза просить справку о том, что сын ее отпускается из колхоза. Вернулась заплаканная: председатель справку не дал. Загорюнился Володька — без справки, как без паспорта, ни в одну организацию не примут. Значит, плакала сытая городская жизнь. А ему теперь тоже захотелось стать стилигой, ходить по чистым городским улицам в модных штиблетах с пряжками,

ЮЖАНИНОВ Леонид Фёдорович родился в 1941 году в селе Редикор Пермской области. Автор восьми книг прозы. Публиковался во многих столичных и региональных литературно-художественных изданиях. Автор журнала “Наш современник”. Член Союза писателей России. Живёт в городе Россоши Воронежской области.

завлекать симпатичных девчонок в юбках “колоколом”. “Я тебе говорила, — ругала его мать. — Иди учиться в лесотехникум. Так нет, не захотел. А теперь ты колхозник, из ямы этой не выкарабкаешься!”

Наступила зима. Бабушка, седая грузная старуха, заметила переживания Володьки и предложила: “Иди-ка, ты, внучек, в Зорянский леспромхоз. Найдешь там Устина Федосова, он там начальник, десятником робит. Скажешь, чей ты — он поможет. Он нам родня! Да не забудь, передай ему поклон от меня. А там, глядишь, и паспорт себе выправишь, вольной птицей будешь. Че тут в колхозе?! Ниче путнего не добьешься. Это уж нам деться некуда... А ты выюнош, как проложишь первую борозду, так и остальная жизнь пойдет — прямо или зигзагами. Иди-и, ищи свое счастье!”

И пошел Володька. Ранней зорькой с котомкой с плечами тронулся из села, отмахал сорок километров и к вечеру, усталый, добрался до Зорянки. Нашел дом Федосовых. Там без долгих расспросов приняли его. Накормили ужином, и он тут же, за столом, уснул — сморился.

Наутро повел его дядя Устин в дирекцию леспромхоза. Володька шел за ним и сильно сомневался, что тот сможет устроить его на производство. Был дядя Устин невысок, неказист, с круглым добродушным лицом, вот только глаза были примечательны: какого-то дымчатого цвета, с хитрецей, взгляд их был смел и притягателен. Уже десять лет прошло после окончания самой кровопролитной войны с немцами, а старые раны не давали дяде Устину забыть ее, особенно посеченная осколками нога. Ходил он прихрамывая, подпрыгивающей походкой, но быстро, в такт шагам подскакивали вверх торчащие, как у легавой, уши лисьего малахая. Володька едва поспевал за ним. У опрятного нового здания из отливающего желтизной соснового бруса остановились.

— Ты подожди здесь, я пойду к директору, — наказал Володьке дядя Устин и взошел на высокое крыльцо.

Дирекция леспромхоза располагалась на бугре. Перед Володькой открылась панорама поселка. Постройки были все деревянные, дома — из шпалевого бруса, бараки — из леса-кругляка. Улицы, крыши домов завалены снегом, перед фасадами, словно перины, белые сугробы. Чумазый гусеничный трактор с ножом впереди чистил дороги, тугая черная струя дыма вырывалась из его вертикального глушителя, мотор ревел на бешеных оборотах, разносил гул по всей округе. А в остальном властвовала первозданная красота лесного зимнего утра. Из печных труб курился сизый дымок.

Вскоре дядя Устин вышел, хлопнул Володьку по плечу, весело подмигнул:

— Определили тебя в бригаду дорожников, будешь с девками шпалы ложить.

В бригаде Володьке понравилось. На работу их возили по узкоколейке, паровоз “кукушка” тащил по заснеженному лесу три пассажирских вагона. Ездили на делянку вальщики и обрубщики сучьев, трактористы и чокеровщики, дорожники и накатчики бревен. Девки в вагоне пели. Володьку особенно трогала песня “Прокати нас, Петруша, на тракторе, за околицу нас прокати...”, уж больно нежно, задушевно они ее выводили.

Володька сидел у окошка, смотрел, как проплывают мимо раскидистые ели, дородные, в снегу, будто в белых шубах. Заячьи следы испятнали поверхность вокруг стволов, казалось, небесный ангел таинственным шрифтом написал послание людям. Длиннохвостые сороки прыгали с ветки на ветку, вороны при виде поезда недовольно каркали и улетали в чашу. Тишина и покой чувствовались во всем облике зимнего леса.

Особенно, приглянулась Володьке “кукушка”. Был паровоз какой-то удлиненной конструкции, с высокой трубой, из которой хлопотливо выскакивал черный дым, а когда “кукушка” разгонялась, то этот дым стлался по ветру, точно грива породистого жеребца. Паровоз был красив: сам черный, тонкие колеса по ободку красные, штоки привода сияли белизной, впереди — алая звезда, да и все формы его казались Володьке идеальными. Возил он за собой два-три вагона леса, при отправлении, остановке, каких-то опасностях давал громкий отрывистый гудок “ку-ку”, за что его и прозвали “кукушкой”.

Работа оказалась несложной, но тяжелой и нудной. Их бригада строила железную дорогу вглубь лесосеки. Володьку поразило то, что она укладывалась прямо на снег. Вначале утаптывали ногами, трамбовали деревянными колотушками снег, затем клали на него шпалы, на них — рельсы. Володька быстро освоился: таскал деревянные шпалы, цеплял проволочным крючком рельсы, вместе со всеми поднимал и укладывал их, затем увесистым продолговатым молотком на длинной ручке забивал костыли в шпалы — крепил рельсы. В бригаде, за исключением его и глухонемого мужика, работали девки. Все они были лет восемнадцати-двадцати, веселые, разбитные, за словом в карман не лезли. К нему они отнеслись снисходительно: “Салажонк, что от него толку...”. Володьке тоже ни одна не понравилась. А вот на бригадире, звали ее Оксаной, он боялся глаз поднять, до того она ему приглянулась. Она отличалась от остальных девок бригады — высокая, в теле, с гордо посаженной головой. Ему казалось, что под шалью у нее корона из туго заплетенных кос. Женственность проступала во всех чертах ее лица, а черные глаза притягивали к себе какой-то магической силой. “Черный бриллиант!” — мысленно окрестил ее Володька, начитавшийся в деревне любовных книжек. Приехала она в леспромхоз на заработки с Украины. Была старше остальных девок, и чувствовалось — они побаиваются ее.

Стеснялся, конечно, Володька, но поднимал глаза, искал взглядом глаза бригадира, и, когда находил, не мог отвести, и когда в ответ любопытно-ласковый взгляд ее согревал, сердце его начинало биться учащенно. Это походило на игру, было их тайной, но со временем взгляды стали регулярными, и, как показалось Володьке, она смотрела на него уже заинтересованно, тепло, и это, грезилось ему, обещало надежду на будущее...

Солнечным мартовским днем Володька иступленно махал молотком, бил по металлическим костылям, загонял их в просмоленное дерево. Неожиданно подошел паровоз, привез им шпалы. Все оставили свои дела, переключились на разгрузку. Но носить шпалы оказалось далеко — паровоз не дошел до конца рельсов. Бригадир пошла в голову состава, сказать машинисту, чтоб сдал назад. Даже в рабочей одежде: ватнике, стеганых брюках и валенках Оксана была привлекательной — Володька с любовью смотрел ей вслед. Вскоре она вернулась, неся в руке ведро с костылями.

— Никого нэма. В кабине одна эта цибарка. — Она поставила ведро. — Утекли куда-то, бисы!

Говорила Оксана на суржике — смеси русского и украинского языков. Речь ее была мягкой, певучей.

— Машини-ист!!! — сложила она руки рупором. — Ге-еть сюда!

Никто не отозвался. Тишина. Лишь шалун-ветер шумел в листве деревьев да равномерно отпыхивалась паром “кукушка”. Лицо Оксаны потемнело, она переживала — бригада простаивала. Она посмотрела на Володьку, поток отчаяния лился из ее глаз, этот взгляд заслонила от него все: и солнце, и зелень леса, и товарищей по бригаде. Сердце его всколыхнулось, кровь ударила в виски, необъяснимая сила сорвала его с места, бросила вперед.

— Куда-а ты?! Останови-ись! — почувяв неладное, закричала Оксана, а вместе с ней и девки бригады.

— Я сейчас. Я сдам назад! Я сейча-ас! — не отдавая отчета в том, что он делает, кричал Володька и бежал.

Вот и паровоз. Новенький, чистенький стоял он среди белых сутробов, как былинный конь Ильи Муромца, готовый поскакать за тридевять земель, и бодро отпыхивался паром. Володька взлетел в кабину. Ни машиниста, ни кочегара! “Сейчас я сдам назад. Оксана увидит, какой я молодец! Да и девки удивятся, перестанут звать меня салажонком. А че-е, тут в паровозе сложного-то, мигом разберусь, ездил же я в колхозе на тракторе — а тут бочка с дымом. Разберу-усь!”

Он стоял у рычагов, но какой нажать, не знал. Путаюсь, начал дергать все. Вдруг паровоз напряженно вздрогнул, пробуксовал колесами, сцепки вагонов застучали, и он поехал. Только не назад, а вперед! Володька лихорадочно стал шарить между рычагами, передвигать их, но паровоз не останавливался, все набирал и набирал обороты.

Володька глянул вперед — перед ним до самого горизонта расстилалась голубая тайга, смешиваясь с белым снегом, зелень деревьев светлела, приобретает нежный загадочный цвет. Солнце широко расстило свои лучезарные потоки по чистому небосводу. “Благодать-то какая! Просто-ор! — возликовала Володькина душа, и ему на мгновение стало радостно. — На каком коне еду! Гляди-ите, люди!..” Но людей никого не было. Никто не мог восхищаться его поступком. Оксана — сзади, тоже не видит... Это охладило его пыл, вернуло к действительности.

А паровоз все набирал скорость, дорога шла под горку, в широкий лог, вагоны напирала на него сзади, увеличивая бег. Володька двигал рычаги, пытался остановить состав, но безуспешно. Движение стало угрожающим: паровоз начал выхлеть из стороны в сторону, вагоны жутко гремели, дергались. “Ничего-о, — успокаивал себя Володька, — сейчас он спустится в лог, а в гору не вытянет, забуксует и...” Страшный удар не дал ему домыслить, он мгновенно схватился руками за что-то. Паровоз накренился и полетел под откос вместе с вагонами. Высокое облако снежной пыли поднялось над местом падения.

Минут через пять из перевернутого паровоза выполз перепуганный Володька. Лицо его было бледным, губы непроизвольно дрожали. Ощупал себя: руки, ноги целы. Потрогал на голове вздувшийся от удара в крышу паровоза волдырь — крови не было, снова натянул шапку. Огляделся. Паровоз лежал на боку, до половины врылся в снег, вагоны тоже опрокинулись, шпалы раскатились по целине. Видимых повреждений, поломок заметно не было, паровоз упал в двухметровый сугроб, как в пуховую перину.

Дядя Устин вел Володьку к директору.

— Не тру-усь! — успокаивал он его. — У нас такие аварии бывают. Ничего, тракторами-трелевочниками поднимут паровоз, подлатают — и снова в путь. Вот в конце этого месяца, начале апреля снег будет подтаивать, вот тогда “кукушки” и начнут валиться набок — успевай подымать.

Но директор думал по-другому.

— Хулиган, него-одник! Под су-уд отправлю! Что ты натворил — понимаешь?! Ты вывел из строя боевую, тьфу, че-ерт, производственную машину на несколько дней! — закричал он, только Володька переступил порог кабинета. — Под угрозой срыва весь месячный план леспромхоза по отправке древесины!

Директор, а это был здоровый дядька, с пышными усами, с пустым рукавом вместо левой руки, ударил ладонью по столу. Чернильница-невывайка подпрыгнула и покатилась. Он поймал ее, поставил на место.

Володька повернулся, намереваясь бежать, но дядя Устин крепко ухватил его за рукав и тотчас пошел в атаку на директора.

— Иван Петрович, не шуми-и! Остынь! Мы с кем имеем дело?! С сиротой! Отец его сложил голову под Сталинградом, а мы его сына под су-уд?! Да как ты мог выговорить это подлое слово, однополчанин? Мы с тобой вместе проползли на брюхе от Москвы до Прибалтики, ели фронтovou кашу из одного котелка, сколько погибших наших солдат мы видели — целые поля трупов... Забыл, как мы клялись тогда, что будем помогать семьям погибших, поддерживать их детей? Он же еще ребе-енок!

Володька, открыв рот от удивления, слушал, его поразили смелость и напористость дяди Устина, этого тихого с виду мужика.

— Ребенок-жеребенок... — пробурчал директор и, уже успокаиваясь, сказал дяде Устину: — Ты его сам, с главным инженером, куда-нибудь определи, только подальше от техники.

И Володьку определили: к вальщику леса толкачом. Вальщик Семен, угрюмый сутулый детина лет под тридцать, с желтыми глазами-щелками на широком скуластом лице, принял Володьку нелюбезно. Сунул ему в руки березовый трехметровый дрын:

— Толкай!

Сам взял бензопилу “Дружба”, дернул стартер, мотор взревел. Семен подошел к здоровенной ветвистой ели, расставил пошире ноги, цепь пилы яростно начала вгрызаться в ствол. Ветер, как назло, дул с противоположной

стороны, и ель никак не хотела валиться. Володька изо всех сил толкал ее. Наконец, она рухнула, накрыв их с вальщиком студеным облаком, снежная пыль завихрилась в воздухе, она лезла во все щели в одежде, за ворот и холодила тело. Подошли к следующей — свалили, затем еще к следующей — свалили, и не было этим деревьям счета. Володька устал, взмок, но не выпускал толкач из рук. Уперев конец толкача в живот, напружинивался, всем своим худым телом подростка давил на деревину, та сопротивлялась, трещала, угрожала упасть в обратную сторону, но из последних сил Володька одолевал ее, и она, вначале медленно, нехотя клонилась, затем набирала скорость и с шумом валилась в снег.

Неожиданно его кто-то дернул за рукав:

— Ты что-о это делаешь!?

Перед ним стоял мастер, невысокий крепыш, в пальто с воротником, из кармана которого торчал блокнот, и шапке-бекеше.

— Если елка пойдет в противоположную сторону, она проткнет тебя толкачом насквозь.

Он отобрал у Володьки толкач, взял его, как винтовку, наизготовку, приставил к дереву:

— Вот так нужно. Если деревина пойдет на тебя, ты будешь в стороне. Понял?

Володька мотнул головой. Он зримо представил, как огромная ель падает на него, а толкач-кол пригвозждает его к земле, пропарывает ему внутренности. “Как леща острогой!” — холодный пот выступил у него на лбу.

— Семе-ен, а ты что не показал ему, как надо работать? — мастер внимательно посмотрел на вальщика.

Тот что-то буркнул в ответ и продолжал копаться в моторе пилы. “Вот сволочь!” — возмутился Володька подлостью вальщика, но смолчал.

С первой полочки Володька купил себе шапку. Настоящую! Базарскую, как бы сказали у них в селе, шитую на фабрике, а не местным деревенским скорняком. Шапка была высокая, темно-коричневая, мех ровный, мягкий, так и сиял, переливался под рукой. Правда, верх был матерчатый, но из добротного толстого сукна и такого же, как мех, цвета. Володька прямо у магазина выбросил свой истертый грязный малахай. Шапка преобразила его, он, казалось ему, стал выше ростом, стройнее, похож на настоящего кавалера. “Э-эх! Еще бы пальто с воротником купить... — Он с неудовольствием посмотрел на свою потрепанную телогрейку. — Тогда бы все девки мои были...”

Он пришел в общежитие, куда перебрался от дяди Устина, открыл свою комнату. Она была пуста. “Все ушли в кино, — догадался он. — Сегодня ведь воскресенье — отдыхают”. Он скинул телогрейку и направился в комнату девчат-дорожников: ему не терпелось похвастаться обновкой. Расхлебнул дверь и очутился в полумраке просторного помещения с двумя рядами железных коек. Окна, выходящие на улицу, были зашторены, лишь в левом углу белел квадрат окна, но он был отгорожен простынями. “И здесь никого!...” Раздосадованный Володька повернулся на выход, но певучий женский голос остановил его.

— Кто-о та-ам?

Этот голос он мог бы узнать из тысячи других, это был голос Оксаны. Он направился в левый угол. Оксана сидела на койке, вязала шерстяной чулок. Койка ее стояла возле окна, выходящего на пустырь, сразу за которым темнел лес.

— Здравстуй! — тихо поздоровался Володька.

— Проходи-и, сидай. — Оксана улыбнулась и показала на стоящую рядом с койкой табуретку.

Володька сел, его сковала робость.

— О-ой, да какой ж ты сегодня гарный! Обно-овку купил?

И она без всяких церемоний потянулась к нему, покрутила на его голове шапку, затем сдвинула ее набекрень, клоня свою голову в венце пышных волос то влево, то вправо, приговаривала:

— Парубок! Жени-их! Осталось невесту шукать...

Койка была выше табуретки, и когда Оксана наклонялась, чтоб поправить шапку, ее высокая грудь едва не касалась лица Володьки, он даже обонял запах ее тела. Она, его желанная, о которой мечтал все последние дни, была рядом. Он не выдержал, сбросил шапку, сел рядом с ней.

— А невеста уже есть!

— Кто она? — глаза Оксаны удивленно расширились.

Он впервые так близко видел ее глаза, отмечал, что они вовсе и не черные, а темно-карие, точно две крупные ягоды черемухи, они влекли его к себе, завораживали, будоражили кровь. Душа его ликовала.

— Ты-ы...

Она вскинула вверх брови и тихо, как-то отстраненно засмеялась, будто речь шла не о ней.

— Я для тебе старая.

— Нет, не-ет! Ты лучшая на свете, самая баская...

Она отрицательно качнула головой, хотела что-то сказать, но Володька не дал, он обнял ее и губами прильнул к ее алеющему рту.

Он неловко поцеловал, губы ее не ответили на ласку, но и не сжались. Она, видимо, была озадачена неожиданным поведением Володьки и лишь через минуту отодвинулась от него. Но он, возбужденный ее близостью, опять обнял ее, и она не оттолкнула. Он впервые целовал женщину, целовал страстно и неумело. Затем перекинулся на шею, в то место, где под тонкой кожей трепетно пульсировала жилка. Расстегнул пуговицы на ее белой, вышитой украинским узором, кофточке, просунул руку внутрь, одновременно покрывал ее лицо поцелуями. Она молчала. Вот его рука добралась до груди, ощутила нежность и бархатистость упругого холмика. Распаленный, он опустил ее еще ниже, но получил по рукам:

— Нэ балуй!

Она позволяла ему прикасаться ко всему, что выше пояса. Она возбудилась и сама, лицо ее разгорелось, глаза покрылись влажной пленкой, она отвечала на его ласки, обнимала, горячо целовала: “Коханный мий!”, но только он пытался перейти заветный рубеж, как она молча отстранялась, замыкалась в своем таинственном мире.

Оборвал их объятия скрипучий голос соседки, зашедшей в комнату:

— Живой кто есть?

В последующие дни Володька пытался договориться с Оксаной о свидании, но она вела себя как-то странно, отвечала уклончиво, шутками, делала вид, что между ними ничего не было. Однажды вечером он увидел ее с Семеном, его вальщиком. Они шли по заснеженной улице поселка, то пропадая в темноте, то появляясь в желтом свете, льющим из окон домов. Семен держал ее под ручку, что-то весело рассказывал, она негромко смеялась и мило прикрывала рот варежкой. Одеты были солидно: оба в зимних пальто с цигейковыми воротниками, черных валенках, в богатых шапках.

Первым желанием Володьки было броситься на Семена, затолкать его в сугроб, а самому подхватить возлюбленную и идти с ней вдоль нескончаемой улицы, долго-долго, и никогда не расставаться, до самого конца жизни. Но он чувствовал, что ему не справиться с заматеревшим соперником — слабоват он еще в свои пятнадцать лет.

Отношения с вальщиком испортились окончательно. Оксана, видимо, намекнула ему, что Володька влюблен в нее, а может, девки ее бригады “почувствовали” ему, и тот решил избавиться от Володьки.

Для того чтобы дерево легче было свалить и, главное, направить в нужную сторону, с обратной стороны запила делается надрез. Володька стал замечать, что Семен надрез стал делать меньше и уже. Валить дерево стало труднее. Володька сказал ему об этом. В ответ Семен сквозь зубы процедил: “Какие положено, такие и нарезаю!”

Попалась здоровенная сосна: высокая, прямая, в диаметре — метр. “Барыня!” — залюбовался ею Володька. Когда бензопила прорезала ее полнотью, она никак не хотела падать. Володька из последних сил давил на толкач, но сосна скрипела, качалась и ни за что не желала валиться в кучу своих “сестер”. Вдруг с противоположной стороны налетел ветер, сосна

вздрыгнула, как живое существо, и с треском повалилась на Володьку. Он успел отскочить. Снежной волной от упавшей деревины его бросило наземь.

Когда очухался, увидел ухмыляющегося Семена, тот заранее отошел в сторону, его даже снегом не закидало. “Га-ад! Специально подстроил, надрез мелкий сделал...” Володька кинулся на вальщика, но тот увернулся и ударил его в голову, опрокинул в снег. Володька поднялся, сел на толстый комель сосны. Снял варежку, зачерпнул ладонью снег, охладил разгоряченное лицо. Стал приходить в себя, успокаиваться. Осмотрелся. Возле пня валялась половина пилы с мотором и бензиновым бачком, вторая половина торчала, зажатая между пнем и сосной.

— Натворил делов, сала-ага! Плати-ить будешь! — Семен пнул исковерканную пилу.

— Вреди-итель! Ты са-ам ее сломал! — Володька вскочил, схватил валявшийся неподалеку дрын-толкач, пошел на супротивника.

Но Семен уже уходил с лесосеки, увидев перекошенное в ярости лицо Володьки, счел за лучшее ретироваться.

— Тру-уе! Обмы-ылок! — Володька с остервенением плюнул вслед вальщику, отбросив дрын в сторону.

“Молод он еще, силенок маловато, чтобы работать в лесу”, — сделал заключение директор леспромхоза и перевел его коновозчиком. Новая должность не нравилась Володьке, она до боли зубной была знакома ему по колхозу, с малых лет он боронил, сенокосил, возил навоз на лошадях.

С утра он шел на конбазу. Конюх-татарин, кряжистый седой дед, выводил ему мерина, под стать себе, такого же старого и сивого. Бегать Варнак, так звали мерина, уже не мог, но был тушист и силен. В обязанности Володьки входила перевозка хлеба из пекарни в столовую, детский сад, магазин и снабжение их дровами. Со всеми этими обязанностями он справлялся играючи, до обеда выполнял все заказы. Скука одолевала его. Ну, что за наказание ежедневно разъезжать по бесплодным, знакомым до одури улицам поселка, слушать, как топает по утрамбованной дороге толстыми ногами тумбами Варнак, как через определенные промежутки вываливает под передок саней дымящиеся “яблоки” да старчески пускает газы. Прохожие подтрунивали над ним: “Водитель кобылы!”. А девчонки откровенно смеялись. В такие минуты Володьке хотелось провалиться в тартарары, от стыда он на двигал шапку на глаза и отворачивался.

А тут случилось и вообще непредвиденное! Вез он в магазин полный фургон хлеба. Дорога шла под уклон. Варнак размеренно топал ногами, крепко держал напиравший сзади воз. Володька, закинув ноги на облучок, беспечно развалился в передке. Мечтал об Оксане... Глянул вперед, обомлел: “Вот и она!” Оксана шла ему навстречу. Володька подскочил, как ужаленный, встал на колени, мысли, обгоняя одна другую, закружились в голове: “Свернуть, скрыться! Если увидит меня на этой кляче — позор! Сра-ам!...”

Но ни свернуть лошадь, ни скрыться было невозможно: проулка не было, с обеих сторон возвышались нагретенные бульдозером горы снега. Тогда Володька схватил вожжи, огрел Варнака вицей, тот и ухом не повел, продолжал так же спокойно идти по дороге. А Оксана приближалась, он уже различал ее лицо, и даже цвет сумочки в руках — бордовый. В ярости он схватил палку и ткнул Варнаку под основание хвоста — в репицу. Варнак от боли и неожиданности присел на задние ноги, затем по-молодому прыгнул и поскакал вскачь, фургон качался из стороны в сторону, сани заскрипели, передок затрещал, ветер засвистел в ушах Володьки. “Как бы не стоптать ее, мою залетку!” — озаботился он. Оксана, прижавшаяся телом к сугробу, мелькнула и исчезла, кажется, не видела его: он успел нырнуть в зашитый досками передок саней.

“Уф-ф, пронесло!” Володька поднялся, натянул вожжи, но Варнак продолжал скакать что есть мочи, он не мог уже затормозить несущийся под гору воз. На повороте сани накренились, что-то застучало, захотело в фургоне, Володька глянул вбок — из раскрывшихся дверок пулеметной очереди сыпались на дорогу буханки хлеба. Наконец, остановил Варнака. Подавленный, сидел несколько минут не двигаясь, затем развернул лошадь, поехал

сбирать рассыпавшиеся по дороге буханки. Собрал. Но кто-то из жителей видел это, доложил директору. Его уволили из леспромхоза.

Володька складывал в котомку свои пожитки. Собирался в дорогу, к себе в деревню. В комнате никого не было. Вдруг дверь скрипнула — на пороге стояла Оксана. Володька оторопел, он никак не ожидал такого визита, хотя ему очень хотелось увидеть ее. Она подошла, поерошила рукой по Володькиным волосам, рука ее была теплая, мягкая, тихим грудным голосом спросила:

— Уезжа-аешь? — Володька растрогался.

— Да... — прошептал он.

— Прости мне, Володенька! Ты еще юный, немає у нас будущего. Не переживай, найдешь себе еще дивчину...

Володька сидел, как пригвожденный, не зная что делать в этой безнадежной ситуации. Молчал, язык будто прирос к гортани.

— Давай я тебе поцелую напоследок, сероглазенький мий...

Она нагнулась, Володька ощутил на щеке горячее прикосновение ее губ. Затем резко выпрямилась, Володьке показалось — в глазах ее стояли слезы. Распахнула дверь, вышла.

— Етишкин ма-ак! Я тебя никуда не отпущу. Не дам сироту обижать! — в отчаянии бил себя в грудь дядя Устин. Немного успокоившись, продолжил:

— Директор-от тоже хорош: своих-то детей в лес не пошлет, он одного по направлению леспромхоза в институт устроил, второго — в техникум, а елки пусть пилят другие, пусть другие наживают грыжу на лесоразработках, выполняют лозунг “Даешь стране древесину!”. У меня робят шестеро, куды я их?! На делянку, лесорубами! Учить средств нет! Директор оброс жирком, бюрократился, забыл, как клялся на фронте, — мы ведь с ним в одной роте воевали, — помогать семьям погибших воинов. Мог бы послать тебя от леспромхоза на курсы механизаторов али в техникум. Так не-ет, своя рубашка ближе к телу. Ничего... — взбодрился дядя Устин. — Переживем! А тебя я на рейд устрою.

Верховской славной рейд находился в трех километрах от Зорянки, на Каме. Это был целый город, с одним отличием от остальных — все здания в нем были деревянными. Неисчислимые кубометры леса отправлял он летом плотами вниз по Каме, Волге до самого Каспия. Так как у Володьки не было ни справки из колхоза, ни паспорта, его временно взяли в бригаду бичей, людей без постоянного места жительства, перебивающихся случайными заработками. Копали они на берегу реки камень для ремонта дорог. Работа тяжелая, инструмент — кайло, лом и лопата.

Целыми днями махал Володька кайлом, иступленно бил в каменную твердь берега — аж искры летели, отщипывал кусочки, сгребал их в кучу. Уставал страшно, к вечеру ни рук, ни ног не чувствовал, а до нормы выработки никак не дотягивал. Каждый вечер приходил нормировщик, здоровенный краснощекий дядька, хорошо одетый, в галифе, на ногах — начищенные хромовые сапоги. Замерял Володькину кучу, насмешливо окидывал его взором, презрительно цедил:

— Ма-ало. Надо стараться!

“Стараться надо в уборной!” — хотелось крикнуть Володьке и захватить кайлом в эту разожравшуюся морду.

Недели через две Володька втянулся в ломовую работу, уставать стал меньше. А тут и получка подоспела. Бичи “загудели”. В бараке, где они жили, водка лилась рекой, дым от папирос висел коромыслом. На работу никто не ходил, начальство не появлялось, знали, что бичи, пока не пропьют все деньги, трудиться не выйдут. Володька в загуле не участвовал. Купил себе лыжи с палками, ходил в лес, бегал по лыжне. Ему всегда хотелось быть спортсменом, ставить рекорды на соревнованиях — на школьной лыжне он часто был первым, но условий для роста мастерства в селе не было, да и лыж настоящих, фабричных тоже, бегали на самодельных, тяжелых.

Володька проснулся бодрым, радостным. Внутри его все ликовало, сладкие мечты носились в голове. Вчера на лыжне он познакомился с девушкой. Лиля — звали ее. Она сразу приглянулась Володьке — стройная, улыбли-

вая, с лукавым взглядом синих глаз, в зеленом пальто и такого же цвета шапочке. “Как березка!” — любовался ею Володька. Он, по всему, ей тоже понравился. Весело болтая, они ходили по сказочно-красивому лесу, катались с высокого берега на лед реки. Договорились встретиться сегодня, там же.

Володька по-быстрому умылся, позавтракал, начал собираться. Хватя рукой за шапку, а шапки нет! Повернулся к стене — телогрейка висела на гвоздике, а шапки не было. “Наверное, закатилась под койку”. Полез туда, и там нет. Осмотрел весь барак, нигде не нашел. Предчувствие беды холодом прокатилось внутри него.

— Кто шапку взял?!

Никто не ответил. Бичи маялись с похмелья, кричали, курили. Он подошел к двоим, сидящим друг против друга на продавленных сетках коек, как в люльках. Они пили чифир.

— Где моя шапка?

— А мы откуда знаем?! — рыжий плечистый парень зло посмотрел на Володьку.

— Куда ж она делась?!

— Ты че-ё нам допрос устраиваешь? — второй детина с рыхлым бабьим лицом и такой же округлой фигурой повернулся к Володьке. — Сосунок! Кана-ай отсюда! Дверь в барак всю ночь открыта — заходи, что хошь бери... А он ищет!

Володька отошел. Голова отяжелела, мысли бились в каком-то тумане. “Прощай, свидание, куда я без шапки! Что делать?..”

— Эй, пацан, иди-ка сюда! — окликнул его рыжий. Володька подошел. Тот вытащил из тумбочки шапку:

— Купи-и. Недорого отдам — сорок рублей.

Володька глянул, узнал свою шапку.

— Отда-ай, это моя шапка! — он кинулся к рыжему. Тот отвел руку с шапкой за спину.

— Ты че-е, пацан, мухоморов объелся? Его шапка! Да я ее вчера в универмаге купил. Во свидетель! — он кивнул на собутыльника.

— Да-а! — важно изрек тот.

Володька понял, с ним сыграли злую шутку, по-доброму шапку они не отдадут.

— Моя шапка, никакая она не новая, вон правая тесемка оборвана! — Внутри его все кипело от обиды.

— Сорок рублей — и шапка твоя, или чеши отсюда. Деревья!

Володька бросился на рыжего, свалил его на койку, но шапку отобрать не успел: второй схватил его за ворот пиджака, опрокинул на пол. Володька вскочил, кинулся на обидчиков, но силы были неравны. Они снова сбили его на пол, испинали ногами.

Володька подсчитал потери: рубашка порвана, пиджак треснул по шву, пуговицы с него отлетели, все тело ныло от побоев, на щеке — ссадина. “Судьба, с-сука! Одни подзатыльники...” Перед ним неожиданно, будто добрый ангел, всплыл образ Лили, она стояла в заснеженном лесу, лучи мартовского солнца освещали ее нежное лицо, она приветливо махала ему рукой, звала... “Прощай, любовь... Куда я в таком виде?! Домой, к матери надо идти”. Он отдал рыжему последние деньги, забрал шапку.

На следующее утро встал на лыжи, покинул Верховской. Пересек Каму и по узкой, плохо проторенной, конной дороге направился в родное село. Лес чередовался с полями, солнце тускло проглядывало через небесную хмарь. Володька устал. Болело избитое тело. Хотелось есть. Но есть было нечего. Под конец пути силы совсем оставили его. Он уже не мог двигать лыжами, казалось, они стали чугуными. Тогда он снял их, закинул на плечо и побрел дальше. Не дойдя километра два до села, он свалился в сугроб: ноги дальше не несли, отказались двигаться. Чтобы восстановить силы, он стал есть снег. Не помогло. Отчаяние овладело им: “На виду у дома — умирать. Найдут завтра замерзший труп...”

Вечерело. Мороз усиливался. Надежды, что появится подвода или путник, не было — на ночь глядя в дорогу не трогаются. Но судьба решила сжа-

литься над ним. Со стороны села показалась фигурка человека. Володька даже сел. Фигурка все приближалась и приближалась, и вскоре он узнал Кольку Копенкина, единственного ученика соседней деревеньки Белкиной, ходившего в школу в их село. За спиной у Копенкина громоздился мешок. Он подошел, поздоровался, круглое конопатое лицо его расплылось в улыбке.

— У тебя поесть нечего? — без долгих объяснений спросил Володька.

— Хлеб только. У нас в деревне магазина нет, вот я и таскаю из села.

— Давай.

Володьке даже говорить было трудно.

Копенкин снял мешок, выгнул буханку черного хлеба. Володька оторвал кусок, с жадностью начал есть. Хлеб еще не успел замерзнуть, шибал в нос духмяным запахом, корочки хрустели на зубах. Умял половину буханки, насытился. Чувствовал, как силы возвращаются к нему, как энергично побежала по телу кровь, задвигались руки, ноги.

— Спасибо, бра-ат! Ты прямо от смерти меня спас. Нет мочи, не могу идти — хоть тресни. Скажешь родителям, что я хлеб съел. — Володька вернул ему остаток буханки. Мальчишка застеснялся, захолопал ресницами:

— Ничо-о. Никто ругать не будет, у меня тут еще две буханки.

Он закинул мешок на спину.

Володька прижал мальчишку к себе, и они разошлись в разные стороны.

Вот и дом. Володька поднялся на крыльцо, оставил в сених лыжи, вошел в избу.

— Ну что-о, наработался на производстве, сы-ынок?! — встретила его мать у порога.

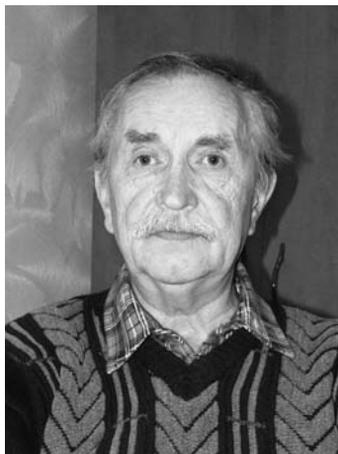
— Наробо-отался... — Володька устало, неторопливо, как взрослый мужик, опустил на лавку. — Осенью я учиться пойду в лесной техникум.

Мать с бабушкой смотрели на него, не зная — плакать им или радоваться.

ПОЭЗИЯ

Сегодня мы добрым словом вспоминаем ушедшего от нас год назад нашего друга и соратника, прекрасного русского поэта Виктора Лапшина, и публикуем неизвестные стихи из его архива.

ВИКТОР ЛАПШИН

И МИГОМ ДОЖДЯ КАЖДЫМ...

СУДЬБА

Претит мне судьбы беззаконье,
Смеется она надо мной:
Почти уж ни с кем незнаком я,
Сам город чужеет родной.

И взор-то ещё не кротовий,
Он памяти спать не даёт...
Я как сумасшедший, который
Всех знает — и не узнаёт.

КАК ВСЕ МЫ

Не заметил я, как постарел!
Бурен был, теперь почти уж кроток.
Но смотрю я, как всегда смотрел,
На милашек, умниц и красоток.

Сколько народилось тут новья!
С нежностью, а не в шальном угаре,
Я люблюсь, восхищаюсь я:
До чего ж прекрасны Божьи твари!

Прочить не могу им добрый путь:
Нитки жизни белые дотлеют,
И, как я, как все мы, постареют
Ненаглядные когда-нибудь.

Нет, не из-под глыб, не в смене вех
Вижу я грядущего пожитки, —
Просто я молюсь тайком за всех,
Чтоб судьба не била под микитки.

ХОЧУ И ЖДУ

Э. К.

Как в творческом я озареньи
Жду и хочу в ночи моей,
Что я и ты, букет сирени
И за окошком соловей!

Сбывалось чудо не однажды,
Так, значит, сбудется не раз,
И мигом дорожу я каждым,
Что через годы сводит нас.

Куда в разлуке мы смотрели,
Как друг без друга жить могли?
Не может статься, что вдали
Благоухание и трели,
Мгла нежная родной земли!

СЕВЕР

Не по мне золотая теплынь
И лазурь лучезарного юга.
По душе раскудрявая вьюга
Да морозца румяная синь.

Инеем на ресницах твоих
И цветами в оконном узоре
Отзывается Белое море,
Не взирая на полюса свих.

Пусть земли нарастающий крен
Будоражит морское корыто,
Лишь оно для меня знаменито,
И заочный люблю я мой плен.

Рад я, что добровольно пленён,
И меня дух суровый отметил,
Соловецкой молитвой силён
И сиянием северным светел.

ВСТРЕЧА

И памятью бывалой страсти
Обрадовать ты не смогла:
Насилу выдавила: “Здрасте”,
Да и руки не подала.

Что мне твоё рукопожатье,
Что мне натужный твой привет!
Уж лучше брань или проклятье
Услышать было бы в ответ.
Прическа та же, то же платье...
Ты предо мной, меня же — нет.

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ОТЦЫ

РАССКАЗ

Александрю Смирнову

— Отец! — они крикнули оба — в один голос — пожилому мужчине, идущему по другой стороне улицы.

Разница была в том, что у одного отец уже давно умер, а у второго он был еще жив. Разница была в том, что второй только что выпрыгнул из дорожного авто, чтобы подняться по ступенькам банка на работу, а первый бежал по заданию редакции в тот самый банк без всякой надежды взять интервью у второго. Разница была в том, что первого звали Сергей, а второго Александр, и отцы у них были совсем разные люди...

— Отец! — снова повторили они в голос, и старик на той стороне улицы оглянулся. Оглянулся не потому, что обращались к нему, а лишь — чтобы узнать, кто там кричит на другой стороне улицы.

Разница была в том, что ни первый, ни второй, ни Сергей, ни Александр не признали в оглянувшемся мужчине своего отца, который еще миг назад казался им отцом настолько, что первый готов увидеть в мертвом живого, а второй — поверить в то, что старик совершил путешествие в три тысячи километров, не предупредив об этом сына.

Старик на той стороне улицы некоторое время смотрел на двух озадаченных мужчин, затем повернулся в нужном ему направлении и снова стал на-

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, директором средней школы. Играл в группе "Нефть". Пишет прозу, стихи, публицистику. Член Союза писателей России. Живёт в городе Ханты-Мансийске.

скрипывать снегом под ногами нехитрую песню походки пожилого человека. На слух это были две ноты — ми и ля. Правой ногой он ступал уверенно, и она звучала твердо: ми, а левую — немного подволакивал, и она растягивалась в ноту ля. Ми-ля, ми-ля — и получалась иностранная песня про милю. Видимо, все свои русские версты старик уже прошел, и теперь выхрамывал иностранные мили. А может, это от иностранных лекарств, которые он принимал, чтобы продлить шаг больной левой ноги?

Очень скоро шелест шипованных по-русски автомобильных покрышек заглушил немудреную песню из двух нот, потом и сам старик затерялся в перспективе улицы, а двое мужчин так и продолжали стоять, глядя на то место, где он оглянулся. Потом, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. Их разделяло небольшое расстояние.

— Мне показалось: это мой отец, — объяснил Александр.

— Мне тоже, хотя мой умер двенадцать лет назад. Просто... — Сергей подыскивал слова. — Мороз, глаза слезятся, но очень похож.

— Удивительно, — Александр сделал несколько шагов навстречу и протянул руку: — Александр.

— Сергей.

— Может, выпьем по чашке кофе? Не каждый день встречаешь человека, который... — Теперь Александр потерял нужные слова.

— Вместе с тобой называет одного человека отцом, но не приходится тебе братом, — пришел на выручку Сергей.

— Точно! Как в какой-нибудь дурацкой загадке типа — сын моего отца, но не мой брат.

— М-да...

— Так как насчет кофе? У меня тут уютный кабинет. — Александр кивнул на банк.

— Вице-президент этого заведения должен был рассказать мне о новых условиях кредитования... — задумался Сергей.

— Ну так расскажу, только сначала кофе. Как-то у меня не проходит... вот здесь... — Александр постучал себя ладонью по груди.

— И у меня что-то ноет...

— Бывает же...

После второй чашки кофе в уважаемом кабинете, где лакированное дерево спорило с кожей, разговор пропитался запахом “маракажу” и сквознячком из приоткрытой двери в прошлое.

— Отец любил ходить со мной в книжный... особенно в букинистический, потому что там... — говорил Сергей.

— ...можно было купить редкие, дефицитные книги, — подхватывал Александр.

— Он никогда не жалел денег на книги, — в голос продолжили они и замолчали, глядя друг на друга так же, как совсем недавно на площади.

— Ты под одеялом читал? — попытался найти разницу Сергей.

— Читал, — безнадежно отмахнулся Александр, — квадратная батарейка и лампочка — вот и все нехитрое освещение.

— Уф-ф-ф... — соглашался Сергей.

— Мой отец любил открывать для меня природу. Показывал мне...

— То — что незаметно с первого взгляда...

— Точно, — уже улыбался Александр, догоняя в лесу подростка. — Он еще любил петь. Пел так...

— Будто у него голос оперного певца. А еще птиц передразнивал...

— Было пару раз...

— Да нет, чаще, ты просто забыл. — Сергей уже настаивал, будто они говорили об одном человеке, хотя уже давно сверили описания, имена, профессии и выяснили, что отцы были совершенно разными людьми, но абсолютно похожими отцами.

— Эх! Если бы я мог так увлечь своего сына в книжном магазине! — сетовал Александр.

— Да куда там! Против телевизора и компьютера да при нашей беготне... Утром вышел на работу, оглянулся — а уже вечер.

— Да-а... В детстве день тянулся...
— Особенно, когда ждешь отца с работы...
— Или из командировки...
— Ну правильно, он же привезет что-нибудь. Безделушку какую-нибудь, но привезет.

— Да... Мой-то немного мог себе позволить. Я очень велосипед хотел. А это ползарплаты... даже больше. Он однажды взял меня, и ничего не говоря маме, повел в магазин.

— И купил два велосипеда! На всю зарплату. Сказал: будем ездить вместе...

— В лес...

— И на дачу...

— Рано утром...

— Рано утром...

— Велосипед — мечта такая... Наверное, так в прошлом о коне мечтали, как советские мальчишки о велосипеде.

— А нынешним сразу “Ауди” или “Бээмвэ” подавай.

— Мой — человек старой закалки.

— А мой — до последнего верил в социализм.

— Мой — до сих пор верит.

— При этом — у него сын топ-менеджер...

— Тыфу, слово какое неприятное... Ему наплевать, какая у меня должность, ему человек важен. Он вообще начальству не кланялся, не заискивал никогда.

— И мой тоже. Добрый был, но перед начальством не заискивал. Многие его доброту за слабость принимали.

— Может, это время сделало их такими? Эпоха?

— Может, это они делали эпоху?

— Они делали эпоху, а не деньги, потому и дни были длиннее...

— Я один в один так же подумал.

За окном пошел снег, и стало тихо. Молчание умеет листать память. Красноречивое молчание — не парадокс, а слова, которые не обязательно произносить. Но его нельзя затягивать, потому что оно становится неловким. И тогда на ум приходят необязательные слова.

— Может, еще кофе? — спросил Александр. — Может, коньяк?

— Может... кофе... Коньяк всё смажет. Банально — коньяк.

— Я тоже так подумал, просто предложил на всякий случай.

— Я вот подумал, — Сергей опустил глаза и тяжело вздохнул, — мне кажется, я предал отца... И теперь только в храме могу попросить у него прощения.

— Другая женщина?! — то ли спросил, то ли догадался Александр.

— Ну да, — горько ухмыльнулся Сергей. — Любишь же одинаково — и отца и мать. Семья для ребенка священна. Но...

— Мать любишь немножко больше, потому что она тоже нуждается в защите. Она ближе, пока ты маленький, — подсказал Александр. — Я тоже застал своего отца с другой женщиной. Представляешь, ехал на подаренном им велосипеде по лесу и услышал его голос. Он пел.

— Оперным голосом.

— Ну да.

— Пел для другой женщины.

— Точно. У них был небольшой пикник на поляне. Я сначала наблюдал за этим со стороны, как говорят, из кустов... Сразу все понял.

— А потом стало стыдно подглядывать — и ты вышел. — Сергей нерасторженно улыбнулся.

— И я вышел. Отец посмотрел на меня печально, но не растерялся и налил мне выпить. В первый раз в жизни...

— Сначала ты решил ничего не говорить матери, чтобы не разрушить семью.

— Да. А главное — он не просил ни о чем.

— Ну да... Не просил. Он просто понимал, что мы, — Сергей говорил

так, будто они оба дети одного отца, — еще не готовы все понять, все понять так, как надо. Только я долго жил с таким камнем на душе. Вроде, кажется, отвлекся, забыл. Ведь главное, понимаешь, что он любит мать и никого больше.

— Но это чувство обмана... Оно не дает покоя. Ты чувствуешь, что мать предана, ты изначально, можно сказать, автоматически на ее стороне. И потом всегда случится этот момент, эта откровенность между матерью и сыном, когда можешь рассказать всё, все свои тайны...

— И чужие... Он тебе говорил потом, что ты его поймешь только, когда повзрослеешь, когда у тебя будет свой сын?

— Говорил...

— Самое обидное, что ты-то уже его давно простил, а мать заберет с собой свою обиду на тот свет. Глупо как...

— По-мальчишески...

— Да уж... по-мальчишески. До по-отцовски еще дотянуть надо...

— Отец научил меня чему-то такому, чему не смог бы научить никто другой.

— И это не гвозди забивать, не шины велосипедные накачивать...

— Даже не за себя постоять...

— Не в технике разбираться, не в баню ходить...

— Даже не цели добиваться... Как же это назвать?

Они искали нужные слова, но Вселенная напряженно молчала, посыпая землю снежной манной, она тоже слушала. Ей хотелось знать, чему же такому может научить сына отец. Такому, что очень трудно высказать. Такому, что знает каждый, но оно неуловимо. Как та же снежинка. Поймал на ладонь — хотел сказать — ан нет, уже растаяла. А еще через минуту и капля влаги испарилась...

— Как же это назвать? — морщил лоб Александр, рыская мыслью в прошлом и будущем. — Чему нас научили отцы?

— Мужскому взгляду на жизнь, — несмело сформулировал Сергей.

Они какое-то время помолчали, пробуя выражение на вкус, и снова в один голос определили:

— Точно!!!

Всё. Определение есть. И чувство у обоих было такое, будто они только что доказали теорему Ферма или, скорее, нашли триста шестьдесят восьмое доказательство теоремы Пифагора. Нет, пожалуй, сформулировали саму теорему, которая доказательств уже не требовала...

— Твой отец водил тебя на рыбалку? — спросил Александр.

— Да, и по дороге рассказывал...

— Истории из своего детства...

Оба на минуту снова переглянулись, продолжения не требовалось. Но вдруг Сергей глубоко вздохнул и совершенно безнадежно спросил:

— А ты водил своего сына на рыбалку?

— Нет. Всё только собирались.

— И мы... до сих пор собираемся.

Молчание стало грустным и густым, вырвалось за окно, и снег перестал падать. Сжатое время за стеклом выдавило из себя сумерки и свет из уличных фонарей. За пластиковыми окнами может быть только сжатое, ультра-современное время, какой бы тавтологией это ни звучало. Сергей бессмысленно глянул на часы, всё равно не помнил о работе.

— А в книжные магазины мы все-таки ходим.

— И мы ходим. Только вот выбираем не то, что хотелось бы...

— Нам с тобой, — подхватил Сергей. — Представляешь, мой сын до сих пор не осилил все русские сказки. Зато всякой импортной лабуды если не прочитал...

— То накупал, — поддержал в свою очередь Александр.

— Правда, и я хорош... Не пою ему русских песен, военные песни не пою... А помню: шли с отцом и вместе горланили “По долинам и по взгорьям”... А еще потихоньку пели “С чего начинается Родина”. И мама подхватывала.

— А у меня и голоса нет такого, как у отца, — посетовал Александр.

— Для этого не голос, для этого чувство надо. А нынешняя эпоха, если ее вообще можно так назвать, она бесчувственная. Притерлось всё, нивелировалось, душу не царапает, сердце не саднит. Время быстро меняющихся картинок. Как будто каналы в телящике переключаешь. И странное получается сочетание: взрывы, катастрофы, наводнения, боль человеческая во всё ускоряющемся режиме, а параллельно этому шоку тянется серое, безликое равнодушие...

— Хорошо ты сказал, — задумчиво покивал Александр.

— Придет Христос, скажет: раздай всё, иди за мной... Сколько человек пойдет?

— А увидят ли вообще?

— Правда, знаешь, был тут один проблеск. Купил я сыну фильм “Белый Бим — Черное ухо”. И совсем неожиданно для меня он сел его смотреть... Через минут сорок слышу из другой комнаты — плачет. Навзрыд. Пришел к нему, сел рядом... и тоже заплакал.

— О! — вспомнил о своем Александр. — А мы еще “Хатико” смотрели. Та же история...

— А потом я своего посадил силой смотреть “Батальоны просят огня”. Он сначала упирался. Потом прижался ко мне, спрашивает: “Папа, а война она, правда, такая?”

— И что ты ответил?

— Ответил, что хуже. Он после этого фильма решил солдатом стать. Правда, ненадолго.

— Нет, а мой о защите Родины и не думал даже. Упустил я где-то... Для меня, говорит, вся Земля — Родина. И не хочу, говорит, быть пушечным мясом за чье-то право грабить и обманывать других.

— С одной-то стороны, правильно говорит, — рассудил Сергей.

— Но Родина всё равно есть!

— Есть... Тут надо уметь разделить — Родину и государство. Не одно и то же. Хотя, — Сергей исподлобья взглянул на Александра, — те, у кого есть средства, всегда могут свалить куда-нибудь, если здесь что-то начнется.

Александр посмотрел на собеседника с укором. Мол, не давал я поводов так о себе думать. Но вслух сказал другое.

— На заре новорусского капитализма я тоже так мыслил. А теперь смо-рю на то, что происходит, и сомневаюсь, что будет где-то такое место, куда можно будет свалить, если что-то начнется... Этого упакованные дебилы не понимают. Да и будут ли в этот момент что-то решать деньги? Или даже право владеть чем-то?

— Ты прав, — почти извинился Сергей, — если земля загорится под ногами, то в этот раз это будет вся Земля...

Оба посмотрели в окно, словно там уже можно было увидеть приближающееся пламя Апокалипсиса. Но за окном лежал только что выпавший снег. Тихий, чистый и ждущий весну.

Звук колокола разбудил задремавшее небо, и в нем проклонулись первые звезды. В недалеком храме начиналась вечерняя служба.

— А я давно своему отцу за упокой молебен не заказывал, — вспомнил Сергей.

— А я своему за здоровье... Вот что! — спохватился Александр. — Поехали и сделаем это прямо сейчас!

— А кредиты? — устало вспомнил Сергей.

— Главное — там кредит не растратить, — Александр многозначительно кивнул за окно — в сторону подсвеченной прожекторами колокольни.

— Интересно, а наши сыновья за нас молебен закажут? Помолятся? — вопрос Сергея заставил их замереть, остановиться. Быстрое время тоже замерло. Ему интересен был ответ. Но наступающие сзади мгновения уже напирали, время скользило дальше: мало ли какие нелепые вопросы волнуют людей.

— Интересно, это мы плохие дети у наших отцов или наши дети стали хуже по отношению к нам? — вопросом на вопрос ответил, наконец, Александр. Долго думать не пришлось, ответ пришел сам.

— А может, все мы стали неблагодарными детьми по отношению к Единому Отцу? — спросил у суетящегося человечества Сергей.

Когда они вышли на улицу то, не сговариваясь, посмотрели на то место, где увидели похожего на своих отцов старика. И!..

Он стоял на том же месте. Беспомощный и растерянный. Он явно что-то искал в сгущающихся сумерках. Точнее, не искал уже, а отчаялся найти. Постоял еще несколько секунд, развел руками и двинулся дальше, внимательно глядя себе под ноги.

— Что-то случилось, отец? — спросил Александр, когда они догнали его на другой стороне улицы.

Старик удивленно оглянулся, смерил взглядом двух мужчин и почему-то смутился.

— Да вот... случилось... Билет на самолет потерял. К сыну лететь собирался. И вот... — он безнадежно посмотрел на свежий снег под ногами. — Пошел еще внукам подарков купить... И где-то все обронил. Билет... Деньги... Пенсионное вот... Может, пенсионное дома оставил? — спросил он свою память. — В общем... хотел на Рождество... повидаться.

Александр и Сергей переглянулись.

— Самолет когда? — спросил Сергей.

— Утром завтра. До Москвы, потом до Донецка.

— Паспорт-то, отец, не потерял?

— Не, я вот... отдельно его ношу. В целлофане... У меня тут карман застегивается. На молнии.

— А внуков-то много? — как будто совсем о неважном спросил Александр.

— Четверо. Две внучки и два внука.

— Ого! — позавидовали в голос недавние собеседники.

— Ну тогда поехали в “Детский мир”, — Александр указал рукой на служебную машину, что ожидала на другой стороне улицы.

— Зачем в “Детский мир”?! — даже испугался старик.

— Подарки внукам покупать...

— Вы это... вы откуда, ребята? — еще больше испугался старик. — Зачем вам это?

— Мы из СССР, — ответил Сергей первое, что пришло на ум.

— Отец, помнишь, книга такая была — “Тимур и его команда”. Так вот, мы тимуровцы, состарились, конечно, но еще работаем, — он улыбнулся, увлекая старика к машине.

— Так это... билеты-то... — уже нерешительно сопротивлялся четырежды дед.

— Да ерунда — билеты. Восстановим. Не восстановим — так новые купим. — Александр решительно вел деда к машине, взяв его под локоток.

— Так я вот... на Рождество хотел... Думал, до следующего могу и не дожить... — лепетал старик. — У меня вон нога совсем отказывает. Волоку уже. Не, стойте, я не могу так, ребята, я же вам отдать не смогу...

— Вот что, отец, — у самой машины Александр вдруг стал строгим и решительным. — Вы нам уже все отдали. Наша очередь.

— Кто — мы?

— Отцы.

— “Отцы и дети” у Тургенева читал? — иронично вмешался Сергей.

— Да не помню уже, — окончательно растерялся дед.

— Вот и неважно. Всё равно Тургенев всё неправильно там написал. Внукам-то сколько?..

— Оле — старшей — двенадцать, Коле — десять, Саше — шесть... — старик даже не заметил, как оказался в салоне автомобиля.

— Слушай, отец, — Александр вдруг замер, — ты не будешь против, если мы сначала заедем в храм? Мы с Сергеем собирались за своих отцов молебны заказать.

— Да я... тоже... за своего свечку поставлю, — смиренно ответил тот.

Александр закрыл за ним дверцу, сел рядом с водителем, машина исполнительно рывкнула двигателем и сорвалась с места.

Яркая звезда на Востоке мигнула ей вслед. Может быть, она и была Вифлеемской...

Говорят, ничего не бывает случайно. Может, старик неспроста потерял билеты, потому как у сына в Донецке не все было хорошо. Точнее, настолько нехорошо, что он сначала и не рад был приехавшему отцу. В сущности, банально все: зарплату задерживают, долги растут, нервы сдают... И старик, почувствовав нервозность сына, посетовал, что мог бы и не приехать, если бы не встретил на вечерней улице двух мужчин. Он рассказал ему эту странную историю, когда они сидели вечером за столом на кухне, а внуки уже спали, обнявшись с новыми игрушками от деда. Сын долго молчал, глядя в ночное небо, где одиноко светила одна — но очень яркая звезда. Почему-то от ее света слезились глаза...

— Прости, отец, — сказал он, и после недолгой паузы добавил: — За всё...

Они обнялись, как в детстве, так, словно были одним целым — с безграничным доверием друг к другу. Так, когда хочется обняться просто, без причины. Они оба были отцами... и сыновьями.

Вечность, что стояла за окном, потихоньку вошла в комнату и стала больше.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ВЛАДИМИР ХОМЯКОВ

АЛФАВИТ

Шесть вёсен мне.
Победы полдень светлый.
Земля в защитной зелени травы.
И молодой полынью пахнут ветры.
И одинок, и горек взгляд вдовы.

И я, впервые встретившись с печалью
у мраморных мемориальных плит,
по именам героев изучаю
спасённый ими русский алфавит.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Моим родителям

Рязань ликует.
Вешний цвет вокруг.
Пульсируют знамёна кумачово.
Мелькает стайка лёгкая подруг —
на целый день отменена учёба!

Они на площадь Ленина бегут:
там танцы и гармошек переливы,
оркестры там военные ведут
всё больше довоенные мотивы.

Девчонка многолюдьем смущена.
Но вальс
её подхватывает плавно.
Ей — восемнадцать.
Кончилась война.
И жив отец — прислал письмо недавно.

Кружится вальс.
Шумит везде народ.
Как тесно здесь
и до чего просторно!
Ей вечером от мамы попадёт
за то, что туфли новые протёрла.

...А где-то, под Берлином,
военврач
с друзьями пьёт по кругу за Победу!
А рядом — чей-то смех,
и чей-то плач,
и чей-то крик:
— Теперь домой поеду!

И военврач глядит сквозь дальний дым,
кричит со всеми,
плачет
и смеётся.

...А над леском, угрюмым и немым,
налившись кровью, тяжелеет солнце.

ДЕРЖАВНЫЙ ДЕНЬ

Поздравить чтобы победителей
с Великим днём,
Державным днём,
мы не в дома своих родителей,
а на могилы к ним придём.

Разложим на газетной скатерти
снесь
да забудем про вино:
пускай порадуются матери,
что мы не пьём уже давно.

Тюльпаны,
нами принесённые,
росу уронят поутру.
Замрём,
Победою спасённые,
замрём на праздничном ветру.

На солнце вспыхнут звуки медные
и вознесутся в облака.
И там, на площади,
победные
слова промолвит сын полка —

одним останется единственным
из тех, кто слышал ближний фронт.
А те, кто был в огне неистовом,
уже уйдут за горизонт.

За горизонт,
где синь закатная
и остывающая мгла,
куда тропинка безвозвратная
сквозь всю Россию пролегла...

*Рязанская область,
город Сасово*

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

* * *

Россия — смерть моя, зараза.
Чужая речь, чужая власть.
Вся нечисть гордого Кавказа
В Москве сегодня собралась.

В стране, поистине медвежьей,
Где вне закона честный труд,
Нас всех на площади Манежной
Теперь, наверное, убьют.

Повсюду тьма и кровь народа,
И бледный, жалкий, словно тать,
Кричит державный Держиморда:
“Сажать! Безжалостно сажать!”

Прощайте, русские мальчишки!
Давно растоптан красный флаг.
Для вас теперь — конвой и вышки...
Виват, медведевский ГУЛАГ!

Мы ляжем все в могилах узких,
Сказав извечное: “Эх, ма!”
Теперь Россия не для русских,
А для приبلудного дерьма.

Медведи жмут друг другу лапы,
И, виноваты без вины,
Идут мальчишки по этапу
В глубины преданной страны.

Вот Магадан, всё та же пристань.
Конвоя сумеречный взгляд.
И тихо плачут декабристы
Над болью русских декабрят.

* * *

Земля умирающих сёл и надежд, прогоревших дотла,
Земля неподвластных уму предсказаний и сказочных токов,
Где речка свернулась, насквозь проржавела ветла,
Где волчьи следы известняка сохранит для потомков.

Проходят минуты, как ёжики в листьях шурша,
Наверное, всё это вскоре я всё-таки брошу...
Когда-то, я помню, цеплялась за землю душа,
Но нет больше силы нести непосильную ношу.

Мне трудно вдыхать, созерцать и беду осязать,
И землю любить, безутешную кровью и потом.
Верни меня, Боже, как мёртвую речку, назад.
Сыграй меня вновь, как каприз по утраченным нотам.

Верни меня, Боже, в утраченный памятью век,
Верни за черту твоего неудачного века.
Прекрасны истоки ещё не родившихся рек
Прекрасен Эдем, позабывший следы человека.

Пос. Шелехметь Самарской обл.

ЮМИЛЬ БУЛАТОВ

УЛИЦА МОЦАРТА

Как былинный герой, я стою на холме
На краю задымленной долины.
Левый берег вдаль — странно видится мне,
Будто жил я здесь хуже скотины.
Счастье выпало мне: как большой господин,
В сани сел, но большая ватага
Потеснила меня, я остался один —
Чемодан да былая отвага.
Словно гусь мелким шагом, не видя куда,
Я ходил заблудившимся чёртом.
Да, я в каменке жил... Как попал я сюда,
Знает только лишь улица Моцарт.
Ах, японский пейзаж этих ветхих хибар —
Провода да деревьев метёлки:
Как случился сто лет чёрно-белый пожар,
Не заходят сюда даже волки.
Дальний дом на углу! Слышу музыку я —
У рояля сидит Маргарита.
Рядом Моцарт стоит — о какая семья!
Память вечная крепче гранита...
Вдруг пахнуло хмельным! Хватанул сердце дым,
Затопились старинные печи.
Хлебный запах вернул к тем годам молодым,
Когда жили мы по-человечьи...

* * *

Здравствуй, крещёный народ православный,
С красной звездой на могучей груди!
В тысячелетней Истории главной
Русский народ был всегда впереди.
Сколько безумцев с кровавого пира
Вылечил русский народ, словно врач,
Славная Русь, как лечебница мира,
Всех примиряла, желая удач.
Ты уж прости мя, народ стоязыкий,
Братья и сестры, чуваш да мордва.
Вот перед вами поэт невеликий —
Правда ли, будто за нами Москва?
Пусть не Москва, но российские дали
Неустрашимыми видятся мне.
Уж не казните — за всех отстрадали
Мама в тюрьме да отец на войне.

г. Новосибирск

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

БОЖИЙ СЛЕД

Николе Радеву

“Господь ходил когда-то по земле, —
так говорил с тоской Никола Радев. —
Мир не тонул тогда в кромешном зле,
и люди были все друг другу рады...”

Что изменилось с тех далёких пор?
Всё так же море пенится в прибое.
Прохладный воздух льётся утром с гор,
восходит солнце в небо голубое.

Французы — так же любят лягушат,
а немцы — пиво, рульку и капусту.
Ну, а в России — водкою грешат
и матерятся (“Чтоб всем было пусто!”).

Плывёт над миром белых тучек пух,
целует солнце каждый лоб с любовью,
но дух — угас, и жар сердец — потух,
и пульс затих, не движим стылой кровью.

Мы отступили от своих святынь,
как староверы — от прадавних кладбищ.
Так в оны дни — был предан Божий Сын.
Так в наши дни — сдан Радован Караджич.

Грядущий день теряется во мгле.
Что нам осталось? Разве только помнить,
что Бог ходил меж нами по земле,
чтоб наши души верою наполнить.

г. Москва

ЕЛЕНА ИВАНОВА

НА СОШЕСТВИЕ БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТИ

*Здесь были мне отпущены грехи —
Так стало и легко, и просветлённо...*

Светлоград Ставропольского края.

12 августа 1988 г.

Радость моя, ты на том берегу,
Где я окликнуть тебя не могу.
Надвое мир разделила река,
Не перейти — широка, глубока.

Даль не видна из-за пасмурных туч,
Робок надежды проглянувший луч.
Вот заплескали и бьют по воде
Белые крылья твоих лебедей!

Радость моя, по волнам ты пришла
Ангелом светлым, не знающим зла.
В той лучезарной твоей стороне,
Стало быть, помнят ещё обо мне.

Помнит тропа на опушке лесной,
Помнит струящийся маревом зной,
Помнит заречный ромашковый луг,
Помнит любимый и любящий друг.

Радость моя, наконец ты со мной!
Берег мой чистой омыла волной,
Словно бы Некто из праведных сил —
Строгий судья — мне грехи отпустил.

И ни сомнений, ни мук, ни тревог!
Миг — и уйдёт она...
Дай тебе Бог,
Радость моя!
Ты в своей стороне
Помни меня, не забудь обо мне.

БЕРЁЗКА, НА УХО ШЕПНИ...

В её узорчатой тени
Ромашки — кружевною прошвой.
Берёзка, на ухо шепни,
Кем ты была мне в жизни прошлой.

И кожи бархатной твоей
Зачем касается так нежно
Ладонь моя, как будто ей
Нет в жизни радости утешней?

И где б ещё мне довелось
Так ощутить своё, родное?
Вот пряди светлые волос,
Вот шея, тёплая от зноя...

Уже мои склонились дни
Вон к тем крестам за тихой речкой...
Берёзка, на ухо шепни,
Кем ты мне будешь в жизни вечной.

* * *

Всё будет — было бы желанье.
Я приглашаю вас. На чай.
...Ну, вот и всё. И до свиданья.
А впрочем, нет: прости-прощай!

По расписанью электрички
Скользнула пальцем:
В самый срок!
Он закурил лишь с третьей спички,
Две обломав о коробок.

Я слышала: запела вьюга.

— Идите... Буду помнить вас...
И глянули в глаза друг другу:
В последний раз
И... в первый раз!

г. Ставрополь

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

ГОГОЛЮ

Мы потеряли не в бою
Страну великую свою —
Державы вековые скрепы
Рубили росчерком пера
Опять предавшие Петра
Три беловежские Мазепы.

Не помогли тома твои,
Замешенные на любви,
На братской нежности славянства,
Найти надёжные пути
И нашу Родину спасти
От подлости, от окаянства.
Боюсь, великий Ревизор,
Увидеть беспощадный взор
И услышать укор суровый,
Когда ты спросишь нас:
“Не вы ль
Виновны, что лютует Вий,
Как Змей-Горыныч, трёхголовый?”

А что ответить?
Как не мы:
Давно ль Днепра, Москвы, Невы
И Свислочи струи кипели —
Но и фашистский бомбовоз
Не смог поставить под вопрос
Величье киевской купели.

Одной водою крещены,
Победной славой возвращены —
Одной судьбой неустрашимой,
Росс, малоросс и белорус,
Обречены мы на Союз
Навек святой и нерушимый!

Не зря ведь, Гоголь, твой Тарас
Опять заблудших учит нас
Тому, как лечится измена!
И мы отстроим топором
Всё, что разрублено пером
Ополоумевшего Змея!..

ДЕФОЛТ

Памяти Константина Гейна

Лучший в школе математик,
На заводе — лучший спец,
Шахматист, мудрец, прагматик,
Сыновей двоих отец,
В девяностые метался,
Чтобы выжила семья.
Взял кредит — и просчитался.
И печальна была бысь.
И осталось только фото,
Где в гробу товарищ мой,
Как свидетельство дефолта
Демократии самой...
Моют сталинские кости,
О репрессиях кричат,
Говорят о Холокосте,
А об этом все молчат.

г. Тула

ВИКТОР АНТОНОВ

ЧУХЛОМА

Есть городок провинциальный.
Его в душе своей сберёг,
Лесной, озёрный, первозданный,
Хранимый детством уголок.

Там в октябре уже метели
Последний лист срывают с лип...
И я верхом на карусели.
И первый снег к губам прилип.

Там церковь, словно голубь белый,
Взметнулась в небо над горой.
Туда, я помню, первым делом
Водила мать меня с собой.

Бульвар, где каждая тропинка
Осталась в памяти моей:
И я лечу, лечу снежинкой
Среди пуховых тополей...

Там, в костромской сторонке дальней,
Иду, как будто бы в ночи,
В толпе какой-то привокзальной...
И вновь во сне чухломичи.

Вот так негаданно, неожиданно
Приснился, как судьба сама,
Мой городок провинциальный —
Моя родная Чухлома.

* * *

Глебу Горбовскому

Читаю Горбовского Глеба
В глухой деревушке, где нет
Ни белой церквушки, ни хлеба,
Где не был ни Тютчев, ни Фет.

Читаю Горбовского Глеба,
И кажется, вроде бы пью
То синь беспредельную неба,
То вздох, что упал в полынью.

Горбовского Глеба читаю,
И видится мне, как во сне,
Как будто я рану сжимаю,
Как будто лечу на коне.

Читаю Горбовского Глеба —
Жива ещё русская речь.
Стихи будто солнышко с неба,
Но как их, но как их сберечь?..

г. Владивосток

НИКОЛАЙ НИКАНДРОВ

СЕРЁГА

1

Знакомы были с давних пор
Я и Серега — бывший вор.
Не для базара мы ходили
Дышать свободой в дальний бор.

Вели беседы меж собою
И, довершая марш-бросок,
Мы под ангарскою сосною
Употребляли “портвешок”.

Припёртый воровским законом
За непонятные грехи,
Серега зло и отчуждённо
Читал взахлёб свои стихи.

Бор истекал смолистым дымом,
Озон входил под самый дых.
Вор знал: грядёт неотвратимый
И беспощадный суд блатных.

Всё было страшно интересно,
И я ловил его черты:
От воровского интеллекта
До диковатой красоты.

Не ведал робости Серёга,
Был одинок и нелюдим,
А поселковые сироты
Готовы в бой идти за ним.

Уже не туз козырной масти
И с фраерами заодно,
Он в куртке, выстиранной наспех,
Являлся вечером в кино.

В дощатом клубе поселковом
Под танцы отдан кинозал,
Его манило к васильковым
Тамарки Стешкиной глазам.

Стоял в простенке вор бывалый
И не сводил с Тамарки глаз.
А та с другими танцевала
Под радиолу томный вальс.

Он, неприкаянный и странный,
С людьми общенья не искал,
И как-то вечером туманным
Куда-то наглухо слинял.

В посёлке, что под Красноярском,
О нём забыли через день,
А вскоре бойкая Тамарка
Рванула с узелком в Тюмень.

2

...С тех пор прошли десятилетия.
Страна сменила паруса.
Посёлка нет на белом свете.
Осталась гари полоса.

Охотники и погорельцы
В свои зимовья уползли.
И был слушок: в земле тюменской
Возникли нефтекороли.

3

...По Транссибирской магистрали
Мой “Сибиряк” просторы рвал,
В нутро тюменского вокзала
Я за газетой забежал.

И вдруг, как поражённый током,
Я прекратил поспешный ход:
С обложки бывший вор Серёга
В упор рассматривал народ.

Старик, морщинистый и строгий.
Богатый галстук и сюртук
Покроя для персон немногих —
Для олигархов и воруя.

Гламур журнального портрета
В манере тонкого холста:
Не вижу знаков интеллекта,
Но в масть блатная красота.

Статья торжественно трубила,
Что этот моложавый дед —
Тюменской нефти воротила —
Отметил восемьдесят лет.

Звенела медь передовицы,
Сплетала лыко и строку
Про дорогую виллу в Ницце,
Про яхту-люкс на берегу.

Два сына — оба бизнесмены,
По всем статьям — сибиряки,
А рядом, чуточку надменно,
Вовсю сияли васильки.

“Ну, братец, выкинул ты штуку”:
Под скрежет рухнувших основ
Привёл опять судьбу, как суку,
В кодык элитных фраеров.

Вполне возможно, на “нефтянке”
Ты подловил нагульный фарт.
Сожги ненужные портянки
С колодою краплёных карт,

Поставь избу на Мастерице,
Купи коттедж, хотя б в Перми,
Но яхта с виллой за границей —
Не та фортуна, чёрт возьми!

Мелькнула мысль о встрече нашей,
И поперхнулась в тот же миг:
Он будет — точно! — гнать парашу
Про возвращённые долги

За нищету и униженья.
За жизнь блатных, за лагеря...
И все растаяли сомненья:
Подумал я о встрече зря.

Навстречу перли эшелоны —
Цистерн округлые бока
Покачивались на перегонах.
В европы шла “нефтянка”.

Трансиб стонал от напряженья,
Цистернам тем потерян счёт.
Чем выше куш обогащенья,
Тем больше нищих и сирот.

4

Скажи мне, бывший вор Серега,
Пенсионеру из Москвы:
Как избежал ты злого рока
И откупился от братвы?

Нож на тебя застыл в кармане.
Тебя откат от смерти спас.
Ты не свечу поставил в храме —
Купил хрустальный унитаз.

Живешь без страха, но с опаской,
Прекрасный харч, нехилый кров.
Крутой финал “Калины красной”
Не для успешных паханов.

Я не судья тебе, Серёга,
Старенья сроки коротки.
Тебе дано судьбой и Богом
Сберечь супруги васильки.

Мы в жизни квиты меж собою,
Черта на финише одна.
...В бору, разбитая грозюю,
Звенит ангарская сосна.

Сентябрь 2010 г.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

ГЛАВА 22. “ЧЕТВЁРТЫЙ РИМ” И “МАТЬ-СУББОТА”

После своего исключения из партии Николай дважды за полгода посетил Петроград. Первый раз приехал на несколько дней ещё в октябре 1920-го, когда встретился со старыми друзьями и знакомыми – Александром Блоком, Ивановым-Разумником, Евгением Замятиным, Алексеем Ремизовым, Ароном Штейнбергом.

Блок... Он подарил Клюеву книгу “Седое утро” с дарственной надписью: “Николаю Клюеву через пространства и времена далёкие...” О многом говорят эти слова и, в первую очередь, о том, что давняя “жизнь в духе” с Клюевым осталась лишь воспоминанием. Поздних стихов Клюева Блок не принял, во всяком случае, стихотворения второго тома “Песнослава”, в издательском устройстве которого он в своё принял деятельное участие, остались ему совершенно чужды. Об этом свидетельствует его рецензия 1919 года на стихи Дмитрия Семёновского: “В родовом, русском Семёновский роднится иногда с Клюевым, не подражая ему, но черпая с ним из одной стихии; это как раз то, что мне чуждо в обоих, что приходится признать, с чем нельзя не считаться, но с чем, по-моему, жить невозможно: тяжёлый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь...” Это не отторжение “русского духа” и не разочарование поэта в “русской стихии”, о чём, увы, приходилось и приходится читать поныне. Это отторжение самого Клюева, того Клюева, каким увидел его Блок – непонятного и пугающего в последних стихах. “Вечер Клюева в Вольфиле, на который я не пошёл. Стишки!” – запись в записной книжке Блока от 24 октября 1920 года. В этом пренебрежительно-отгораживающем “Стишки!” – явное нежелание слышать того, о ком Блок писал когда-то: “Христос среди нас!”

На вечере “Вольной философской ассоциации” Блока не было. Но на следующий день он выступал вместе с Клюевым и Ремизовым на вечере издательства “Алконост” в Доме искусств, посвящённом выходу второго номера журнала “Записки мечтателей”. Здесь-то и прозвучали те самые “стишки”, от которых “старший брат” пытался отгородиться.

Бывший “скиф” Арон Штейнберг вспоминал о вечере в “Вольфиле”: “И для всех наших друзей, которых Клюев разрешил позвать на полуоткрытое собра-

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 4 за 2011 год.

ние, на котором он согласился читать свои произведения, навсегда останется в памяти его глубоко, глубоко захватывающий и дикий, какой-то почти нечеловеческий голос"... Сохранилась запись голоса Клюева, и сквозь все искажения звука можно ощутить его "нечеловечность", высочайшую, вздымающуюся в какие-то неведомые сферы слуха, почти разрывающую перепонки ноту. Можно лишь домыслить – какое впечатление производил этот голос на живых слушателей. Живописное впечатление оставила Ольга Форш. "Он топотал, ржал в великолепно вдохновенно. Он взвихрил в зале хлыстовские вихри, вовлекая всех в действо "беседной избы". Он вызывал и восхищение, и почти физическую тошноту. Хотелось, защищаясь, распахнуть форточку и сказать для трезвости таблицу умножения" ... Это уже достаточно близко к позднему восприятию Блока, дескать, "нечем дышать"... Потому дышать казалось им и нечем, что смысл прочитанного не улавливался, оставался за семью печатями... Форш вспоминала о выступлении Клюева ещё дореволюционным, на заседании Религиозно-философского общества, где Николай читал "Подонный псалом" и стихи цикла "Земля и железо". Тогда собравшиеся восприняли явление и стихи Клюева вроде преддверия адской тьмы, что и сформулировала позднее писательница: "Космос, не просветлённый Логосом, предтеча антихриста"... Что уж тогда говорить о том "неизгладимом впечатлении" (Штейнберг), что произвёл Николай на собравшихся в своеобразном "втором издании" Религиозно-философского общества – Вольной философской ассоциации, где слушатели все были знакомые и слушали уже не гимны "беседной избе", а стихи из "Львиного хлеба"...

*Домик Петра Великого,
Брёвна в лапу, косяки аршинные,
Логовище барса дикого,
Где тлеют кости безвинные!*

Антипетровский мотив понятен и ожидаем от Клюева, вот только "безвинные кости" – не давнее, прошедшее. Се – творение продолжателей дела "антихриста" XVIII столетия, обречённых быть смытыми новой исторической волной.

*Правнуки барсовы стали котятами,
Топит их в луже мальчонко-история...
Глядь, над сивушными, гиблыми хатами
Блещет копьё грозowego Егория!*

*Домик петровский — не песня Есенина,
В нём ни кота, ни базара лещужного,
Кружка голландская пивом не вспенена —
Ала Россия без хмеля недужного!*

Слушателей всё далее брала оторопь. Мысль не успевала за строкой, снимался, дай Бог, поверностный смысл – если снимался, если не перекрывался звуковой волной... Но финал – как разряд тока. Имя, выхваченное слухом, – словно разряд соединённых проводов.

*Барсова пасть и кутья на могилушке,
Кто породил вас, Зиновьев с Егорием?
Видно, недаром блаженной Аринушке
Снились маки с плакучим цикорием!*

Эпоха соединила поначалу несоединимое, а потом чужеродное ей, но родное, исконное, древнее, жизнестроительное – извергла из своих уст, изгнала из своего миропонимания... И сам поэт, венчавший Ленина и Льва, отторгнут и "вычищен".

В позднейшей редакции "Зиновьева" заменит "турбина" – и не по причине самоцензуры. Не в личности дело, а в сути эпохи, предпочевшей железное живому.

... На этих вечерах присутствовал журналист и поэт Фёдор Грошиков, который в "Красной газете" изложил свои впечатления о клюевских выступлениях.

Начал он со строк из клюевского письма, любезно предоставленного Сергеем Городецким: “Трудно понимают меня бетонные, турбинные люди, душно им от моих избушек, кашных и коврижных миров...” — жалуется поэт Николай Клюев в письме к одному из своих друзей”. Оказывается, не только “бетонным” и “турбинным” душно, но и Блоку стало “нечем дышать”... А Грошиков пишет свой ответ на клюевское пророчество “Грянет час — и к мужицкой лире припадут пролетарские дети...”: “Жалуется, ибо не видит, что революционный пролетариат торопится навсегда уйти от тех понятий, которыми жила когда-то наша тёмная, кряжистая, мистическая деревня...” Кажется, следуя дальнейшему ходу мысли журналиста, что случай с Клюевым всё же не безнадежен: “И у “кряжистого” поэта Н. Клюева намечается гигантский сдвиг, доходящий до понимания не только своей русской революции, но и революции мировой, всечеловеческой, хотя и это понимание ещё не совсем свободно от некоторого мистицизма...” Клюев пишет о грядущем — его современное всё переводит в настоящее, пророчество интерпретирует, как гимн всемирной революции — и такое понимание осталось на десятилетия... Но и приятие Клюевым революции — не то приятие, что любо слушателю... “Клюев никогда не будет нашим певцом, певцом действенного, городского пролетариата, ибо слишком глубоко в земле роятся корни его творчества. Но всё развитие его творчества показывает, что связь деревни с городом растёт и крепнет, что коренным образом изменяется психология мужика-землероба. И недалёк тот день, когда мы будем гостить на пышной свадьбе земли с железом, деревни с фабричной трубой, крестьянина с рабочим...” Есть ли самому Клюеву место на этой свадьбе? Ответ — в названии самой статьи: “**Последний из могикиан**”.

Но это слово Фёдора Грошикова оказалось не последним. Через несколько лет он напишет посвящённое “последнему из могикиан” стихотворение “К родным истокам” уже совершенно в иной тональности, когда все идеологические претензии отступили в нети перед искренним восхищением клюевским поэтическим даром.

*Не презирай ловитву
За тяжкий груз грехов,
Читаю, как молитву,
Твой старый “Песнослов”.*

*Читаю и тоскую
О русском, о родном;
Я вижу — глубь какую
Ты зачерпнул стихом!
.....
Я знаю, скоро люди
Тебя полюбят вновь —
Прими, желанный Клюев,
Привет мой и любовь!*

Статью “Последний из могикиан” Клюев читал внимательно. О стихотворении “К родным истокам” так и не узнал. Грошиков отдал его в “Красную новь”, но оно так и осталось неопубликованным.

* * *

Там же, на вечере в Вольной философской ассоциации Штейнберг передал Клюеву привет от Есенина, с которым виделся в Москве. О похождениях имажинистов во главе с Есениным уже звон стоял по городам и весям. Николай буквально вцепился в Штейнберга: “Что Серёженька? Хулиганит? Сбил с пути? Продаёт, как баба, поэзию?” Штейнберг ничего не стал скрывать — рассказал и про “Стойло Пегаса”, и про имажинистские вечера, оканчивающиеся скандалами, и о том, как Есенин с приятелями расписывал Страстной монастырь четверостишиями, и как ходит гоголем в цилиндре по Москве — и сам чёрт ему не брат... У Клюева слёзы потекли по щекам. “Ох, Серёженька, Серёженька, подумать только, Рязанской земли человек, такой хорошей

земли!” Это “Рязанской земли человек” врезалось Штейнбергу в память на всю оставшуюся жизнь. А Клюев плакал о своём друге, что оторвался от почвы и погрузился в божественное городское болото.

Он вернулся в Вытегру, где до него дошло известие ещё об одном отреченце – Валерии Брюсове. Тот, благословивший своим предисловием его первую книгу “Сосен перезвон”, теперь кардинально пересматривает своё мнение. Писавший некогда “Огонь, одушевляющий поэзию Клюева, есть огонь религиозного сознания”, оценивший “Братские песни” как “редкий у нас образец подлинно религиозной поэзии” – Брюсов пишет о “Песнослов” в совершенно уничижительной интонации: “Пишущий эти строки приветствовал, в предисловии к ней, первую книгу Н. Клюева “Сосен перезвон”. Прошли годы; перед нами 1-ый том сочинений Клюева, но ожидания далеко не оправданы. Полу-крестьянин, полу-интеллигент, полу-начётчик, полу-раскольник, Николай Клюев не вышел из узкого круга своих наблюдений. Картинки северной природы, пересказы духовных книг, изредка – подражание частушкам, всё – пропитанное религиозным пафосом, в духе нашего раскола, вот – поэзия “Песнослава”... Стихи Н. Клюева переполнены мистическими настроениями и церковными образами... Всё это бесполезно, как научный материал, ибо вольно переложено, утомительно как стилизация, однообразно... По форме стихи Клюева застыли на образцах 90-х годов прошлого века...”

И всё это – даже не о втором томе “Песнослава”, а о первом, где напечатаны стихи “Сосен перезвона”, “Братских песен”, “Лесных былей” – некогда расхваленные Брюсовым. И как подтверждение своих уничижительных тезисов Брюсов приводит в пример стихи как раз из этих же разделов книги...

Клюев уже поначитался о себе многого. И то, что он “в неизмеримо большей степени является певцом былой статики, чем поступательной динамики мирового размаха”, и то, что он, “не довольствуясь душевной кастрацией... докатился и до физической – до фабрикации и восхваления “рожающих стокрылых сыновей и ангелов” – безудых мужей”... Но что с них взять, с убогих... А Брюсов – это совсем другой коленкор.

Не обидя поэтом овладела, а тяжкая дума – что же будут делать те, кто жаждет закопать его – “мистика”, “стилизатора”, “пересказчика”? С кем останутся?

*Меня хоронят, хоронят
Построчная тля, жуки
Навозные проворонят
Ледоход словесной реки!*

*Проглазуют моржа златого
В половодном разливе строк,
Где ловец — мужицкое слово
За добычей стремится челнок!*

А то, что Брюсов ищет в его стихах “пользы для научного материала” – что ж, туда ему и дорога!

*Погребают меня так рано
Тридцатилетним бородачом,
Засыпают книжным гуано
И брюсовским сюртуком.*

*Сгинь, поджарый! Моя одёжа —
Пестрядь нив и ржаной атлас.
Разорвалась тучами рожа,
Что пасла, как отары, нас.*

“Книжное гуано” – весь “научный подход”. И “брюсовский сюртук”, упомянутый ещё Андреем Белым в “Луге зелёном” (“Безумие, наглухо застёгнутое в сюртук – вот что такое Валерий Брюсов”) – того же рода... Самое уязвляющее в брюсовском отзыве – это “полу-крестьянин, полу-интеллигент, полу-начётчик, полу-раскольник”... Сразу вспомнилось: “Полу-милорд, полу-купец, по-

лу-мудрец, полу-невежда...” Этот намёк на пушкинскую эпиграмму Клюев просёк мгновенно. Нет, так играть с ним, написавшим “моя душа, как мох на кочке, пригрета пушкинской весной”, он никому не позволит! Пусть прежний наставник получит своё!

*Не с того ль из книжных улусов
Тянет прелью и кизяком?
“Песнослову” грозится Брюсов
Изнасилованным пером.*

И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять всю ангажированность брюсовского пируэта, в точном соответствии с новыми веяниями зазирающего “огонь религиозного сознания”. Отсюда и “изнасилованное перо”, которым водит брюсовская рука, но не брюсовская воля. А Клюев – он стоял и будет стоять на своём.

*Но ядрён мой рай и чудесен —
В чаще солнца рассветный гусь.
И бадью омуты песен
Расплескала поморка-Русь!*

... В мае 1921 года он снова приезжает в Петроград со сборником “Львиный хлеб”, который выйдет в издательстве “Наш путь”. Тогда же получил членский билет Всероссийского союза писателей. И, очевидно, тогда же познакомился с вышедшей в январе того же года книгой Есенина “Исповедь хулигана”.

* * *

Наверное, никакое более творение Есенина не произвело на Клюева столь тяжёлого впечатления, как эта “Исповедь”.

“Я нарочно иду нечѣсаным с головой, как керосиновая лампа на плечах. Ваших душ безлиственную осень мне нравится в потёмках освещать. Мне нравится, когда камень брани летят в меня, как град рыгающей грозы. Я только крепче жму тогда руками моих волос качнувшийся пузырь...” Клюев умел отражать каждый удар, причинявший ему боль, но никогда не мог сказать, что ему “нравятся камни брани”... И это “нравятся” ставило в его глазах Есенина в один ряд с литературной швалью, наслаждающейся так называемой “литературной борьбой”, то есть свалкой на уничтожение. Это “нравятся” звучало для него страшнее, чем любой личный выпад Есенина, “разлюбившего клюевский сказ”, в его, Клюева, адрес. Все нежные слова Есенина, обращённые к родному краю, в “Исповеди” перекрывались бранью “хулигана”, отвечающего на брань с мнящемся Клюеву наслаждением. И его собственные “злачѣные рожи” (“Ах, и солнышко отмыкало голос нив и бездорожий и земле в поминоку вытало золочѣные рожи...”) в контексте “Исповеди” обретали жуткий контраст в устах человека, потерявшего себя. “Стеля стихов злачѣные рожи, мне хочется вам нежное сказать. Спокойной ночи!” И эта нежность тут же по контрасту оборачивалась похабством: “Мне сегодня хочется очень из окошка луну обоссать...” И чем дальше, тем жутче рисовалась ему картина падения Серѣженьки: “Ну так что ж, что кажусь я циником, прицепившим к заднице фонарь!.. Я пришѣл, как суровый мастер, воспеть и прославить крыс...” А самое главное – внешнее изменение, неотрывное от внутреннего перерождения: “Самый лучший поэт”, жалеющий “бедных крестьян”, ходит “в цилиндре и лакированных башмаках...”

“Заземление” образа поэта в “Исповеди хулигана”, его снижение даже по сравнению с космической “антиклюевской” “Инонией” вызвало у Николая на “запредельном” контрасте воплощение образа поэта в “Четвёртом Риме”.

*Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках,
Предстану миру в песню одетым*

*С медвежьим солнцем в зрачках,
С потёмками хвой в бородище,
Где в случке с рысью рычит лесовик!
Я сплёл из слов, как закат, лаптище
Баякать чадо — столетий зык, —
В заклятой зыбке седые страхи,
Колдуньи — Дрёмы, горбун — Низги...
Моё лицо — ребёнок на плахе,
Свяtitель в гостях у бабы-яги.*

Это — запов к поэме, в которой поэт обретает вселенскую суть и стать — подобно протопопу Аввакуму на вторую неделю Великого Поста: "...Разпространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен, под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь..." И Клюев здесь не уступает Аввакуму, но "вся тварь" земная выпукла и вещественна, каждая — в своём бытии, и все они вместе — вмещены в плоть и слово Николая.

*О край золотых сенокосов и гумен!
О ткацкая радуг и вёсен лапта!
К тебе притекают искатели кладов —
Персты мои — пять забубённых парней,
И в рыжем полесье, у жил водопадов
Буравят пласты до алмазных ключей.*

.....
*Не хочу цилиндром и башмаками
Затыкать пробоицу в барке души!
Цвету я, как луг, избяными коньками,
Улыбкой озёр в песнозвонной тиши.
И верен я зыбке, плакучей родимой,
Могилушке маминой, лику гумна;
Зато, как щеглята, летят серафимы
К кормушке моей, где любовь и весна.
Зато на моём песнолиственном дубе
Бессмертия птица и стая веков,
Варить Непомерное в черепа сруб
Сошлись колдуны у заклятых котлов.
В котлах печень мира и сердца вязига,
Безумия перец, укроп тишины...
Как первенец ясный, столикая книга
Лежит на руках у родимой страны.*

Писавшие потом об этой поэме, вышедшей отдельным изданием, сводили весь её смысл к полемике с Есениным и имажинистами. Имажинистов Клюев вообще в упор не видел, и одно-единственное упоминание Мариенгофа в его стихах — лишь наглядное обозначение того кошмара, в которое, как думал Клюев, превратил свою жизнь Есенин. Но и "Исповедь хулигана" здесь была лишь первотолчком. По сути "Четвёртый Рим" — это финальный аккорд симфонии под названием "Львиный хлеб" — апология Востока и пророчество о неминуемом вселенском повороте, после которого и наступит Четвёртый Рим, ибо на этой земле, под этим небом, как было сказано в XVI веке: "...вся христианская царства приидоша в конец и снидошася воедино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть росеское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не бытии..." Если понять заключительные слова, как "дай Бог, чтобы четвёртого не было!", то речь идёт о грандиозном мировом катаклизме, который и воплощает Клюев в своей поэме:

*Котёл бессмертен, в поморьях щаных
Зарезет яхонт — Четвёртый Рим:*

*Ещё немного, и в новых странах
Мы жёлудь сердца Земле вручим.
В родных ладонях прозябнет дубом
Сердечный жёлудь, листва-зрачки...
Подарят саван заводским трубам
Великой Азии пески.
И сядет ворон на череп Стали —
Питомец праха, судьбы маяк...*

По существу, распутинская пляска, которую плясал Клюев “перед царским тронном”, о чём он далее повествует в поэме — “чтоб метлою пурги сибирской замести истории след”, — продолжается уже во вселенском масштабе, и рождение нового слова сопровождается рождением нового мира. “Не от песни ль пошёл вприсядку звонкодугий лихой Валдай, и забросил в кашную латку многострунный невод Китай? На улов тарашит Европа окровавленный жадный глаз. А в кесе у деда Антропа кудахчет павлиний сказ...” Железному Западу наступит конец, а благословенный Восток, куда скроется поэт, — незыблем, и оттуда вернётся песнотворец со стихами — “жемчугами Востока”, дабы сложить их “пред образом Руси”. Такова кульминация “Четвёртого Рима”.

Можно, конечно, вспомнить здесь статью Иванова-Разумника “Третий Рим” 1917 года, где критик “с новым правом” повторял “старую формулу XVI века”, относя её “к идее не автократии, а демократии, не самодержавия, а народодержавия... В папе, в патриархе, в царе выражалась идея “старого Рима”, “старого мира; в идее Интернационала выражается социальная идея демократии, идея мира нового”... Только естественнее и точнее было бы назвать предшественников Клюева, от которых он в данном случае явно отталкивается, его духовных отцов, пред ликом которых он в предчувствии всемирного крушения не боится впасть в очевидную ересь. “Иного же отступления уже нигде не будет: везде бо бысть, последняя Русь zde” (Аввакум). “Российское царство третий Рим и отсюду христианское благочестие в него едино собрася” (Никита Пустосвят). “Всё благочестие в твое государство едино царство собрася и третий Рим, благочестия ради, твое государство московское царство именоваша” (соловецкие старцы). Все эти свидетельства были сведены в книге уже упоминавшегося Ивана Кириллова “Третий Рим. Очерк исторической идеи русского мессианизма”, вышедшей в 1914 году и хорошо знакомой Клюеву.

Сам же поэт так объяснял смысл и суть “Четвёртого Рима” Николаю Архипову:

“Только в союзе с землёй благословенное любовью железо перестанет быть демоном, становясь слугой и страдающим братом человека. Это последняя песня — праведный строй и торжество рая.

Но кто слышит её? Учёный застёгивает сюртук и поэт затыкает уши книгой”.

(Последние три фразы — почти дословный пересказ заключительных строк стихотворения “На младенца-берёзку...” — С. К.)

“Истинная культура это жертвенник из земли. Колосья и гроздь винограда — жертва Авеля за освобождение мира от власти железа. Расплавятся все металлы и потекут, как реки. В этом последнем огне сгорит древний Змий... И вот уже ворон сидит на черепе стали”.

(Леденящая кровь картина технократического апокалипсиса. — С. К.)

“Через ледяное горло полюся всех нас отрыгнёт земля в кошель доброго Деда. Вот тут-то: “Ау, Николенька, милый!”

(Невозможно сразу не узнать грядущую картину нового ледникового периода и нового потепления. — С. К.)

“Возвращение Жениха совершается вечно. Оно станет и моим делом за мою любовь к возлюбленному, как к сердцу мира.

Что ищете живого с мёртвыми?

Воскрес Авель, и железо стало гроздью и колосьями”.

Конечно, в суть поэмы, как объяснял её Клюев, никто из современников проникнуть не мог.

Надежда Павлович в “Книге и Революции” оценила “Четвёртый Рим” со всей отчётливостью: “За песни его об этой тёмной лесной стихии мы должны быть Клюеву благодарны: врага нужно знать и смотреть ему прямо в лицо”. Подобных определений к Клюеву до сей поры не применялось, но в дальней-

шем всё чаще и чаще о нём будут писать в тоне, заданном Павлович, будущей “православной поэтессы”. Были, впрочем, и те, кто не утруждал себя глупостями в плане — почему Есенин ходит в лаковых башмаках, а Клюев в лаптях — а оценили “Четвёртый Рим” в самых высоких словесах. Старый знакомый, артист и режиссёр Виктор Шимановский писал Клюеву:

“Дорогой Николай! У меня в руках единственная, небывалая книжка, небольшая, тонкая, белая, даже как будто излишне “изящная” на вид — “Четвёртый Рим”.

Тайна, тайна в ней, какая-то обнажённая невероятная тайна. Слово жизни, слово о жизни...

А может быть, сама жизнь?

... Читаю её, перечитываю, нет, даже не так: вслушиваюсь, впиваюсь или сам пою. Не знаю.

Но только это не обычное чтение. Что-то другое.

Да что говорить.

Только бедные, унылые люди не чувствуют эту невиданную книжку.

И, не чувствуя её, они не остаются равнодушными, но, страшись силы, в ней заключённой, они ненавидят её, как ненавидят стихию, как ненавидят Россию, как ненавидят Любовь и распинающую и распятую...

Если б создать такой же необычайный, как сама поэма, инструмент, какая бы потрясающая симфония самумов и ураганов сорвалась бы с этих тонких, белых, чересчур нежных страничек этой маленькой книжки...

Это уже не литература!..

В “Вольфиле” поэма не понята. Говорилась всякая чушь. Кажется, только Разумник Вас(ильевич) отстаивал, да ещё кое-кто...

Разумник Васильевич спел восторженный гимн силе Клюева: “... Не Сталь победит мир... а духовный взрыв приведёт к Четвёртому Риму: в силу “стальных машин, где дышит интеграл” не верит *мужицкий* поэт... Самонадеян захват поэмы; но Клюев — имеет право на самонадеянность: сила! Техник стиха его недаром восторгался Андрей Белый; но недаром он и боялся того духа, который сквозит за “жемчугами Востока” стихов Клюева... Торжественной песнью плоти является вся первая часть “Четвёртого Рима”.

...После этой “песни плоти” могло создаться впечатление, что диалог Есенина и Клюева завершён на более или менее продолжительный период. Но ещё не подошёл к концу ноябрь 1921 года — и сразу после “Рима” Клюев пишет “Мать-Субботу”, где сей диалог получил своё продолжение — подспудное, бытийное, на тончайших творческих энергиях.

В основе этого диалога лежит слово Христа: “Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец Ваш небесный питает их. Вы не гораздо лучше ли их?” А перед этим было: “Душа не больше ли пищи и тело одежды?”

Многие вспоминали эти слова в пору лютого голода, те, у кого душа уже не обладала той крепостью, чтобы переносить муку без жалоб. У самого Клюева вырывалось в отчаянии:

*Родина, я умираю —
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач-засов на дверях.*

*Где изба — пеклеванный шолом,
Толоконная городьба!..
Сарафанным алым подолом
Обернулась небес губа.*

Клюев, для которого небесное сосредотачивалось в земном, а земное — в небесном, впадал в иступление от необратимого разрыва двух ипостасей в реальности — для него нестерпима была сама мысль, что “не откроет куриная лапка алмазных врат коммун, перед ними не вымолят корки за сусальный пряничный стих...” “Пряничным стихом”, настоящим на хлебной опаре, писалась “Мать-Суббота”.

А в это время Есенин... Но тут лучше обратиться к книгам ныне забытого писателя Сергея Патрашкина, писавшего под псевдонимом “Григорьев”. Вот

описание с натуры встречи автора, Есенина и Кусикова в мастерской Сергея Коненкова. В разговоре принимают участие друг Коненкова Григорий Александрович и его жена.

“Есенин (блажен: он некогда насытится): “А как же землю удобряют и коровьим, и лошадиным, а хлеб растёт, и мы его едим”. Гр. А.: “Навоз тронь рукой, обожжёт. В нём огонь”. Она: “Хлеб затем и растёт. На самой вершинке колос”. Кусиков: “А картошка?” Она: “Картошку, старые люди говорили, и есть грешно”. Гр. А.: “Чёртовы, слышь, яйца”. Кусиков: “А вот Есенин говорит, что и хлеб грешно есть. Серёжа – ну-ка, “Песнь о хлебе”. (Есенин читает эстрадно, вдохновенно и даже жутко): “Вот тогда-то входит яд белесый в жбан желудка яйца злобы класть...” Гр. А. (после деликатной паузы): “Ты, Серёжа, хочешь, чтобы птица не пила, не ела, да пела”. Кусиков (галантно к Ней): “А как вам понравилось?” Она (по существу): “Ученики-то срывали колоса в субботу. А он сказал – ничего в субботу нельзя делать, а хлеб жать можно. Какой ни будь праздник в жнитво!..”

“Молчу и рассуждаю, – продолжает Григорьев. – Есенин каждый день обедает и чай с белым хлебом – а голод, какого мир не видел (на самом деле белый хлеб и другие кушанья у “экономки”-спекулянтки чередовались с промёрзшей кониной в оставшихся забегаловках. – **С. К.**). Вот только девятнадцать столетий назад что Евангелие, как не Песнь Великого Голода? Поэзия Есенина – крик совести: оправдайся. И оправдался: я, мимолётный гость ваш – то же самое оправдание, что и в Евангелии. Вот моё оправдание – песнь о хлебе”.

Именно “Песни о хлебе” Григорьев посвятил самые проникновенные страницы другой своей книги “Пророки и предтечи последнего завета”, посвящённой поэзии имагинистов.

“От недорода, от недоедания, от бесконечного недовольства у нас развилось **недоволие** до особой, проявленной взрывом войны, массовой душевной болезни: **мы не доносим ложку до рта...** Я слышу возражение: “Ещё как донесём, только давай!” Ну, разумеется, Есенин – парень не промах. И “мимо ложки рта не пронесёт”. Однако, послушайте его попристальной, и вам, может быть, станет понятней его душевный голод, его неуверенная (недавно), хотя и задорная рысь на тонких ногах жеребёнка... Мы, пасынки революции, наши дети рылись в помойках, рядом с собаками, чтобы найти оглодок корки хлеба. Поистине, едим наш хлеб с кровью! Те, кто в политике были крайними последниками “безубойного питания”, те кушают хлеб с кровью поневоле. Ибо во имя спасения культуры ценою крови добывается хлеб. Пусть сгинет она и культура эта. Нельзя! Причастниками великой Евхаристии стали даже те, кто прятался от шрапнелей революции в погребках вместе с мешком крупчатки. **Тело и кровь** под видом хлеба и вина...”

Здесь достигает своего предела переосмысление Евангелия, перевёртывание его смысла в обращении писателя, наряду с “Песнью о хлебе”, к “Инонии”: “Голод преображает. Прощённый грех Есенина – изблевание тела Христова, имеет своё натуралистическое объяснение и оправдание... Духовный голод должен достичь своего наивысшего напряжения, чтобы отвергнуть пищу... Ужас приобщения телом и кровью, хотя бы под видом хлеба и вина, я живо ощутил в 1917 г., когда писал пред октябрём свою “Казарму”... Пророк Есенин открыл мне теперь общее в этом чувстве, и я думаю иногда о “христианах” и церкви: как им, в самом деле, “не страшно”, когда дьякон гласит: Со страхом Божиим и верою приступите!.. Третий гнева исполненный Спас смотрит сквозь зарево кощунных слов. Дух ведёт Есенина в град Инонию, где живёт “Божество живых”. Думаю, что грех Есенина прощённый, и не весь он в погребели. Шагнув широким шагом прямо с горы Фавор в сад Гефсимании, поэт уже не властен выбирать себе судьбу... Причащая голодного Спаса мужицкой вытью, пророк Есенин по библии, но отнюдь не по евангелию заключает новый договор с Богом. Новый Израиль, богоборец жалостью, подобно Аврааму протягивает к Богу, нищему на росстани мира “гостию”. Вот за то и прощено будет Есенину изблевание тела Христова, что он подал Богу в трудные для Него дни хотя бы не ради Христа, а ради Волоокого Спаса милостыню... Ещё не скоро мы вкусим хлеба со спокойной совестью!..”

Всё это читал Клюев – и есенинская “Песнь о хлебе” была воспринята им, как возвращение в первозданный хаос. Но засело внутри – “грех Есенина прощённый и не весь он в погребели...” Другое дело, что у самого Клюева ков-

рига, восходящая на божественной опаре, не плоть, предназначенная для “жбана желудка”, “не яйца злобы”, а творение “ангела простых человеческих дел”, что “хлебным тельням дал тук и предел” и, “вскипев урожаем в персях земли”, освятил великое изделие для трапезы.

“Песнь о хлебе” Есенина — первобытный крик человеческого существа, крик, в котором — боль на разрыв.

*Наше поле издавна знакомо
С августовской рожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как жёлтый труп.*

*На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп-овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.*

*А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.*

*Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть.
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.*

.....
*Все побои ржи в припёк окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он, вкушающим соломенное мясо,
Отравляет жернова кишок.*

На наших глазах свершается убийство. Без покаяния и отпевания. У Клюева же в “Анти-песни о хлебе” — “Матери-Субботе” — творится священнодействие, в котором нет места “катафалкам”, гарканью и соломенному мясу. Творится именно священная жертва.

Предуготовляется воскрешение духа во плоти — в ковриге. Пред действием наступает священная тишина, как в ночь перед Воскресеньем. В действе принимают участие все покровители нивы и жнитвы.

*Что до того, если дедов кошель —
Луг, где Егорий играет в свирель,
Сивых, соловых, буланных, гнедых
Поят с ладоней соборы святых:
Фрол и Медост, Пантелеймон, Илья —
Чин избяной, луговая семья.*

Поэма вся выстроена по “нарастающей звуковой”. Шёпот “ангела простых человеческих дел” и ответное бульканье “гусыни-бадьи” и бубнение мухи, когда изба начинает оживать, каждый одухотворённый предмет обихода наводит чистоту в преддверии хлебной Евхаристии — ещё не нарушают благоговейной тишины, когда “дремлет изба, как матёрый мошник”... И в этой тишине начинается совершаться мистическое действие: “Бабкины пальцы — Иван Калита — смерти грозятся, узорят молву, в дебрях суслонных возводят Москву...” Начинается возведение “Четвёртого Рима” — мать городов русских заново возводится бабьим оберегом и словом поэта... С этого мгновения беззвучный звук, неслышимый обычному слуху, усиливается с каждым движением обихода и Божьей твари. Если до этого восклицание принадлежало лишь ангелу простых человеческих дел, то теперь восклицающая нота исходит из Красного угла, и с ним сливается своё восклицание принимающий участие в мистерии поэт.

*Слышите ль, братья, поддонный трезвон —
Отчие зовы запечных икон?!
Кони Ильи, Одигитрии плат,
Крылья Софии, Попрание врат,
Дух и Невеста, Царица предста
В колесе житном отверзли уста!*

И начинается самое главное. “Сладостно цепу из житных грудей пить молоко первопутка белей, зубы вонзать в невестную плоть — в темя снопа, где пирует Господь...” Перед нами в буквальном смысле акт физиологического наслаждения, предшествующий возжиганию в печи священного огня, что “прочит... за невесту калым”. Ощущение происходящего как священнодействия вызывает в памяти крещение младенца Николая в квашонке и согревания его в русской печи во время обряда “перепечения”... Так рождение хлеба сопрягается с рождением поэта. Тихое парение серафимов над печью “разжигает” действие, переходящее в “брачную пляску”, что косвенно напоминает об элевзинских таинствах... Но у Клюева эта пляска памятной нитью неразрывно связана с хлыстовским радением.

*Брачная пляска — полёт корабля
В лунь и агат, где Христова земля.
Море житейское — чёрный агат
Плещет стихами от яростных пят.
Духостихи — золоторогов стада,
Их по удоям не счесть никогда,
Только следы да сиянье рогов
Ловят тенёта захватистых слов.
Духостихи отдают молоко
Мальцам безудным, что пляшут легко.
Мельхиседек и Креститель Иван
Песеннорогий блюдут караван.*

Мельхиседек и Креститель Иван — предшественники Христа. И следующая, уже полнозвучная, наполняющая всё пространство поэмы сцена соития во имя рождения поэта — приводит к мысли о рождении грядущего Мессии. А впереди — новое воскрешение Иисуса, “пеклеванного Иисуса”.

*Ты уснул, пшеничноликий,
В васильковых пеленах...
Потным платом Вероники
Потянуло от рубах.*

*Блинный сад благоуханен...
Мы идём чрез времена,
Чтоб изведать в новой Кане
Огнепального вина.*

Смысл своей поэмы Клюев, как и в случае с “Четвёртым Римом”, разъяснял Николаю Архипову, и это разъяснение снова напоминало об отвергнутом Церковью учении Оригена.

“Мистерия избы — Голубая Суббота, заклание Агнца и урочное Его воскресение. Коврига — Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным.

Рождество хлеба, его заклание, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей “Голубой Субботе”.

(“Голубая Суббота” — первоначальное название поэмы, свидетельствующее о Свете Фаворском, осеняющем мистирию. — С. К.)

Причащение Космическим Христом через видимый хлеб — сердце этой поэмы.

Человек-пахарь, немногим умалённый от ангелов, испупит ржаной кровью мир. Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глыбы земной, пахарь

целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и дьявола, обручая их перстнем бесконечного прощения...

... Уже в августе 1922 года, снова приехав в Петроград, он опять выступал на заседании Вольной философской ассоциации, на котором присутствовали и молодые писатели, сравнительно недавно объединившиеся в группу "Серапионовы братья".

Живописное воплощение этого чтения Ольгой Форш позволяет увидеть – как именно "поняли" Клюева присутствующие.

"Читая, Микула разъярился. Космы отросших волос ему прянули на глаза. Он сквозь космы сверлил голубыми, пьяными от лирных волнений, и сверкающими, и гаснущими от вспенённых чувств взорами. Порой – как одержимый элевзинским таинством, помавая тирсом, воскликнет вдруг "эвоз!" – он взрывал мощным голосом... Прославлена от земли в зенит вертикаль. И она – мать, рождающая самосильно.

Никогда, может быть, не было такого возвеличения начала женского, идеи женской – церковью, философией, бытом хитро сведённой к метафизическому и всякому "приложению" мужчины. В этой мужицкой, хлыстовской, глубоко русской концепции впервые женщина возносилась в *единицу* самостоятельной ценности как мать. Прочее всё – дама, роза, мистика, дева – отметаётся как баловство.

Вскрывались внезапно и находили оправдание глубины народные, даже то, что казалось бессмыслицей и похабством. И вдруг подумалось – быть может, бессознательной тягой к лону матери, тягой к тёмному, уберегающему материнскому охранению и досадой, что его уже нет, объясняется происхождение всего ужасающего, единственного в мире российского мата.

Окончил Микула стихи свои плача".

Таким было "видение" поэмы Ольгой Форш. С молодых литературных дикарей и взять-то особо было нечего.

"Молодые, кто здесь, кто там, смотрели внимательно, вежливо, и глаза их были сухи.

Они заговорили по очереди. Они отлично поняли и оценили силу стиха, богатство образов, узор языка, но им было всё равно. Они кондовую мощь Микулы восприняли со стороны, как иностранцы... Весь пафос Микулы, который целиком зачался, рос и ветвился славянской вязью, был для них таким же прошлым, каким земля на китах... Прошлое было им, как цыплятам в инкубаторе скорлупа, из которой скорей надо было выторкнуться.

Но зато Микуле он и разъяснили его всеми методами, напоследок формальными".

Подобное отношение к "Микуле" можно сплошь и рядом встретить и ныне. "Разъясняющих" хватает. А тогда – тогда Николай мог произнести одну единственную фразу, запомненную Ольгой Форш:

– Пойти бы куда... дух томится.

И плач его был не только от своей поэмы. Он не мог не понимать – как резко начали редеть ряды тех, кто при всём отталкивании, при всей "самости", при всём последующем отторжении – некогда согревал его в духе, находил для него нужные слова. Уже не было Блока, скончавшегося в страшных мучениях, не было Гумилёва, расстрелянного за "участие в контрреволюционном заговоре". Между эпохами ложилась непреходимая черта. Наступала новая, тяжёлая, неудобная жизнь, которая грозилась неведомым и внушала страх, какого не испытывал Николай в самые тяжёлые дни голода, гражданской войны, "красного" и "белого" террора.

Оставался Иванов-Разумник. И – каков бы он ни стал – Серёженька, от которого получил Николай душевное письмецо.

"Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать всё, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь. Когда увидимся, будет легче и приятней выразить всё это без письма.

Целую тебя и жму твою руку".

Наверно, ничто не могло так обрадовать Николая в те дни, как это послание. Радость ещё была и в том, что наконец-то он мог высказать всё, что накопилось в душе, отдалившемуся "брату". Он чувствовал, что и ему самому, и Есенину это необходимо.

(Продолжение следует)

ЮРИЙ МАКСИН

ОДНАЖДЫ

Однажды в смертельной метели
решил я продолжить свой путь.
А мимо машины летели,
не в силах уже тормознуть.

За чем вы спешите, родные?!
Печально. Куда ни пойду,
не тройки летят удалые —
машины в угарном чаду.

Что двигало мною, не знаю.
Но что-то порвалось навек.
Наверное, в поисках рая
уходит в метель человек.

Всё дальше — от резкого света,
от шума, от всей суеты,
не зная, но чуя, что где-то
к любви не сгорели мосты.

Не надо — шальной карусели!..
Метель успокоилась вдруг.
Машины, как пули, летели.
Снежинки летели, как пух...

Летели... Летели...
Снежинки летели, как пух...

ДРУГИЕ ГОРОДА

Я бывал в городах, незнакомых совсем.
Я бывал в городах, возведённых во сне.
В тех старинных, почти деревянных —
избяных, слюдяных, филигранных.

Кто сплетал кружева этих улиц, мостов?!
Я их трогал руками, был плакать готов.
Так всё крепко, надежно и пахнет судьбой
не украденной, не подменённой — родной.

Слобода кузнецов, слобода рыбарей...
Лента башен и стен, и княгиня на ней,
осиянная светом, как Божия Мать,
ей далёко видать и далёко сиять.

Я бывал в городах, я бродил невидим,
словно тень, словно тать, а хотел быть своим.
Я кричал и метался во снах, как в бреду,
думал, снова дороги сюда не найду...

Мне в тяжелые дни, чтобы петь, чтобы жить,
посылает судьба путеводную нить —
чтоб, восстав ото сна, я и верил и знал —
это в русском раю я во снах побывал.

г. Устюжна

ЛЕОНИД ГУРЧЕНКО

ПУСТЫННОЖИТЕЛИ

Леденящая
синева октября,
под ветром солнечного света
волнуется жёлтая зелень деревьев —
плач журавлей несут скорбные крылья.

Настоящая
перелёта волна
плывёт за волною подряд.
И растеклась у всех в глазах
подземным океаном потопного крика.

Но с ветром,
величая землю плачем,
дождались собратьев, разбились
на клинья.

Из Белоруссии —
так женщина усилила
смятение моё —
летят.

Чтобы проснулись мы,
летят и кричат: два жезла силы добыли
словене и кривичи —
русский меч и русский крест,
стяжали славян себе
под русский стяг.

ЕЛЕНА МУКОВОЗОВА

ВЫ ЗНАЛИ ТОЛК В РАБОТЕ И В БОЮ

На кладбище забытых кораблей
В песок уткнулись их тела стальные —
В былые дни хозяева морей:
Торпедный катер, сейнерок, иные.

Давно не слышно рокота винтов.
Тех кораблей истерзанные туши —
Как стадо обезумевших китов,
Что в одночасье бросилось на сушу.

Лишь стаи птиц хозяйничают там,
Да ветерок посвистывает в трюмах,
И ржавчиной покрытые борта
Глядят на солнце тускло и угрюмо.

Вы знали толк в работе и в бою —
Морские работяги и солдаты.
На берегу притихшая стою,
Как будто перед ними виновата...

г. Владивосток

ПЁТР ГЕРАСИМОВ

НЕПОГОДА

Две недели в плену у дождей и ветров.
Хлещут в стекла косые, холодные струи.
За стеною гудят тополиные струны,
И напев их и страшен, и буйно-суров...

Пляшут в группке кровавых огней языки,
И с того по избе расплывается нега...
Я живу в роли белого, доброго негра...
Как и все в деревеньке моей мужики...

Путь наш короток: лес, огород и река;
Иногда вырываемся в сёла да в город.
А встречаясь друг с другом, стоим в разговорах
Или где-то сидим на плешине пенька...

А теперь вот сидим в заточеньи дождей,
В окружении ветров, гудящих в деревьях.
Очень мало осталось нас в малых деревнях,
Стариков-доходяг и старух-ворожей...

Мы живём, не торопимся: некуда мчаться,
Да и ждать уже некого, — всех пережили...
Мы России Великой бойцы-старожилы,
Нам привычно любые невзгоды встречать...

За стеной и в трубе непогода гудит.
Так и в жизни гудела всю жизнь непогода...
Бережёт нас красивой отрады природа,
И луна неотступно за нами глядит...

*Тамбовская область,
д. Марьино*

ВИКТОР ПАСТУХОВ

СПИРАЛЬ

В суждениях своих мы совпадаем редко,
не зная наперёд, где правда, где обман.
Он говорит — судьба, ты говоришь — рулетка,
а я хочу понять, кто крутит барабан.

Доходит человек до крайности, бедняга,
меняя кривизну и фокусы зеркал.
Он говорит — беда, ты утверждаешь — благо,
а я пока в себе ответ не отыскал.

И копий, и щитов искрошено немало,
но время до сих пор не сбросило вуаль.
Ты говоришь — конец, он говорит — начало,
а мне важнее знать, куда ведёт спираль.

г. Владивосток

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

* * *

Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.

Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.

Я до сих пор кричу от немоты:
“Ужель была неправедною ты?”

Ужели ты, пропавшая страна,
Была так непригожа и срамна?

Ну почему тебя не заслонил,
Да с чем я жил, да где я раньше был?”

Я просыпаюсь, до утра курю,
В сырую тьму печально говорю:

“Любимая моя, подай же весть!”
И мне с небес доносится:
“Я здесь...”

г. Кемерово

ВИКТОР ПРОХОРОВ

ДОМОЙ

Ну, вот и всё — закончилась война.
Наш эшелон готовится к погрузке.
Последний спирт из фляг сливаем в кружки
И молча боль и горечь пьём до дна.
Прощай и будь ты проклята, война.

Не близок путь, отмерянный судьбой,
На плёсы детства у плакучей ивы,
Где молят Бога, чтоб остались живы
И поскорей вернулись в дом родной
Мальчишки, опалённые войной.

В полях России ранняя весна,
И мирно небо звёздное искрится.
Но тех, кому не суждено забыться,
Ещё не раз напомнит нам война —
Потом, когда наступит тишина.

Домой — весёлый стук колёс,
Домой — под тень родных берёз.
В душе, израненной войной,
Одно желание — домой.

* * *

Сугробов белизна, капли шорох,
Морозные узоры на стекле
И отчий дом, что издали так дорог,
Он снился мне ночами в Ханкале.
Я видел мать, тепло её объятий
Вдыхал с теплом протопленной избы,
И грозно старый кот шипел с полатей,
Не уступая места без борьбы.
На кухне, обжигаясь крепким чаем,
Степенно толковали мужики
О том, что будут нынче с урожаем,
И удались покосы у реки.
Спасаясь от саднящей в сердце боли,
Впервые не стыдясь горячих слёз —
Я шёл туда, где хлебом пахло поле,
Рукой касаясь белизны берёз.
Уткнув носы в железо автомата,
Мальчишки улыбаются во сне...
Благослови, Всевышний, сон солдата
В короткой передышке на войне.

НИКОЛАЙ ФАЛЬКО

БЫТЬ ДОБРУ!

Трепещут всюду флаги на ветру,
Войны всё дальше горести и беды.
Бушует мой сегодня День Победы.
Отец, ну где же тост твой: “Быть добру!”

Застыли твои руки на груди.
Горит свеча. Вокруг родные лица.
И я кричу: “Отец, не уходи!
Послушай, как поют сегодня птицы...”

Ты видел, как земля горит в огне,
Ты прошагал по ней такие дали...
И я держу, как память о тебе,
Вот эти потемневшие медали.

Сгорает молчаливая свеча,
И твой стакан накрыт кусочком хлеба.
Отец, ну посмотри же на внучат
И на большое солнечное небо.

Как непривычно тихо поутру,
Твоих шагов не слышно в коридоре,
И всё ещё никак не веря в горе,
Я жду — вот-вот услышу: “Быть добру!”

МОЯ МОСКВА

Позабыты песни все застольные,
Слышен дискотеки рев шальной.
Что с тобой, моя первопрестольная?
Почему ты стала мне чужой?

Чистые пруды, почта, Мясницкая...
Я иду, как странник, не спеша.
О, Москва, святая и бандитская!
Где твоя исконная душа?

Я не слышу говора московского,
Всюду — баксы, бары, казино...
Вспоминаю с грустью Гиляровского,
Жившего вот здесь давным-давно.

Нынче злобный бес всюду куражится,
Вот ещё “сел” кто-то на иглу.
Боже! Что случилось с нами? Кажется,
Привыкаем к смерти мы и злу.

Стоны матерей повсюду слышатся,
Не зовут на праздники гостей.
Задыхаюсь я, мне трудно дышится
Воздухом обмана и страстей.

Эх, махнуть бы за кордон и заново
Жизнь начать! Но нет родней земли,
Где поёт про валенки Русланова,
И летят над полем журавли.

г. Москва

ВИОЛА ПОТАПОВА

* * *

“Нам дым Отечества так сладок...” Этот дым
Как облако в прозрачном майском небе.
Как вздох над пепелищем дорогим,
Где рухнул дом родной, огнём изъеден.

Как облако зелёной тишины
Над городом шумов окаменелых,
Как слёзы непрощаемой вины
Души, когда-то выброшенной телом.

Как дым лесов, снедаемых огнём
Сердец нечистых и ненасытимых,
Как дым крестов сожжённых и знамён —
Как боль веков над миром нелюдимым.

И этот дым стал воздухом моим,
Но пусть он для чужого станет ядом!
“Нам дым Отечества...”. Пусть даже только дым...
Коль в мире места нет другим усладам.

ЯРОСТЬ

Я вижу врага. Среди мирных фасадов
Нет-нет да мелькнёт его алчная пасть.
Он видит меня. Но огня моих взглядов
Ему недостаточно, чтобы пропасть.

Так мирно вокруг. И щебечется птицам.
Никто не стреляет. Не гонит коней.
Лишь я вся горю в ледяной сукровице
Застывшей улыбкой мерцающих дней.

И ярость мне тело наскозь прожигает.
Нет слёз. Там, где сердце — лишь скрежет и дым.
Иду — под ногами трава высыхает.
И скомкано небо дыханьем моим.

Мне рук не протянут. И смотрят со страхом.
И против меня — водопады речей.
От строчек моих выгорает бумага,
А следом сгорает поверхность вещей.

Мой мир, я уйду, чтоб тебе стало легче.
Мне слишком тепло, чтобы греться в толпе.
Вот только б с врагами обняться покрепче —
Сгорим. Чтобы стало теплее — тебе.

ПОД МОСКВОЙ

Они подступают всю ближе и ближе —
Всем телом, всей кровью я слышу шаги...
Удар за ударом... На сердце я слышу —
По самому сердцу шагают враги.

И дух захватило. И члены сковало...
Но глубже и глубже прорвётся чужой.
Удар за ударом... И этого мало —
Мечтают мне сердце размазать ногой!

Но кровь закричит: это всё уже было
У красных последних отчаянных стен —
В тех стенах была небывалая сила —
За гранью размягших разодранных вен...

И так — я не знаю — но все поднимались.
Вставали там все — у последней черты.
Стояли мы — как
Никому
Не стоялось.

г. Барнаул

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

Президент Республики Беларусь

НАРОД ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Из стенограммы встречи с руководителями российских СМИ

I. Об отношениях с Россией

...Мы, как между молотом и наковальней — между Россией оказались и Европейским союзом: и те нас “душат”, и эти нас “давят”. Ну, понятно, наша судьба такая, мы на перекрестке, географический центр Европы у нас. Но мы не хотим быть какой-то, знаете, разделительной полосой. Мы хотим, чтобы к нам нормально относились. И мы будем эти отношения выстраивать, не поворачивая ни на Запад, ни на Север, ни на Юг, ни на Восток. Мы вот здесь, вот наша земля.

...В России полагают, что Лукашенко заигрывал с Западом или чуть ли на Запад развернулся. Я говорю: какая чушь... Я ведь понимаю и в канун выборов, за несколько дней, сказал, что на Западе я абсолютно никому не нужен. Я идеологически для них чужой человек, они никогда меня там не примут. Я не могу их “песню” спеть... Но сегодня у нас товарооборот с Западом 48 процентов, с Россией — 45. Я это игнорировать не могу. Мы сегодня взаиморасчеты осуществляем в долларах и евро даже с Россией. Мы просили россиян: “Слушайте, давайте на российский рубль перейдем. Ну чего мы торгуем через “американца” с россиянами? Давайте мы будем у вас зарабатывать российский рубль. И этим поднимется авторитет. Вы же хотите региональной валютой сделать российский рубль. Давайте с этого начнем — будем взаиморасчеты производить в российских рублях”. Ну и что? Кудрин говорит: “Нет, в долларах”. Мы очень много теряем на этом, конвертируя российский рубль в доллар. Мы бы заработали российский рубль и рассчитались. Но в основном мы торгуем через евро, доллар. То, чего у нас нет, есть в России. Не говоря об историческом прошлом, о менталитете, о том, что мы русские люди все. Так какой идиот, будучи президентом здесь, сможет повернуть страну спиной к тому, что тебе нужно?!

...Есть какие-то настороженности, есть другие какие-то причины. Поэтому идет торможение строительства Союзного государства. Но это святое, мы всё равно к этому придем. И я очень часто об этом говорю: “Только жаль, что, наверное, не мы, а кто-то другой. А могли бы и мы. И неплохо бы было”. Что, вы верите в эти рассуждения, что белорус — это нахлебник, не умеет работать и так далее?!

...Зачем Беларуси армия? Вот я, Главнокомандующий, задаю вопрос: зачем она нам? Мы что, защититься в одиночку сможем, если против нас нач-

нут войну? Нет. Мы что, если вдруг агрессорами станем, вот диктатор сидит здесь, завтра воевать начнет, мы что, какую-то страну сможем захватить, даже малую Эстонию (Литву, Латвию), она же под НАТО сегодня? Нет. Так я это знаю лучше всех. Тогда зачем нам эта армия?! Мы сегодня 75 тысяч человек одеваем, кормим, обуваем. И российские военные, и натовцы — я читаю их отдельные “опусы” и писанину — они отмечают, натовцы, недавно я обзор читал: “Самая боеспособная и подготовленная армия на постсоветском пространстве Восточной Европы — это белорусская”. У нас самая современная система ПВО. Мы ее создавали, мы ее сберегли и приумножили. Скажите, пожалуйста, эти я вам риторический вопрос задам: а если не было бы белорусской армии, не было этого щита, как бы чувствовала себя Россия, и во что бы это обошлось? Мы как-то посчитали, когда нас начали упрекать, что мы — гиря на ногах, что мы тут, знаете, проедаем Россию и так далее. Ведь за Москвой здесь, на западе, ничего же, кроме нас, нет у России. Это же действительно так. Я не буду перечислять аэродромы и сколько самолетов у россиян, и так далее, нет. Мы выполняем эту функцию, мы создали региональную группировку сил. И то под моим давлением. Ельцин никак не шел. Это мы с Путиным договорились и создали эту региональную группировку. И с Медведевым, надо отдать должное, мы даже учения уже совместные провели, когда армии белорусские и российские участвовали как единое целое, и натовцы возбудились, когда мы учения проводили на Балтике, в Беларуси, Ашулуке (Астраханская область), Московском военном округе. Всё было поднято в самые сложные времена. Это были супермассовые учения. Это была отработка единых действий. Так кому эта армия нужна — вопрос. Ответ понятен. И я сегодня сподвигаю власти России, Президента России: “Вы посмотрите, у нас проблема здесь и здесь (есть небольшие проблемы), давайте их закроем современным российским оружием”. — “Да, это правильно, это надо сделать”. Три года сделать не можем!

Помогите нам. Нам модернизировать надо ПВО. Знаете, дело даже не в деньгах. Многие комплектующие для систем ПВО, это же машины в основном, производятся в России. Нам говорят: “Ну, вы покупайте, у нас рыночная экономика”. Так я говорю: “Ребята, мне вас защищать, и еще у вас автоматы купить, для того чтобы вас защищать?!” Это цитата, я так говорю. Но мы это делаем. Это в доказательство того, что мы несем... Я не говорю о базах российских, за которые мы ничего не получаем. И мы же их и закрыть не можем, и взорвать не можем (база о предупреждении ракетного нападения). Потому что это — безопасность наших братьев. И если бы я это сделал, то как бы русский человек на это отреагировал, если бы я взял и сказал, что, знаете, не платите, так закроем завтра?! Когда у вас при Чубайсе было веерное отключение электроэнергии, нам было нелегко, у нас тоже не хватало, но не пострадал ни один российский военный (а там их единицы, в основном там белорусы служат, на этих базах, и служат без претензий, россияне никогда претензий мне за это не предъявляли), мы ни одну базу не отключили. А вы отключали в России, потому что у вас электроэнергия не хватало. И мы это делали за свой счет. То есть мы ведем себя партнерски... плохое слово... мы просто ведем себя, как в едином государстве, боля за вас и за себя. Моя расхожая фраза. Я им по-человечески говорю, западникам, еще кому-то, кто меня критикует и внутри Беларуси: “Вы знаете, ну не могут танки через Беларусь пройти спокойно на Москву. У нас свое государство, иногда у нас искрит, но не могут”.

Я думаю, что это немало стоит. И это надо ценить. И сегодня американцы дают Лукашенко не потому, что он — диктатор, как они говорят, что демократии нет. Почему в Саудовской Аравии никто никого не давит?! Почему не давят, там же ой какая диктатура, да и в других государствах, а здесь давят?! Политика!

Меня бесит, когда вы говорите... Путин недавно сказал: “Вот мы идем на субсидирование экономики Беларуси. Наша беспощинная нефть и так далее — субсидии”. Я как бы отреагировал: если вам Единое экономическое пространство во вред и Таможенный союз, а это в рамках Единого экономического пространства, так вы не делаете это... То есть он говорит одно: благо — беспощинная нефть, но он не говорит другое, что мы субсидируем каждого россиянина, продавая за полцены продукцию, и не только сельского хозяйства, в Российскую Федерацию.

...Ваши сахаропроизводители приходят в Правительство, лоббисты, и говорят: “Ну вы посмотрите, демпингуют белорусы. Они сахар нам привозят в полцены нашего, поэтому мы не можем продать”. Так вы конкурируйте, у нас же Единое пространство. И потом, у вас что, не такие заводы, как у нас? Не такие, потому что мы модернизировали свои. А вы приватизировали, и деньги, вместо модернизации, в карман складывали, а потом пришли в Правительство и “капаете” на Лукашенко, что у него сахар дешевле.

Помню, Президентом Путин был, Фрадков приходит к Путину: “Вы понимаете, вот они тростниковый сырец покупают, производят сахар и тут у нас продают”. Так Россия же точно так – еще в большей степени – завозит сырец со всего мира (Бразилия, Куба и так далее), производит сахар. Мы же не запрещаем, продавайте на белорусском рынке. Ну ладно, они нам говорят: “Вот свекловичный сахар мы возьмем, а тростниковый – нет”. Мы производили миллион тонн свеклы. Я “именем революции” принял решение... Это революция была в сельском хозяйстве – за два года мы вышли на производство 4 миллионов тонн свеклы, увеличив производство свекловичного сахара. Почему? Потому что нам надо продать его в России, заработать деньги, заплатить за нефть, газ. Естественная торговля – мы себя обеспечивали и столько же продавали. И параллельно модернизировали свои заводы, в том числе сахароперерабатывающие заводы. Ваши сахаропроизводители увидели, что у нас сахар качественнее (кондитеры с удовольствием берут), у нас сахар дешевле, они в Правительство: ах, вот мы не можем с ними конкурировать. Нас опять начали “душить”. Это бандитизм. Так нельзя.

II. Об экспансии российских олигархов

Олигархов мы видим и знаем, и встречаемся со многими, и предлагаем им проекты. Но у нас есть условия. Допустим, приватизация – 25 условий. Соблюдайте – и приходите.

...У нас, чтобы приватизировать предприятие, первым слово должен сказать трудовой коллектив. Если только трудовой коллектив говорит “нет” – никакой приватизации, я не поставлю подпись. А я ставлю последний. У нас очень сложное законодательство по приватизации: трудовой коллектив, местные органы власти, ведомства, то есть Министерство промышленности; региональные власти должны согласиться, потому что это же их предприятие, это их интерес – налоги-то платят во все бюджеты. Они должны это всё понимать. Потом Правительство публично принимает решение и вносит Президенту для подписания. Если эта цепочка нарушена, я никогда не поставлю подпись. Почему у нас и нет обвальная приватизации. Не потому, что я, допустим, не хочу, а потому что на каком-то этапе кто-то заблокирует. Ладно, я могу властным структурам сказать: “всё, приватизируем”, они послушаются, но трудовому коллективу я этого не скажу, потому что они же меня потом упрекнут.

...Наша политика понятна. Есть определенные трудности, и немалые, но под эти трудности мы ничего не будем делать того, чего не делали до сих пор. Народ, народ, народ прежде всего.

...Мы видим людей, которые, конечно же, хотят здесь что-то урвать. И мы знаем, где они хотят урвать. Они не идут на те предприятия, которые сегодня изголодались по инвестициям, где надо вложиться, а на те, которые сегодня хорошо работают, у которых есть сырье и рынки. Так мы и сами там успешно работаем. 170 процентов рентабельности даже в тяжелом прошлом году у Белорусской калийной компании. Ну, скажите, зачем мне ее продавать? Если она станет частной, то цены на международных рынках не вырастут. По дешевке мы поставляем калийные удобрения внутри в свое сельское хозяйство. Что, частник это будет делать? Да нет. А это государственное предприятие сегодня. Недр государственные, к примеру, и они должны работать на государство.

Говорят: “Лукашенко боится частника и частной собственности – это угроза его власти”. Да будет вам... С частником гораздо проще работать, с любым частником, чем с государственным предприятием. Поэтому ничего я не боюсь. Я боюсь только одного – чтобы эти предприятия не перестали обеспечивать мало-мальски нормальную жизнь 10 миллионам человек, которые здесь живут. Вот и всё. Простая арифметика. Если это социалистическая идеология – значит, я социалист.

III. О собственности – частной и государственной

Вы что, думаете, я не понимаю, что такое “частная собственность”, что она эффективнее, чем ничья?! Только у меня понимание частной собственности другое. Приватизированная частная собственность и трудовая, созданная от пирожка (когда ты стоял и первый свой цент зарабатывал, продавая пирожки, которые выпекал дома), – это разница. То, что ты сам выстрадал, – да, она и эффективнее, наверное, будет в целом, и пользы от нее будет, и беречь ты ее будешь. А то, что ты приватизировал... Пример: Дерипаска во время кризиса куда побежал – к Путину, к государству. А почему он из собственного кармана миллиард не достал и в свои предприятия не вложил, которые он приватизировал?!

IV. О белорусском пути

... Наш белорусский путь правильный, но он очень уязвим. Очень уязвим. Это, во-первых, в силу определенных причин, исключительно экономических. А во-вторых, этот белорусский путь сегодня в мире никому не нужен. Это очень “плохой пример” (в кавычках) тем, кто строит экономику по-другому – на принципах дикого капитализма. Вот кризис, казалось бы, кое-кому многому научил – и в Германии, и в Западной Европе начали поговаривать: “Да, государство не должно было уходить даже из банковской сферы... Рыночные отношения – это хорошо, но...” И начали делать, два года делают то, что делали мы в Беларуси всегда. Мы вынуждены были это делать, и мы исходили из интересов людей, от земли шли, вырабатывая этот курс. Но американцы всегда давили: “Нет, не следует отходить от принципов рыночной экономики, прежде всего свобода”. И так далее. И опять весь Запад пошел в фарватере американской политики. К чему это может привести? К новому витку экономического кризиса. Все говорят о том, что нефти сегодня в мире предостаточно, тем не менее, цена на нее растет. Почему? Все уже не скрывая говорят, что это – открытая спекуляция. Ну так давайте пресекать эту спекуляцию.

... У меня, кроме страны, ничего нет. Я вложил в нее все свои знания и душу. И людей своих, которые рядом были, в этом плане поворачивал. И не богатые у нас чиновники (может, кто-то и богатый есть, но я таких не знаю, у нас это невозможно, чтобы чиновник бизнесом занимался), не богатые люди. Все-таки вот это, наше поколение, создавая нынешнюю Беларусь, много на это положило.

Лукашенко не сахар. Вы не думайте, что я белорусов на руках ношу. Ничего подобного. У нас контрактная система введена – от крестьянина, рабочего и до специалиста – ты должен заключить контракт. И там четкие обязательства – твои и руководителя предприятия. Но если я обязан за безработицей следить – а мы определили, чтобы она была не больше одного процента в стране, я железно это контролирую. У нас сегодня полпроцента безработных. А надо, чтобы процент был, чтобы все-таки резерв какой-то был, чтобы он подпирал тех, кто сегодня работает по принципу “шалтай-болтай”.

Вчера я ехал по Минску, а в городе практически ни одного человека на тротуарах в рабочее время. Это я видел в капиталистических странах. Работа – должны работать. И нет там какого-то зажима, диктатуры и прочее. Надо просто работать, чтобы нормально жить. Это элементарно.

Я вообще сторонник того, чтобы был порядок, чтобы каждый человек знал свое место, друг другу не мешали, не цепляли и так далее. Но я категорически не приемлю, если в обществе какой-то страх, и люди боятся говорить. Вот на кухнях, как в былые советские, какие-то там брежневские даже времена, не последние, – какой-то человек где-то хочет сказать что-то... Я это помню, я не знаю, как это при Сталине было, но при этом – люди боялись высказываться, и даже не люди, а средняя часть населения, особенно начальники, чиновники боялись. Я этого не хочу. Я хочу, чтобы люди дискутировали, чтобы шла дискуссия.

Должна быть масса разных точек зрения. Давайте подискутируем, проведем мозговую атаку, а потом примем решение.

Поэтому я абсолютный сторонник демократии нормальной. А не то что “демократия” – это чтобы перевернуть страну. И в этом направлении мы будем двигаться, в том числе и законодательно. Не знаю пока, как и когда, но,

видимо, в этой пятилетке нам еще придется делать какие-то шаги, чтобы мы действительно не зашли в тупик, сами не зашли. Я всегда об этом думаю.

... Я учился у Китая. Я до президентства был там два раза, и уже шесть или семь раз, будучи Президентом, посетил Китай. Я изучал их, начиная от свободных экономических зон. И когда я в Парламенте, это же есть в архиве сейчас, поднялся и уже перед выборами Президента сказал, когда обсуждали модель развития: “Вы знаете, нам надо учиться у Китая. Не надо ломать, не надо крошить, не надо и компартию эту гробить. Посмотрите, как они приспособляются к новому (а у нас же условия были лучше тогда в Советском Союзе – мы опередили бы Китай). Нам надо этим путем идти, не ломая ничего”. Мне сказали: “Ты еще в “банановую республику” какую-нибудь съезди и нам привези что-то”. Всё это в архивах есть. То есть я был сторонником именно этого пути. И что сейчас – два десятка лет прошло – Китай нам демонстрирует! И хорошо, что мы взяли многое у китайцев. Конечно, там специфика своя, но у них многому можно было научиться. И мы учились, ничего не ломая.

V. О сельском хозяйстве в Беларуси

... Мы начали реформу сельского хозяйства, нормальную, от земли, создавая условия для людей, построили агрогородки... Не просто нам это обошлось, дорого стоило, но мы это сделали. И налицо результат. Представьте: в советские времена и после распада Советского Союза мы не продавали сельхозпродукцию, только что-то в Москву, Ленинград поставляли. Но в прошлом году (в плохом для сельского хозяйства году, он был у нас такой же, как и у вас, только уровень развития сельского хозяйства разный) мы продали вам почти на 3 миллиарда долларов сельскохозяйственной продукции. Для Беларуси это огромная цифра. А Беларусь находится, за исключением южных областей, части южных областей, в зоне критического земледелия. У нас земледелие очень рискованное. Поэтому это тоже большой успех. И вот в основном мы село реформировали. Когда к нам приезжают губернаторы российские, у нас одна из тем переговоров – создайте нам подобное в одном хотя бы экзemplяре. И мы во многих российских городах, западной России, строим не только агрогородки (агрогородок – это маленькое звено в реформировании села), мы создаем нормальные огромные кооперативы. Ну, вы не любите колхозы, совхозы, может, это название уже устарело, но это кооператив, это тот же колхоз – коллективное хозяйство на других принципах. Мы в Венесуэле это делаем, в других странах, которые этого хотят. В центре – агрогородок, тот же машинный двор, зерноток, как мы его раньше называли, фермы, комплексы свиноводческие и комплексы по производству говядины, птицы, и так далее. Но главное – это массив земли, откуда корма (из-за границы же не будешь завозить).

Там, где мы прошли с реформой по селу, сельское хозяйство в прошлом плохом году дало около трёх процентов рентабельности без дотаций. Значит, село может жить. И цены у нас на природный газ, а в прошлом году на нефть и нефтепродукты, вообще были заоблачными, несравнимы с вашими. У вас цены, допустим, 70–90 долларов природный газ, а у нас – 230. Сегодня Вы продаете нам природный газ дороже, чем Германии, хотя мы на две с лишним тысячи километров ближе, чем Германия...

Поэтому мы вынуждены были выкручиваться и обеспечивать свою продовольственную безопасность. Мы ее обеспечили.

VI. О сельском хозяйстве в России

... У вас будущий год в плане продовольствия будет сложнее, чем страшный прошлый год. Почему? Потому что – грядут последствия. Сельское хозяйство это же не промышленность, где сегодня гайку не выточил – завтра две сделаешь. Если вы вырезали поголовье (кормить нечем было маточное), то для того, чтобы вырастить корову, надо три-пять лет. Если вы недополучили хороших семян, то вы их уже зимой не получите. Их у вас не будет – вам надо купить. А какие это будут семена? Ну, и многое-многое другое. И когда село недополучило в прошлом году... На дотациях сидело, денег нет, и вы удобрения сегодня не купите и не внесете – у вас урожая не будет. И не на один год. То есть последствия растянуты на несколько лет. Но самое главное –

у вас нет вот этой идеологии, чтобы это преодолеть быстро, что это главное. Главное — нефть, газ. То есть мышление немного другое в силу объективных причин, я не хочу тут никого упрекать. Но, тем не менее, перестраиваться надо. Россия продовольственную безопасность обязана обеспечить. Если она не обеспечит, ее голыми руками, как Советский Союз, возьмут.

50 миллиардов долларов на импорт продовольствия! Это, даже для России, очень много — это весь ваш Фонд национального возрождения (50 миллиардов, мне Владимир Владимирович рассказывал, сколько в фонде за один год). Выкидывать такие деньги, имея такое огромное пространство и столько земли, где можно производить то, что Беларуси не снилось, это тоже плохо.

Когда у вас разразилась эта беда, у нас Беларусь была наполовину разрезана — на восточную и западную: весь восток душила жара, точно такая, как в Подмоскovie, как в центре России, как в Ростове, а вторую половину заливало. Вот хотелось бы как-то перемешать, но так Господь определил. Нам удалось проскочить — у нас не было ни одного пожара в лесах. Мы модернизировали лесное хозяйство, усилив функции наблюдения, сбережения, возобновления, восстановления лесов. У нас вся страна покрыта вышками, лесные массивы наблюдаются — беспилотники мы мобилизовали из армии, МЧС, вертолеты. И леса огромные массивы, как в России. Видим задымление — мы сразу десант туда из вертолетов, и они очаги эти тушили. Мы почти месяц летали над страной, чтобы не дать возможностей возгоранию...

Что касается сельского хозяйства. Первыми к нам приехали из Татарстана люди. Премьер-министру, я его давно знаю, говорю: “Ну, пойдём, поговорим”. — “Александр Григорьевич, спасите. Ни картошки, ничего нет. Нам и солома нужна, и всё”. Я говорю: “Ты называй объёмы, сколько надо”. Мы полностью удовлетворили потребности республики в картофеле. Потом ленинградцы приехали. На поле приезжаем, мне фермер говорит: “Вот, Александр Григорьевич, картошка красивая, мы эту — в Ленинград (такая кожура розоватая), а эту — в Москву (белая кожура)”. Я говорю: “Почему?” — “А вот ленинградцы не хотят с белой кожурой”. Я говорю: “Есть нечего, а они не хотят...” — “Да, такую заказали” — “У нас есть?” — “Есть”. — “Ну так отдай им, пусть”. Нам доллар за килограмм картофеля платили. Туда привозили и за 2–2,5 продавали. Но мы отдали всё, кроме семян и запаса, который нам нужен был на зиму, всё отдали, как никогда. И на этот год со многими договорились. Семена заготовили. Потому что если нет картошки, то и семян же нет, а сеять надо. Да и не только картошка, но и капуста, морковь, овощи все, молочные, мясные продукты. Мы обрезали контракты с другими государствами, даже с Венесуэлой, для того чтобы помочь России. И сейчас 80 процентов всего экспорта продовольствия мы поставляем в Россию. Это в прошлом году так было, и в этом. По-моему, 80 процентов, даже чуть больше. Конечно, мы готовы помочь, во-первых. А во-вторых, нам надо торговать с вами, потому что нечем же платить будет за газ и нефть (цены еще в два раза подскочили). Это же всё недешево.

VII. О СМИ

Я за объективность. Поверьте, я никогда чрезмерно не перебирал в средствах массовой информации, защищая себя и свою власть. Это маленькая толика была в моем имидже, в моем поведении, в моей политике. Да, я осуществляю власть, я не держу ее растопыренными пальцами, упаси Господь. Дедушка Ленин как нас учил: власть тогда чего-то стоит, если она умеет защищаться. И это правильно. Про меня говорят: “Вот, он тут сел... и узурпировал власть”. Подождите, ребята, что значит “я узурпировал власть”? Меня народ для чего избрал — для того, чтобы я, извините меня, сопли распустивши, сидел и смотрел, как страну перевернут?! Так у нас было... Главная причина того, что произошло в распаде Советского Союза — у нас не было сильного, волевого человека, который бы осуществлял свою функцию по Конституции. Ведь на моих глазах Беловежская пуца была. Говорят, что уже поздно было. Я бы очень определенно поступил — я никого бы не бил, разбросал бы егозу (или как она называется? эта колючая проволока, через которую не перепрыгнешь)... всё, пейте, отдыхайте, гуляйте, даже спецсвязь не отключил бы. Звоните старшему Бушу, туда звоните, куда хотите. Всё демократично. Сидите там. Как бы народ отреагировал? Аплодисментами. Но этого

Горбачёв не сделал. Ты — глава государства был, у тебя Конституция на столе лежала, и дай Бог какая, действуй по Конституции!

... На следующий день после президентских выборов я даю пресс-конференцию, “Евроньюс” ко мне подходит: “Надо взять у Вас интервью, прямая связь с Францией”. Я говорю: “Я буду с вами разговаривать, если вы скажете правду, как это было. Вот картинка, вы тоже снимали”. Согласились. Там парень, который в Беларуси когда-то работал, задает мне вопросы (в их ключе, конечно): “Что, Вы не хотите, чтобы вас Европа признала?” И так далее, как ему поручено было. Я говорю: “Да, мы хотим. По событиям, — я говорю, — покажите правду, покажите хоть элемент”. И они в этот момент, когда я даю интервью, заводят картинку этих погромов — когда “бомбят” Дом Правительства, буквально несколько секунд. И потом они два раза успели опять интервью со мной прокрутить с этой картинкой. Потом очнулось руководство. И всё, вот эту часть вырезали. Почему не хотите правду показать? Да, Лукашенко плохо поступил, что он защитил Дом Правительства, что он разогнал людей, что он 640 человек арестовал, что туда попали экс-кандидаты. Это точка зрения, она имеет право на жизнь. Может, я и неправильно поступил, но я считаю, что поступил правильно, потому что есть Конституция, есть Закон. А они считают, что неправильно. Но покажите альтернативную точку зрения и скажите, что Лукашенко разогнал этих людей, а некоторых задержал (такое-то количество), когда они пошли штурмом и громили Дом Правительства. Вот это скажите. Этого же нет. “Лукашенко... 50 тысяч вышло противников, испугался, поэтому он там чуть ли не танки применил”, и так далее, и тому подобное. Почему это делается, потому что здесь средство массовой информации выступает как оружие или орудие борьбы. Что, не так? Так! Я против этого. Понимаете, я против этого. И если мы где-то даже, белорусские СМИ, ошибаемся и перебираем слишком своей государственности, это потому что мы пытаемся отбиться и защититься.

VIII. О “миллиардах Лукашенко”

Вот писали, что у меня... то ли 7, то ли 11 миллиардов украденных денег... Годовой бюджет страны 17 миллиардов. Как 11 миллиардов в Беларуси можно уворовать? Недавно “Форбс” опубликовал рейтинг миллиардеров. Где Лукашенко? Там и полтора миллиарда есть, и миллиард, а почему меня нет с 11 миллиардами?! Мне обидно стало: где мои деньги? Вот время и показало, кто ворует. Они сами признали, что это вранье. Они просто вбросили эту информацию перед выборами. Начни я оправдываться, народ бы подумал: слушай, оправдывается, что-то, наверное, не то. Хотя, конечно, я надеюсь, что процентов 95 в Беларуси считают, что Лукашенко не вор.

Вы знаете, почему я не могу себя отрезать от народа, воровать и делать то, чего не хочет народ? Когда был второй тур выборов в середине 90-х, мне рассказали, как в деревнях, в селах, в городах голосовали некоторые люди... Я читаю вот сейчас эти сообщения, у меня в архиве есть, у меня слезы выступают на глазах. Люди годами лежали в постели — встанет, сядет. Много таких. И приезжали дети (тогда можно было еще — он мог взять паспорт и проголосовать за отца или за родственника), он вставал и просил, не доверяя сыну и дочери: “Ты меня, сынок, отведи на участок, я за Лукашенко пойду голосовать”. — “Мы сами, давай паспорт. В селе все знают. Проголосуем, или к тебе приедут”. — “Нет, я пойду за него голосовать, обманут”. Понимаете, люди валом шли, люди, даже годами лежавшие в постели. Вы понимаете, что вот это предать нельзя. Если есть Бог на свете, он же накажет, он же накажет потом. И я считаю, что, если в этой ситуации: ты не должен быть Президентом, но вдруг сошлось и тебя избрали, ты должен жертвовать собой. Может, я не прав, может, так никто не мыслит из моих коллег, но я считаю так. Поэтому я никогда не сделаю то, когда народ, вот этот старик или старуха, сядут и скажут: “Слушай, а мы же ему верили, а он вот такой оказался”. Это для меня — гибель!

IX. Об отношении к истории

Я историк по своему первому образованию, и мое понимание истории такое — да, личность важна, но ведь не только личность. Сталин, Жуков, еще кто-то — да, они люди заслуженные абсолютно. Вообще в Беларуси о Стали-

не не принято плохо говорить, потому что не было бы Сталина, так граница под Минском до сих пор была бы. Как бы там ни было, но он ее отодвинул на те рубежи, где и должна быть граница Беларуси с Польшей, Украиной. Ну и вообще, я категорически предостерегаю наших людей от того, чтобы мы бросали камни в историю. Камень бросишь, знаете, а она потом начинает из пушек стрелять. Я это помню. Но, тем не менее, ведь миллионы людей погибли. И не всё так везде было хорошо. И о погибших людях, и о простых людях-героях тоже надо знать. И великие люди не должны затмить этот народный подвиг.

Х. О народной дипломатии

Что касается народной дипломатии. Вы говорите “сохранится – не сохранится”. Ну, это самого себя резать. А что у меня останется, какие нити, ниточки, дорожки, пути останутся, которые связывают нас с Россией? В основном – народная дипломатия, регионы. Поэтому чего же я буду рубить тот сук, на котором фактически сидим?! Мы хотим, чтобы вы знали о том, что происходит в Беларуси. Мы очень этого хотим. И вы знаете, это же ведь и экономическая проблема – настроения людей, отношения, знание того, что Беларусь никуда не ушла, она там, где была, там и есть, что никакого тут американского, западного и прочего какого-то влияния нет, что здесь русский дух.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д. э. н.

“НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ” ПО-СТАРОМУ РВУТ РОССИЮ*

Почти всю свою историю русский народ воевал с теми или иными кочевниками, волны которых – сначала конные, потом моторизованные – накатывались на нашу страну и, иногда на время затапливая ее, неминуемо разбивались и скатывались в историческое небытие, обогащая наш народ мужеством, опытом борьбы и элементами своей культуры.

Глобализация не отменила этой закономерности, но лишь слегка видоизменила ее: сегодняшние кочевники – уже не половцы и не гитлеровцы, а представители качественно нового, глобального управляющего класса.

Это новый всемирно-исторический субъект, складывание которого стало важнейшим результатом кардинального упрощения коммуникаций в ходе глобализации.

Новые коммуникации сплачивают представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни. Образующие его люди живут не в странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве современного владельца и управленца (нерасчлененного “хозяина” сталинской эпохи, что тоже является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. В силу самого своего положения “над традиционным миром” он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, – и в первую очередь традиционной государственности.

* “Новые кочевники” – термин введён Ж. Аттали, философом, экономистом, бывшим президентом Европейского банка реконструкции и развития.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах “новых кочевников” – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, – за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последних двух десятилетий национального предательства наблюдаем в России.

Это именно та ситуация, против которой восстают люди не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но даже и в самой цитадели глобального управляющего класса – США, где сотни тысяч людей участвуют в замалчиваемых акциях протеста. В Висконсине в конце февраля 25 тысяч госслужащих штурмом взяли сенат и несколько административных зданий, затем беспорядки охватили Алабаму, Огайо, многие крупные города вроде Филадельфии, – но официальные СМИ по всему миру молчат об этом.

Не потому, что это вредно американцам, – потому, что это вредно глобальному управляющему классу.

На наших глазах и с нашим непосредственным участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил – ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими – не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии “новых кочевников”.

Более того: практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом, утрачивают свое значение. Они оказываются попросту ничтожными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобальным управляющим классом, равно враждебным любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, пятого после существующих Социалистического, троцкистского, либерального и Финансового – как ни парадоксально, националистического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния и культурного потенциала своих народов.

Северная Африка: глобальный управляющий класс выступил открыто

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера глобальный управляющий класс трудно наблюдаем; его деятельность можно отслеживать в основном по косвенным признакам.

Так, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году на основе общего врага – Советского Союза – сложилась новая глобальная сеть – техасско-саудовский клан, способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым – крушению Советского Союза.

В 2003 году активность этого клана проявилась “в негативной форме”: уничтожение Ирака как суверенного светского государства было невыгодно и США, и Саудовской Аравии как государствам, но принесло огромные прибыли нефтяным сообществам обоих.

Однако впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе продолжающейся серии волнений и восстаний в Северной Африке. Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в отдельных странах и стремительностью их реакции (от ис-

пользования материалов Wikileaks до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия — в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающие по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ею и (во многом “втемную”) использующий ее как свой инструмент глобальный управляющий класс.

Глобальный управляющий класс, насколько можно понять, с восторгом воспользовался началом революционного процесса, прежде всего в Ливии.

На поверхности мы видим старомодную, традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны за непосредственный контроль над территориями, в первую очередь — за нефтью и газом.

Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее — за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что не за теракт в Локкерби, — правда, сами ливийцы, в свою очередь, насколько можно понять, считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это очень ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания лидеров “всего прогрессивного человечества”: заплати выкуп — и живи спокойно!

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащие “всему человечеству”, то есть, в переводе на обычный язык, — глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют.

И когда Каддафи платил тысячу долларов медсестре, а 64 тысячи — каждой молодой семье; когда он почти втрое увеличил свой народ за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество, — он превращал себя во врага отнюдь не только Чубайса. Он, прежде всего, делом развенчивал бредни либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает.

Кроме того, делясь нефтедолларами с народом Ливии, по крайней мере, в значительно больших масштабах, чем это делает правящая Россией тусовка, он лишал этих нефтедолларов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупционер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование.

Если же сравнительно честный государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов.

Таким образом, уничтожение “режима Каддафи” нацелено не только на прямую захват богатств недр Ливии, но и — если это не удастся — на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Вероятность возникновения в Ливии самоподдерживающегося хаоса по иракскому сценарию невелика: не тот рельеф, не то население — и количественно, и качественно. Ливийская армия сможет сопротивляться несколько месяцев, пока не иссякнут запасы продовольствия — и широкое сопротивление затухнет.

Вместе с тем современная, постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк, и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе никаких сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонит фокус применения своих сил.

И дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования, а то, что нефть не принесет прибыли конкурентам, а это важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли.

Точнее, прибыль она всё-таки принесёт — в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены — и повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой закачки в мировую экономику.

Однако преследование этой выгоды является лишь частным случаем качеством новой стратегии глобального управляющего класса – хаотизации.

Исчерпание стратегии “управляемого хаоса” и ее провал в Ираке оказался плодотворным: он показал возможность и эффективность качественно новой стратегии “неуправляемого хаоса”, которую мы видим в Северной Африке и, в частности, в Ливии.

Логика этой стратегии проста: “в мутной воде можно поймать более крупную рыбу”, хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное – резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кроме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до “Пелоруса” с его подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни японская радиация.

И в этом отношении союз США и Франции с радикальными исламистами (которые составляют основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии) вполне логичен и рационален. Ведь именно исламистские боевики лучше кого бы то ни было иного могут погрузить современный мир в кровавый хаос.

Пока единственной явной неудачей “новых кочевников” стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом дал ей иммунитет перед протестантами. А ведь развитие его по ливийскому варианту превало бы поставки газа в Европу, посадило бы ее на “голодный паек” и, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны “первого” и “второго” сорта, безжалостно ограничивая доступ последних к энергии, положило бы конец европейскому проекту.

Однако катаклизмы в арабском мире еще отнюдь не закончены. Вероятно, попытки дестабилизации Алжира еще впереди, а если вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей, – придет время третьей и четвертой.

Значение агрессии в Ливии для российских граждан

Обычно при оценке последствий исходят из сугубо бухгалтерских оценок. Считают потери по обещанным, но не заключенным ливийцами военным контрактам (более 2 млрд долл.), по контракту на строительство железной дороги и некоторым другим подобным проектам. Потом говорят: “Но зато из-за напряженности подорожает нефть – или, по крайней мере, не подешевеет”. Потом начинают печалиться и вспоминать, что цена нефти мало связана с благосостоянием народа, так как основную часть нефтедолларов выводит на Запад криминальная бюрократия и, вероятно, управляемый ею государственный бюджет.

Такой подход, как и всякий бухгалтерский, драматически неполон. Прежде всего, прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против какого-никакого, но законного и признанного тем же Западом режима откровенно пугает. Особенно если вспомнить массивную информационную поддержку, оказывавшуюся Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и даже второй чеченских войн.

Ливия при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, – неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости, после подписания предательского Хасавюртовского соглашения.

При этом бить “руку кормящую” эти боевики побоятся, – а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место. Если учесть состояние отечественных “правоохранительных” органов, демонстрирующих полную импотенцию и способность лишь избивать студентов, разгонять пенсионеров и сажать в тюрьмы неаккуратно критикующих начальство “экстремистов”, приходится констатировать: свержение режима Каддафи может аукнуться в России новой террористической войной.

Но самое главное последствие агрессии – фактически окончательная отмена международного права.

И в Югославии в 1999-м, и в Афганистане в 2001-м, и в Ираке в 2003 году это было именно “попрание норм”, которое вызывало масштабный протест, в том числе и на самом Западе. “Попрание норм” – значит, было что попить.

Сейчас же и попить нечего.

Агрессия США и их сателлитов против Ливии показала, что можно просто придумать несуществующий на самом деле конфликт, высосать его из пальца – и на этом основании начать “вбамбливать страну в каменный век”.

Можно купить или напугать послов страны, чтобы они остались на ПМЖ в западных странах и сделали все требуемые заявления, фальсифицировать события при помощи постановочных съемок (которые с удовольствием транслируют глобальные телеканалы, игнорируя реальные новости) и голословно обвинить руководителя суверенного государства в чудовищных зверствах. При этом признавая легитимным руководителем нового государства бывшего министра юстиции – который, если Каддафи действительно творил какие-то беззакония, должен нести ответственность за них первым после Каддафи.

Впрочем, даже министр обороны США Гейтс был вынужден признать, что никаких признаков преступлений Каддафи против мирного населения, о которых трубила западная, – да и российская тоже, – пропаганда, не удалось обнаружить ни разведкой, ни самыми изощренными способами технического наблюдения. Разумеется, это отнюдь не остановило пропаганду. Как сказал один из руководителей глобального телеканала, “у нас нет цензуры – у нас есть редакционная политика”. После чего помедлил и пояснил: “Она эффективней”.

Агрессия против Ливии показала: можно полностью фальсифицировать реальность и на основе этой сфальсифицированной реальности протащить через Совет безопасности ООН нужную резолюцию – с грубейшим нарушением регламента (не было дано слова представителю Ливии). А затем, когда законное руководство страны возопит о прекращении огня и приеме международных наблюдателей, можно спешно напасть на нее – чтобы наблюдатели не успели прибыть и зафиксировать чудовищную ложь глобальной пропаганды. Напасть, кстати, в прямое нарушение Устава ООН, требующего создания для подобных операций международного командования под эгидой ООН, и с грубым превышением мандата, – но возмущаться этим уже некому.

Вот в этом отсутствии субъекта протеста – если, конечно, не считать посла Чамова, истерически уволенного за, насколько можно понимать, попытку защиты интересов России, – и заключается качественная новизна, качественно более высокий цинизм ситуации, который можно определить термином “исчезновение международного права”.

Не “попрание”, а “исчезновение”: разница велика.

При этом, как говорится, “все всё понимают”: дураков нет. Как выразился один западный дипломат примерно за неделю до вторжения, “проблема мирового сообщества – в физическом отсутствии повстанцев в Ливии”. Какие-то группки, конечно, были, – но о племенном, трайбалистском в самом прискорбном африканском смысле этого слова характере “восстания” не сказал за это время только ленивый. Эти группки захватывали власть в своей деревне, в крайнем случае, в своем городе и начинали с вожделием ждать подкупа со стороны центральных властей.

Исчезновение международного права опасно для России прежде всего практической реализацией древнеримского правила “Горе побежденным” и созданием ситуации, когда единственным способом защитить себя и свой народ от бомбардировок, от американских и НАТОвских “томагавков” является не просто наличие ядерного оружия и средств доставки, но и готовности их применить.

Это полный крах режима нераспространения: теперь, благодаря США и их сателлитам, никакого руководителя, пытающегося обзавестись собственным ядерным оружием, нельзя обвинить ни в чем, кроме разумной предсмотрительности.

В самом деле: почему никто не смеет тронуть пальцем давным-давно объявленных частями “оси зла” Северную Корею и Иран? Потому что у первой есть ядерная бомба, а у второго есть радиоактивные материалы, которые могут быть использованы для создания “грязной” бомбы.

А почему спокойно и, как говорится в российском УК, “с особым цинизмом” бомбят Ливию? – потому что полковник Каддафи в свое время признал правоту

Запада и отказался от идеи создания собственного ядерного оружия. И даже собственной военной промышленности не создал, социалист несчастный.

Для России особенную опасность в этих условиях приобретают либералы вроде обитателей “коллективного мозга” Медведева – пресловутого Института современного развития, непосредственно перед нападением на Ливию заявивших о том, что ядерное оружие России является помехой для модернизации по-медведевски. Это производит впечатление информационной подготовки к отказу России от ядерного оружия и либо ее подчинения НАТО, либо бомбардировкам ее территории, либо того и другого.

При этом такую позицию, при всем желании, сложно назвать предательством. Ведь ключевая часть либералов – и не только в России, а по всему миру – осознает себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. Для них предательство – это защита интересов страны и народа их биологического происхождения от притязаний этого класса, в частности, глобальных монополий.

А уничтожение своей страны и своего народа вполне может оказаться для них почетным долгом, исполнением которого они будут искренне, как Горбачев и Джинджич, гордиться до конца своих дней.

Формула будущего проста: “терпите либералов? – готовьтесь к бомбежкам!”

За ушко да на солнышко?

Но что же происходит в мире? Каковы новые условия функционирования глобального управляющего класса, заставившие его именно сейчас проявиться практически в явном виде? Что и почему вдруг вытасило его, хотя бы и краешком, на свет в ситуации с новыми арабскими революциями?

Этот фактор представляется очевидным: мировой экономический кризис. Глобальный рынок вполне закономерно породил глобальные монополии: их некому регулировать, им не с кем конкурировать – и они, как им и положено, загнивают.

Вся мировая финансовая система под истошные крики о намечающемся выходе из кризиса качается на грани глобальной депрессии, – и в ее пропасть одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и “словьям Апокалипсиса”.

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации.

Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг – это прямое ограничение ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным позитивным выходом из ситуации загнивания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции является технологический рынок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому монополии стремятся сдерживать технологический прогресс – и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс эффективно выполняет эту функцию. Человечество, поколение назад вполне обоснованно мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и диет-колу без всяких примесей коки.

А раз позитивный выход через технологический рынок в обозримом будущем, скорее всего, невозможен, – наиболее вероятной становится попытка негативного выхода, через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления “лишнего населения”, – а это означает сваливание в депрессионную спираль.

Ведь глобальный монополизм непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии, как и всякие коммерческие организмы, начинают инстинктивно сокращать издержки. Сокращение ими издержек в глобальном масштабе – это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит.

При этом “под ударом” оказываются отнюдь не нищие: что с них возьмешь? Они потребляют мало, и за счет еще большего сокращения их потребления много не выгадаешь.

Сокращение потребления ждет средний класс, становящийся ненужным из-за распространения сверхпроизводительных постиндустриальных (пока в основном информационных) технологий. Он последовательно уничтожался в Латинской Америке и Африке, а затем и на постсоциалистическом пространстве, — но сегодня эти резервы исчерпаны, и приходит очередь среднего класса “ядра” капиталистической системы, ее метрополии — развитых стран, утративших свою сакральную ценность в глазах эмансипировавшегося, отделившегося от них глобального управляющего класса. При этом принципиально важно, что социальная утилизация среднего класса развитых стран — пресловутого “золотого миллиарда” — отнюдь не решит проблемы, но лишь переведет её в новые постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Проще всего с демократией: сегодня она существует от имени и во имя среднего класса. Во что она превратится после утилизации этого среднего класса, на его костях? — в информационную диктатуру, основанную на формировании сознания людей.

И не нужно думать, что путь к этому далек.

Давайте проверим сами себя: за счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство из нас твердо знает, что Каддафи злодей. При этом мы не помним про теракт над Локкерби — Каддафи откупился от Запада за это (и, вероятно, похожие) преступление, и никто, даже среди “общечеловеков”, по-рыночному добросовестно не предъявляет ему повторно давно погашенных счетов.

Мы знаем, что Каддафи злодей, совершенно по иной причине: потому, что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежах собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы знаем, что это ложь, что никаких бомбежек не было, а нефтедоллары делились с населением значительно более справедливо, чем, например, в сегодняшней России, — но “осадок остается”: наряду с ясным осознанием лживости обвинений мы все равно неосознанно ощущаем, что Каддафи плох и защищать его стыдно.

Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, осведомленное и не шокированное личными несчастьями сознание. В ходе же “зачистки” среднего класса Запада это сознание будет лишено критичности (современной системой образования), запутано информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными несчастьями — разорением. Оно будет практически идеальным объектом для внешнего управления.

В глобальном плане массивное формирование сознания приведет к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию, может быть, через серьезные, меняющие психотип бедствия.

Первый шаг к этому сделан, причем уже очень давно: декартовское “Я мыслю — следовательно, существую” давным-давно подменено обществом массового потребления более удобной формулой “Я покупаю — следовательно, существую”.

Вместе с тем массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления у человека, почти не имеющего возможности покупать (движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом), делает ненужной рыночную экономику как таковую. Согласитесь: если человеку без особого труда можно внушить, что нанесение на вещь того или иного лейбла в разы повышает ее стоимость (а это положение уже достигнуто), — обмен в массовом порядке становится неэквивалентным.

А неэквивалентный обмен, то есть грабеж, возведенный в основу экономических отношений, не только разрушает рынок, но и просто отменяет его.

И это естественно: социальная утилизация среднего класса лишит современную экономику необходимого ей спроса, — а экономика без спроса является рыночной.

Благотворительность – лучший бизнес?

Поскольку крупнейшие капиталы предчувствуют, – а возможно, даже и предвидят будущее, в их среде наблюдается отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил, стандартов и их комплексов в виде новых общественных или групповых культур.

Перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности совсем не обязательно является формой “ухода от дел”, хотя благотворительная оболочка действительно эффективно защищает капитал от налоговых расследований.

Но главное в другом: благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций является стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием – не в конкретные производства, а в создание новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций.

Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфера массовой глобальной конкуренции; СМИ – лишь инструменты трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственно этот переход вызван кардинальным изменением систем управления.

Значение бизнеса в процессе формирования стандартов и стратегий резко выросло в условиях перехода от иерархических систем управления к сетевым. Данный переход никогда не закончится, реальное участие в конкуренции будут принимать сочетания тех и других. На низшем уровне находятся непосредственно действующие сетевые организации, направляемые и отчасти конституируемые иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального управления. Но сами они – лишь исполнители воли, приводные ремни сетевых структур, какими являются сгустки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира резко снизилась – причём как внизу, так и на верху управленческой (и социальной) пирамиды: господа действительно вполне диалектически оказались подобием рабов (а занимающие промежуточное положение менеджеры “выпали из контекста”, что сулит в будущем массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-протестантом через голову топ-менеджмента; впрочем, популярные в США сюжеты с комиком, едва не ставшим президентом, могут быть эхом и этой коллизии тоже).

В практическом плане снижение степени иерархизации систем управления означает снижение роли старых, внешних для личности, административных рычагов и рамок управления – и потребность в появлении новых рычагов и рамок. Поскольку в рамках сетевой структуры субъект действия ограничивается и направляется не приказами, а собственными представлениями и “духом комьюнити”, новая система управления должна управлять в первую очередь его мотивациями и общими правилами.

Она должна формировать стандарты поведения, принципы (“что такое хорошо и что такое плохо”) и основные смыслы, определяющие состав и приоритеты повестки дня, на основании которой действуют и субъект, и организация.

Этим занимаются некоммерческие (в значительной степени аналитические, так как среди “сетевых исполнителей” тоже достаточно НКО) организации, оплачиваемые через благотворительность. Вот почему и благотворительность стала важнейшей формой стратегического инвестирования.

Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию стандартов, норм и правил глобальным управляющим классом – и это во всё большей степени чувствуется и в России.

Что сказал Байден

“Моментом истины” для ближайшего будущего России стал визит вице-президента США Байдена.

Скорее всего, он попросил Медведева не накладывать вето на резолюцию Совбеза ООН по Ливии, пообещав не наносить по ней удара до визита мини-

стра обороны США Гейтса, который должен-де как военный человек оговорить все собственно военные аспекты.

Естественно, после согласия России последовала немедленная военная операция – и задержка визита Гейтса. Задержка строго логичная: начало военных действий требует внимания министра обороны, а бессмысленные визиты вежливости могут и подождать.

О том, что Медведева именно грубо и цинично обманули – примерно как Горбачева, – позволяет предположить истерическая, на 180 градусов за одну ночь, смена позиций российских официозных телеканалов. Мертвому ослу было ясно, что дело идет к войне, – но указавший на это посол был устранен со своего поста за сутки до того, как российская государственная телега, кряхтя и постанывая, была вынуждена занять его позицию.

Да, конечно, американскому руководству, насколько можно судить, просто нельзя верить. Возникает ощущение, что им просто неведомы такие понятия, как “правда” и “ложь”. Достаточно вспомнить успокоительные заявления Обамы о том, что сухопутной операции не будет, – после которого выяснилось, что американские сухопутные войска находятся на территории Ливии уже 10 дней. . .

Но, конечно, вероятный циничный обман американцами Медведева не мог быть возможен без встречного – и при том массового – желания российских руководителей. “Ах, обмануть меня несложно: я сам обманываться рад”.

Не будем забывать, что для российской политики главным смыслом визита Байдена было определение будущего российского президента. Насколько можно судить, на выборах 2012 года победителем будет назначен* тот представитель правящей тусовки, который пойдет на них, – и весь смысл выборов заключается в неформальном определении самой этой тусовкой (до конца этого года) своего будущего вожака.

А поскольку основную часть этой тусовки составляет, по гениальному определению Суркова, “оффшорная аристократия”, сосредоточившая на Западе критическую часть своих активов – от счетов и недвижимости до семей, – и потому полностью зависима от Запада, главным избирателем следующего президента России является именно Запад.

И Байден не просто проголосовал, но и сделал это с особым цинизмом, максимально унижая оппонента Медведева и ломая его психику.

Вице-президент США заявил в лицо “национальному лидеру”, профессионально занимающемуся “подниманием России с колен” (правда, без уточнения, в какую именно позу) и отстаиванием “суверенной демократии”, что ему не нужно идти на следующие выборы. Это чудовищное унижение, немыслимое даже по отношению к американским сателлитам вроде Польши или Чехии, но Байден пошел дальше – он рассказал об этом российским оппозиционерам, твердо зная, что хоть кто-то из них, но предаст его сообщение гласности!

И молчание госдепа США и МИДа России, убедительно подтвердив рассказ Каспарова, сделали невероятное унижение Путина публичным.

Но нам важнее не его хотя и яркая, но уходящая натура, – а то, почему американское руководство в лице Байдена выдало “ярлык на княжение” именно Медведеву.

Либеральный клан; египетский вариант для России

Медведев производит сильное и устойчивое впечатление не более чем “фронтмена” рвущегося к власти в России либерального клана. Скорее всего, он не играет самостоятельной роли и может быть заменен после выполнения “непопулярных” мер в стиле 90-х (о возврате которых грезят либералы).

Либеральный клан един в своих официальных и формально “оппозиционных” группах (признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров вроде Н. Белых на государственную службу) и, насколько можно судить, представляет собой туземную обслугу глобального управляющего класса.

Ставка на Медведева выглядит как ставка на “своего парня”, какими бы

* Разумеется, под видом выборов. Как, помнится, заверил общестенность один из бонз Центризбиркома по поводу выборов-2008: “Выборы президента Медведева пройдут с полным соблюдением самых высоких демократических стандартов”.

недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся и надоевшему своей недостаточной прозападностью “авторитаристу”.

Этот выбор полностью аналогичен тому, который глобальный управляющий класс сделал в Египте.

Мубарак был самым проамериканским и произраильским из всех возможных лидеров Египта, – но он надоел и стал выглядеть недостаточно либеральным по сравнению с каким-нибудь аль-Барадеи (о котором в разгар революции вспомнили ровно на полдня). И верность Западу не помогла Мубараку.

Выбор Байденом Медведева означает, что ситуация в России развивается по египетской кальке – только в отсутствие как политически самостоятельных военных, отодвинутых от кормушек засидевшимся диктатором, так и “братьев-мусульман”, поколениями окормлявших практически всех бедняков страны и создавших для них разветвленную и действенную систему социальной помощи.

Впрочем, позиция глобального управляющего класса амбивалентна, как и везде: придет к власти “свой парень” и будет делать, что скажут – хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунет страну в хаос – для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Приходится констатировать: угроза установления китайского контроля над Сибирью, устрашающая представителей американской национальной бюрократии, представляющей глобального класса не тревожит. Они мыслят не столько материальными ресурсами, сколько информационными потоками и ощущениями. Для них скачкообразное расширение Китая, качественно повысив глобальную напряженность, сулит новые прибыли.

Да, в этом случае США потеряют стратегическое значение, – но, похоже, глобальному управляющему классу их уже не жалко.

Конечно, китайское руководство, в отличие от американского, не манипулируемо и самостоятельно, – но смена поколений (в результате которого, как в Израиле, “отмороженные” патриоты сменяются получившими западное образование и нацеленными на бонусы менеджерами) меняет ситуацию.

Возможно, глобальный управляющий класс просто вырос, и скорлупа американского национального правительства тесна для него.

Может быть, он просто второй раз подряд совершает ошибку: ведь, освободившись от государства, он освободился и от части государственных аналитических возможностей.

Но, так или иначе, результат визита Байдена очевиден: главный избиратель путинской России публично проголосовал за Медведева – и за ним подтягиваются остальные, грозя обрушить нашу страну в новые 90-е годы, а затем – в системный кризис.

Наступление либерального клана развивается успешно

Рост недовольства общества пропагандистскими мерами умело фокусируется преимущественно на Путине и, в особенности, на возглавляемой им “Единой России”. Медведев одновременно выводится из-под критики и позиционируется как надежда на светлое будущее.

“Либерализация” Уголовного кодекса готовит вторую криминальную революцию, призванную придавить протест и направить его в нужное для либерального клана русло. Для реформатирования и обеспечения пластичности общественного сознания возможны чудовищные зверства на этнической почве – подобно осуществлявшимся в 1992 году в Приднестровье.

Для подготовки подавления протестов беспрецедентно расширены полномочия силовиков (МВД, ФСБ, Следком), судебная система, насколько можно судить, превращена в придаток исполнительной власти, проводится модернизация ОМОНа и Внутренних войск (с фактической ликвидацией армии как боеспособной силы).

Фоном этого является непрекращающийся рост цен, разрушающий благосостояние населения, неопределенность с урожаем (озимые погибли из-за “ледяного дождя”, а денег на селе после засухи нет) и мировым рынком продовольствия (свободного продовольствия на нем может просто не оказаться).

Либеральный клан как представитель коррупционной части бюрократии заинтересован в углублении коррупции (признак – предложение Высшей школы экономики и минэкономразвития разрешить проводить крупные госзакупки без конкурса). Целостность страны, насколько можно судить, не является для него высшей ценностью, и Россия может быть по-горбачевски дезинтегрирована после 2012 года: с точки зрения правящей тусовки – от беспомощности и для “заметания следов”, с точки зрения глобального управляющего класса – в рамках концепции хаотизации мирового развития.

В условиях поддержки Медведева американцами либеральному клану не нужно соблюдения даже минимума демократических приличий – по тем же причинам, по каким оно было не нужно Ельцину в октябре 1993-го и в июне-июле 1996 года.

Не нужно это соблюдение и представителям силового клана, – хотя по строго противоположной причине: им уже почти нечего терять, их разумная часть хорошо знает, что либеральный клан пленных не берет.

Одним из результатов отказа от демократической мишуры является полный запрет даже на формальную регистрацию новых политических партий. В отношении партии “Родина: здравый смысл” это вызвано еще и страхом организаторов второй криминальной революции перед структурой, объединяющей отставных армейских офицеров и потенциально способной противостоять этой революции.

Задачи здоровых сил народа России

Правящая бюрократия показала наглядно, недвусмысленно и с предельно окончательностью откровенностью, что ей не нужен никакой диалог и никакое конструктивное взаимодействие с народом России.

После назначения президента и оформления этого назначения в ходе выборных процедур 2012 года Россия будет ввергнута правящей тусовкой в жесткий системный кризис. Мы не знаем, начнется ли он в конце 2012-го или же в 2016 году, но сегодня ясно: сгнившая система коррупционного уничтожения России не доживет не только до чемпионата мира по футболу в 2018 году, но и до столетия Великого Октября.

За отпущенное нам время здоровая часть народа России должна стать организованной и сплоченной силой, чтобы, взяв власть в условиях системного кризиса, свести к минимуму его разрушительные последствия и провести оздоровление государства стремительно и безболезненно для страны.

Общая задача на первом этапе проста: в ходе парламентской избирательной кампании необходимо нанести коррумпированной части правящей тусовки ущерб, который заставит ее считаться с народом хотя бы на президентских выборах 2012 года.

Основное направление информационных ударов – внедрение в общественное сознание понимания того, что **коррумпированная бюрократия является не более чем услугой глобального управляющего класса**. Она перерабатывает биомассу, по праздникам именуемую “населением”, в миллиардные капиталы, личные океанские яхты с собственными подлодками и ПРО, замки в Швейцарии, Австрии и “Рублевском федеральном округе”, в куршевельские загулы. Коренное оздоровление государства, очищение его от скверны коррупции – а значит, и от правящего класса – условие выживания не только России, но и каждой российской семьи.

В отношении конкуренции Медведева с Путиным следует отринуть все иллюзии о стремлении последнего к сохранению государственности и о стремлении первого к его гуманизации. Они – части единого целого, и участие (пусть даже только информационное) в борьбе между ними надо всецело подчинить решению изложенных выше задач.

Делегитимация выборов – незаконность будущей власти

Полное блокирование регистрации каких бы то ни было новых партий означает не только грубое попрание правящей тусовкой простейших демократи-

ческих норм, но и делегитимацию выборов, а значит – и самой государственной власти.

Ведь эти нормы появились не из стремления к гуманизму и нравственно-му самосовершенствованию, а из простейших функциональных соображений: люди подчиняются только той власти, легитимность, то есть законность, которой они признают.

В разных культурах источник легитимности различен.

Это может быть божье помазание, закон, традиция или решение группы старших товарищей (как, например, в Китае). Это могут быть выборы – как в условиях демократии.

В России источником легитимности, как это ни парадоксально, является не телевизор, не “побеждающее зло” “бабло” и даже не пресловутый “вашингтонский обком”, а выборы.

Не потому, что наше общество демократично, – у нас с этой процедурой свои сложные исторические отношения, и огромная часть общества искренне полагает традиционную западную демократию не высшей и самодостаточной духовной ценностью, но лишь инструментом, вроде гаечного ключа: подходит – хорошо, нет – поищем другой.

Выборы являются источником легитимности российской власти просто из-за неукорененности или неприемлемости всех остальных ее источников.

Демократия для нас носит остаточный характер. Мы живем строго по Черчиллю: даже те, кого от нее мутит, понимают, что альтернативы или никуда не годятся, или просто не подходят.

В последние полтора десятилетия государство ставит эксперимент над самим собой, с нарастающей интенсивностью демонстрируя народу, что его воля больше не имеет отношения к выборам.

Началось с президентских выборов 1996 года под лозунгом “бабло побеждает зло”. Однако в последние годы мы видим качественное изменение ситуации.

Выборы становятся нелегитимными уже не в силу поражающих воображение фальсификаций, начиная от прямых “вбросов” до, насколько можно понять, компьютерных махинаций в рамках системы ГАС “Выборы” (ибо расхождения в данных протоколов избиркомов и итоговых данных трудно объяснить иначе).

Выборы становятся нелегитимными еще до своего официального объявления – ибо к ним принципиально не допускаются новые, вновь создаваемые политические структуры. В условиях быстрого изменения социального облика российского общества, идущего на протяжении всех 2000-х годов, это означает, что огромная, – а возможно, и преобладающая его часть – гарантированно не будет иметь своего политического представительства. Ведь к выборам допускаются только старые политические структуры, опирающиеся на социальную и эмоциональную базу прошлого, и не допускаются те, кто отражает новые интересы, новые понимания и новые смыслы, рождаемые обществом.

Но, может быть, я перегибаю палку?

Есть очень простой и эффективный способ проверки.

Если власть действительно отражает волю народа и является его порождением (этой точки зрения придерживаются те, кто полагает, что нарушения в ходе выборов влияют на их результат лишь несущественно), – она не может уничтожать его.

Если власть порождена народом, она ему служит.

Что же делает тусовка, управляющая государством?

Насколько можно понять, она последовательно уничтожает социальную сферу, эффективно дебилизируя население целым комплексом, вероятно, хорошо продуманных мер.

Она лишает граждан даже теоретической возможности самозащиты, предоставляя беспрецедентные полномочия представителям “правоохранительных” органов и превращая судебную систему в, по всей видимости, карательный орган “круче сталинского НКВД”.

Красиво разговаривая о модернизации России, правящая тусовка выводит ее деньги за рубеж, по сути, направляя их на модернизацию стратегических конкурентов нашей страны и нашего народа. Захлебываясь от нефтяных долларов, утопая в фантасмагорической роскоши и заморозив в бюджете более 40% его расходной части, правящая бюрократия цинично заявляет об “отсут-

ствии средств” на самые насущные нужды народа, усиливает его налогообложение и всерьез обсуждает повышение пенсионного возраста сверх продолжительности жизни!

Каждый россиянин может продолжить этот список десятками конкретных примеров.

Эти примеры с юридической, медицинской точностью доказывают, что современная власть не служит народу – и, соответственно, не порождена им. В противном случае она была бы немедленно поправлена народом.

Это подтверждает высказанную мною гипотезу: современная российская власть, скорее всего, нелегитимна, – и запрет на признание новых политических сил гарантированно делает нелегитимной власть, сформированную по итогам избирательных спектаклей 2011-го и 2012 годов.

Принципиальный вопрос, который нужно решить до лета

Должны ли ответственные представители народа России (самоназвание “оппозиция” контрпродуктивно) бороться за бойкот предстоящих выборов в парламент как заведомо фальсифицированных?

Или же, напротив, опираясь на рост протестных настроений, должны бороться за максимально активное участие в выборах по принципу “голосуй за кого угодно, кроме “Единой России”, тем самым легитимизируя неизбежные фальсификации, но надеясь на ослабление ее позиции в пользу других контролируемых правящей бюрократией партийных механизмов?

То есть – нужно ли подрывать коррумпированную бюрократию или же следует пытаться укрепить себя в “игре в поддавки” с ней, стремясь к дополнению ее декорации – “Единой России” – другими, более приличными и потому повышающими жизнеспособность коррупционного класса партструктурами?

Ответ на этот вопрос не может быть дан одним человеком: он должен быть рожден в ходе обсуждений, в ходе согласования мнений самых разных, пусть диаметрально противоположных сил, объединенных пониманием одной простой истины: “Те, для кого чужды интересы народа, должны уйти”.

Для сохранения России.

РУСЛАН ЛЫНЕВ

РАССКАЖИ, РАССКАЖИ, ПРОФЕССОР

Возможно ли русское экономическое чудо

В самый разгар финансового кризиса, активная фаза которого, как нас уверяют, уже миновала, в Москве вышла книга ректора Российской экономической школы профессора С. Гуриева “Мифы экономики”.

Новое “вечно живое”

Какие же мифы развенчивает автор?

О первом и самом главном читаем уже в предисловии к книге: “В конце 1980-х годов большие надежды россиян были связаны с западной экономической наукой. Тогда казалось, что стоит только заменить марксистскую политэкономию на “экономикс” (популярное изложение американских экономических теорий. — Р. Л.) как в стране сразу наступит всеобщее благоденствие. Однако завышенные ожидания обернулись жестоким разочарованием, и после неудач 1990-х большая часть населения убедилась, что западная экономическая наука просто неприменима к России”.

Откуда же в головах россиян взялись “завышенные ожидания”? Их что, Кашпировский с Чумаком внушили? Нет, лауреат Нобелевской премии Дж. Тобин конкретнее, да и честнее пишет, что появлению этих ожиданий — мифов! — способствовали западные советники, наставлявшие реформаторов в странах Восточной Европы и России: “Демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте методами монетаризма финансы, уберите с дороги государство и наблюдайте, как рыночная экономика сама вырастет из пепла”. Но оказалось, что “не все так просто”.

В “неправильной” реакции российской экономики на советы западных наставников признался один из них — Дж. Сакс, не сумевший вполне освоиться с выпавшей ему ролью “экономического убийцы” нашего народного хозяйства. Хватает и других подобных признаний.

Но если и ряд западных специалистов, и “большая часть” россиян, как признает С. Гуриев, убедилась в ложности выбора, навязанного стране, то российская экономическая мысль — где она? Входит ли сам С. Гуриев и руководимая им академия в прозревшее большинство населения? Предлагает ли нам что-то новое взамен провалившегося “экономикса”?

Увы! Весь пафос книги г-на Гуриева сводится к попыткам отстоять свободу рынка от вмешательства государства, к стремлению доказать, будто ни с чем не сравнимый по своим масштабам рейдерский захват общественной собственности путем приватизации — высшее благо для экономики, будто российский олигархат — неизбежный, но не худший спутник рыночной свободы, будто слабый рубль предпочтительней сильного. Ну и так далее по списку, совпадающему с теми требованиями МВФ, которым в свое время неукоснительно следовало правительство реформаторов Е. Гайдара и за выполнение которых перед МВФ же отчитывалось. Получалось так: государство вон из экономики, а вместо него ею должна управлять некая структура извне. Наднациональная. Чуть ли не надмирная. Любые сомнения в эффективности рецептов, навязываемых ею России, профессор клеймит в своей книге как мифы. И делает это, ссылаясь на авторитет высокой науки, эталоном которой считает все ту же западную, а особо — американскую.

Хотя сама она не едина и представлена разными людьми и направлениями. Наиболее внятно то, которое Дж. Сорос в своей нашумевшей книге “Кризис мирового капитализма” назвал рыночным фундаментализмом. Иные критики не избегают даже выражения “рыночный кретинизм”.

Кроме заезженных постулатов об отстранении государства от управления экономикой, о чуде действенности приватизации и т. д. для этой науки характерна установка, что главная цель экономики — прибыль, и получала ее не на производстве, а в процессе обмена, торговли, где, собственно, формируется цена. То есть за воротами предприятия. Из чего следует, что заводы с их инженерами, рабочими и т. д. — низшая ступень экономики по сравнению с посреднической, биржевой, кредитной. Ну а ее высшие сферы — на финансовых рынках, где путь к прибыли при всей его рискованности — наикратчайший. С этих самых высей на мир и обрушился финансовый кризис, от последствий которого мир отошел еще не вполне.

Не случайно наука, обслуживающая и обосновывающая отрыв “высших” сфер экономики от “низших”, подвергнута критике рядом ученых, авторитетных и известных на Западе. Так, в сборнике под названием “Почему “экономикс” еще не является наукой?”, вышедшем в Нью-Йорке еще в 1983 году, В. Леонтьев, П. Уайлз, А. Айхнер, Р. Эрл и другие экономисты критикуют “экономикс” за чрезмерную абстрактность, отсутствие связи с реальностью, а также политизированность и идеологизированность. Экономист М. Блауг вполне откровенен: “. . . Мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики, где используются понятия “цена”, “рынок”, “товар”, но “все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру”.

Лауреат Нобелевской премии в области экономики 1991 года Р. Роуз считает, что “мэйнстрим” современной либеральной экономики характеризует “растущая абстрактность анализа, которая, похоже, не требует знания реальной экономической системы”. Другой Нобелевский лауреат профессор Колумбийского университета Дж. Стиглиц доказывает, что “рынки при наличии ассиметричной (а по-русски говоря, искаженной, даже ложной. — Р. Л.) информации и других информационных несовершенств являются далеко неэффективными”. Известный экономист Л. Мозес убежден: “То, что сегодня преподается в большинстве университетов под маркой экономической теории, на деле является ее отрицанием”.

Роль либеральных диаспор

Понимание этого с неизбежностью приходит и в Россию, где “. . . даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании новой идеологической схоластики, . . . ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политекономия” (“Вопросы экономики”? № 1, 2001).

Тем не менее, С. Гуриев озабочен тем, как усилить и расширить влияние на нашу, российскую жизнь именно описанной выше “науки”. Для этого, учит он, в России следует создавать и растить “диаспоры” интеллектуалов, сочетающих знание науки и “местных условий”. Уже в самой этой лексике, признаем, звучит нечто колонизаторское.

Ну, а зачатки “диаспор” рождались в недрах еще советских НИИ экономического направления. Их, как давно и широко известно, пасли ЦК партии и КГБ. Когда подошла перестройка, с ведома тех же ЦК и КГБ ряд членов “диаспор” были направлены на выучку в зарубежные центры, в том числе весьма хитрого профиля. В их числе были будущие министры экономического блока правительства во главе с Б. Ельциным – Е. Гайдар, А. Чубайс, П. Авен. Кстати, уже в те молодые годы А. Чубайс откровенничал в прессе, что коль скоро реформы в России с неизбежностью вызовут недовольство масс, власти придется прибегнуть к жестким, даже силовым мерам их подавления. Иначе говоря, работа “невидимой руки” рынка будет тем успешнее, чем активнее ей будет помогать видимая рука государства с весьма наглядной полицейской дубинкой. Кто бы сомневался, что А. Чубайс в состоянии управлять и этой стороной преобразований.

Что же касается отношения к ним большинства “подреформенного” населения, то уже на старте реформ популярный телеведущий, помнится, явно довольный сравнением, упирал на то, что больной, находящийся под наркозом, не должен дергаться и мешать хирургу своими жалобами, просьбами, советами.

Так и реформировали.

Двадцать лет спустя

Результаты? Цитированный выше Дж. Стиглиц оценивает их яснее ясно: “Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем проведения приватизации”. На дореформенный уровень валового внутреннего продукта – ВВП страна вышла лишь на восемнадцатом году рыночных преобразований. Да и что такое ВВП? В общем, вроде бы то, что раньше называлось валовым национальным продуктом – ВНП, только теперь это предстает в денежном измерении. Мы можем работать, как работали, но чем дороже нефть на мировом рынке, тем больше ВВП. Растут в цене продукты, квартплата, крутится НДС, отмываются деньги, добытые в наркобизнесе, – ВВП от этого больше. Это чисто рыночный феномен, возникающий не столько в сфере производства, где производятся реальные ценности (потребительская стоимость), сколько в сферах, живущих накруткой цен. Таким порядком ВВП может расти, а страна не только не развиваться, а даже деградировать.

Если же взять не денежные, а вещественные показатели, то в 2010-м, не самом худшем пореформенном году, промышленное производство в стране достигло, по данным ООН, лишь 74,6 процента к уровню 1991 года. Общий объем продукции сельского хозяйства достиг лишь 80,9 процента того, прежнего уровня, а продукция животноводства 60,1 процента.

Производство стали за этот период упало в 1,53 раза, чугуна в 1,34, проката черных металлов в 1,25, угля в 1,32 раза.

За это же время производство тракторов снизилось более чем в 20 раз, комбайнов – в 10, экскаваторов – в 16,5 раза, грузовых автомобилей – в 6, металлорежущих станков – в 41,3 раза.

Либерально мыслящий человек скажет: так ведь это рынок убрал из экономики все лишнее, произведенное под прежним государственным управлением. Но если рынок и впрямь настолько “умнее” государства, почему он не перенаправил освобожденные ресурсы – в том числе людские! – на создание других, нужных обществу богатств?

Или взять стройиндустрию, где производство цемента снизилось в 2,5 раза, кирпича – в 2 раза, пиломатериалов в 5 раз, башенных кранов в 14 раз. Не подскажут ли нам ученые борцы с антирыночной мифологией, как на такой основе расширять жилищное строительство?

За двадцать лет разрыв в производительности труда по сравнению с США и другими развитыми странами не только не сократился, а возрос. Даже в такой “локомотивной” отрасли, как нефтедобыча, производительность труда снизилась за эти годы вдвое. Причем снизилась не на буровых, а главным образом за счет чудовищного разбухания паразитического слоя “менеджеров”, заполнивших офисы, где никаких реальных ценностей не создается.

Чудеса происходят и в торговле: при снижении товарооборота численность продавцов выросла так, что это сегодня одна из самых массовых профессий в стране, а численность торгующего люда на квадратный метр торговых площадей одна из самых высоких в мире. Как объясняет своим студентам профессор С. Гуриев эти достижения чудо-рынка?

По данным журнала "Euromoney", удельный вес убыточных предприятий в нашей стране увеличился по сравнению с 1992 годом с 15,3 процента до 25,5 процента, доля теневой экономики по сравнению с 1990 годом возросла с 11 процентов до 30–40 процентов, а по рейтингу инвестиционной привлекательности Россия в 2008 году заняла 53-е место в мире. Дорыночный СССР, заметим, в 1988 году был в этой сфере на 17-м месте.

И все описанное, а описано далеко не все, достигнуто в условиях, когда больше девяноста процентов собственности страны перешло из государственных в частные руки. Как нам, освобождая наши мозги от мифов, не устают повторять – более заботливые, бережливые, умелые.

И тут где-то пару лет назад все тот же А. Чубайс выдает, можно сказать, заветное: по сравнению с главной целью реформ – освобождением от коммунизма – экономика занимала "двадцатое место".

Но и это бойкое откровение туземного борца с коммунизмом следует рассматривать с учетом сказанного более значимой фигурой, М. Тэтчер, в докладе, сделанном в ноябре 1991 года на заседании Американского нефтяного института АПИ в Хьюстоне (Техас). Цитирую: "Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было... Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой экономике и сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей". Вот и все. Приехали. Мифам конец.

Стоит лишь добавить, что за двадцать лет упомянутого "освобождения" страна по суммарному показателю "Индекс развития человеческого потенциала", тщательно фиксируемому ООН, опустилась с двадцать шестого, "советского", места в мире (США занимали девятнадцатое), на семьдесят третье. И по оценке такого известного друга России, как З. Бжезинский, стала страной "геополитически нейтрализованной и исторически презираемой".

С учетом этого преобразования отечественной экономики, описываемые С. Гуриевым в его книге, смотрятся и впрямь свободными от мифов. Возможно, потому она и вызвала хвалебные отзывы таких известных деятелей либеральной "диаспоры", как Е. Ясин, П. Авен, А. Дворкович, сделавшие на смеле общественного строя каждый по-своему успешный бизнес.

Как распространившуюся привычку жевать жвачку, как восторженно-истеричный вопль "вау!", как "Макдональдсы" и лицензионные talk-show, так и экономическую культуру мы постарались воссоздать, "как у них". А выходит, что "под них".

ПАВЕЛ ЛАВРЁНОВ

КАМЧАТКА: РУССКИЙ КРАЙ

Камчатцев можно определить уже в самолёте: собранные, серьёзные, без размашистых жестов, громкого разговора. Устраивают детей, хозяйственно раскладывают вещи. И в полёте ведут себя без претензий, довольствуются отмерянными авиакомпанией услугами, не теребят стюардессу вопросами. Высчитав время, пробуют заснуть – там, на полуострове, дома, уже глубокая ночь. Лица – обычные русские, но что-то роднит их между собой, какая-то внутренняя собранность, словно они привыкли постоянно выдерживать некие физические и нравственные испытания.

Выйдя из самолёта, мгновенно осознаёшь: серьёзный край. Солнце светит, лето в разгаре, а вулкан, возвышающийся вдали, заснежен от макушки до пят. Об обманчивости тепла предупреждает и воздух, леденящие струнки всегда присутствуют в нём. И какой бы распрекрасной ни была погода, курточка в руке местного жителя – атрибут неперемный. Но бывало и они, опытные, погибали в лесу переменчивым летом от переохлаждения. Столпившиеся за воротами встречающие искренне рады благополучно вернувшимся домой родственникам, друзьям. Подносят цветы, обнимают, целуют, а то и заплачут. Так уже не встречают своих ни в Москве, ни в других городах.

Отдельной группкой стоят таксисты, крепкие, рослые мужики. Солнце недавно начало шпарить, а лица и руки у них загорелые, и не золотистым пляжным загаром, – рабочим, тёмно-коричневым. Стоят спокойно, без надменности или угодливой суеты, тем и вызывают симпатию. Надёжность в них чувствуешь с первого взгляда. Похожи на вальщиков леса. Они и были до шквала приватизации рыбаками, строителями. Маршрут проезда и сколько взять денег обдумывают так же спокойно. Понимают приезжего по одежде, но не хитрят, не жадничают. Ну, а почему так дорого всё же – уясняешь в дороге. И за три цены не возьмёшься везти, и вообще бы не взялся, на остатках асфальта машину убьёшь, на ремонт больше истратишь. И стоимость бензина как нигде высока. Водитель за рулём молчалив, не поторопится удовлетворять любопытство, на некоторые вопросы не ответит и вовсе. Чего язык обивать: “люди чем занимаются?” – ответы известны: “тем же...”. Ни о морских портах с кораблями, ни о вертолётном отряде с полной авиационной инфраструктурой, гостиницах, земельных угодьях не говорит: “перешли в частную собственность”, а – “разокрали, присвоили”. Самое вежливое: “прибрали к рукам”. И нет-нет-нет работы!

Задетый за живое, таксист всё же разговорился: “В селе Пахачи консервный завод – был. В Средних Пахачах оленеводческий совхоз тоже – был, и в Вывенке рыболовецкий колхоз – был... Уехали русские из посёлков пос-

ле 91-го. Если вы здесь не праздным туристом, побывайте в Ключах, городишко у подножия Ключевской сопки – увидите людей жалкое существование. Не будь военной части при полигоне Кура, там бы все вымерли. Военные и государевы служащие живут более-менее, остальные – как выкрутятся”. Прочно отстоялось у мужика убеждение: “Им мало было власть захватить, ещё и структуры жизнеобеспечения порушили. Варвары, настоящие захватчики-варвары! И народу мстят как захватчики! Специально топят в помойной приватизации нас!” С тем выводом и подбадривает себя: “Ничего, зиму пережили извозом, лето тем более переживём, а там сезон начинается, подадимся в бракуши икру шкерить”.

Проехали невзрачный городок, поименник большевика Елизова – утыкан знакомыми серыми домами в пять этажей.

Вышли на главную дорогу к Петропавловску, и простор раскрылся такой, что в малые размеры полуострова и не верится. Это слегка разреженный воздух играет. В нём горизонты удвигаются за край земли, предметы насыщаются ярким глубоким цветом. Природа вокруг богатырски огромна. И как по волшебству выписалась панорама: белоснежные, чуть подсиненные тенями облачков горы, густозелёный лесок, солнечный луг близ дороги, и женщины на покосе! Жнут серпами траву. Одеты в крестьянские сарафаны, длинные юбки, головы повязаны беленькими косынками. И столь неожиданно видеть на фоне заснеженных гор этот труд – простой и исконный, подходящий скорее средней полосе России, что вначале подумалось, уж не фильм ли какой лубочный снимают или забаву туристам придумали? Нет, это монашки режут молодую зелень для живности. Пожилые, руки морщинистые, и серпами орудут не так уж и складно, и сарафаны, юбки, платочки изношенные. Прервуться в работе, поправят серпы оселком и вновь секут зелень согнувшись.

Монастырь беден до крайности, ютится в бывшей воинской части. В коридоре одноэтажной казармы – иконная лавка, здесь же скудный иконостас. Старенькая увечная женщина до копейки выбирает из жестяной банки сдачу. Благодарит за пожертвование, советует, какую иконку купить. О трудностях монастырского быта – ни слова. “Живём с Божьей помощью”. Поразительна черта русских – не жаловаться! И добавила только: “Тепла зимой мало”. Господи! В полуразрушенной казарме – какое тепло?! Щелястый пол, разошедшиеся оконные рамы, скрипучие двери не закрываются плотно. А снега зимой поднаваливает – крыш не видать! Норма – три метра, а то набросает все шесть! В Петропавловске по сугробам в окно чуть не второго этажа заходи! Пробивать дороги в городе помогают военные, а здесь, в закутке, в стороне от города и шоссе?!.. И сила камчатского холода вовсе не добрая. Промерзаешь насквозь и так быстро, что когда спохватываешься, уже и воля подавлена двигаться, и оковевший мозг отказывается соображать. “Благослови, матушка”. – “Езжай с Богом, сынок”.

И напуганное это, и иконка бумажная, и затепленная в монастыре свеча спасут нам потом жизнь. По гравийной дороге на Мутновский вулкан лопнет у служебной машины заднее колесо и потянет не влево – в скальную пропасть, а в правую сторону. Тут же лопнет шина и переднего колеса, завалимся в неглубокой ложбине. Камчатский хирург порадует: “Повезло вам”. “Повезло”, – скажут многие. Изумится автоинспектор: “Как это ездили вы? Посмотрите на шины: резина внутри пожелтела, сгнила, расслоилась!” Главбух компании не поверит, покажет мне документы: “Вот – счёта, месяца не прошло – новую покупали”. А хозяин компании, на кого подрядился работать, закрывая пути серьёзному разговору, заголосит из Швейцарии по телефону трусливо: “Сам виноват! Сам виноват! Я узнавал, узнавал, нельзя по этой дороге на легковой ехать!” Безропотно соглашусь: виноват, вобрал в голову блажь, что с нуворишами какие-то дела делать можно. Повезло, повезло, Богу благодаря, дурь из головы вышибло. Какова приватизация, таковы результаты: на воровские деньги олигарх и собственный бизнес по-воровски слепал. Доходы в несуществующие расходы списывает, даже если это касается жизни людей. Повезло. Спаси Господи.

Не у всех автоаварии здесь оканчиваются малыми жертвами. Безденежье толкает камчатцев искать резину самую недорогую. Какими путями приплывает этот товар, где хранился и как? – кажется, не знает никто. “Из Японии! Фирменные!” Поди-ка проверь. Сказать о лабораториях качества – не поймут, о чём вообще разговор? Документы в порядке! Ну точно, как и в России

всей — заслониться бумажками. И у местного продавца — долгие холода, влажность от океана, а тёплые сухие склады в городе наперечёт. Машины круглый год во дворах, если завалит снегом, с этих горок потом дети катаются. По весне завели, одобрительно удивились: “Во какие автомобили японцы делают!” По-о-ехали! Искушает и горизонт — это камчатский морок: свободная природа, прозрачный воздух, горы вдаль, пустынная трасса. И с какой скоростью ни езда, а всё, кажется, медленно. В азарте ощутить движение забывается опасность ухабов, а когда возникает перед глазами участок развороченного шоссе или взрывается колесо, тормозить поздно... Молодых ещё и выпивка губит, наркотики.

И другая подстерегает беда, о какой в благополучной жизни не думаешь — м а р о д ё р ы. В нашей аварии нам повезло больше, чем виделось изначально. Скальпированная рана на голове жены, сотрясение. А по удалённости от жилья, отсутствию связи, безлюдью могло развернуться и хуже, не проезжай в ту минуту местные жители. Это, быть может, самое дорогое, чего не забыть, когда на помощь тебе, оглушённому и не вполне соображающему, бегут люди — наши. Женщины дали воду, платки, взялись опекать мальчишку. И такая боль сострадания была в лицах, будто это не мы, а они угодили в беду. Мужчина-водитель повёз нас в ближайший, километров за десять, посёлок, в расчёте найти там медпункт. И гонял ещё раз за нашим парнем. И денег не принял. Так и сказал: “Грех наживаться”. А ведь они по ягоды ехали, объединяясь семьями, чтобы расход на бензин уменьшить. Не спросил я его имени или спросил, да позабыл сразу, но всегда, заходя в храм, ставлю за здоровье его и спутниц свечи.

Небольшой, в болезненной бедности посёлок Геологи. В заполошенной голове запомнилась площадка у магазина, безуспешные поиски медицинского пункта; испугавшаяся вида открытой раны местная жительница, но всё же пересилила себя, села в машину — показать дом престарелых, в нём медик и спасительный телефон. Дежурные няни, звонки в Елизово, мучительное ожидание, безразличные, вялые старики в коридоре — не совсем в себе вроде, тяжёлые запахи человеческих тел, казённой кухни, сырого белья. А машина “скорой помощи” заплутала, поворачивала уже обратно, неизвестны водителю ни дом престарелых, ни деревушка та. Но нам повезло, нашли и в дальнейшей помощи не отказали, не трясли цинично страховой полис, как это теперь часто делается на материке. Молодой хирург — твёрдый, спокойный, сказал в поддержку нужное слово и лоб чисто заштопал.

Перебирая потом по звёнышку наше спасение, убедился: сказочно повезло, нигде и ни разу не упёрлись в корысть, равнодушие, никем оттолкнуты не были. А злосчастный тот медицинский полис всё же был спрошен, но с каким тактом, и как аккуратно состроился разговор! “Вы не помните номер? Нет-нет, это не к спеху! Ничего страшного, если узнать не получится. И без полиса лечение проведём; отчитаться по бумагам сложнее будет, но вы не волнуйтесь, не хуже сделаем всё!” — Та самая, домертва затоптанная в центре России, а здесь сохранённая отзывчивость наших, теплота сердца — природная культура нации. Шведский учёный Стен Бергман, накрутивши по полуострову на собаках в 20-х годах XX века 2 700 км (“почти в два раза больше, чем длина Швеции” — Бергман), с дутым академизмом вывел: “Я считаю, что человек, проживший на Камчатке в течение десяти лет, потерян для цивилизации и не пригоден для упорядоченной работы”¹. Не тронутый в междоусобице гражданской войны “красными”, “белыми”, получавший всюду от жителей помощь, Бергман так и не развидел вполне русских и камчадалов. Той же осталась с тех пор природа, и всё так же шквальными ветрами, морозами, силищей Тихого океана задаёт она образ и движение здешней жизни. Не “вуаль ничегонеделанья, лени и медлительности”², а вдумчивая несуетность, душевная ровность, ясное естество камчатцев. Всем бы такими быть...

...Разделаться с аварией не так просто. Недоверчивый, как и повсеместно у нас, несочувственный милицейский допрос, протоколы, долгий поиск по разрушенным елизовским задворкам эвакуатора. Необходимое возвращение

¹ Стен Бергман. По Дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 15–16.

² Там же, с. 15.

к роковому месту. Плавный откос, низинка, журчащий ручей, переломанные ветки кустарника. Глядя на перевёрнутый кем-то кузов, не сразу понял, что ещё произошло с машиной за то время, как мы из неё выбрались? Сухой, жилистый, дочерна загорелый эвакуаторщик, взяв с крюками подъёмника, без колебаний опознал: “Мародёры”. Сказал это обыденно, как должное, не тратясь на возмущение. Сняты уцелевшие два колеса, выдрано радио. Мародёры шарили по забрызганному свежей кровью салону и собирали, что могли унести. Для удобства грабежа понатужились в несколько пар неслабых рук перевернуть кузов.

Хаживая ежедневно в слепенькую елизовскую больницу, часто был свидетелем привоза изуродованных в автоавариях мужчин, женщин. В воскресные дни и по несколько. Всегда в рабочем настрое, хирург как-то сказал в перекуре: “Когда не привозят – в отделении праздник”. И во всех случаях, если беда настигала людей подальше от города, обязательно хищничали мародёры. Не банда, не сбитая шайка, не уголовники – обычные жители полуострова, те, кто проезжал случайно той же дорогой. Не брезгуя, потрошили окровавленные внутренности машин, ставших, быть может, кому-то гробом. И все ограбленные воспринимали мародёрство как нечто незначущее. Житейская норма!

Нищий быт, безработица, разъединённость.

“Не были люди такими здесь! – Это мне житель Петропавловска в ответ на мои размышления говорит. – До приватизации случая не припомню, чтобы человека на дороге оставили. Узнают, что в пургу мимо проехал – заключают, сживут со свету! А недавно подобрали мы двоих школьников, по морозу в коротеньких юбочках шли. Домой с супругой приехали, разобрали сумку с продуктами, пары бутылок пива нет! Сидели, засранки, на заднем сиденье, носами шмыгали, и на глазах обокрали! Ни молодых, ни старых больше не пожалею! Подышают пусть на обочине!”

Приговор этот смертный, вынесенный нами в большой России друг другу давно, здесь не приемлет ни ум, ни сердце. В божественной чистоте камчатского воздуха как будто очищается и душа. И хотелось бы думать, что случайный тот собеседник – зрелый, интеллигентного вида, сгоряча отрёкся скопом от всех наших, своих. Подвёз же меня вот, правда, за деньги. “И за деньги порой не помогут! – Егерь Александр Иванович, ширококостный, с огромными кулаками, бывший милиционер. К новым нравам отказывается привыкать. – Осенью, на федеральной трассе – ехал из посёлка Мильково (300 км от Петропавловска), стоит семья, машина сломалась, запасное колесо жгут – греются. Ни один большегруз не остановился! Отец семейства и деньгами “голосовал”. Пропылят по грунтовке и не притормозят, а видят – с маленьким ребёнком бедуют. Так бы втроём и погибли от холода”. И всё равно противясь стороннему мнению, потягивает смягчающие резоны нашей самоубийственной разъединённости подыскать, но признать её понуждает и личный опыт. Проезжали и мимо меня. Всеохватный кинжальный ветер, колючий снег, метучее небо. Одет был тепло, а всё равно одеревелен от мороза. Не дождавись автобуса, махал попутным машинам, жестами показывал: замерзаю! “Дворниками” обмахнут стёкла и дальше катят. Слава Богу, не слишком далеко от жилья ушёл, сил хватило вернуться.

...С милицией этой не развожаешься. Непонятная перекидка бумаг от одного чина к другому, и ходишь, ищешь кабинеты по разным углам, ещё и в приемные часы попади, а то нельзя в коридоре стоять, на улице вызова ожидай. Мёртвые лица, чужие. Что в России такими делает их?! Даже камчатская благодать не врачует. Последний в длинной верёвке, молоденький лейтенант ужас как тобой недоволен! И ммуростью детского лба, бурчливостью ломкого голоса, чрезсильной нехотью жестов даёт это понять. Вот-вот осталось ему последнюю точку поставить, и – дружески вдруг улыбнулся: “Продайте документы мне на машину. Три тысячи рублей дам”. Тоже вид мародёрства. И расчёт его верный – угрыз ты в своей беде, сейчас не здесь ты и мысли твои. За так бы документы отдал, да машина служебная. Русский по внешности лейтенант, а *нашим* язык не поворачивается его назвать, как и грабителей на дороге.

“Наша милиция была образцовой, – вспоминают камчатцы, – пока и её ядом наживы не отравили”.

Просторы, просторы – на все концы света. Воля! Но вот на пути к Петропавловску приподнялись вдалеке разрушенные строения – бывшая ферма. Кормила город свежайшим и очень вкусным, наверное, молоком. И ещё одна, четыре стены остались. Животноводческие хозяйства – были. Невыгодно стало молочные продукты на месте производить, а выгодней болтушку из порошка, соевый творог, водянистый кефир из Москвы гнать. И невольно отвлекаешься от окрестных красот, мысли жечь начинают. Невыгодно на Камчатке и свиней держать – мороженое мясо с колбасами сюда тоже из Москвы тащат. А в Москву – из Европы, Латинской Америки! Бизнес: “нефть в обмен на продовольствие”. Хозяйственная гнусь, бесхозяйственное безумие, со всего мира соскребаем себя подкормить. А мясо здесь определённо – лучшее в мире, скотина чистыми травами кормится. Свидетельствую: волшебные травы – мясо волшебного вкуса от них. И, значит, какое должно быть камчатское масло?! Такого масла сливочного я не нашёл. . .

На рынке в Петропавловске ведро картошки парень молодой продаёт, вырастил на шести сотках. И продаёт интересно: возьмёт картофелину из ведра, повертит и нехотя обратно кладёт, как будто ему расставаться с ней жаль. “Рассыпчатая?” – “Картошкой без масла мы её называем”. Купил, проверил и – отроду нежнее картошки не пробовал. Лакомство. Ни молока, ни масла, ничего добавлять не надо, разве крупной соли чуть-чуть. Да, такая сказочная земля.

Или вот мнение противной стороны, если мои радости преувеличенными покажутся: наезжий олигарх свёклу с прилавка хватает, в сидор сует, сопровождающему камчатцу восторг выражает: “Сладкая, без запаха дуста! Ни разу в жизни подобной не ел.” Это он-то, грузенный миллионами долларов, половину времени в европах живущий! Натолкал овощей в чемодан – в логово своё вправду потащит, с женой и приплодом потчеваться. Мешками, ящиками, ведрами еду на Камчатке хапает – десяти видов рыбу, икру, ягоды, огурцы, помидоры, морковь! До прилавка с салом добрался, попробовал и, не отходя, без хлеба есть начал! Да-да, умопомрачительного вкуса и сало здешнее. Украинцы, приезжающие на работу под видом туристов, драгоценными гостинцами камчатское сало домой везут, в холстину бережно уворачивают.

Удержу нет о камчатском сале ещё рассказать: идея навестить жену в елизовскую больничку, ничего не придумал лучше, как купить полкило сала, дух завлёт, и внешне заманчиво выглядит: белоснежное, облеплено лавровыми листиками, чесноком. Принёс, отдал – не знал, будет ли есть. На следующий день встретила меня вопросом: “Сало принёс? – Впервые после аварии повеселела: – Тот кусочек мы сразу съели!” Так и носил на всю палату несколько дней. Это в Елизово, сухой засолки я покупал, а в Петропавловске и в рассоле делают – в руках тает! Без перекупщиков, сами готовят, и сами перед покупателем за свой продукт отвечают, не таясь рецепты расскажут.

Не был я прежде большим поклонником этой старорусской еды, на Камчатке открылась её подлинность. Сравнивал потом с тем, что на материке предлагают, привозили и с Украины нагула “в пять пальцев” – близко до камчатского не дотягивает. Камчатское – эталон. Камчатский воздух, вода, земля – эталонные. А в Москве за рыбные квоты до смерти убиваются! Роман Абрамович проговорился однажды: рыба затрат на воспроизводство не требует – ума и труда, то есть, как они привыкли в России хозяйничать. Что – продукты?! Три метра ростом бурый медведь вырастает, рысь до полутора метров, лось до восьмисот килограммов веса нагуливает! Непомерной силы земля Камчатки. Пощадил нас Господь, слабоумных захватчиков на Россию наслал, иначе б они эту землю горстями ели, до камней бы когтями выскребли.

Но как ни расхваливай качество местных продуктов, а мало их, ничтожные крохи. Там женщина ведёрко помидоров торгует, в тепличке вырастила – крупные, налитые, цвет кожицы овощей повторяет её рук кирпичный загар, у другой – огурцов небольшая горка, крепенькие, тоже тепличные. Не много и картошки по осени, сала того же – по пятку пластин человека три продают. Нерентабельно скотину растить, землю возделывать нерентабельно, хотя горячая вода на обогрев теплиц и коровников дуром из земли бьёт. В городских и сельских магазинах еда привозная – от рыбы и до куриных окорочков, а рыбёшка-то – истощённые тушки чека, перемороженные! И – водка, водка,

водка всех видов. Со всех концов России натащена. Книг в сельских библиотеках столько не наберётся. Батареи бутылок, от пола до потолка прилавки уставлены. Чипсы ещё к пиву есть, стружка из кальмара, рыбные брюшки вяленые, ну и всякие консервы – с материка тоже закинуты. Камчатские овощи, мясомолочное и не ищи. Землю обрабатывать нерентабельно, и много ли, согнувшись в три погибели, корма коровам серпом нажнёшь?

Всё-таки колотятся камчатцы с землёй. Записываются “индивидуальными частными предпринимателями”, арендуют участки. Обихаживают сады в шесть соток, пышно называемые дачами, так же как и на материке, поспевают в выходные дни рассаду высадить, грядки вскопать. И земля отзывается. Такого буйства цветения, роста, плодоношения не встретить в России нигде, даже в благодатном Крыму. В посёлках держат мелкую живность, ту, что могут прокормить, обеспечить теплом. И не высчитывают мелкоторгашески трату собственных сил, а риски потери урожая большие. Вот один парень из Петропавловска взял надел, посеял рожь, но повалил прежде времени снег. По расчёту, покинуть бы урожай, а не бросил на погибель колосья, в одиночку поднимал из-под снега и спас, собрал зерно, высушил. Или всё в той же елизаветинской больнице: женщина с переломанным в аварии тазом, мать двоих детей, муж в океане на рыбалке пропал – переживает, да не о здоровье своём: с картошкой что будет теперь, выкопает некому. Ей урожай жалко. И не ругает, не клянёт никого, обдумывает: с чем в зиму семья останется; ещё и за аренду земли платить, и ссуду на семена брала, с процентами отдавать.

По логике – за рыбу здесь цепляться должны, так нет же, землю хотят обрабатывать! Руки к земле лежат! Дайте землю! Не на кабальных условиях! Вот она, выжившая, не сломленная тяга к исконному своему труду. Отдайте русскую землю русским!

...Эту многострадальную камчатскую рыбу я ни в одном здешнем магазинчике не нашёл, ни сельском, ни городском. В Петропавловске единый закуток выведаль, так рыба в нём дорогая, и заваль какая-то. И на заброшенном причале разок видел, выгружали с небольшого кораблика мороженую горбушу – сплюснутая, кривая, грязная, стиснутая в брикеты. А живая рыба под боком! Небольшая речушка Авача на окраине Елизово, прозрачная чистой воды. Упругое ровное течение мягко окатывает прибрежные камни. Здесь бы тебе и рыбалка домашняя, и семейный отдых на берегу. Горожане и отдыхают – стоят на мосту, смотрят в воду, как рыба идёт. Нескончаемы косяки. В иных местах в два слоя валит. Рыбины с боками пока ещё толстыми, только что из океана в реку вошли. Длинные широкие спины, тёмно-серые, темнее осенней воды. Идут и идут по течению вверх на нерест. Иногда всплывают в глубине. Увидав сверкание чешуи, мужики переговариваются: “Серебро”. Это высшая похвала зрелой нагулянной рыбе. Эх, сейчас бы одну такую красавицу на руки взять, гибкое сильное тело ладонями ощутить! Она свежестью, чистотой пахнет! Нельзя, рыбнадзор на берегу караулит, специально приехали, за людьми следят. Правильно вроде, пусть роженицы вглубь Камчатки подалее уйдут. Было бы правильно, если бы знали о тысячах, десятках, сотнях тысяч тонн нашей рыбы, отдаваемой в соседние страны! Камчатцы знают об этом, у кого родня, у кого знакомые на рыбалку в океан ходят, вдоволь порассказывали о кощунстве. Дети сизмала о преступном промысле знают. В новостях позорные скандалы настраили!

Такой бы рыбы каждому жителю России хотя бы грамм по пятьсот в неделю съедать, и продолжительность жизни многократно умножится! Во всех видах камчатская рыба полезна, и чем проще готовишь её, тем лучше. Вот так, например: в кипящую воду опускаешь небольшие куски, – провариваются моментально, вынул, посолил и никаких специй, приправ! Насыщенный, естественный вкус, тонкий, живой аромат. А детям рыбные ёжики нравятся, вот бы их на материке все наши тоже попробовали. Простейшее приготовление: красная рыба (свежая) режется вместе с кожей и чешуёй на небольшие кусочки, смешивается с сырым яйцом, посолить и ложкой выкладывать на сковородку, навряд оладьев. Ёжики мгновенно изжариваются. Вкус! – за уши не оттащишь, язык проглотишь и ум отъешь. Любая красная рыба подходит. Голова, хвост, плавники, хребет – уха минутного приготовления. И тоже просто: загрузил рыбные остатки в кастрюлю, положил очищенную картошку, морковь, луковицу, лавровый листик, соль, чёрный перец. Картошка сварилась – готова уха. Жаль, нигде больше в России рыбы такой не найдёшь. О чешуе я

специально сказал, по материковой необразованности пытался счищать её, не знал, что и она съедобная. Спрашивал местных, понять не могли, зачем красную рыбу чистить? В ухе, жарке, парке *серебро* полностью растворяется, в пищу входит. А европейцы и американцы, приезжающие попутешествовать, вовсе безграмотны. Придя впервые на рынок, рыбу в руки бояться брать: “Вредная для здоровья – крашеная!” По их знаниям не бывает природная рыба ярко-красного цвета. И никакими доводами не убедить, пока на рыбалке не побывают. С иностранцами, к слову сказать, приключается и такое: в обморок едва не падают, когда проводник воду для ухи в реке черпает. А расчувствуют речную воду, встают по течению – пьют, умываются. Сказочный край, слово в слово можно Стеллера через четверть тысячелетия повторить: “лёгкая и чистая вода”, Бергмана через век – “наивкуснейшая вода” – это в ручьях, реках. Но и водопровод её не испортил, из-под крана по сей день с удовольствием пьёшь, хотя в водопроводной железе избыток, посуда краснеет.

Стоят камчатские мужики, в реку смотрят, мимо их рта *серебро* плывёт. Они тоже теперь за рыбалку платить обязаны – покупать лицензию. И забирать домой всего один хвост, остальную рыбу назад в реку выпустить. Рыбалка к спорту причислена. И тоже вроде бы правильно – разумное сбережение, если б не знать, как там, в глубине полуострова давно уже бракуши по берегам сидят, икру шкертят. Не сами по себе браконьерят, у всех покровители от милиции, ФСБ, военных – “крыши”. Бракуши *серебро* не берут, вспарывают самочкам животы, вынимают икру, туши выбрасывают. Рыба им *нерентабельна*.

Не за это ли сменщики советской власти кляли её, рассказывая о злодеях-колхозниках, бросавших пустую рыбу по берегам гнить?! Социалистические экономисты отбрёхивались: реки на Дальнем Востоке в труднодоступных местах, *нерентабельно* улов вывозить. Уничтожили зловредные рыболовецкие колхозы, как тот, в древнем посёлке Вывенка, и – была *нерентабельность* преступлением государственным, стала преступлением частных предпринимателей под “крышами” государственных служб, ещё и с участием бандитов, конечно. А единственный на полуострове вертолётный отряд присвоен двумя дельцами, по закону приватизации присвоен, и цена у них за один час полёта аховая! Никаким *серебром* не окупить. Впрочем, придумал же грамотей Абрамович – *рыба вложений не требует*, то есть с такого конца теперь понимай: незачем доставкой голову заморачивать и руки на переработке пачкать.

... Стоят мужики, в воду своей Авачи смотрят, не разуверить их, что не насильники над камчатской природой во власти сидят, и уничтожение структур жизнеобеспечения не специально содеяно. Три грузопассажирских порта в Петропавловске – на ладан дышат, рыболовецкий флот разворован ещё в 90-х, приписка кораблям сменена, под иностранными флагами ходят, рыба на сторону продаётся, доходы на зарубежных счетах оседают. Весь Дальний Восток этим разором охвачен. И браконьеры – не те, кто по найму икру “шкертит”, эти за копейки батрачат, в шалашах во все погоды на холодных речках живут, комарьё, мошку собой кормят, – а кто под “крышами” икру тоннами на материк гонит.

... А мужики стоят – денег на лицензию нет, и заработать негде. Можно бригаду сбить, уйти в глубь полуострова и тоже браконьерством заняться. Но если поймают, никто без “крыши” за них не заступится, штрафом обложат или посадят, как сажают на материке за полмешка окуньков, выловленных самодельной нитяной мордой. Лицемерное, отталкивающее жизнеустройство. Стоят мужики, нет работы, земли нет, и рыбалка домашняя отнята. Впереди северная зима, непомерные коммунальные платежи (вдвое выше московских!), налоги. До подобного способа очищения дальневосточных земель от русских людей ни одна власть за всю историю России не додумывалась. И с иным пониманием вспомнишь “вуаль ничегонеделанья”, “лень и медлительность” Бергмана – как же сытно и обеспечено, даже в гражданскую войну, жили здесь, если могли позволить себе неспешность, размеренность быта?!

Дети ловчее всех к двуличию приспособились. Вот и сейчас, пока родители в тёмную воду смотрят, они пропитание добывают. Вверх по течению, немного повыше моста река изгибается, уходит в сторону от домов. Здесь и берега поположе, и света больше, вода на каменистых отмелях в лучах солнца блестит. Рыбнадзор не приходит сюда, слишком мелко, чтобы браконьеры сети поставили. А детям раздолье. С того берега, если увидят, они

в лесок убегут. Но всё равно опасаются, по сторонам глядят. У них – браконьерство простецкое: длинный горбыль, к нему привязана верёвка, алюминиевая ложка вместо блесны, крючок. Забрасывают уду и на себя тащат. Жаль, с низкого берега не видать, когда косяки идут. И горбыль слишком тяжёлый, двумя руками приходится изо всех сил волочить. Но не такая это долгая маята, раз на пятый обязательно какая-нибудь рыбина ложку схватит. Золотая пора для рыбалки – безветрие, реки не засорены опавшей листвой, рыба разноцветные листья с наживкой не путает, да и сила в ней играет пока ещё, это потом она начнёт усыхать, серебро пойдёт пятнами, потускнеет, отменет, наконец, икру и умрёт на Камчатке. У мальчишек с рыбалкой всё же не очень ладится, умаялись верёвку забрасывать, бегать по берегу, удило тянуть. А вот и поймали! Ого, да чуть ли не кит! Бурунит рыба воду, похрюкивает, еле вытащили из реки. Отцепили крючок, смотали верёвку, палку бросили. Подхватили под жабры с двух сторон и бегом понесли. Здоровая рыба, килограммов шесть-семь, чистое серебро, мальчишек по ногам хвостом хлещет, словно подгоняет бежать быстрее. Домой понесли или на улице продадут, рублей пятьдесят выручат, еду себе купят.

В году 2005-м, летя на Камчатку бессчётный раз, разговорился с женщиной в самолёте. Оказалось, живёт и работает там, служит в системе исполнения наказаний. О преступности сказала бесстрастно, словно патологоанатом, определивший заблуждение, повлекшее смерть: “Осужденных у нас не вывозят, оставляют отбывать срока на полуострове. Много осужденных за воровство, есть *малолетки*. Воруя в своих же посёлках от простого желания поесть. Мотавшие срока – в каждом посёлке, и постепенно число мотавших увеличивается. Количество больных туберкулёзом растёт. Посёлки превращаются в *спецпоселения*, естественным, так сказать, путём”.

Покачнёшься от мысли: не чиновники, помогшие присвоить рыболовецкие корабли и вытолкнувшие флот в оффшоры, не министры и депутаты, создавшие условия невозможности сдавать в Россию обильнейшие морепродукты, не “собственники” портов с их заоблачными тарифами, а вогнанные в нищету камчатцы – преступники! оголодавшие дети – государству враги! В который раз смыслы в русской истории подло вывернуты и опасужена жизнь. Я видел тех – *отмотавших*, вдали от Петропавловска, в глуби Камчатки видел, брались работу сделать, траншею киркой и ломами копать – парни лет двадцати пяти. У них сил нет! Они мускулами, телами худые! До среднего роста едва доросли! А походка, жесты, выражение лиц – блатные. Так и не смогли осилить работу, выпросили аванс и сбежали. И нищих детей видел – в посёлке Атласово, пугливые, боялись к вертолёту подойти. Поздняя осень была, заморозки начались, одеты в китайское, самое дешёвенькое синтетическое трико, такие же тонкие курточки, в летних тапочках. Щуплые, руки в цыпках, личики грязненькие. Рассказал об увиденном в Петропавловске, местные утешили, ободрили: “В Атласово жизнь сносной считается. Есть посёлки, где много хуже: село **Майское** – страшнее всего; посёлки **Октябрьский, Озерновский** – в рыбный сезон чуть оживают; посёлок **Лазо, Ключи**...”.

Эти **Ключи**, что рядом с полигоном Кура – безжалостной бомбардировки картина, словно не на полигон, а на дома швыряли с материка боезаряды. Таких декораций о конце света ни один режиссёр не сочинит, здесь сама История человечества завершилась: разрушенные здания, обломки станков, разграбленные конторы, остовы механизмов, старая древесина разбросана по речным берегам. А был, совсем недавно был леспромхоз. И в 20-е годы XX века: “важнейший торговый центр внутри полуострова. Здесь базируется торговля пушниной всей долины реки Камчатки”¹. “Ключи очень красиво расположены у подножия вулкана. За деревней река Камчатка течёт без ледяного покрова круглый год. Так что можно рыбачить всю зиму”². И если бы, если бы только камчатские поселения, – **Магаданский край, Северо-Эвенск**, – бедствие, быть может, и худшее. Хотя некуда хуже... А мы гуманитарную помощь по всему миру тоннами гоним! Сокрушаемся о тех, кто за границами нашего государства на доллар с небольшим в день живёт! Далёким от нас народам миллиардные прощаем долги! В не-

¹ Стен Бергман. По Дикой Камчатке. Петропавловск–Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 55.

² Там же, с. 55.

востях победно о том рассказываем! Вот же они, наши, крайне – уже и за край – в одежде, еде, жилищах нуждаются! Нечеловечески нищее, жалкое существование. Никогда, ни при какой власти, за всю истории России так плохо не жили здесь.

О жизни полуострова в тяжкие годы братоубийственной гражданской войны Стен Бергман и такое знание (как специально сравнить) оставил на память: “Если ламуты живут вблизи от какого-нибудь богатого коряка, у которого может быть от 4000 до 5000 животных, то ламуты обычно предпочитают ездить к нему, чтобы выклянчить несколько оленей. И вежливые коряки, которые, конечно, немного гордятся своим богатством, выходят и ловят столько, сколько ламуты желают. Всё это происходит в дружеской форме, и ламуты, вероятно, совершают ответные услуги корякам... Но коряки часто говорили мне после таких визитов за мясом: “Да эти ламуты – негодники, всю зиму беспрерывно ездят к нам за оленьей. Они не хотят резать ни одного из собственных оленей только потому, что мы даём им то, в чём они нуждаются. Следовало бы не давать им ни одного оленя. Ведь они могли бы получше заботиться о своих собственных, вместо того, чтобы бегать вокруг, охотясь на соболей”. Но в следующий раз, когда появляются ламуты, их гостеприимно принимают, угощают чаем и мясом, и обратно ламуты едут с нартами, нагруженными оленьей. Ламуты объяснили мне ситуацию так: “У этих грязных коряк столько оленей, что надо быть дураком, чтобы зарезать какого-нибудь из собственных”¹.

В этой записи с привкусом зубоскальства не “нечистые” или “чистые” занимательны – изобилие камчатских продуктов, свободная жизнь, открытая щедрость наших важны! Физическим, душевным здоровьем край изобилует. И в XVIII веке: “Как русские, так и ительмены достигают довольно значительного, а многие из них даже весьма преклонного возраста; при этом они вполне сохраняют свои силы и постоянно делают свою работу и сберегают зубы свои такими же здоровыми и целыми, какими они были у них в среднем возрасте”². – И туберкулёза в отсталом веке не знали! – “Чухотки и лёгочных гемифитических заболеваний я там никогда не встречал. ... Об эпидемических и о заразных болезнях там никто не имеет ни малейшего понятия, хотя летом по всей стране разносится отвратительное зловоние от бесчисленного количества дохлой рыбы, повсюду покрывающей берега рек. Несомненно, сильные и постоянные ветры, равно как прохладный воздух, препятствуют заражению его плохими элементами брожения, которые не могут в нём держаться”³. А народу на полуострове, что тогда, то и сейчас – щепоть живёт!

Люди порты построили, заводы, города, военные базы, инфраструктуру жизнеобеспечения создали. В 91-м открыли Камчатку для свободного посещения. Раскрепостили? Обокрали приватизацией! И деньги, что камчатцы всю жизнь копили, зазванцы в свободу рынка до грошей обесценили. Многие жители сбережения свои держали на сберкнижках в Москве. Планировали на материк в старости перебраться, совсем не то нынче здоровье у стариков. Заперты, в домах престарелых теперь заперты, как в том малоизвестном посёлке Геологи. И толики имущества, что они создавали здесь, у них нет! Ограбили и рассовали по медвежьим углам. Господи, дай старикам нашим сил.

Всем сердцем жаждешь с Камчатки добрых известий, а напарываешься на статью “Камчатский ГУЛАГ”: “С начала года в местной ИК-6 скончались семь осужденных. В зоне, изначально рассчитанной на 300 заключённых, сидят более полутора тысяч... .. В ИК-6 полно ранее не судимых работающих молодых людей... в одном помещении с больными туберкулёзом. ... не исправление, а уничтожение “контингента”. ... Неадекватно жестокая расправа над собственным населением...”⁴.

¹ Бергман Стен. По Дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 109.

² Стеллер Георг Вильгельм. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999, с. 56.

³ Там же, с. 56.

⁴ Терентьев Д. “Камчатский ГУЛАГ”, “Аргументы недели”, 20.10.10.

На подступах к Петропавловску грудятся старосоветские технические сооружения, протянутые поверху трубы. А вот и жилые дома, такие же, что на Урале, в Сибири, словно с материка не уезжал. Безликость коробок, на фасадах наляпы вывесок магазинчиков, переделанных из квартир первых этажей. Газоны без травы, грязца, помойные баки с горами мусора.

Комсомольская площадь с боевым танком на пьедестале, съезд с холма, и вот он – берег Великого океана! Далеко-далеко вдаль вошли глубоко в Океан горы. Гигантская бухта – Авачинская, а без единого корабля. Тёмная прозрачная вода, живой берег, необходимый природный мусорок на вулканическом чёрном песке. Набрать в ладони тихоокеанской водички, поднести к лицу и – отпрянуть! Вода соляркой воняет, масляная плёнка руки покрыла, кожу зудом дерёт. И воздух на берегу нечист, автомобильные выхлопы со всего города сползают сюда, стелются по побережью.

Вправо уйти, что за сопками находится, посмотреть – и душой опадёшь: облезлые дома, разбитый асфальт, по всей земле мусор. Трущобы! Испарилась краса Камчатки! Ржавые железные двери домов выворочены, словно танками кто штурмовал (в закрытых городах, слава Богу, получше. О том военгородке, что рядом с полигоном Кура, камчатцы с завистью говорят: там чистенько, дорожки, девушки в туфельках ходят).

И влево, вдоль побережья – скромненький памятник защитникам полуострова, несколько стволиков старинных пушек, два деревянных домика с крошечным музеем в одном из них – вот и все радости знаменитого города на краю нашей земли.

Гаже всего морские ворота выглядят – порты, частная собственность, а ими будто иноземные вороги овладели, взяли камчатские врата приступом и разрушили мстительно. Труды поколений, крайние силы русских людей, от всей страны огромные деньги – в бездну ухнуты! Морской вокзал: часть имущества в металлолом продана, остальное, за ненадобностью, брошено. Ветра, плетевые, со снегом дожди доразрушили здания, инфраструктуру, в конце концов, полностью вокзал снесли. Пустырь. Чуть лучше соседний торговый порт, но и в нём со дня приватизации ни одного кирпича не положено, ни один механизм на причале не обновлён. Сокращается год от году оборот грузов, и рабочие места сокращаются. Собственнику печали в том нет! Он с местных бизнесменов деньги качает, что подержанные японские автомобили сюда на продажу везут. Они и рады объехать его, да других приспособленных мест для выгрузки нет. Собственник этим пользуется, как паук из своих жертв соки сосёт. Не эмоциональный захлёт, холодная ясность: какими же скудоумцами там, в Москве, надо быть, чтобы стратегические объекты на рубежах России в кривые руки впихнуть?!

Неприглядна картина русского побережья. Но больше всего ударило, так что сперва глазам не поверил – вылезшие из теплотрассы бездомные мужики. Захолонёшь, воздухом свежим подавишься – как они выживают здесь?! Лето в разгаре, но с океана холодным ветром несёт, а зимой, кроме как в доме, от пурги и морозов не спрячешься. Славнейший город России, в красивейшем месте земли, никем никогда в нашей истории не завоёванный! Не было тунейдцев на полуострове, невозможно здесь бездейственным прожить, и в советское время специалистов исключительно вербовали. А в XXI веке русские на своей земле без дома остались! Ах вы, приватизаторы преступные со всеми вашими криминальными законами об имуществе, о жилье! По всей России, из края в край злую память о себе вбили. А мы гуманитарную помощь по всему миру гоним, миллиардные прощаем долги!

Мужики, эти двое, что из подземелья вылезли, по деревянной лестнице на холм к магазину пошли. В зимних пальто, рваные, грязные, ботинки на голых ногах без шнурков. Лица в синяках, язвенных ранах – жутко смотреть. Кем были они? – моряками? на судоремонтном заводе рабочими? докерами в порту? И чьими махинациями жилья лишились? Не пустили в магазин бездомных, чтобы покупателей не отпугивали. И с крыльца гонят, не дают в дверях побираться. Некуда деться, вокруг холодное море, погубительные леса. И в дом престарелых по возрасту не возьмут, лет сорок пять нищим. Сгиньте, русские, на прибрежных валунах своего Великого океана! Это район Завойко – имя командира порта, героя обороны города в 1854 году. Непрестижным

район считается, здесь самые простые люди живут. И дома неприглядные, в некоторых подъездах двери выломаны, ветер по этажам гуляет, дожди со снегом вовнутрь льют. Отстояли предки землю от англо-французских колонизаторов, не дали себя в кандалы заковать (буквально). В клятое советское время строились, а в нынешнее, сладко-свободное – в рабских хижинах доживают. Привыкли или смирились? В любом случае местным властям – стыд и позор. Безразличие к бездомным – преступно! В съёженном, убывающем нашем народе каждый человек обязан быть у властей на драгоценном счету!

Ушли бездомные, поковыляли по шаткой лестнице ещё выше на холм, поближе к жилью. А встречно им (не сочинишь нарочно) из грязного подъезда молодые парни выходят, азербайджанцы по внешности, и приехали на Камчатку, видать, не очень давно, в курточках, обуви – не с того рынка, где местные одежду берут. Сбежали вниз по подгнившим ступеням, к автобусной остановке направились, в центр города ехать. Безразличны им и эти сломленные, опустившиеся мужики, и разбитый дом, где они владеют квартирой, и грязный мусор вокруг. Зачем они на Камчатку приехали? Делать что будут здесь? Не коров же и свиней разводить?! Не землю нашу возделывать? Не грибы-ягоды в лесах собирать и перерабатывать или рыбу, сало солить? И в море не пойдут на рыбалку. Антисанитарные шашлычки будут плодить, торговые точки на местном базарчике контролировать. Не дай Бог, наркотиками ещё заниматься! Камчатка – край военных, милиции, ФСБ, на выходе из самолёта паспорта проверяют. Широко-щедрая у России душа, да не для своих только.

Всё хорошее, что происходит на материке, медленно сюда достигает, иногда не доходит вообще. Всё плохое – мгновенно. В Москве и других городах занятие продовольствием, торговлю у русских давно отняли, и здесь нашествие этих чужих торгашей началось. В Елизово всплыли чёрные, в восточных одеждах толстые бабы, натащили тюки с низкокачественным тряпьем. Уверенно места себе отвоёвывают. Китайцы в Петропавловск насачиваются, в помещениях тёплых сидят и тоже бросовый ширпотреб неизвестного происхождения расторгивают. Вдоль дорог нечистые шашлычки цветут. Этих ли сомнительных дельцов у нас привечать? Им ли предоставлять право на нашей земле разворачиваться? Ни один, похоже, облечённый властью, не задумывается: никто и никогда из тех чужестранцев не будет добросовестно трудиться на русской земле. Никто и никогда из них, свою-то землю покинувших, здесь сердце в работу не вложит. Наши – не за доходы одни работают, в своём доме живут – России. И хотя, очень хотят умеющие свои руки на благо людей приложить.

Вот **Игорь Владимирович Пинтусов** – сочетает умение “в поле” на костре сделать еду, и так же хорошо за плитой отстоять. Это редкий в кулинарном деле талант, обычно что-нибудь одно получается. От “высокой” кухни и до производственных, “столовских” обедов – качество блюд безупречное. И золотых, серебряных медалей, кубков, наградных листов у него – не всякий чемпион в спорте похвастает, сколько этот мастер в международных и российских кулинарных соревнованиях взял.

Такой вот изыск от него: корюшка, жаренная на морозе. Ему самому это нравится, о способе готовки он так говорит: “Корюшку на морозе готовить одно удовольствие, рыбу потрошить не нужно. Главное, чтобы печь была бензиновая, газ мерзнет и не дает нужной температуры. На хорошо разогретую чугунную сковороду маслица подсолнечного налить, накалить. Рыбку посолить крупной солью и выложить на сковороду, пожарить, перевернуть вовремя, получается замечательная, золотистая корочка. И, обжигаясь, кушать руками это нежное, чуть сладковатое лакомство”. Прелесть пиршества в том, что готовится рыбка на воздухе, на снегу. Вокруг заснеженный лес, под ногами замёрзшая речка, вдали свободный всегда океан. Корюшка вынута здесь же, из-под толстого льда, и морозом мгновенно схватывается. Чистенькая, бока с брюшком светлые, спинка в патинированном серебре. Ничем к ней касаться не надо, просто на раскалённую сковородку целенькой класть. Снизу уже изжарилась, а сверху ледок подпекает, изморозь. Переворачивать поспешай.

Неубывающее, живительное чувство русской природы, и свобода, душевная свобода в ней. Ясное небо, снега-снега, коричневый лес, солнце. Часами нагишом по пояс ходим, а мороза не чувствуем, словно в чистейшем воздухе его вовсе нет. Огонёк печурки под открытым небом горит, корюшка

на морозе жарится. Быть может, потому здесь наши такие внутренне независимые, что напитки природой своей. Не устаёшь в общении с ними, не обируют душевно, физически.

Каким бы ни был искусным мастером Игорь Владимирович, – кухни, кафе, простой столовой в собственности не имеет (тот самый, лелеемый средний и малый бизнес). А талантами он многими наделён, оформить помещение своими руками не хуже дизайнеров сообразит. И во всякой работе его порядок всегда изумителен, ему качество важно. Из его рук без сомнения еду берёшь. Русский мастер плохо не делает. Но собственного производственного помещения, чтобы умения сполна раскрыть – нет у него! Идёт в услужение или в аренду квадратные метры берёт, а выкинуть со всем скарбом на улицу могут в любой день, когда собственнику заблагорассудится. На материке такая же кабала. Во всей России рабочие руки кандалами скованы. Заранее, от начала приватизации ярмо на шею навешено.

Александр Владимирович Старовойтов. Родился на материке, в Ярославле. Его родители приехали на Камчатку в 80-х, работали на судоремонтном заводе (приватизация убила завод). Чтобы не распинаться о внешности Александра, надо представить Илью Муромца с картины Васнецова. И чертами лица с нашим былинным богатырём схож. Бог Сашу любит, поэтому часть зрения забрал у него, чтобы он на зверей не охотился, зато острее в его глазах светится его ум. И душой лёгкий, вовсе с унынием не знаком, в разговоре ненатужным юмором блещет. Но без всякого юмора говорит о себе: “Я – батрак”. Негде применить на Камчатке его экономическое образование и свободное владение иностранным языком. На свой бизнес денег нет, работает, как большинство наших, по найму. Саша сердцем понимает Камчатку, взял в аренду уголья. Но не для охоты, рыбалки или иную выгоду из земли извлекать, а чтобы в первозданной чистоте её сохранить. Из тех денег, какие батрачеством зарабатывает, платит налог за уголья, на снегоходную технику пытается накопить, чтобы зимой, когда следы живности на снегу видны, учитывать её. А ещё надо: тёплую избушку поставить, егерей нанять для охраны лесов от пожаров, браконьерской порубки, зарплату егерям платить, рацией (спутниковая связь мало кому по карману), снегоходами, топливом обеспечить. На всё это, по найму, не заработаешь, и Александр управляется в одиночку. И как все русские, не жалуется, не просит, ни от кого не ждёт помощи. Наряду с трезвым пониманием жизни сохранил душевную непосредственность. На рыбалке возьмёт в руки гольца и корит его, выговаривает, как будто рыбёшка величайшее преступление в мире творит: “Ух, хищник, икрой благородных лососёвых питаешься!” Нелюбовь к гольцу у него искренняя: “Сколько раз на нерестовой яме наблюдал – гольцы стаей окружают кижуча, как акулы кита, и какой-нибудь самый наглый из них разгоняется и бьёт в брюхо самки, икра выпадает, и они скопом набрасываются, пожирают будущее потомство”.

Александр, как Илья Муромец, набирается силы от земли своей, у родных властей арендованной. И лишь в одном желании вслух признаётся: “Поработать бы мне с Владимиром Николаевичем Гордиенко, опыта, знаний перенять от него”.

Владимир Николаевич Гордиенко действительно специалист редкостный. На серьёзный разговор, работу – отзывчивый, но впусе слова не произнесёт, тщательно мысли обдумывает. Знаний о камчатской фауне у него – на солидную книгу потянет. Он и написал исследование о здешнем буром медведе, жаль, издали тощенько, сколько “Всемирный фонд дикой природы” совместно с ООН финансово потянули. Тиражик-то – 500 штук!¹ Камчатцы мало кто читали её, а уж на материке эту книгу и вовсе в глаза не видели. Вот так нам знания о наших богатствах нужны.

Правительственным чиновникам и олигархам – нужны, сказочных трёхметровых медведей для напольных ковров отстреливают. Лапы рубят, едят. Сваренные медвежьи лапы на человечьи руки похожи. И залётным армянам русский край интересен, вольных кречетов ловят, арамам за рубеж продают. В 2010 году попались преступники, каждый год попадают, да, к сожалению, далеко не все.

¹ Гордиенко В. Н., Гордиенко Т. А. Бурый медведь Камчатки: краткое практическое пособие по экологии и предотвращению конфликтов. Петропавловск-Камчатский. ООО “Камчатпресс”, 2005.

Рассказчик Владимир Николаевич удивительный, о природе полуострова, птицах, повадках зверей бесконечно рассказывать может. Бесплатно знаниями делится, и книгу свою о медведях бесплатно “Всемирному фонду” отдал. На Камчатку в 1986 году, по окончании Иркутского сельхозинститута приехал и даже в тяжкие 90-е о выборе не пожалел. “Для охотоведческой науки, – как он сам говорит, – здесь рай на земле. Теоретические знания нацело с практикой соединяешь”. Михаила Александровича Останина, своего учителя, примером перед собой держит: “Человек природу края обогатил, лосей в 70-е годы на Камчатку завёз. Занимался ими годы и годы и привил зверя на здешней земле. Материковых сородичей размерами переросли, лопаты рогов – два метра в размахе, розетка (основание рогов) с хорошее блюдце”.

Чиновники с олигархами теперь на лосей охотятся. Мясо съедают, губа и язык – отдельный деликатес, рога возят по международным выставкам, золотые медали и денежные премии за них берут.

А камчатским снежным бараном охотовед нескрывая восхищается: “По отвесным скалам способен спуститься. Рогами ударяется в прыжке о скалу, отскакивает и бьёт задними копытцами в противоположную стену. Как мячик от стены к стене скачет. Наш снежный баран – эндемик, и питается исключительно эндемичной травой. Одно из самых здоровых и сильных созданий на нашей земле. В лютые морозы, в многоснежную пургу высоко в горах выживает”.

Начальники супчик из снежного барана любят, тёплую печень, истекающую кровью, в сыром виде ритуально едят. Голову с витыми рогами на стену в особняках приколачивают.

Жизни своей не помыслит Владимир Николаевич без Камчатки, как и все наши, вроднён в неё, один из некорыстных оберегателей русского края. Храни Бог и его.

Лилия Анатольевна Коваленкова – обычная жительница полуострова, а залюбуешься человеком. У Лилии Анатольевны есть хозяйство – счастливое исключение.

В 90-е годы, когда московская власть обязала местную срочно приватизировать активы Камчатки, отец Лилии понял, какая грозит краю беда. Какими уж там усилиями, а взял кусок каменистой земли на реке и на Командорских островах (тоже камни), где лежище морских котиков. И в годы развала строил базы на Командорах и здешней реке. Литой, цельный русский мужик. Не счастье, сколько сил в инфраструктуру ввалил. Бульдозер в лесную глушь притащить, электрогенератор, топливо, материалы. Укрепил речные берега от размыва, поставил тёплые домики, создал условия работникам, путешественникам. На Командорские острова – грузы морем. Поставил и на острове базу, поддержал работой брошенных там людей. Подобный труд на материке мало кому и сейчас подвёмный, а на Камчатке, в 90-е – невероятный. Лилия работала у отца, зарабатывала на жизнь наравне со всеми – “что потопаешь...”. Наладила взаимодействие с Камчатским университетом, придумала ступенчатую систему подбора, студенты в её организации и подрабатывали, и практику проходили, летали проводниками в Долину гейзеров, совершенствовались языки в общении с иностранными путешественниками, получали навыки работы. О планах развития, какие она мне показывала, говорить не буду, не суждено было им состояться. Два олигарха, местный и с материка, затеяли свалить Коваленкова, конкурента убрать. Местный мстил за что-то, материковый – Долиной гейзеров хотел завладеть, мечтал в заповеднике ночь переспать (!) – воздух там для здоровья полезный, в горячих источниках искупаться, и чтобы разрешения у Коваленкова для этого не испрашивать. Долго не давался Коваленков, и ни с какого бока не могли его утопить. Стойкий мужик. Но к 2005 году зашатался, подрубила болезнь, и, предчувствуя конец своей жизни, уступил, продал часть компании олигархам. По злему року в этот кусок входила и база на Командорах. Мистика, совпадение или иное что, а только метался на Командоры в те годы Чубайс, якобы на живых котиков посмотреть, и олигархи, будто нанюхивая его след, вцепились в отстроенную базу на острове. Продавая бизнес, отец условился с покупателями: дочь не тронут и налаженную систему ломать не будут. Обещали. Гроша ломаного не стоят их обещания! Мужиков они обвиняют в пьянстве, некомпетентности и выбрасывают с этим клеймом. К Лилии Анатольевне не придраться, её репутация трудяги и за пределами России известна. Не смогли и с деньгами “подставить”, упёрлась “чёрный нал” им носить. И тогда олигарх

местный прислал “электриков”, поставили в офис прослушку. А Лиля привыкла открыто всё говорить, не скрывала чувств о творимых порядках, на своей земле живёт – в России. Этого не простили хозяева, подслушали и вытурили на улицу. Какие законы? нужда в специалистах? судьбы и жизни людей? Иди, побирайся по своей любимой Камчатке. Вот так они и во всей России хозяйничают. Истребители русского духа, достоинства, национального самосознания. Убийцы народа, нации.

По стечению и муж её в тот год без заработка остался, не допустили чиновники его Компанию на рыбалку. Денег нет, работы нет, трое детей в семье (в отцовской организации все штаты заняты, он людьми дорожил). Лилия выстояла, слова жалобы не произнесла и помощи ни у кого не просила. Вместе с мужем и сотрудниками, ушедшими разом за ней, отремонтировали маленькую избу на городских задворках и, не беря кредитов, не получая зарплат, опираясь лишь на свои силы, возродили работу, продолжили путешествников принимать. Материковый олигарх прознал, что она устояла и с голоду не померла, и мстил-мстил, запретил лётчикам заказы на полёты от неё принимать! А без вертолётки не много по Камчатке наездишь. Слава Богу, пилоты – сильные мужики, не испугались.

Не один раз я работал с ней, предметно знаю организацию её труда и, имея опыт свой, в одной из крупнейших, с полувековой историей зарубежных инвестиционных компаний, могу сказать без прикрас: техничность русского стиля, отточенность, слаженность ни в чём не уступят западному. Это в нашей природе, генетической памяти – драгоценное наследие предков. А по доброжелательности в производственных отношениях русские и превосходят. И не деньги важны Лиле, а само дело и результат исполнения, и чтобы сотрудники могли жить от труда своего! Как дитя радуется, когда ей удаётся хорошей оплатой вознаградить коллектив. И быт семьи её незатейливый, живут в скромности, простоте.

Говоря о наших, помянуть олигархов-захватчиков здесь вроде не к месту, а – надо. После извода Лилии Коваленковой была назначена вместо неё другая женщина, эта все прихоти собственников исполняла, ежедневно скачивала наличность хозяевам, да вскоре провинилась, не всё отдала, себе подворовала. Заменили мужичонкой – многословным, резвым, и он таких финансовых схем понастроил, что Компанию вовсе к банкротству подвёл. Понаделал долгов, обворовал хозяев и в Москву сбежал. У этого наймита воровской опыт от советского времени приобрётён, как он сам хвастал: “В камчатской геологоразведке деньги “пилит”, квартиру на них в столице купил”. Назвать бы имя этого мародёра, если бы исправить положение помогло, а фамилия у него, по словарю Глушко и Медведева, произошла от “крикуна”, “брюзги”, “ведущего нелепые речи”, “надоедливого просителя”, “прилипалы” – соответствие полное! Тоже наследие предков, зарубка на память.

И всё-таки без чудес на нашей земле не обходится. Исполнил желание материковый олигарх, осквернил девственный заповедник – ночевал там, в целебных водах купался. И взбунтовалась земля, потоками грязи, камнями завалило вскоре Долину. Накрыло и деревянные дорожки, вертолётные площадки, домики, какие Лилия Анатольевна, отец её, сотрудники строили. Свершилась Высшая справедливость, – коли военные, милиция, ФСБ не изгоняют захватчиков из наших земель, земля сама из-под их ног уходит, не даёт им пользоваться собой. Камчатка – слепок России. А варварам невдомёк! В 2010-м загорелась земля у них под ногами, страшные пожары полыхнули по всей стране.

Жадность олигархов – патологична. Легенд не надо слагать. Например, так высасывают соки из наших здесь: сделаны бизнес-структуры Б-1 и Б-2. Хозяин обеих компаний один. На балансе Б-1 – материальные ценности, в Б-2 – записаны люди. И сотрудники принудительно берут в аренду имущество Б-1. От офисного помещения и вплоть до ложек и чашек в аренду берут! Без скидок и преференций. И при этом должны покрывать текущие расходы и зарабатывать на оплату труда себе. Как ни убеждал я собственника с расчётами на руках в этой нелепости, а ничего, кроме площадной ругани, не добился. Тогда мы отказались от аренды части имущества, что-то сами из доходов купили, что-то арендовали на стороне, вышло дешевле. За месяца три заработали денег, отладили работу и вроде воспряли. Строили планы, не суждено было планам тем сбыться. Хозяин за всё своё имущество счёта выставил! Требовал до копейки отдать заработанное! Мы запрямылись, отказались платить. И тогда он задним числом удвоил арендную плату за гостиницы, вер-

толёты. И те крохи, четыреста пятьдесят тысяч рублей, на какие планировалось несколько нашим сотрудникам долгую зиму здесь себя содержать, оплывать расходы по офису – полностью мародёр выгреб! Подыхайте с голоду на своей ненаглядной Камчатке. Вот так они к нашим, ко всем нам в России относятся. А он, долларовый мультимиллионер, копеечку в карман подбавил. И мало, мало пузатому пауку, ещё выдуманные долги сверху навесил, чтоб людей в рабство официально взять. Разбирался с его бухгалтером я, да только и смогла бухгалтерша по поводу очевидного бандитского разбоя выдавить: “Он всё на два умножает, кроме зарплат. Меня заставляет эти счета вам на оплату давать”. ... Хозяин – вчерашний посыльный в торговом порту...

И занятно вот ещё что: если суммировать временные, физические, финансовые затраты, какие олигархат кладёт на интриги, грызню, судебные тяжбы, месть, разрушение, воровство – треть от всего на продуктивное созидание требуется! Не объяснить здравым умом, почему им подобный способ хозяйничанья нравится. Убийцы страны, разрушители Государства. И чего стоит их мзда церкви, больницам, сиротским домам, ветеранам, опрометчиво называемая *благодетельностью*?!

... Обобранные сотрудники уволились из Б-2. – Добросовестные, крепкого душевного здоровья русские люди. Хорошие специалисты. Молча ушли. Кому жаловаться? На кого? Тот местный олигарх-мародёр втёрся в “партию власти”, в областных депутатах числится, с администрацией края, силовиками дружен, у военных моряков в благодетелях ходит. И напарник его – мультимиллионер, сидючи в Швейцарии, отнятие последних крох безоговорочно поддержал: “Он же строительством занимается! Средства на стройку нужны!” – Слепок России. Ужасы олигархического правления здесь до мелочей от материка повторены, и так же поверх угнетения бандитизм наглоён. Об уголовниках вот что коренной камчатец рассказывает: “И в советское время здесь были авторитеты. Были ли они “смотрящими” или просто “суперавторитетные” воры – не знаю, но к ним очень прислушивались. Был Кореш, был Канарис – в 1984 получил 15 лет, и что с ним дальше, не знаю, поскольку ходка была четвертой, и он был “отрицалово”, думаю, просто не вышел, так как в то время издали закон добавлять срок за нарушение режима содержания. Когда приватизация началась и Камчатку открыли, в авторитет вошёл Малик, имел ресторан и пароходы, но этот скорее из прибалтнённых, наехал на русского пацана, и тот на разборке взорвал себя и его в машине гранатой. И сейчас “смотрящий” у нас есть, с ним местные бизнесмены иногда “тёрки в бизнесе трут”. К этим бизнесменам из Москвы бывшие генералы, сотрудники контролирующих органов – записные борцы с преступностью и коррупцией – погостить приезжают!” Побыв здесь подольше, знаниями об уголовниках, не выпрашивая, обогатишься. Молодой парень искал работу, да истосковался, видать, по общению, разговор про атмосферу, в какой живёт, завернул: “Завёл я в 90-е свой маленький бизнес, наехали рэкетеры, отдал им всё. Потом кого-то убили из них, кого посадили, а один до сих пор ко мне домой ходит, требует просто так платить. У меня дочка школа заканчивает, хочет на милиционера учиться, говорит: “Защищать тебя буду”. Я с поступлением ей обязательно помогу, у меня икра есть, бракушей в сезон шкерил, в земле на зиму закопал, как земля оттаёт, выкопаю и продам, за дочкино поступление заплачу, кому надо”.

Зловонной жижей измазана русская жизнь, не одиножды помочишь Георга Вильгельма Стеллера: “Если будет решено улучшить положение... то придётся, прежде всего, обратить сугубое внимание на этих злодеев и насильственными мерами принудить их сменить своё тунеядство на более упорядоченный образ жизни”¹. И другая его невесёлая мысль протянулась через 250 лет к нам: “... и всё же не приходится рассчитывать на то, что это поможет улучшению жизни на Камчатке, пока страной не будет управлять законность в лице исполнителя высочайших повелений”².

... Лилия Анатольевна устояла, гоняет с мужем в зиму на соболей, подрабатывают, сдают шкурки, живут по два месяца в заснеженных стылых лесах. И коллектив её сохранён, собственными трудами держится. Но всё же разорение хозяйства оставило след, подрубило. Студенты практику в её новой Компании не проходят, таких возможностей теперь нет, и планов Лилия не

¹ Стеллер Георг Вильгельм. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999, с. 139.

² Там же, с. 140.

строит, и сотрудники стали не так открыты (на материке эта русская черта давно не в чести).

А те два захватчика порассорились, передрались, вцепились в глотки друг другу. Вождеденную коваленковскую организацию развалили, и на Командорских островах базу по брёвнышку, до основания раскатали. И в Б-1 материальные ценности от сырого камчатского воздуха сгнили, здания обветшали, вертолёты распроданы или в аренду на сторону сданы, часть имущества раскрадена управленцем-наймитом — «прилипалой, брюзгой, крикуном». Самопожралось Зло, а не порадуешься, от крупнейшего холдинга шкурка осталась, людской труд тяжелейших пятнадцати пореформенных лет вновь насмарку пошёл.

В 2010 году не в первый раз побывал на Камчатке Премьер, Президент страны был, широкие совещания собирали, чуток попихали местную власть. Развернутся, ожидалось, в дополнение к федеральным Программам, планы камчатской администрации, скрупулёзно, по пунктам неотложные дела перечтут, и будет решено создать в городах и посёлках экологически чистые небольшие предприятия по переработке даров земли, рек, океана — раскрепостить людей, собственным делом занять. Сельское хозяйство обсудят — жизнь в полуостров вдохнут. Исконные промыслы отдадут коренным народам. Зададутся вопросом: жильё в городах и посёлках по современным технологиям реконструировать с внедрением новых видов энергии и подтянуть сюда техническую мысль. Подумают о создании лабораторий — изучать на месте целебные свойства уникальных местных растений, микроорганизмов, морской флоры и фауны. Курортные зоны на термальных водах развить. Библиотеки, музеи всех видов обновить и расширить. Нарастить издание книг о Камчатке, о всём Дальнем Востоке — материк просвещать. А из Москвы, Петербурга и других городов запустить сюда непрерывное движение выставок художественных произведений, качественной литературой насытить. Больше культуры! Храмы в каждом селе! (Утвердили же в образах Петра и Павла памятное имя города на Култучном озере, и новый белоснежный собор Святой Троицы высоко подняли, для военных немало сделали.) И встык подумают с депутатами, как самоуправление полнокровное вырастить, без него же ни одного дела не удастся в Государстве решить. *Общероссийским законом* запретят малые коренные народы спаивать. Срочно начнут наисовременнейший завод по переработке отходов строить. Полностью прекратят какие-либо полезные ископаемые в здешнем краю добывать. Обяжут попавшихся на преступлениях залётных иностранцев отрабатывать грех свой и бежать с российских земель без оглядки. И, совсем не откладывая, дадут команду арестовать счета олигархов, чтобы на эти средства порты к жизни вернуть, и безвозмездно изымут из частной собственности стратегические объекты. Все добытые в наших водах морепродукты — в Россию!

О том говорили или нет, но пробили немногие решения: малую авиацию развивать, какую благодетели-собственники здесь уничтожили, комплекс спортивный строить...

Камчатка — русский Север и русский Юг в её природе причудливо соединены. Для чего-то нас провёл за собой Господь в эти неповторимые земли, вот и следы Его в океане — Курильские острова. На Курилах совсем особое мироощущение. Глыбы неукопной земли, густо поросшие сочной, высокой, ярко-зелёной травой, пышным кедровым стлаником, усыпанным не крупными шишками (вкус орешков нежнее, тоньше сибирских) — и бесконечный вокруг Океан. Всего один день побыл я на Парамушире, Онекотане, а всё же успел ухватить, как пронзительно воспринимается отсюда Россия. На Парамушире жизнь тяжче, чем на Камчатке, но о материке думается с надеждой и теплотой. Здесь наши тоже ничего не просят, не жалуются, но крепче всех, пожалуй, преданы русской земле. Самые сильные на островах живут. На Парамушире, пока оформлялись пограничниками документы, подошёл местный житель, одетый в синенькую заново олимпийку 70-х годов, глаза быстрые, облик внутренним здоровьем дышит. И как хорошо знакомого, с кем только что говорили на известные темы, я спросил его: «Как?» Мужчина мгновенно понял меня и так же кратко ответил: «Никак!»

И правда, чего язык обивать: на рейде два больших русских судна стоят, некогда сверхсовременных, корпуса запакощенные, ржавые — наглядный пример умелой талантливости строительной нации и противоположное, униженное бедствование Родины.

РОДИНА — ЭТО СТРАНА И ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЕЮ ГОРДЯТСЯ

Очередная подборка писем-размышлений наших читателей посвящена теме Родины, сохранению и сбережению России, её земли, её духовных и нравственных ценностей. Сплочению братских славянских народов, которых многие силы в мире хотели бы разъединить. Но мы видим, что и простой человек многое может сделать здесь, если занимает активную гражданскую позицию, смело высказывает своё мнение, не стоит в стороне от бед и тревог нашего времени. Таким читателям, авторам писем, открыта широкая дорога на страницы нашего журнала.

ТЕРЯЕМ РОДИНУ

Родина — это страна, в которой мы родились и гражданами которой являемся. Но есть ещё “малая родина” — населённый пункт, где родился человек. Речь дальше пойдёт о большой Родине. Это то, что никогда нам не изменит, нас не предаст.

Родина — это те люди, которыми она гордится, это их достижения, культура. Родина не способна отвернуться от нас, забыть нас. А вот люди способны сделать это. Так, к примеру, устранили Родину на музыкальных каналах российского телевидения.

Я работаю в Тюменском государственном нефтегазовом университете. Он на хорошем счету, входит в число лучших университетов страны. Да и студенты не из самых последних. Но вот веду занятия по логике на втором курсе, делаем логический анализ острот Леонида Утесова. Никакого воодушевления это имя у студентов не вызвало. Спрашиваю, кто такой Леонид Утесов. Никто не знает. А военное и послевоенное поколения обожали этого певца. Реакцию студентов вызвал следующий вопрос:

— Кого вы знаете из выдающихся певцов России?

Двое студентов назвали Фёдора Шаляпина. И всё. Никто не слышал голосов Леонида Собинова, Сергея Лемешева, Ивана Козловского, Максима Михайлова. И не мудрено. Музыкальные каналы российского телевидения отданы американским певицам и певцам. Русской, татарской, калмыцкой или чувашской музыки на них не услышишь. Даже целые программы ведут чаще всего афро-американцы. Так, долгое время вёл передачу “Вкус любви” негр с рогами на голове. Своих ведущих не хватает. Песни звучат в основном на английском языке. Пикалки из Америки внесли свой вклад в певческое искусство. Теперь поют лёжа, задрав ноги, в ванной, даже вниз головой.

Вот Анна Герман, Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Валентина Толкунова, София Ротару и другие не прибегали ни к каким ухищрениям. Они покорили публику певческими талантами, а не чем-либо другим.

Сенсация: в Тюмени сумели скрестить ежа с удавом. Как? В сквере Немцова в центре города недавно открыли “Булочную-хаус”, то есть соединили русское слово с английским. Знай наших: у нас всё, как в Америке! Ещё рань-

ше на улице Немцова появился “Менделеев-хаус”. Не “Дом Менделеева”, а “Хаус”. Как вам это нравится? На доме барельеф Д. И. Менделеева, созданный выдающимся тюменским скульптором Н. В. Распоповым. Когда он увидел этот “хаус”, он поморщился: ещё никто так не оскорблял великого учёного.

В Тюмени какое-то помешательство на иностранных названиях магазинов, фирм, ресторанов и баров, кафе и т. д. Ходили мы с внучкой Дашей по этажам торгового комплекса “Гудвин” в поисках нужной мне вещи. На всех магазинах замысловатые английские названия. И как я обрадовался, когда увидел в углу кафе на втором этаже русское слово “Картошка”.

Когда идёшь по улицам наших городов, то начинаешь сомневаться, в России ли находишься. Потеряем родной язык – потеряем Родину.

В еженедельнике “Аргументы и факты” (№ 10 от 10–16 марта 2010 года) опубликовано письмо В. С. Толоконникова из п. Ерзовка Волгоградской области, где говорится, что государственные деятели, экономисты, аналитики в один голос твердят, что необходимо, наконец, начинать развивать собственное современное производство. Иначе через десяток лет нынешнее окончательно встанет, так как оборудование изношено. И тут же по телевизору показывают освоение газового месторождения на Ямале, то есть снова ожидается сплошная торговля отечественным сырьём. А в это время банки у фермеров забирают за долги сельхозтехнику прямо во время уборочной! Так и живём – хоть трава не расти.

Автор прав. Торговля, тем более сырьём, не создает ценностей. В советское время в газетах мы читали об открытии цехов, заводов, фабрик, электростанций, о строительстве железных дорог, а теперь видим, как возникают супермаркеты, “торговые точки”. Страна превратилась в страну торговцев и чиновников. Как тараканы, расплодились мошенники, которые только и думают, как бы тебя надуть и выжать деньги.

Весной 2010 года в стране началась массовая распродажа товаров. Цены бешено снижались: на 25, 50, даже 75%. Если товар стоил тысячу рублей, то теперь его продают за 250. О чём это говорит? Цены назначаются в стране произволя, не в соответствии со стоимостью товара и потребности в нём населения, а с целью наживы, чтоб больше нахапать.

Наши бизнесмены совершенно не знают закона стоимости и расплачиваются за это разорением. Стоимость товара определяется не ценой, назначаемой торговцем, а трудом, понадобившимся для его изготовления. Но не мартышкиным трудом, а общественно необходимым. Экономический закон стоимости действует в любом товарном производстве. Таким образом, в стоимости овецествляется труд товаропроизводителей. Цены определяются спросом и стремлением к наживе. Особенно возросли цены на лекарства и жилищно-коммунальные услуги. Только деньги, легко достающиеся от торговли, позволяют покупать квадратный метр жилья за 50–100 тысяч рублей.

Экономика – это хозяйство страны. Экономическая деятельность – это хозяйственная деятельность, то есть производство, обмен, распределение и потребление. Если в стране сильна экономика, то страна, Родина не погибнет. А основу экономики образует расширенное воспроизводство.

Недавно я побывал на двух заводах в Ялуторовске и крупном заводе в Тюмени. Везде одно и то же: работы нет, заказов нет, рабочие либо заняты неполный рабочий день, либо отправлены в бессрочный отпуск. За последние двадцать лет в стране не создано ни одного станка. На названных трёх заводах мы с экономистом А. Н. Помигаловым хотели изучить резервы повышения производительности труда. Затея оказалась бессмысленной: в такой обстановке на заводах о производительности труда говорить смешно.

Подъём производства – вот надежда Родины. Наши реформаторы, когда насаждали рыночные отношения, верили, что рынок принесёт благоденствие, урегулирует все проблемы общественного развития. Не получилось. И не могло получиться, ибо рынок – это стихия обмена, он – не производство и не создаёт никаких ценностей. **Продажа сырья – нефти, газа, угля, леса за границу – убивает, а не укрепляет страну.** Рынок входит в экономику страны, но не является её фундаментом. Могущество страны определяется не только экономикой, но и культурой. Традиции в культуре выполняют роль обручей на бочке, скрепляющих общество. Но есть хорошие традиции и плохие. Такой является традиция обмывать покупку, рождение ребёнка и т. д. Исчезли школьные балы, зато появилась традиция отмечать окончание школы, учили-

ща, вуза, даже детского сада в ресторанах и кафе. Исчезли замечательные традиции уважения старших, почтительного отношения к профессорам, помощи в беде. В Америке родители не заботятся о детях, дети – о родителях. В России наблюдается то же.

Вместо почитания стариков в стране распространился эйджизм – презрительное, враждебное отношение к старым людям. Возрождение лучших народных традиций чрезвычайно необходимо в эпоху анонии – распада норм в обществе. Традиции и Родина – это почти одно и то же.

Любовь к Родине – это патриотизм, который является величайшей добродетелью.

“Раньше думай о Родине, а потом о себе”, – пели в советское время. Нынешние циники поступают наоборот. Один из них изрёк: “Родина там, где мне хорошо”. Ну, а где ему хорошо? Им кажется, что в Америке. Вот и стремятся циники превратить Россию в задворки США.

Патриоты же рассуждают по-другому. Николай Рубцов в стихотворении “Ось” писал:

*Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,*

*И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!*

Ф. А. Селиванов

Профессор Тюменского государственного
нефтегазового университета,
г. Тюмень.

ЗРЕЮТ ЗЁРНА ГНЕВА

В последнее время средства массовой информации пестрят сообщениями о волне революций, захлестнувшей арабский мир. Тунис, Египет, Ливия. Что дальше? Какова вероятность повторения “арабского сценария” в России? Неужели революция – это заразно?

Ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке, вполне закономерна. Арабские страны безнадежно отстают от мировых тенденций развития в политико-социальной сфере. Государства не имеют единого социально-экономического и политического пространства, что не позволяет им противостоять транснациональному сообществу и международной олигархии. Многолетнее правление одного лидера создаёт своеобразную “монополию на власть”. Если вы не входите в клан Бен Али или Мубарака, то не имеете практически никаких перспектив. Ещё одним ключевым моментом является слаборазвитость систем культуры, науки и образования. Катастрофическая нехватка учёных. Подобное стратегическое отставание требует революционного вмешательства для придания мощного импульса развитию и интеграции арабского мира.

Насколько в России возможна революция по “ближневосточному сценарию”? Ситуация в странах в некотором роде схожа, но в России нет реальной оппозиции с сильным, харизматичным лидером, способным возглавить народные волнения.

По стране “бродит призрак перемен”. Он витает в сознании людей и в блогосфере и периодически вырывается наружу в виде “Маршей несогласных” и тому подобных акций. Уже сформировалась определённая прослойка людей, которым недостаточно “достижений нулевых”. Они хотят видеть реальную борьбу с коррупцией, иметь уверенность в завтрашнем дне, жить в стабильно развивающейся стране с достойным уровнем жизни населения.

Но способны ли эти люди предпринять решительные действия для изменения ситуации? И, если “революция неизбежна”, как утверждают некоторые аналитики, то какая социальная группа станет её движущей силой?

По мнению Н. Лаваль: “Сытые, неприкаянные, отстранённые от процесса принятия решений и жаждущие вырваться на свободу (подменённую термином “демократия”) подростки и молодые люди – отличный материал для любой революции”. С ней трудно не согласиться.

Новым революционным классом можно признать тех, кто, поверив нынешней власти, полностью отрёкся от исторического прошлого России и потерял ориентиры в настоящем. Те, кому нет и 30-ти, активно пытаются найти ответ на извечный вопрос “кто виноват?”. Эти поиски приводят их в разного рода “оппозиционные” организации, такие, как ДПНИ, “Другая Россия”, БНП. Стоит обратить внимание на ряды “несогласных”: основная масса – молодёжь. Естественно, у истоков создания подобных организаций стоят взрослые, опытные люди, часто с богатым политическим прошлым, имеющие свои определённые цели, одной из которых является делегитимация существующих общественно-политических устоев. А патриотично настроенные, жаждущие “перемен” люди лишь инструмент.

Напрасно эти “патриоты” думают, что им удастся оседлать разработанную профессиональными политтехнологами и отработанную на практике по всему миру “цветную” революцию. Во главе её консолидированы совершенно другие силы. В связи с этим невозможно не согласиться с известным российским политологом Станиславом Белковским, который утверждает, что “в России революция станет финальным этапом делегитимации власти. Поэтому предотвращение революции и предотвращение распада России – одно и то же”. И он же заявляет: “На фоне благополучия и всеобщего довольствия действиями нынешней власти зреют катастрофические перемены, которые приведут к кровавой революции”.

Нынешний режим пытается делать всё, дабы избежать подобного сценария развития событий (в их терминологии – “Майдана”). Действия направлены на то, чтобы не пришла новая “перестройка”, не было стихийной организации “гражданского общества”. Одни разрушительные процессы продолжают, другие удаётся затормозить, стабилизируя сложные, организованные извне ситуации. По многим существующим критериям сейчас наша страна более стабильна и позитивно ориентирована, нежели в “чёрное десятилетие” Ельцина. Но этого уже недостаточно, России опять предлагается революция. Александр Дугин, российский философ, политолог и социолог, считает: “При любом серьёзном ударе по стране вся недееспособная конструкция федеральной власти рухнет – эти люди принципиально и по своему типу не в состоянии принимать и осуществлять исторические решения... Путину ничего не остаётся, как осуществлять революцию. Революцию сверху”.

Возможно, это единственный способ избежать “кровавой развязки”. Власть должна “управлять процессом”. Ведь, как известно, “то, что контролируется, безопасно, любой неконтролируемый процесс – угроза”. Сегодня позиция российского истеблишмента концептуально оформлена психологом Леонидом Радзиховским: “Лучше такая подмороженная Россия, чем то, что может вырваться наружу”. Но кризис уже начал процесс “разморозки”. Кондопога, Сальск, Манежная площадь – народные волнения, охватывающие всё новые уголки России, говорят о том, что мы вступаем в новую эпоху, несущую с собой никогда прежде не виданные вызовы и опасности.

Историк Андрей Фурсов предположил: “Поздний капитализм движется, выталкивая из системы значительную часть промышленного пролетариата и среднего класса и создавая, таким образом, новые опасные классы, которые могут составить не менее 50% населения. Они противостоят верхушке не по линии “капитал – рабочая сила”, а либо по линии “достойная жизнь – недостойная жизнь” либо вообще: “жизнь – не жизнь”. Политика сменяется биологией, а экономика – моралью выживания, это сеет семена такого социального гнева, по сравнению с которым пролетарские революции покажутся цветочками”.

Изменения неизбежны, и даже необходимы. Это осознают все. Остаётся только понять, когда они начнутся и в какой форме.

Российский экономист и публицист Михаил Делягин отмечает: “Кровавая ирония истории заключается в том, что революции сами воспитывают и фор-

мируют своих могильщиков. Чем более жестока революция – тем с большим равнодушием относится приходящий после неё лидер к отдельно взятой человеческой жизни”.

Революция – дело опасное. Всем известно, она “пожирает своих детей” – да что там детей, даже тех, кто мимо проходил. Не следует об этом забывать.

Виктория Юрьевна Сытник,
студентка Уральской Академии государственной службы,
г. Нижний Тагил.

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ МНОГОЕ МОГУТ

Обычно считают, что от простого человека ничего не зависит. Маленькие люди не в счёт. Люди не в счёт. На самом деле у нас никогда не прекращалось стихийное социальное творчество. Иногда срабатывало. Я расскажу о примере, где не было задействовано ни больших организационных возможностей, ни ресурсов и финансирования.

После победы над ГКЧП в августе 1991 года настроения среди демократической части общества решить вопросы с Японией путём уступки Курил были очень сильны. Начало сентября 1991 года – пик эйфории. В печати поток материалов по Курилам. Правительственные и проправительственные издания готовят общественное мнение к передаче островов Японии. Участвуют такие правительственные чиновники, как перебравшийся впоследствии в Швецию министр иностранных дел СССР Панкин, занимавший пост уровня вице-премьера СССР Явлинский, бывший в то время заместителем министра иностранных дел России Георгий Кунадзе. За передачу островов выступали такие общественные деятели, как отец Глеб Якунин. Это естественное продолжение горбачёвской внешней политики. Немногие не закрытые оппозиционные издания резко возражают. Аргументы первых слабее, однако на результат спора победителей с побеждёнными это не влияет.

Но действие рождает противодействие. В нашем случае всё началось с коллективного письма, написанного беспартийным сотрудником подмосковного НИИ, в котором свободные люди демократической страны требуют от своего Президента исполнения конституционного долга по сохранению территориальной целостности государства в условиях, когда по международным нормам у Японии нет прав на Южные Курилы. Будущий председатель Комитета защиты Курил В. П. Шмаков сказал автору письма В. Д. Кривошееву: “Не подпишет никто”. Подписали все без исключения видевшие письмо сотрудники секретного НИИ, указывая свои адреса и паспортные данные. Письмо было получено канцелярией Президента. Ответа, несмотря на неоднократные напоминания по телефону, так и не поступило. Однако Шмаков умудряется опубликовать письмо к Президенту Ельцину с 63 подписями в газете “Русский вестник” в сентябре 1991 года. В сопроводительной статье сообщается о создании независимой общественной организации “Комитет защиты Курил”. Возможно, это был первый успешный социально значимый самодеятельный проект гражданского общества новой России. Позиция Комитета формулировалась следующим образом: “Требуем от правительства, Верховного Совета РСФСР, Съезда народных депутатов выполнить важнейший конституционный долг – защитить суверенитет и территориальную целостность России” (газета “Литературная Россия” № 44 от 1 ноября 1991 года). 17 ноября 1991 года Комитет провел пикетирование посольства Японии, на котором сотрудникам посольства передано обращение. В частности, там говорилось: “Мы с симпатией относимся к Стране Восходящего Солнца, стремимся к прочным добрососедским отношениям, к развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества, культурных связей. Однако нас очень беспокоит и огорчает, что в последнее время закладывается фундамент для серьёзного обострения российско-японских отношений с непредсказуемыми последствиями. Мы считаем, что международные договоры ложатся в основу стабильных взаимоотношений не тогда, когда под ними появляется подпись того или иного государственно-го руководителя, а когда за их строками стоит воля народа. Для нас террито-

риальной проблемы не было и нет: острова Южной Курильской гряды – российской земля. Народ не признаёт действий, ведущих к подрыву суверенитета и территориальной целостности Родины, и откажется от политиков, участвовавших в этом. Ещё одна “горячая точка” на планете равно не нужна ни нам, ни вам. Россия была среди первых стран, с которыми Япония установила отношения после её длительной самоизоляции. Позвольте засвидетельствовать наше горячее стремление к тому, чтобы эти отношения были и среди наиболее прочных”.

Пикет у посольства Японии снимали четыре японские телевизионные группы, материалы об этой акции опубликованы в японских газетах. Материал о пикете у посольства Японии показан в двадцатичасовом выпуске “Вестей” 17 ноября 1991 года. В декабре 1991 года проведен пикет у МИДа России, куда передано обращение Комитета (газета “Рабочая трибуна” № 242 от 14 декабря 1991 года). Из обращения: “Наш долг перед соотечественниками с Курил – помочь им в борьбе за Родину. Наш долг перед потомками – сохранить несметные богатства Курил для России. Наш долг перед предками – сохранить политую их кровью землю России” (газета “Русский вестник” № 32 от 18 декабря 1991 года). В официальном письме зав. отделом Японии МИДа Ефимов А. М., в частности, ответил: “Нерешённость этой проблемы и обусловленное ею отсутствие мирного договора с Японией делают отношения с этой страной фактически замороженными, с чем вряд ли можно мириться, если искренне исходить из интересов россиян. Исходным принципом любых договоренностей с Японией будет забота о благе нашего единого и неделимого великого Отечества” (Министерство Иностранных Дел Российской Федерации, 30.01.92 г. № 68). В своём выступлении на крупнейшем общественном форуме того времени – Конгрессе гражданских и патриотических сил России, состоявшемся в Москве 8–9 февраля 1992 г., Н. А. Нарочницкая много внимания уделила ситуации вокруг Курил. Когда она вернулась на место, к ней подошел Н. А. Павлов с предложением написать резолюцию по Курилам и В. Д. Кривошеев с В. П. Шмаковым – с готовой резолюцией, которая была принята единогласно и стала первой резолюцией Конгресса. Усилиями Комитета ещё ряд форумов республиканского уровня принял аналогичные резолюции, среди которых такие представительные (на тот момент), как Славянский собор, Российский общенародный союз, Съезд крестьян России, Русский собор.

В дальнейшем тема защиты Курил неоднократно реанимировалась и развивалась. Были заседания, издания, громко прогремевшая принципиальная позиция первого губернатора Сахалинской области, российского учёного и общественно-политического деятеля Валентина Федорова.

Российскому руководству просто необходимо ощущение твёрдой, сильной, постоянной поддержки за спиной. Япония не приветствует привлечение инвестиций из третьих стран в развитие Курильских островов, на четыре из которых она претендует. “Правительство США поддерживает Японию в этом вопросе и признаёт японский суверенитет над островами”, – ответили в посольстве США в ответ на просьбу разъяснить официальную позицию Вашингтона по территориальному вопросу между Россией и Японией, передаёт “Интерфакс”.

В ответ на это МИД России указал, что вести в таких условиях диалог о мирном договоре представляется бессмысленным, пока Токио не изменит свою позицию. В Москве отвергают возможность каких-либо переговоров с Японией по так называемому территориальному вопросу. Японии необходимо признать итоги Второй мировой войны. “Активная и агрессивно настроенная японская молодёжь, которая сейчас жёстко выдавливается на социальное дно, плюс агрессивная аниме-культура – ещё один верный признак того, что взрывоопасной ситуации не избежать”, – сказал Сергей Переслегин.

Причина же тому – нехватка ресурсов, которая с каждым годом будет становиться всё острее. После окончания 2-й мировой войны Южные Курилы стали территорией Советского Союза в соответствии с решением стран-победительниц. После этого советское правительство подписало Совместную советско-японскую декларацию, в которой говорилось, что два из этих островов даже могут быть переданы Японии при условии заключения мирного договора между Советским Союзом и Японией, ликвидации всех находящихся в Японии иностранных военных баз и решения ряда других вопросов. Это было ещё

при Хрущёве. Япония условия предложения не обеспечила. Времена изменились. Теперь такое предложение невозможно.

Япония приняла специальный закон, который ясно определяет четыре острова Южных Курил как “неотъемлемую японскую территорию”, и развернула широкомасштабную антироссийскую кампанию по “возвращению Северных территорий” (Южных Курил). Даже высокопоставленные японские политики настраивали общественное мнение относительно того, что Россия незаконно оккупирует “Северные территории”. Говорили они и о том, что, упорно прилагая усилия к возвращению “неотъемлемой японской территории”, можно получить у России Южные Курилы.

Россия опирается не только на статус-кво. Основа – сложившееся после Второй мировой войны мироустройство, закреплённое международными договорами и признанное мировым сообществом. За Японией нет ничего, кроме желания. Назовите мне какой-нибудь официальный японский документ, строго юридически обосновывающий претензии Японии исходя из международного права с анализом и опровержением позиции России. Ничего близкого нет.

Не будем же мы домоуправами Буншами из кинокомедии Гайдая “Иван Васильевич меняет профессию”, поставленной по пьесе М. Булгакова “Иван Васильевич”, который легко, находясь в роли царя Ивана Грозного, отдавал Карелию шведам. Тогда даже квартирный вор Жорж Милославский возмущался: “Что это ты, царь, государственной землёй разбрасываешься?” Надеемся, что времена этих булгаковских типов прошли безвозвратно.

Сергей Соколов,
г. Москва

“ПОПРОБУЙТЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ СТАЛИНА!”

Вот старался лишний раз не упоминать товарища Сталина, дабы не раздражать оппонентов и не давать им дополнительных поводов для обвинения меня в сталинизме. Честное слово, господа оппоненты, я не сталинист. И очень был бы рад забыть имя великого вождя, но жизнь, простите, никак не даёт забыть.

Еду недавно вечером в метро. Дремлю. И вдруг слышу характерный женоподобный говорок. Открываю глаза и вижу напротив двух молодых, как сейчас говорят, “голубых”. Они держатся за ручки, и один другому говорит: “Везёт нам, что мы родились в это время, а то при Сталине наверняка посадили бы нас или расстреляли”. При этом оба с ухмылочкой взглянули на меня, очевидно, понимая, что перед ними священник. Я по каноническим правилам, к счастью, в своих действиях ограничен. И поэтому мог ограничиться только словами: “Ничего, голубки, еще не вечер. Знаете, есть советская песня, в которой поётся о том, что всё может повториться сначала”.

Домой я пришел в крайнем раздражении, включил телевизор. И надо же – бывают совпадения. Показывают какой-то художественный фильм про Сталина. Название фильма не помню, но вот один из эпизодов хорошо запомнился. Сталину докладывают о прибытии французского посла, и генералиссимус отвечает: “А с этим педерастом я вообще говорить не собираюсь”. Мое настроение сразу улучшилось.

Я люблю словари, особенно энциклопедические. В словарях очень точно и сжато отражено состояние общественного сознания на данный момент. Например, открываем советский Энциклопедический словарь 1979 года. Найдом слово “гомосексуализм” и читаем: “Гомосексуализм – разновидность полового извращения, половое влечение к лицам своего пола”. Теперь открываем российский Энциклопедический словарь 2001 года издания и читаем: “Гомосексуализм – сексуальная ориентация, проявляющаяся в эротическом влечении преимущественно или исключительно к лицам собственного пола”.

Видите, в советском словаре дана чёткая нравственно-психологическая оценка гомосексуализма, который называется извращением. В российском буржуазном словаре слово “извращение” заменено словом “ориентация”. Всего одно слово – а какая качественная разница, особенно в реальной жизни!

В советское время, при Сталине и позже, не мог извращенец выйти на сцену и спеть песню “Голубая луна”, а теперь может. Вот реальный нравственный результат так называемой “перестройки”. В советское время гомосексуалист певец Козин сидел в Магадане, а в наше времечко отвратительный, похожий на старую жабу педераст Элтон Джон даёт концерты в России, оскверняя русскую землю. Вред от жабообразного педераста Элтона Джона огромный. Он ведь один из законодателей гомосексуальной моды. Вот недавно он вышел замуж или женился, — уж не знаю, как сказать. Они со своим “мужем-женой” усыновили ребёнка. Кстати, заметьте: никакая ювенальная юстиция не помеха для “мамочки” по имени Элтон Джон. Если вы думаете, что это всего лишь западная педерастическая экзотика, то глубоко заблуждаетесь. Сейчас на Западе и у нас среди однополых пар всё популярнее становятся идеи усыновления и удочерения маленьких детишек. То есть традиционная семья не просто разрушается, традиционной семье пытаются противопоставить антисемью. И таких антисемей становится всё больше.

И совершенно очевидно, что в недалеком будущем возможны ситуации, при которых дети из неблагополучных традиционных семей будут изыматься и передаваться в “благополучные” нетрадиционные семьи. И у нас вовсю формируется общественное мнение, оправдывающее подобное содомское беззаконие.

Совсем недавно по НТВ показывали программу Андрея Куницына “Очная ставка”. Тема называлась: “Родить от ээка”. Большая часть программы была посвящена “несчастливым” влюблённым Сергею и Алексею, которые очень хотели завести ребёнка. Они, “беденькие” педерасты, приходили даже в дом ребёнка. Им там разрешили брать детишек на руки, но всё-таки вежливо отказали, потому что по закону пока у нас такое “усыновление” невозможно.

Но удивляет то, что их вообще пустили в детский дом и разрешили возиться с детьми. Это ведь равносильно тому, чтобы пустить волка в овчарню и умиляться тому, как волчара облизывается. Потом эта сладкая парочка пыталась найти суррогатную мать на “зоне”. Пока у них ничего не вышло. Но, как заметил в конце программы явно сочувствующий им ведущий Андрей Куницын, “Сергей и Алексей, со своей стороны, сделали всё, чтобы вырастить достойного человека”. Вот что навязывает наивреднейшее телевизионное вещание нашему обществу.

Недавно одного из “голубых” идеологов разбил паралич. В Новом году хочется пожелать ему выздоровления и покаяния в грехах. Время ещё есть.

Недавно мы с одним давним приятелем, либералом по взглядам, но нормальным мужиком, обсуждали эти вопросы. Я спросил его: “Скажи честно, кого всё-таки ты предпочтешь, Сталина или Элтона Джона?” Приятель надолго задумался и ответил: “Загнал ты меня в угол, ничего не скажешь! Конечно, не хочу Элтона Джона, а без Сталина здесь никак нельзя обойтись?” “А ты попробуй обойтись!” — ответил я ему.

Иерей Александр Шумский,
г. Москва

КАК ЖИВЁТ УКРАИНА?

В конце прошлого, 2010 года на Украине прошли выборы в местные органы власти. Победила Партия регионов, взяв якобы под контроль три четверти страны. “Представители Партии регионов, по данным её пресс-службы, были избраны мэрами 118 городов областного значения Украины (66,66%) от общего числа” (Дмитрий Коротков. “Сегодня”, 9.11.2010 г.). Эти четыре шестёрки — словно напоминание регионалам и предостережение избирателям. Ведь за могучей спиной православного В. Ф. Януковича может затаиться самый разношёрстный люд. На самом деле Партия регионов полностью взяла только 11 областных советов юго-востока страны и парламент Крыма. А стали бы крымчане массово голосовать за ющенковцев или тягнибоковцев? Конечно, нет! Проведи так же “успешно” Партия регионов (ПР) парламентскую компанию — только Господь знает, что было бы. Ведь, к большому со-

жалению, даже традиционные “твердыни” регионалов оказались не совсем бело-синими (цвет флага ПР).

В Донецке “против всех” проголосовало 13% избирателей, а мэром Горловки (Донецкая область) стал не регионал, а представитель “Сильной Украины”, пост мэра в Запорожье неожиданно занял сторонник Тимошенко, разгромив регионалов. В Харькове — при голосовании “против всех” до 12% избирателей — регионалы едва не проиграли пост мэра стороннику железной Юли А. Авакову, причём тимошенковцы утверждают, что харьковчане избрали своим мэром именно их кандидата, а не регионала. В целом оппозиция сомневается в результатах. Неуверенно прошёл в мэры Одессы представитель регионов, оказия вышла у Партии регионов в Луганске, а чем западнее, тем ситуация у партии власти всё хуже. Винницу “взял” В. Гройсман, представитель партии “Совесть Украины”, мэром Черкасс стал С. Одарич — лидер “Партии вольных демократов” (уж не потомки ли махновцев? — **Ред.**). Полтава “пала” перед кандидатом О. Мамаем от “Совети Украины”. Херсон выбрал мэром выдвигенца партии “Третья сила”. Луцк “взял” кандидат от “Сильной Украины” Н. Романюк. Мэром Львова стал А. Садовой, отказавшийся баллотироваться от регионалов и ставший под знамёна РХП, мэром Ивано-Франковска стал представитель Украинской народной партии В. Анушкевичус, мэром Ужгорода — ставленник от партии “Еко+” В. Погорелов, мэром Тернополя стал представитель ультраправой, бандеровской “Свободы” С. Надал и т. д.

Успеха добились последователи Степана Бандеры, представители ВО “Свобода”, руководимой бывшим нардепом Олегом Тягнибоком, которые, как и коммунисты, преодолели 5-процентный барьер и вошли в пятёрку лидеров. Ставленники крайне правых буквально “окупировали” Западную Украину. Чему учат О. Тягнибок и И. Фарион (уверенно победила на мажоритарном округе, набрав, по словам О. Тягнибока, 33%) — не трудно узнать даже в интернете. С такими, неправославными и прозападными, “панами” трудно русский мир построить в Украине. Да победы они в Галичине — шут с ними, а ведь даже в Киевской области ВО “Свобода” набрала 7,6% (данные экзит-пола Gfk), а для сравнения компартия — всего 3,2%.

Бандеровец О. Тягнибок торжествует: “Первые за время Независимости настоящие фракции националистов уже возникают в местных советах Буковины, Волыни, Ровенщины, Хмельницчины, Черкащины, Черниговщины, Полтавщины... Теперь в Харькове, Днепропетровске, Чернигове или Запорожье “Свобода” получает приблизительно столько же голосов, сколько в 2006 году в Тернополе или Ивано-Франковске... Тогда же, на Львовщине, где появились первые наши фракции, поддержка “Свободы” была даже ниже, чем сегодня в Киевской, Волынской, Ровенской, Хмельницкой или Винницкой областях. Прошло 4 года... И вот во всех трёх областях Галичины “Свобода” получает убедительную победу”.

Как видим, почва для русофобии есть. И уже 22 ноября 2010 года сторонники “Свободы” пытались препятствовать торжествам, посвящённым 75-летию митрополита Киевского и всея Украины Блаженнейшего Владимира. Особенно обозлило русофобов посещение Киева Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Накануне и в период посещения Патриархом Свято-Успенской Киево-Печерской лавры освирепевшая толпа “свободовцев” скандировала “Московский Патриарх — духовный оккупант!”, “Геть московского попа!”, “Ганьба!” и т. п. Ни чудотворная икона “Умиление”, привезённая Патриархом, ни мнения православных не интересовали русофобов. Неужели нас ждёт фашизация страны? Если верить СМИ, уже 12.11.2010 г. Запорожский облсовет вынужден был под давлением прокуратуры пересмотреть своё решение, принятое 08.09.2010, о предоставлении русскому языку статуса регионального.

О новом “оранжевом” путче заговорили в конце 2010 г. И не только заговорили: 22 ноября, к 6-й годовщине “померанчевой” революции на площади Независимости собрались недовольные бизнесмены, снова Ю. Тимошенко и Ю. Луценко на трибуне. Опять слышны слова “импичмент”, “перевыборы”, “революция”, “свобода”. Часть людей из многотысячной толпы, как и в 2004 г., идут к администрации Президента. Последнее время ситуация на Украине непростая...

Президент Украины В. Ф. Янукович относительно сложной ситуации сказал: “Когда считают, что, например, в одном регионе выбрали от одной пар-

тии пять руководителей городов, а партия в оппозиции – что эти пять руководителей городов будут в оппозиции? Я себе этого не представляю...” (“Вечерние вести”, 13.11.2010 г.). Есть о чем задуматься! Может, В. Янукович слишком мягок? – Им бы кровавого Бандеру или Петлюру давай! Информация о готовящемся перевороте и будущей антирусской диктатуре на Украине противоречива. Президент В. Ф. Янукович небезосновательно констатирует: “Мы должны иметь конкретную нелживую информацию о реальном состоянии дел в стране”. Политическая преступность и политические преступники, увы, существуют давно. В. Портников, поддерживающий митингующих на майдане, прямо говорит: “...система власти рано или поздно всё-таки будет демонтирована”. Неужели на нас вновь обрушится новая криминальная революция и новый импортированный беспредел, хаос, рост преступности и беззакония? Удержится ли Президент В. Ф. Янукович до 2015 года?

То, что современное украинское, да и мировое общество нездорово, больно духовно, – ни для кого не секрет. Нравственная деградация, распушенность, умственное отупение и насилие сегодня становятся обыденностью. Преступность в мире за последние 30–40 лет возросла в среднем в 3–4 раза: в США – в 7–8 раз, в Великобритании – в 6–7 и т. д.

Оранжевая революция углубила в Украине далеко не только коррупцию. Даже Ю. Луценко, будучи министром МВД, осенью 2009 г. заявил: “С 2005 года за счёт прибытия на Украину и получения статуса беженцев некоторых граждан из Ирака, Узбекистана и других среднеазиатских республик у нас стало формироваться радикальное исламское движение “Ат–Такфир–Валь–Хиджра”. Украина представляет собой пристанище террористов и экстремистов со всего мира” (“Русское слово” – № 7 (88). Июль 2010 г.). Экс-мэр Ужгорода С. Ратушняк отмечает особые “достижения” “оранжистов-ющенковцев” при европеизации: “Безвизовый режим для всего шлама уродов и преступников, педофилов и наркобаронов со всего мира в нашу страну открыл Ющенко. Мы сливной ямой уже являемся пятый год” (С. Ратушняк. “Мы единственные с белорусами и россиянами оплот белой расы на земле”, “Русское слово” – № 10 (91). 2010 г.).

Но и в России такие же проблемы: за последний год из страны уехало 11,1 млн человек (в том числе немало русских), а приехало 12,3 млн (преимущественно нерусских).

В конце XX в. председатель Совмина Крыма С. Куницын отмечал, “что исламский фундаментализм пытается вести в Крыму определённую работу”. Особенно события в Чечне должны чему-то научить наших сограждан. Президент Чечни Рамзан Кадыров: “На Украине ваххабитов больше, чем в Чечне. Эта зараза распространяется по всему миру. Очень многие фанатики проходят через вашу страну. И если вы не будете бороться с этим явлением, завтра-послезавтра они натворят у вас то же, что сделали в Чечне” (“Известия в Украине”, № 130, 17.07.2010 г.).

В “оранжевой” Украине с декабря 2004-го по ноябрь 2005 г. (за неполный “оранжевый” год) количество избирателей, по данным Центральной Избирательной Комиссии, уменьшилось на 1 млн 111 тыс. 754 человека. Зафиксировано развитие многих заболеваний (СПИД, туберкулёз, сифилис, диабет, рак и др.). “Ющенковская” Украина занимала первое место по психическим заболеваниям в Европе: на учёте в психдиспансерах только по месту жительства состояли около 1 млн 200 тыс. человек, в Киеве проживало 169 тысяч больных шизофренией (“Комсомольская правда” в Украине, 21–27 октября 2005 г.).

Многие проблемы в Украине – и тому свидетельство победы ультраправых в отдельных регионах – связаны с отсутствием подлинной народной патриотической силы, которая бы зиждилась на идее славянского мира, православия, братства и единства восточных славян. Может, забыли об “оранжевых” гонениях, преследованиях и репрессиях 2005–2010 гг.? Тогда, в расцвет русофобии, даже проющенковские СМИ боялись, что “неадекватные действия власти в регионах могут привести в будущем к установлению оранжевой диктатуры”.

В последнем квартале 2010 г. 83% жителей Украины недовольны экономической ситуацией, 60% – политической и действиями властей, 75% обеспокоены уровнем инфляции, 56% обеспокоены безработицей, 44% считают, что Украина следует к нестабильности и хаосу и т. д. (“Русская правда”, 19 (227). Октябрь 2010). В конце ноября 2010 г. вновь звучат песни времен

оранжевого переворота: “Разом нас багато, нас не подолати!” и антиправительственные лозунги. Новые Налоговый и Трудовой кодексы в конце 2010 г. вызвали многотысячные выступления в разных городах Украины. О. Тягнибок поучает митингующих: “Минимальным требованием протестующих должна быть отставка правительства” (“Ва-Банк”, №46 (494), 25.11.2010).

Основной причиной многих трагедий являются, безусловно, неправильное понимание истории, сдвиги в массовом сознании, ущербный тип правосознания, деградация и маргинализация общества, морали и права; усиливается источник преступности и примитивизация ценностной структуры общества. Так, даже в 2010 г. ведущие юристы Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко “порадовали” очередной историей украинского права. Авторы утверждают, что “между украинцами и русскими отсутствует любое антропологическое и генетическое родство” (!), “украинцы в корне отличаются от русских в генетическом, антропологическом, языковом, культурно-бытовом и духовном вопросах”, “человеческая жизнь в Украине ценилась на несколько порядков выше, чем в Российской империи”, “в Московском государстве отсутствовало право”, а в 1709 г. в Полтаве потерпело поражение “украинско-шведское войско”. (Необходимо отметить, что в битве под Полтавой казаки Мазепы не принимали никакого участия, а киевское казачество, после измены Мазепы, избрало нового гетмана – Скоропадского, который прибыл под Полтаву со своими казаками на помощь Петру I, но в битве также участия не принимал. – **Ред.**).

Важную роль играют патриотические инициативы академика Петра Толочко и министра образования и науки Украины Дмитрия Табачника, в частности, по созданию совместного украино-российского пособия по истории. В учебных материалах необходимо отражать общерусскую идею, а стержнем многих учебных программ (история, философия, культурология, отечественная литература и т. д.) должно быть православное мировоззрение. Правда, у этой идеи много врагов. Разрушитель СССР Л. М. Кравчук – к 19-й годовщине всеукраинского референдума и распада великого Советского Союза – настаивает, что “украинские школьники должны учиться по украинским, а не по какому-то “общим” учебникам” (“Урядовий кур’єр”, 01.12.2010). А ведь в марте 1991 г. был и всесоюзный референдум, который засвидетельствовал убедительное желание большинства граждан СССР жить единой, большой и дружной семьёй. Не были исключением и украинцы. Неужели же за считанные месяцы миллионы и даже десятки миллионов украинцев поменяли своё мнение?

На подрывную работу против СССР США затратили за 70 лет более 5 трлн долларов (представляете, сколько людей можно было бы выучить и оздоровить за такую сумму); непросты и дорогостоящи информационные войны.

Отто фон Бисмарк говорил: “Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники” (“Русская правда”, № 18 (226). Сентябрь 2010). В 1997 г. заместитель секретаря Совета безопасности РФ генерал-полковник А. Майоров сказал: “Мы проиграли информационную войну в Чечне, отсюда и все остальные проблемы”. Как не вспомнить операцию ЦРУ против СССР “Троянский конь” (с планомерным воздействием посредством культуры на советских людей). И сегодня **из США и Японии пытаются указывать Президенту РФ, где на территории России ему можно ездить, а где нельзя** (на Курилы, например, нельзя). Это не только политический цинизм и не только политическая наглость! Многие правильно говорят В. В. Путин, например, что “Россия вынуждена будет реагировать на изменение баланса наступательных потенциалов” (Владимир Путин: “Я бы порекомендовал вам, американцам, не вмешиваться в наши дела”. – “Факты”, 2 декабря 2010).

На X Всеславянском съезде в Киеве 12.11.2010 г. глава польской делегации Болеслав Тейковский, вспомнив Грюнвальдскую и Берлинскую победы, отметил, что “из истории мы знаем, что Польша в союзе с Западом слабеет, в союзе с Востоком растёт!” и именно “Россия в ближайшее время удивит мир своим дальнейшим великим духовным и материальным развитием”. Дай-то Бог! Против славянского мира, на борьбу с Православием вовлекаются мощные подрывные структуры. Похоже, XX век был веком становления национальных, религиозных, политических и международных мафиозных структур.

Гнилой апельсин становится коричневым. События в столице Украины 7.11.2010 г., когда сторонники посрамлённой “померанчевой” революции на-

пали на коммунистов, напомнили другие столкновения. Например, когда 15.10.2005 г. в центре Киева столкнулись сторонники УПА (представители 19 организаций) и прорусских сил (коммунисты, прогрессивные социалисты и др.). Наталия Витренко говорила: “Я предлагаю всем силам, которые считают себя оппозиционными, всем силам, которые называют себя антинатовскими, немедленно поднимать всю страну на войну с фашизмом”. Важность этих слов за пять лет не устарела. На украинских гривнах есть святой Владимир Великий и анафематствованный Мазепа. Неужели день основания УПА, как и День Победы, будет государственным праздником? Об этом мечтают радикальные националисты, уверенно победившие 31.10.2010 г. на западе Украины.

Увы, европейскую интеграцию и преклонение перед Западом никто не отменял; более того, **западный вектор украинской политики по-прежнему занимает ведущее место, а Украина и после В. Ющенко подлаживается к ЕС, обрстая кредитами МВФ.**

Плохую память о себе оставил “страдалец” Ющенко, которого якобы хотели отравить. Он сделал на своих “страданиях” умопомрачительную карьеру. А. Ильченко утверждает, что “нет реальных доказательств того, что Ющенко был отравлен”, ведь “в прошлые годы были уничтожены как образцы крови Ющенко, в которых якобы обнаружили диоксин, так и пробирки, в которых они хранились” (А. Ильченко. “Пшенка хочет кровь Ющенко”. “Сегодня”, 08.11.2010 г.). Новый генпрокурор Украины, беспристрастный Виктор Пшенка вряд ли дождётся проб крови экс-президента: ведь В. Ющенко уже четыре раза приглашали сдать анализы, но “украинский мессия” – вероятно, предусмотрительно – игнорирует приглашения. **Так было ли отравление?**

Партия регионов – это сегодня всё-таки надежда, пусть и слабая, не всегда адекватная и последовательная. Наверное, беда украинцев, что в ходе избирательной гонки не были даже подняты должным образом важнейшие вопросы, – отмена идентификационных кодов, запрет на пропаганду насилия и жестокости, законодательное ограничение деятельности сатанинских и деструктивных формирований, осуждение политических и религиозных преступлений и т. д.

У нас есть традиционные чёткие понятия о добре и зле, правде и лжи, проверенные веками нравственные критерии и человеколюбивая спасительная православная вера. Мы, наша традиционно Святая Русь (в первую очередь Россия, Украина и Беларусь), духовный центр Европы и мира с прекрасной землёй, трудолюбивым народом и славной историей. Но наше будущее зависит от нас, и если каждый постарается вести более нравственный, моральный, законный и церковный (наш православный) образ жизни, то нравственная атмосфера в нашей стране, а потом и, Бог даст, во всём мире будет благополучной. **Без подлинной духовности и возрожденной Святой Руси Украина, Россия, да и вся планета обречены на деградацию и гибель.**

Виталий Радзиевский,
г. Киев, Украина.

ТАМАРА КАЛЁНОВА

ЗАПИСКИ ИНСПЕКТОРА

Службы социальной защиты населения – западное изобретение. В конце 1991 года они появились и у нас, в России. Это было время, когда вокруг что-то говорилось, взрывалось, переустраивалось и перераспределялось, захватывалось и отбиралось, упразднялось и возникало под новыми, нередко завуалированными названиями. Останавливались производства, ломались судьбы, обесценивались деньги и уважаемые прежде профессии. Слова устали, вышептались, как привозной чеснок по весне: оболочка еще хранит форму, а внутри гниль, пустота; найти здоровое – диво... Нужно было что-то делать. Вот я и решила: защита – не нападение; и стала работать инспектором районного отдела соцзащиты.

* * *

Почти год приходила к нам Любовь Петровна Дорохова. Странный одинокий человек. Ее странность заключалась в том, что она не могла остановиться, если начинала говорить. Будто намолчалась сверх меры и теперь боялась, что ее прервут. Так вот, Любовь Петровна не разрешала называть себя одинокой пенсионеркой. (У нас только что в обиходе появился первый соцзащитовский термин: о/п, категория граждан – одинокие пенсионеры.)

– Что это вы? Какая же я одинокая? – говорила она. – Со мною Бог и добрые люди. А ты, матушка, – обращаясь ко мне, – посчитай, сколь на свете добрых людей? Твоих костяшек не хватит, – показывает на деревянные счеты на подоконнике. – Сразу собьешься.

Любовь Петровна считала всех людей, с кем ей доводилось встречаться, своими родственниками. Меня называла матушкой или сестрой, Ольгу, Веру, Таню и Евгению – дочками, начальника “ЖОУ” (она упорно так именовала домоуправление) – братом, к прохожему обращалась: сынок... Не все отвечали ей взаимностью, увы. Но она не обижалась, продолжая жить в своем мире, в ладу с родными людьми.

КАЛЁНОВА Тамара Александровна родилась 26 апреля 1941 года в г. Новосибирске. Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Преподавала в томских вузах латинский и русский языки, работала инспектором районного отдела социальной защиты. Автор повестей “Не хочу в рюкзак”, “Временная учительница”, “Деревянный маузер”, “Девчонки уходят в море”, “По следу Рыбки”, романа в двух книгах “Университетская роща” и других произведений. Член Союза писателей России. Живет в Томске.

Из города уехала внезапно – вдруг засобиралась на Украину, где, как ей кто-то сообщил, могла жить ее троюродная племянница.

– Куда вы?! В такое-то время, без денег, без сопровождающего, через всю страну? – пробовали остановить ее мы. Время действительно день ото дня суровело: сначала разделение Советского Союза, потом все новые и новые границы, темные дела и такие же темные люди...

– А какое время? – удивилась Любовь Петровна и согрела нас кротким голубеньким взглядом. – Обезлюдела земля? Бог отвернулся? Родину отменили?

И отправилась в путь. И доехала ведь! В Донецке живет. Правда, троюродной племянницы там не оказалось. Но сынок-милиционер выправил ей прописку, дочка-комендантша поселила в шахтерское общежитие, внучка-школьница пригласила на встречу с одноклассниками – про Сибирь рассказать, а племянник-сосед сколотил тумбочку и подарил Любове Петровне чайник. Вот почему она всех нас зовет к себе в гости, чай пить и про сибирскую жизнь вспоминать.

Удивительно, но треугольное письмо ее, похожее на те, фронтовые треугольники без марок, с таким вот адресом: “Томск, СОС-защита, от Дороховой с Украины”, – до нас дошло.

“В самом деле, – думаю я, вспоминая Любовь Петровну. – И земля не без людей стоит, и Всевышний зовет к милосердию, и Родину отменить не дано никому. Вот какая сила, оказывается, таится в человеке, вот на чем замешен православный русский характер”...

* * *

Когда у коровы рождалась телочка, дед расцветал: не на мясо, на молоко растить! И начинал готовить ее к коровьей жизни – с глубокого детства. Разговаривал, гладил по голове, по бокам, чесал щеткой, поил теплым молоком, хвалил, никогда не повышал голоса, теребил несуществующее вымя, приучая к будущим рукам доярки... Но зато и корова у него вырастала! Не корова, а королева!

Продавал дед своих бынечек только в добрые руки. Иногда за бесценнок, но обязательно в добрые.

“Быня, быня!” – позовет, бывало, на околице – и чуть ли не пол деревенского стада тянет в его сторону морды.

Феня в деда пошла, от коров ни на шаг. Ей всё в них нравилось: морды, глаза, теплое вымя. Любила зимой зайти в стайку. Тепло, парно, сено шуршит, а на спине у коровы куры сидят, как на насесте. И она их терпит, не сгоняет, даже хвостом не шевельнет, только вздыхает.

Сколько себя помнила Феня, всё-то она телят пасла. И профессия у нее сама собой вышла: телятница. Когда двадцать два года минуло, замуж вышла, первенца родила.

Пасла как-то в поле стадо. Вдруг откуда-то налетел сильный ветер, пригнал серо-черную тучу. Разразился град. Некоторые градины были с куриное яйцо. Феня и телята помчались к ферме. Как бежали – отдельный разговор. Но добежали.

Феня быстренько воды согрела и каждому теленку в ведро капнула скипидару. А себе не догадалась. Телята даже не простудились, ни один, а Феня слегла в горячке.

– С той поры у меня и обнаружилась вторая группа, – с привычной печалью улыбнулась она. – А что поделаешь? Так решила судьба. Мне, как тринадцатому поросенку, мало чего доставалось. И полы некрашенные по конторам мыла, и зерно стерегла, и капусту на продажу квасила. Это уже когда в город переехали. Знаете, что меня больше всего в городе поразило? Что у женщин белые пятки. Идут в танкеточках, нарядные – и пятки белые! Чудно. Муж? Хороший, да. И жизнь с ним хорошая была: один год за три. А как умер, так еще лучше стало. Детей двое, а заработок один. Я ведь на свою пенсию только помереть могла, а мне жить надо было, детей учить.

– Выучили?

– А как же! Оба с верхним образованием, оба инженеры. Младшенький, как выпьет, плачет: “Я твоих мышей, мамка, во сне вижу...”

– Мышей?

— Ну да. Когда он еще в школе учился, а потом в институте, я надомницей работала, белых мышей для науки выращивала. Хоть и не много платили, а всё же платили. Надо же было как-то из ямы выкатываться...

Она скоро ушла, маленькая, невероятно худая, в модном голубом канадском пуховике.

— Подарок младшенького, — похвасталась на прощанье. — Старший тоже присылает, но деньгами. А на что мне деньги? Это богатому больше да больше надо, остановиться никак не может. А мне только и надо, чтобы Господь Бог моим детям посочувствовал...

* * *

Анатолий — красивый, молодой мужчина, нет еще и тридцати трех. Беда случилась с ним на Обрубке, в очереди за водкой, которую в то время здесь продавали по талонам. Шел на работу да невзначай свернул сюда, пристроился в хвост. В это время кто-то из таких же молодых и горячих полез по головам, чтобы проникнуть внутрь магазина. Мужики сбросили его, и он упал на Анатолия. Парню-то ничего, а Анатолий ударился головой обо что-то твердое. С тех пор его мучает одно и то же беспокойство: как бы на работу не опоздать, на работу...

Давно ему пора получать пенсию по второй группе инвалидности, а он сопротивляется, жалобы пишет: третью давайте! рабочую! мне на работу надо, а со второй кто ж меня возьмет? я же знаю, какое сейчас время наступило, не обманете!

Руки, сильные и когда-то умелые, скучают без дела. Ищут его. Вот и решил Анатолий переложить печь в избушке, доставшейся ему после смерти матери. Разобрать разобрал — руки сами вспомнили. А собрать не может. Смотрит на груды очищенных от сажи кирпичей, ведро с песком, пакет с известью, а соединить всё это не получается.

Ночью морозно, сыро. Догадался костер во дворе развести. Согрелся, утром картошки в углях напек. Еще ночь так прошла. И еще. Там, у костра, и нашли его Вера с Таней (кто-то из соседей позвонил). Дали талоны на продукты. Он обрадовался:

— Ну, спасибо, подружки! Пойду завтра на работу, лапши наварю. Мне бы только весну пережить. А там лето! Меня обещали на “Метеор” взять, помощником. На Каргасок ходить будем. Ох, и покатаю я вас, девчонки, с ветерком...

Весну он пережил. Печку добрые люди помогли собрать. А на “Метеор” не попал. На сезонные сельхозработы — это ему удалось. Прибежал довольный, веселый:

— Подружки! В колхоз еду! Урожай спасать! Ох, и поведу же я вас всех в кафе...

Месяц спасал. Зарплату получил. А ее в тот же день нелюди трамвайные выкрали, всю, подчистую.

Снова к нам пришел.

* * *

Николай Осипович появился перед самым обедом. Сел на старенький красный диван, подаренный нашему отделу загсом, бессильно свесил руки. Красивые рабочие руки не старого еще человека, но какие-то... неодушевленные. Голос негромкий, усталый.

— Работа? Да работа у меня всю жизнь легкая была: два рычага — и хорошо! На грейдере трудился. Здоровый, пуп наголе, без верхонок на любом морозе. Бессносный должен был получиться из меня человек. По природе. А вот...

Он с трудом переместил истощенное тело по дивану.

— Что же случилось? Просто так первую группу инвалидности врачи не дают.

— Случилась жизнь, — раздумчиво сказал Николай Осипович. — Врачи с меня и по сей час удивляются, студентам показывают. Каменею я день ото

дня, вот что. Никакие лекарства не помогают. А дело, значит, такое... Работал я как-то на склоне. Работал и работал. Вдруг чую: грейдер стало вниз тянуть шибче обычного. Я — на тормоза, ножом уперся, а он и заскользил по снегу, как на лыжах. Тонна-то в нем не одна. А внизу, вижу, женщина с двумя детьми в колею попала. Смотрит наверх и не догадается, дура, детей на высокую бровку посадить! Смотрит и всё. Потом как закричит... Да так, что двигатель перекрыла. Грейдер к ним совсем уже близко... Хорошо, Бог какого-то мужика послал. Как с неба! Понял он, что мне не остановиться — и выдернул и детей, и ту бабу из-под самого ножа. И сам наверх заскочил. Они-то спаслись. А у меня нервы во многих местах порвались. Остановил машину, а выйти из кабины не могу. Так на носилки и положили скрюченного. На восемь месяцев в госпиталь загремел. Потом инфаркт. А теперь вот камнетать начал.

Он мученически закашлялся.

— Лучше бы я их задавил. Отсидел бы или сам удавился. А так — редкую ночь я женский крик не слышу, — не то ругнулся, не то простонал он.

Я записала его в очередь на путевку.

На курорт он тогда съездил. Здоровье у него постепенно стало прибавлять. Потом он переехал в другой район, и мы больше не виделись. Но сколько раз, в самые тяжелые для всех нас, для моей многострадальной страны времена, когда не было ни сил, ни разума выбраться из глубокой колеи, а стальной нож гигантской и безразличной машины всё приближался, я вспоминала его рассказ и молилась: *“Господи, пошли стране ответственную мужскую власть! Пусть она догадается, что машина не может сама остановиться! Пусть выдернет хоть детей наших из этой проклятой колеи...”*

* * *

Всё чаще стал заходить к нам Елизвой Илларионович, великий в своей незлобivosti человек. “Поклонная голова” — прозвали его сотрудницы (для меня просто “девочки”).

— Елизвой Илларионович, вы с кем-нибудь когда-нибудь ссорились, чего-то требовали?

— А зачем? Просить иногда приходилось, это да. А скажут “нет”, я и так пойду. Ишшо воевать приходилось, это да.

От него мы узнали, что у воюющих людей нет личной ненависти, поэтому и в годы затяжной войны он тоже ни с кем не ссорился — только воевал.

— У меня жизнь такая, что вот на этой стенке не опишешь, — как-то разоткровенничался он. — Из закулаченных я. Из охотников. Пол-Нарыма лосятиной кормил. На медведя не раз выходил. А потом война началась. Так что фронтовик я, от нападения до полной Победы. Когда к Москве пятились, молча шли. А как от неё поворотили, так по три раза в день “ура” кричали. А как иначе? Вижу, робята сыпью бегут, и я за йими. Тут бы только не отстать, а уж головой в снег уткнуться — это как кому повезет. Мешок у меня за спиной, не в пример молодым, чем-нибудь да набит. Как привалимся где-нибудь в лесочке альбо тут же, на снегу, так все ко мне: Елизвончик, дай портянку, ложку, фляжку... Сначала побросают, а потом “дай”. Ну, давал, знамо дело. Почитай для них, мокрогубых, свой горб и таскал. Ох, и понадсмеивались они надо мной по-всякому, попотешались за войну! Из “верблюда” и “горбуна”, почитай, годами не выходил. Да-а... Однако ж сослужил тот горб мне службу верную. Под Старой Руссой. Положил нашу роту немец как-то в чистом поле — головы не поднять. Так уж получилось. На войне как? Кто первым противника к земле пригнёт, тот и господин. Лежу. А вещмешок на спине будто собаки треплют. Пули, значит, вжик, вжик! На палец бы потоньше мешочек был — всё, скосили бы, как траву!

— И ни разу не ранили?

— Обижаеть, дочка, — он стащил штопанный-перештопанный полушубок и задрал рукав застиранного свитера. Обнажилась глубокая и обширная рана, будто кто выгрыз мякоть руки от локтя и до запястья. — И на ноге тако ж, — похвастал, — и на спине. И на боку. В баню приду, мужики разглядывают. Но мне это не помешало Вассыньку ото всех женихов отбойрять и за себя взять. Ох, и любил же я её! За всю жизнь ни разу пальцем не тронул! Нико-

гда! — на мгновение задумался, что-то припоминая. — Правда, раз побить хотел... Было такое, не скрою. По случаю круглой Победы, на сорокалетие, выпил я. И сомлел. Улегся на телегу во дворе — совсем сдвигу не стало. Вассынька потыркалась, потыркалась возле меня, сенцом притрусилась и в избу ушла. Ребятёнчишков покормить. У нас дети ча-а-стые были. Четверо на лавке сидели, а одна в зыбке хлебный мякиш в тряпочке жулькала. Ну, я лежу. А морозец пробирает, майский да ночной кого хошь заберёт; Сибирь не Болгария. Почему Болгария? А там ночи теплые, парные. В общем, лежу. А встать еще не умею. Ну, Вассынька опять вышла. Ко мне подступила. Под рубаху снежком-то майским и сунула. Я и подскочил, руками замахал. А она от меня юрк — и в избу. Я за ней. Зубами стучу. Како там! Никака печка не поможет! Подскочил к Вассыньке, схватил милушку мою в огрёб — только тем и согрелся. А ведь побить хотел...

— Один живете? — сочувственно закивала Таня.

— Четыре года, восемь месяцев и двенадцать дён, — ответил Елизвой Илларионович. — Дети кто где. Дочки взамужем, своих детей роят. А сынами недоволен я оказался. Не тем заняты: портфели носят. А надо не так. Корову пасешь — с молочком будешь, землю вспахал — с хлебушком. А с портфеля како молоко? Не мужицкое дело портфель. Сыны, как придут, так и поучают, и поучают: ты, папка, отсталый, по старинке мыслишь, фронтовик, пенсия у тебя большая, а погляди, в чем ходишь? как из лесу только что выбрался! Ничо, — говорю, — в чём хожу, в том и ладно. Бедно-рвано, а с тротуара никто не спихнёт, обойдут стороной. А вы, при галстуках да при пиджаках, рази так свободно по тротуарам ходите? Не-ет, идёте да оглядываетесь, кабы ваши портфеля кто не отобрал. Не понима-ают...

— А к нам-то, Елизвой Илларионович, зачем пришли?

— А так. Слышу: защиту како-то соорили. Значится, думаю, нападение произошло. Надо в разведку собираться. Може, подмога вам како-то нужна?

— Спасибо, дорогой Елизвой Илларионович, спасибо, — растрогалась “девочки”, провожая его до двери. — Это мы вам подмогой должны стать! Вот скоро путевки в санаторий придут... вы приходите... мы вам поможем оформить...

— Санатория мне теперь, дочка, ни к чему, — вздохнул Елизвой Илларионович, но тут же захорохорился: — Я так-то еще ничего, качественный...

Ушел наш заступник, пообещав заходить с дозором ещё. В кабинете долго стоял запах овчины, махорки, а в ушах звучал хрипловатый голос, рассказывающий простую историю о том, как наши отцы и деды то пятились до Москвы, до Волги, то по три раза в день кричали “ура”...

* * *

Ко мне шли в основном пенсионеры. Вот я и заметила, что к весне они сильно изменились. Появилось много бледных, пожелтевших, исхудавших лиц, невымытых людей (многие продавали банные талоны за полцены, чтобы выпить или покушать). Во время приемов случилось несколько голодных обмороков. Во многих домах и квартирах совершенно не пахло едой (это выяснилось во время подворных обходов). Жуткое впечатление производило такое человеческое жильё. Оторопь брала: никакой еды, ни плохой, ни хорошей.

Иду к Феодосье Кирилловне. Это ей в прошлый четверг вызывали “скорую”, и врач, молодой и усталый мужчина, поставил диагноз: хроническое недоедание. Хозяйка открывает дверь, не спрашивая, “кто там”. В доме тепло, светит лампочка под красивым фарфоровым абажуром. Кровать аккуратно заправлена, с кружевными накидушками и подзором. На стене две картины под стеклом, вышитые крестиком: роскошный дворец и букет васильков. Рамочка с фотографией молодого танкиста. В углу на полочке икона с Николаем Чудотворцем. На столе, покрытом чистой клеенкой в голубую клеточку, чашка с бледным недопитым чаем и морковка, наполовину соскобленная ножиком. Это и есть обед Феодосьи Кирилловны.

— Может, вам пенсию не приносят? — спрашиваю.

— Приносят.

— Некому за хлебом, за молоком сходить?

— Сама хожу.

– Тогда почему?.. Кто-то отбирает?

С большой неохотой, лишь потому, что возникло подозрение, что кто-то обижает ее, Феодосья Кирилловна рассказывает о своей теперешней жизни. Никто не обижает. У неё хорошая дочка и трое внучат, последнему нет еще и полугода. И зять хороший. Дрова напилит-наколет, крышу починит, огород вскопает – всё он; ни от какого дела не отлытает. Но вот уже полгода сидят они без зарплаты. Оборонный завод на бок лёг, рабочим нечем платить, каждый день завтраками кормят, а на работу – ходи! Вот и растерялся мужик маленько, не знает, что делать. На станке строгальном только и привык работать, а он возьми да и перестань деньги печатать... Феодосья Кирилловна им свою пенсию отдаёт, копейка в копеечку. И картошку всю отдала. “А как же вы, мамаша?” – стесняется зять. “А у меня на черный день припасено, бери, не тушуйся”, – обманывает она. А что поделаешь? Детей посулами не накормишь, не обуеши и в школу не проводишь.

Когда подобная история повторилась не в одном, а в десятках домов, я написала в своем отчете: *старики кормят своих взрослых детей.*

“Девочки” со мной согласились, они тоже это заметили. Но дописали свое: ликвидация предприятий, невыплата зарплаты, в том числе в связи с рэккетом (появились у нас и такие справки от работодателей), отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов. В каждой семье была своя причина бедственного положения – и на всех общая: рыночные реформы...

* * *

Умерла Нина Степановна, справедливый человек. Позвонила её сноха и убитым голосом сообщила:

– Мама просила вам передать, чтобы вы долго жили...

– Я приду. Скажите, когда...

Женщина захлебнулась слезами, но время похорон назвала.

Я не могла не пойти проводить Нину Степановну. Мы часто и подолгу с ней разговаривали. Не знаю, как она, а мне её не хватало, если долго не виделась. Или она к нам в отдел придет, или мы где-то на улице встретимся (живем... жили в одном квартале), остановимся и не можем наговориться.

Нина Степановна в Сибирь эвакуировалась вместе с двумя цехами ленинградского завода “Электросила” (остальные цехи были отправлены в другие сибирские города). Ехали с уверенностью, что их ждут готовые заводские корпуса – в печати сообщалось, что в Томске в 1940 году начато строительство крупного предприятия для выпуска электродвигателей. Но завода не было. Только фундамент первого корпуса да конюшня и деревянный домик-столовая.

Электросиловцы всё делали одновременно – и завод строили, и оборудование с железнодорожной станции на стальных листах-“самокатах” волокли, и на станках, установленных под крышей-небом, продукцию выдавали.

– На войне главное что? – спрашивала Нина Степановна и сама же отвечала: – Удар и защита. У нас в те годы удар пришёлся по европейскому Зауралью, а защита строилась в Сибири. Сибирь – важное для России место. Здесь её защитное сердце. Здесь защитные силы...

Нина Степановна работала обмотчицей моторов. Мало кто умел так сноровисто и красиво укладывать виток за витком золотисто-красную проволоку. Мужа она потеряла рано, в тридцать лет. Он вернулся с фронта легко раненный, а всё равно пожил мало. По ночам часто кричал: “Огонь! огонь!” Ему снилось, что танк идёт, а его пушка не стреляет, и он, командир-лейтенант, остался на поле боя один. “Хуже нет, Нина, солдату остаться одному, – говорил он жене. – Без товарищей беда. Никому не пожелаю, даже врагу!” Он и умер-то, простудившись на рыбалке, когда спасал товарища, угловидшего под лед. Не изменил фронтовой привычке.

Нина Степановна замуж больше не выходила. Воспитала сына, затем двоих внуков, мальчика и девочку. А когда сын завёл вторую семью, оставила детей и сноху у себя, а ему указала на порог. Так и жили они долгие годы в её квартире, до последнего её часа.

Нина Степановна страдала астмой. Ей часто не хватало воздуха, говорила с трудом, с мукой:

– На мне как мешок лежит, так жить тяжело. А всё перестройка эта, будь она неладна. Когда скажут: советская власть – так по сердцу что-то родное и теплое прокатится. А “капитализм” – нет. Не люблю его. Плохо от него людям. И богатым, и бедным. У денег нет не только глаз, но и совести. Только заработанные деньги радость приносят, и то не всякие. Включу телевизор – опять всё наше ругают. Выключу, а слова уже застряли. И вот тут, – она показала на сердце, – будто лед положили. Раньше как? На муже рубаха-перемываха, одна то есть. Постираю, посушу, поглажу – он на себя её и наденет. А у меня штапельное платье в два шва по бокам – и на курорт в танкеточках, да с мужем под ручку! Наравне с богатыми. А теперь? Неужели всё зря было?!

– Нет, не зря. И ваша жизнь, Нина Степановна, случилась не зря. У вас достойная биография!

– Это вы так, для утешения, – не соглашалась Нина Степановна. – Вам роль такая выпала.

– Ну, зачем вы так...

– А как?! Жить как?! Чем? Всё отобрали, всё исчернили, даже воздуха не оставили...

В последнюю нашу встречу мы говорили о Ленине. Многие тогда о нём говорили, потому что новые хозяева хотели закрыть мавзолей в Москве, а тело похоронить. Нина Степановна не возражала против предания тела земле, по христианскому обычаю. Но сомневалась.

– У Ленина всего одна ошибочка-то и была, – сказала она. – Когда он объявил “Бога нет, царя не надо”. Что царя не надо, это правильно, а что Бога нет – он ошибся. Есть, есть Бог, он всё видит! Бог не яшка, знает, кому тяжело...

Мы и о религии тогда поговорили, о вере. Нина Степановна редко ходила в церковь, но верила искренно, часто повторяла: Бог видит, кто кого обидит. Она старалась никого не обижать. На прощанье оставила мне переписанную от руки молитву:

Господи, дай мне силы, чтобы изменить то, что я в состоянии изменить. Дай мне смирения, чтобы принять то, что я изменить не в состоянии. И дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого.

Она лежала, украшенная бумажными цветами, сделанными руками её внуков. Лицо было спокойное, как у человека, исполнившего данное обещание. Сын, располневший и седоватый мужчина, то входил, то выходил из комнаты, пытался что-то сделать, предпринять, но всё уже было сделано. Завод взял на себя хлопоты по организации проводов в последний путь своей работницы.

А сноха рассказала, что, когда она вернулась с работы и зашла в комнату мамы, Нина Степановна лежала в чистых одеждах, вынутых из “смертного узелка”, а “брызгалка”, баллончик с антиастматическим препаратом, была отброшена далеко-далеко, под шкаф.

– К чему бы это? – почему-то шепотом спросила женщина. – Неужто сама? Последнее время, как услышит по телевизору что-то плохое про прежнюю жизнь, так застонет: “Господи, хоть бы не прожить долго...” А?

– Она была верующая. Она не могла сама. “Брызгалка” улетела нечаянно, – возразила я. Что я могла еще сказать убитой горем женщине? Вспомнить последние слова Нины Степановны, сказанные на пороге моего кабинета: “И смерти нет, и жить что-то не хочется”... Что мы вообще знаем о душе человеческой, которая страдает и мучается от несправедливости и бывает подчас тяжелее тела? Может быть, прав поэт Николай Зиновьев из далекого и теплого Краснодарского края? *От мира – прогнившего склепа, // От злобы, насилия и лжи // Россия уходит на небо, // Попробуй ее удержи.*

* * *

Мне передали опекунов. В большинстве своем это были пенсионеры, принявшие на свои плечи тот груз, который предложила им жизнь. Они могли бы отказаться: сами ношены-переношены, ослабли, окунулись в нищету и болезни. Но эти не могли, потому что дети оказались еще слабее. У многих родителей не стало, погибли на автомобильных дорогах, сгорели в пассажирских поездах, упавших самолетах, потонули на паромах. У кого-то их “не бы-

ло” совсем, и они выпрашивались из интернатов на жительство к престарелым или дальним, но всё-таки родственникам. Чьи-то родители запились или отбывали свои годы в “заключке”.

Опекуны были разные, чаще женщины, реже мужчины, но с одинаковой манерой поведения. Некрикливые, немногословные, терпеливые, исполненные внутреннего достоинства, они казались людьми, исполняющими важное секретное государственное задание. А дети... Дети как дети. Смышленные, любопытствующие, подавленные, робкие... Разные. Одна девочка рассказала, что попросила бабушку не умирать, пока она паспорт не получит. Бабушка так и сделала. Девочка горько плакала и винила себя за опрометчивую просьбу. Паспорт-то ей дали в четырнадцать лет. “Надо было просить, пока я замуж выйду, – рыдала она. – Ах, бабуля, бабуля...”

С опекунами работать проще. Они получали государственное пособие, имели жильё (бесквартирным гражданам детей под опеку не отдавали), пенсию; у многих были огороды или мичуринские участки, куда они вывозили детей на лето. Со своей стороны соцзащита оказывала им поддержку. Оздоровительные летне-зимние лагеря, одежда, продуктовые наборы – всё, что проходило через наш отдел, шло в эти семьи в первую очередь.

Но жизнь ровной не бывает – то рубаха короткая, то пуп наголе.

Часто наведывалась к нам одна бойкая старушонка со своей девятилетней внучкой Майей. Девочка была слепая от рождения, но, похоже, она немного видела, так как поворачивала лицо на яркий свет лампы. А может быть, мне это только казалось, и Майя просто ощущала тепло, идущее от светильника, и тянулась к нему, как светолюбивое растение.

Старушка получала, по нашим представлениям, скромные, но достаточные деньги для себя и своей подопечной. Тем не менее, она часто ходила “на угол”: просить милостыню. Рядом ставила Майю, но не заставляла просить, а велела просто стоять. “Сидеть, когда просишь милостыню, – считала опекунша, – неприлично”. Когда мы попеняли ей: ребенок должен быть в школе, а не стоять “на углу”, – опекунша вроде бы послушалась. А потом придумала другое.

Жили они возле центрального рынка. Комнатка с кухней располагалась в деревянном доме с квартирами коридорного типа. Что-то похожее на общежитие, но всё же отдельная квартирка, в которой было и отопление, и вода, и сидячая ванна. В этом полуобщежитии и всегда-то было много проживающих, что называется, под завязку, но с приходом рыночных отношений стало не продохнуть.

Мы настаивали на переселении Майи в интернат для слабовидящих, но бабка свое согласие не давала. Отведёт для видимости девочку туда на неделю, и снова забирает. А нам рассказывает (со слезой в голосе), что Майя из интерната убегает. И из дома, дескать, убегает на рынок. Ходит между рядами и просит фрукты или овощи. А бабке ничего не остаётся, как гоняться за ней, ругать и кричать: “Не давайте ей! Нечего попрошайничать!” А продавцы – ах бармалеи! – вступаются за Майю: “Молчи, женщина. Иди сюда, девочка, на грушу... Бери персик...”

Оказалось, бабка специально ходила следом за Майей и собирала в корзину овощи и фрукты. Это был её “старушечий промысел”. А вечером гуляло пол-общежития. Майю угощали селедкой или копчеными ельцами, выловленными тут же, за рынком, возле городской пристани. Бабушке подносили стопку.

Мы начали готовить документы в судебные инстанции. Но не успели. Майя заразилась туберкулезом от бабушкиного сожителя, вернувшегося из тюрьмы. Её отвезли в Городок, пытались лечить, но безуспешно. Туберкулез оказался какой-то новый, не поддающийся лекарствам, скоротечный. Девочка умерла. Прости, Майя, нас, зрячих...

* * *

Строгое (и единственное) взыскание я заработала за нарушение неписаного правила: не воспитывать посетителей. Наше дело – оказывать посильную помощь, разбирать жалобы, заявления, вникать в нужды и житейские обстоятельства, выслушивать просьбы, советовать, но ни в коем случае не на-

зидать и не впадать в нравоучения. Такова была практика, таковы были условия нашей работы. А я их нарушила. Дело в том, что в действительности границы между советом и нравоучением такие зыбкие, такие прозрачные, что порой и вовсе не видны. Это как в сумерках на сером асфальте различать полустёртые меловые “классики”. Непременно на черту наступишь.

Пришла ко мне А-ва. Статная, высокая, в дорогом кожаном пиджаке (они только-только входили в моду, и молодежь победнее щеголяла в куртках, сшитых из распоротых волейбольных мячей). А у А-вой был пиджак цельнокроеный. Потому и дорогой. В ушах тяжелое золото, на шее такие же цепочки (кажется, три штуки, одна на одной), на пальцах тоже что-то желтело. Лицо смуглое, некогда красивое, с резкими чертами. Гравюра – не лицо. Глаза непроницаемо коричневые, настороженные. А вот тонкие губы не накрашены и оттого словно бы потерялись. Может, улыбка найдет их? Но улыбки не было. Гнев и жалобы – это да. Это было.

У А-вых шестеро детей. Муж не работает. Приходится снимать квартиру. “Кое-как спаслись из-под бомбежки, которую *ваши федералы* устроили в Грозном, – гневается женщина. – Дети плохо понимают русский язык. Как в школу их отправлять? Скоро зима, а они у меня в тапочках! Им что, босиком в школу идти, э?”

– Нет, босиком нельзя, – говорю, заполняя необходимые бумаги. – Босиком в Сибири никак нельзя. . .

– Так что мне делать? – срывается на гортанный выкрик посетительница.

– Ну. . . – я посмотрела на разгневанную женщину. Я тоже мать, я понимаю, надо действительно что-то посоветовать: – Ну, я бы продала украшения, пиджак, что ли. . . И обула детей.

Ох, что тут началось! А-ва кричала так, что в коридоре стихли все разговоры, а в окнах тоненько задребезжали стекла.

– Да я. . . Я, может, в этом пиджаке сплю!! Мое золото увидела?! Да я. . . Ну, всё! Я добьюсь, чтобы тебя уволили!! Тебе не место здесь!!! Так вы помогаете беженцам?!

Сгребла документы и прочь из кабинета.

Ты – это ладно. Это понятно. А вот “не место”. . . Не место. А где оно, мое место? И вообще – где их распределяют, чтобы знать, не на чужое ли попадёшь? Моя мать в военное время обменяла обручальное колечко на ведро картошки и была счастлива удачей. Так что мой совет “продать украшения” вырвался сам собою, помимо моего разума, откуда-то из непостижимых глубин подсознания. Вырвался, и уже ничего не поправить.

А-ва слала жалобу за жалобой, всё выше и выше, добираясь до самого верха, как по бетонной лестнице. Ко мне зачастили с проверками, даже корреспондент местного радио посетил; я написала кучу объяснительных, лишилась квартальной премии; на моё начальство было тяжело смотреть, потому как доставалось и ему.

Несколько месяцев длился этот “конфликт местного значения”. В результате чего А-вым предоставили комнату в общежитии, а потом, кажется, и квартиру – правда, в другом районе. Беженцам с Кавказа надлежало помогать. Жалобы следовало рассматривать в срок. Виновные должны быть наказаны. А дети – расти и ходить в школу. И это так.

* * *

Алексей Иванович зашёл за гуманитарной помощью для тещи-инвалида и увидел, как соцзащитовский вахтер сминает, плющит добротные коробки из гофрированного, покрытого воском картона.

– Что вы с ними собираетесь делать? – спросил он.

– Сжигаем, – вздохнул вахтер, – “Вторсырьё” развалилось, хранить негде. Беда, да и только. . .

– А можно я заберу?

– Да, пожалуйста! – обрадовался тот и не удержался от любопытства: – А зачем?

– Дом строю, – объяснил Алексей Иванович. – Доски я нашёл, а внутренность меж ними картоном забью. Вишь, какой картон-то – американский. Можно сказать, с того света. . . из-за океана то есть. . .

– Гляди ты! Такого строительного материала я на Сибири что-то и не припомню...

С тех пор Алексей Иванович стал частым гостем в отделе. В одной и той же, но всегда чистой клетчатой рубашке и выгоревшей на солнце полотняной куртке, коренастый, неторопливый, но внутренне стремительный, он входил к нам с широкой улыбкой (“Как у артиста Жженова”, – определили “девочки”), прижимая правую руку к сердцу (так он здоровался со всеми в кабинете сразу). О себе рассказывал коротко, но откровенно, и вскоре мы уже знали о его семье всё. Ну, или почти всё.

Алексей Иванович переселенец из Казахстана. Вынужденный. Хотя такого статуса в отношении его не существовало – Казахстан не относился к “горячим точкам”. Жил в небольшом городке, где располагались два завода: кирпичный и стекольный. В молодые годы он строил их по очереди – сначала кирпичный, а затем стекольный, так как по профессии Алексей Иванович был строителем. Потом его назначили заместителем директора стекольного завода по строительной части – надо было достраивать цеха, ведомственные дома – да мало ли что еще! Получил квартиру, насадил сад на участке земли в пригородной полосе. Избирался народным депутатом. Пользовался заслуженным уважением среди жителей. И вдруг – всё как будто подменили. И завод, и завод, и людей. Алексей Иванович, его жена, фармацевт с двадцатилетним стажем, дочка, выпускница воскресной школы при православной церкви, и даже теща-инвалид, в прошлом учительница немецкого языка, стали здесь чужими. На заводе ему в открытую заявили о “переориентировании на национальные кадры”, а кто не согласен, может увольняться. И вообще – “Чемодан. Вокзал. Россия”. Казахстан для казахов! Первыми не выдержали и стали уезжать немцы. За ними потянулись русские.

Алексей Иванович держался долго. Но когда его дочку не приняли в сельскохозяйственный техникум “по причине нехватки мест для национальной молодежи”, не выдержал и он. “Всё, – сказал он домашним, – собираемся в Россию”. Но куда? Из всей родни в России оставалась троюродная сестра, и жила она в Сибири, в Томске. “Значит, едем в Томск”, – решил Алексей Иванович.

Троюродная сестра в приюте вынужденным переселенцам не отказала, но сама жила в маленьком домишке на Каштачной горе, почти у самого обрыва. Первое время ютились все вместе, пока Алексей Иванович не вырыл на обрыве полужемлянку, укрепил её, как блиндаж, в два наката, бревнами, поставил железную печь-буржуйку и соорудил просторные нары. В этой полужемлянке они и перезимовали. А весной он начал строительство дома. Тут же, на обрыве, на ничейной земле. Сын троюродной сестры помог залить фундамент. Но потом его забрали в армию, и помощника у Алексея Ивановича не стало. На деньги, вырученные от продажи (задешево) казахстанской квартиры и плодоносящего сада, Алексей Иванович купил бревна и доски для стен. На крышу зарабатывал дворником и ночным сторожем. Рано-рано уберёт территорию возле частного магазина – и спешит на строительство своего дома. А вечером уходил в ночную смену, сторожить автостоянку. Как он выдерживал такой режим – одному Богу ведомо. Но в соцзащиту Алексей Иванович приходил всегда с улыбкой.

– Алексей Иванович, нужно идти на прием к самому высокому начальству, – говорила я ему. – Нужно добиваться статуса вынужденного переселенца, квартиры, беспроцентной ссуды на строительство... Не может быть, чтобы вас не услышали!

– Может, – улыбался он. – И ходил, и добивался, и просил. А насчет того, выдержу ли... Александр Васильевич сказал так: “Мы русские... и всё одолеем”.

– Александр... Васильевич... Кто это?

– Суворов, – снова улыбнулся Алексей Иванович. – Не слышали?

Мне стало стыдно: я действительно не знала этих суворовских слов. О пуле-дуре, штыке-молодце слышать приходилось, а о том, что мы русские, и всё одолеем, нет.

Русский философ-эмигрант Иван Лукьянович Солоневич (1891–1954) писал, что “жизнь народа вообще, а великого народа – в особенности, развивается по закону больших чисел (отсюда доминанта национального характера русских – государственный инстинкт, т. е. служить на общее благо, на госу-

дарство)”. . . Иван Лукьянович называл это *инстинктом общежития*. А ещё он выделил главное свойство русского человека: уживчивость и “не замай”. Уживчивость и “не замай”. И всё это в одном человеке, в едином характере.

“Не замай” Алексея Ивановича выразился в молчаливом протесте против унижения его национального достоинства – взял и уехал. И ни разу не пожалел о найтом и брошенном. Врезался в край обрыва, перезимовал вместе с семьей. А теперь строит дом. И сейчас для него главное – погоду угадать, не замочить добротный американский картон, который, по всем прикидкам, должен держать тепло. Не может не держать.

В то лето сибирская погода посочувствовала Алексею Ивановичу: за полтора месяца ни слезинки не проронило небо. И только когда он забил последний гвоздь в рейку, прижимавшую пластину толя к стропилам и доскам, по крыше мягко застучали дождевые капли.

* * *

Прошло десять лет. На пенсию меня провожали тепло и сердечно. “Девички” были великолепны. Нарядные, красивые, молодые. Произнесли много хороших слов, пожеланий заслуженного отдыха. Недосказанное уместилось в молчании. Мой служебный временной срок окончился, и печали в этом событии было неизмеримо больше, нежели радости.

Неожиданно появилось много лишнего свободного времени. День сделался большим-пребольшим, его стало возможным делить на крупные части: утро, полдень, вечер. Время замедлило свой шаг, и секундная, а за ней и минутная стрелка оказалась ненужной. Потянуло к университету. Белокаменный, величавый и строгий, в моей жизни он был не просто учебным заведением, в котором когда-то я училась, а неким высшим существом, личностью, с мыслями и поступками которого соотносилась вся моя жизнь и даже иногда её смысл.

Память невольно унырнула в студенческие годы.

Комната “восемь на восемь”. Восемь человек на восемь метров. Двухъярусные железные кровати. Чугунная сковорода на полстола, и вся наша коммуна, дружно обсевшая эту сковороду с незабываемо вкусной картошкой. Шутки. Споры. Смех. Ночные бдения над конспектами. Ключ под дверью. Билеты в театр под стипендию. Стипендия под подушкой. Университет преподавал нам множество самых разнообразных знаний. Часть из них так и осталась нетронутой, не востребованной; часть расходовалась щедро и безоглядно; многое прибавилось и упрочилось с годами. Но главное – он научил задавать вопросы и искать ответы на них. Как это у него получалось, не знаю, но это так.

Сейчас университет опекает других выпускников, ему не до нас, выпускников шестидесятых годов. Он не может помнить всех. Он, как сосна, у которой одна за другой отмирают нижние ветви, и усилия корней сосредотачиваются на том, чтобы гнать соки от земли к далёкой вершине, на которой кудрявится бодрый и вечнозеленый молодняк. Да, университет – это солнцелюбивая корабельная сосна.

“Что можно увидеть в волнах?” – задавались вопросом умные головы на гребнях поломанных эпох. А ничего! Я тоже плавала в беспокойных черноморских водах, когда на пляжах вывешивались знаки “Купаться запрещено”. Я ничего не видела, кроме накрывающего откуда-то сверху зелено-свинцового вала, огромного количества горько-соленой воды, готовой захлебнуть, подавить, утянуть на дно, не дать выбраться на поверхность. Изо всех сил я карабкалась на этот вал, дорожа каждым глотком воздуха. . . И тогда – ненадолго! – удавалось увидеть небо. А берег – нет. Это пугало по-настоящему, заставляло сердце биться отчаянней; казалось, надежда растворилась в воде, как эта горькая соль. . . Но тут снова появлялась полоска голубого неба, – и скольжение вниз, в неумолимую бездну, и набегающий сзади гребень с пеной наверху уже не представлялись окончательными. Нет, в волнах разглядеть ничего невозможно. Нужно только плыть, только стремиться к берегу и не поддаваться унынию.

Часами я бродила по городу. Вот здесь, на крыльце деревянного особняка, украшенного чудесной резьбой, я спасалась от летнего проливного дождя, а из окон первого этажа звучал вальс Свиридова. . . Нет уже этого дома-терема с гостеприимным крылечком. На его месте возвысилось красно-кирпичное

чудовище, задавившее своей многоэтажностью соседние здания. Я шла дальше. Город раскрывался с новой, неожиданно чужой стороны. Огромные здания, элитные постройки, особняки с подземными гаражами, пустынные дворы, в которых стояли дорогие автомобили. . . Их было так много; они смотрели отовсюду своими пустоглазыми евроокнами, встречали наглухо бронированными входными дверями с кодовыми замками. Казалось, их никто не строил, они пришли сюда сами и встали здесь, на приглянувшемся месте, не спрашивая ни у кого разрешения. Как инопланетные корабли. Да и живут ли в них люди? Отчего так пустынные дворы и не слышно детских голосов? Или я не туда и не в то время попала?

Заглядевшись, не заметила, как на меня надвигается джип с темно-синими тонированными стеклами. Молодой водитель не подавал сигнала, но медленно и упорно наезжал на меня. Я растерялась, заметалась. А он. . . Он смеялся и продолжал сближение. Кое-как сообразив, что же мне делать, я прижалась к стене дома. Джип проследовал к соседнему подъезду. Распахнулась дверца, и из машины царственно-неторопливо вышла молодая женщина в дорогом светлом брючном костюме с крохотной собачонкой на руках. Она казалась веселой и довольной. Оглянувшись на меня, рассмеялась.

Не помню, как я возвращалась домой, по каким улицам и переулкам. Это уже не имело значения. Я, наконец, поняла то важное, что в последние годы никак не удавалось понять, но что мучительно хотелось угадать, распознать в калейдоскопе дней, людей, событий. А поняла я вот что. Не посетителей наших все эти *окайнные годы* мы защищали. Мы оберегали их — обитателей вот этих дорогих элитных домов. Мы делали всё, чтобы они успели разобрать самое ценное из общего достояния, построить свои особняки, нанять охрану, купить дорогие иномарки, одеть своих женщин в норковые шубы и дорогие платья, поместить своих детей в закрытые платные заведения. . . Если бы все эти годы мы не служили временной дамбой с наспех навороченными мешками с песком, толпы рассерженных, обманутых, обобранных до нитки людей хлынули бы на них, затопили своим горем и гневом все их несправедливые “строительные площадки”, смели, смыли в реку забвения, как прошлогодний сор. Мы были той дамбой, которая держалась что было сил. Значит, всё было зря? . .

От всего сердца поздравляем талантливую писательницу и замечательного человека Тamarу Александровну Калёнову с юбилеем. Литературе дано словом согреть и поднять людей, а Тамара Александровна согревала, оберегала и поднимала их и словом, и делом. И хотя в великолепных зарисовках, публикуемых в этом номере, у неё вырвалось горькое: “Всё было зря?”, творчество и сама жизнь Тамары Александровны доказывает — нет, всё было не зря! Всё — для людей, нуждающихся в помощи и защите.

РУДОЛЬФ ГОЛОСОВ

ЗА РОССИЮ ОБИДНО

Размышления моряка

80 лет жизни позади. Сколько судьба ещё отстегнет – вопрос, но экватор уж точно пройден. 75 лет трудового стажа (с учетом флотской льготной выслуги лет), вполне заслуженная пенсия. В наличии жена, два сына, две дочери, три внучки и два внука. Всё, что народная мудрость рекомендует за жизнь выполнить мужику – вырастить детей, построить дом и посадить дерево – выполнено и перевыполнено. Достаточно почетных званий и наград. Довелось плавать во всех океанах планеты и всех морях, омывающих Россию, в основном на подводных лодках, дизельных и атомных, ходить к берегам Антарктиды, пройти на атомоходе подо льдами Арктики с Северного на Тихоокеанский флот, всплывать в полынье у Северного Полюса. Конечно, хватало и стрессовых ситуаций, однако уцелел. Спасибо судьбе и товарищам, с которыми выпутывались из этих ситуаций. По мере продвижения по службе пришлось руководить большими коллективами людей. Пожил в разных местах бескрайней матушки России – Москва, Ленинград, Свердловск, Сибирь, Заполярье, Камчатка, Приморье с Владивостоком. Побывал за границей – послевоенная Польша, ГДР, Англия, Болгария, США, Сомали, Экваториальная Гвинея и просто Гвинея. А вот Канары видел только на горизонте – недостаток по нынешним временам.

Жизнь нашего поколения можно четко, хотя, конечно, условно, разделить на четыре периода – до войны, война, после войны и после развала Советского Союза. В каждом из них было и хорошее, и плохое, и очень плохое. И ещё много чего, что в совокупности составляло нашу жизнь. В её круговерти времени для осмысления, что к чему, практически не было. А вот сейчас можно попробовать.

Едва ли кто, кроме ученых мужей соответствующих специальностей, особенно размышляет над вопросом – зачем и почему Природа или Бог создали Человека именно таким, какой он ныне есть. Имею в виду, прежде всего, мощный интеллект, весьма совершенные органы чувств и чудесный универ-

ГОЛОСОВ Рудольф Александрович, Герой Советского Союза, вице-адмирал, 45 лет отдал службе в Военно-морском флоте СССР. Участвовал во многих учениях и походах. Ему довелось прокладывать курс кораблям во всех океанах планеты. С 1990 года в отставке. Автор воспоминаний о службе во флоте и публицистических работ. Живёт в Москве.

сальный рабочий инструмент – руки. Едва ли требуются особые знания по истории развития человечества, чтобы прийти к однозначному выводу: Творец Человека, кто бы он ни был, создавал тоже творца, рассчитывая, что его создание будет познавать, преобразовывать и обустривать окружающий мир, да и себя заодно. Для этого основным содержанием его жизни и деятельности на планете будет труд и творчество. Целенаправленный созидательный труд – главное и необходимое условие существования человечества на Земле. Все объекты материальной и духовной культуры на нашей планете созданы трудом человека и только трудом, умственным и физическим. Думается, что это и должно быть исходным пунктом для всех философских концепций об истории человечества.

Но, думаю, будет неправильным считать, что труд есть основная ценность человеческой жизни. Любимое дело, творческий труд – да, ценность безусловная, которой зачастую человек отдаёт всю жизнь, испытывая полное моральное удовлетворение. Однако большинству людей в наше время чаще приходится выполнять работу, чтобы жить самому и обеспечивать условия для жизни своей семьи. И далеко не всегда работа в радость. Но то, что труд – основная жизненная необходимость, с этим не поспоришь. А для души, как говорится, можешь выбирать другое занятие, исходя из увлечений, но это в свободное время, если оно имеется. А может ли, в принципе, быть свободное время, если человек должен трудиться не покладая рук, чтобы обеспечить для себя и семьи пресловутый “прожиточный минимум”? Сегодня в России многие вынуждены где-то подрабатывать, кроме основной работы, иначе концы с концами не сведёшь. Какое уж тут свободное время! Дай Бог в выходные отоспаться да посмотреть сериальчик в телящике.

Однако оказывается, свободное время быть должно. Экономическая наука уже в XIX веке пришла к основополагающему выводу о том, что человеческий труд создаёт больший продукт, чем тот, который необходим для восполнения затрат рабочей силы, то есть создаёт прибавочный продукт. Он и даёт возможность человеку иметь свободное время, не расходуя весь лимит располагаемого времени (суточного, недельного и т. д.) только на восполнение энергии, затраченной на труд.

Газета “Труд” 10 января 2008 года привела результаты социологического опроса “Как вы проводите свободное время?” – 40,5% опрошенных ответили, что смотрят телевизор; 21,5% – читаю; 10,8% – сплю. 27,2% заявили, что у них нет свободного времени. Хотя не указан регион проведения опроса, возраст опрошенных, образование, материальное положение, другие факторы, влияющие на ответ в этом случае, приведенные данные представляют определённый интерес. Почти три четверти опрошенных свободным временем располагают. Конечно, следует учитывать, что четкого водораздела между временем, необходимым на восстановление энергозатрат на труд, и свободным временем в чистом виде здесь не проводится. Думаю, что у экономистов-теоретиков подобная градация разработана.

Естественно, рассуждать можно лишь о труде созидательном. Когда-то довелось, возможно, в порядке анекдота, слышать об одном из вариантов трудотерапии в домах умалишенных. Половина больных таскает камни из одного угла двора в другой, вторая половина перетаскивает обратно. О такой работе размышлять нечего. Правда, и в реальной жизни иногда видишь рабоботёнку, по содержанию и смыслу схожую с описанной.

О том, что с древнейших времен постепенно происходило общественное разделение труда, известно ныне школьникам. Сегодня разделение труда стало международным, и этот процесс охватил уже всю планету. Государства, их промышленные корпорации, объединения, предприятия обмениваются продуктами труда или работают в кооперации. Где и что производится, зависит от множества факторов, включая географическое положение страны, климат, наличие природных ресурсов, степень развития отраслей экономики, транспорт, исторические традиции, политический строй и многое другое. Однако, при всем многообразии форм и способов трудовой деятельности человечества, остаются неизменными основные условия, необходимые для такой деятельности.

Рассуждать об экономических проблемах можно в разных терминах и понятиях. Мне удобнее в марксистских. И потому, что наше поколение обуча-

лось политэкономии по Марксу, и потому, что они представляются логичными, простыми и понятными.

Производство общественное. Кому же в обществе принадлежат перечисленные слагаемые этого производства? То, что относится к предметам труда, создано Природой при сотворении Земли, ещё до появления на ней человека. По логике предметы труда должны принадлежать всему человеческому обществу, которое обитает в пределах тех или иных, исторически сложившихся государств. Разумеется, до тех пор, пока все человечество не договорится об ином или не начнёт передел границ силовыми приёмами. В Советском Союзе, впервые в истории человечества, так и было установлено.

Но тогда почему в мире, а сегодня и в нашей подзабытой Богом России, содержимое земных недр, другие природные ресурсы зачастую принадлежат отдельным лицам и группам лиц, объединившимся в компании, общества, корпорации, а проще говоря, в шайки для извлечения личной выгоды-прибыли из того, что принадлежит всем? В странах, где капиталистический способ производства за несколько веков остепенился и достаточно стабилизировался, государство сформировало определенные рычаги регулирования процесса присвоения природных ресурсов. Однако “Её величество частная собственность” и “Их превосходительство рынок” никогда не позволят государству полностью взять контроль в свои руки.

Средства производства принадлежат или государству, или частным лицам, или объединениям таких лиц. Если государству, то, следовательно, всему обществу, а государственная власть выступает в качестве управляющей компании, организующей производство и распределение продуктов труда согласно действующим в государстве законам и в интересах всего народа. Конечно, это при условии, что государственная власть выражает интересы всего народа. Если же государство действует лишь в интересах какой-то его части, то остальные могут только облизываться. В случаях с частной собственностью процесс производства и распределения регулируется соответствующими частными владельцами средств производства, также с учетом ограничений действующего законодательства, но в интересах частных собственников. А как иначе? Если завод (шахта, нефтяная скважина, и т. д.) принадлежит мне, то на работу я нанимаю кого хочу (лучше – молодых и здоровых), плачу зарплату, определяемую мною (чем меньше, тем лучше для сокращения себестоимости продукции), плачу государству установленные налоги (если не удастся уклоняться от уплаты), и всё! И никакой филантропии и прочих забот! Главное – прибыль и побольше! – и не прогореть в конкурентной борьбе. Пусть неудачник плачет!

Сегодня, в эпоху капитализма, в России – дикого и недоразвитого, человек никому не принадлежит, никому не обязан и свободен, как птица в небе. Открывай своё дело, трудись, зарабатывай, плати государству налоги и процветай! Не хочешь открывать свое дельце – занимайся к тому, кто открыл, и вкальвай у него! Ты ему продаёшь свой труд, он тебе платит за него. Ещё раз подчеркнем – платит не за произведённый продукт, а именно за труд по сложившимся рыночным расценкам. А не хочешь вообще работать – не работай! Никто тебя не может заставить! Это в застойное советское время заставляли трудиться всех. Не желавших честно трудиться обзывали тунеядцами и даже могли выслать аж за сто первый километр от столицы. Но тогда был “тоталитарный” режим с его лозунгом: “Кто не работает – тот не ест!” Ныне же, не будем забывать, “свобода”! О достижении её так долго мечтали на кухнях обездоленные представители советской интеллигенции. И вот оно, это сладкое слово – свобода – в наличии!

Правда, может возникнуть вопрос – а как же жить, если не работать? Но это уже ваши заботы! В условиях свободы и демократии существует масса способов, как прожить, не работая. Можно, например, выиграть миллион в лотерею – на скольких телеканалах играют! Можно продать квартиру и податься в бомжи, когда проешь деньги. Можно милостыню просить на станциях метро и в подземных переходах. А то у церкви, их ныне много появилось. Народ у нас сердобольный, подают иногда, да и государство какую-никакую милостыню по безработице подкидывает. Мошенничать научиться, приворовывать, если что плохо лежит. Да мало ли чего можно придумать, имея сообразительную голову и хотя бы среднее образование, не говоря о высшем.

Конечно, лучше бы основать своё дело, бизнес, как ныне говорят. Основ-

ная проблема – где взять начальный капитал для закупки необходимого оборудования, материалов, оплаты аренды помещения и т. п. Не говоря уж о том, сколько дать на лапу множеству чиновников за получение всевозможных разрешений, регистраций и т. д. Если нет счёта в швейцарском банке, можно обратиться за кредитом в банки российские (их за время непрерывного реформирования развелось в России не менее полутора тысяч). Условия и процент, под который дадут кредит, грабительские, но не хочешь – не бери. Вся эта прорва банчишек живёт ростовщичеством – одним из древнейших и пререннейших способов жить на халяву за счёт тех, кто трудится.

Деньги в наше время многим представляются как главная ценность в жизни. При этом зачастую забывается, что деньги лишь символ, эквивалент произведённых материальных и духовных ценностей и услуг, предназначенных в обществе для потребления и, соответственно, для обмена между его членами. Нетрудно представить райское существование общества, не производящего ничего, кроме красивых банкнот. С завоеванием народами России долгожданной свободы и вступлением в царство рынка все ограничения на “делание денег” исчезли. Сегодня в российских СМИ призыв трудиться едва ли слышь. Зато взахлёб рассказывают о “сделавших деньги”, особенно большие, а ещё лучше, очень большие! Мировые и отечественные издания со сладострастным придыханием подсчитывают капиталы на счетах делателей денег. Правда, стыдливо умалчивают, например, о том, как и каким образом некий гражданин Абрамович “сделал” свои миллиарды – что построил, какие материальные ценности создал. А если ты сам ничего трудом не создал, но “сделал” денежки, а они эквивалент чьего-то труда, значит, ты этот чей-то труд присвоил и, скорее всего, без согласия данных тружеников. В капиталистическом обществе подобные деяния именуется бизнесом, в русском языке, особенно в советское время, – воровством. В известном сериале режиссёра Говорухина “Место встречи изменить нельзя” очень убедительно говорится, что вор должен сидеть в тюрьме. Есть повод для размышлений!

Сейчас много говорится о разнице в доходах между самыми бедными и самыми богатыми в различных государствах. В развитых странах этот разрыв составляет 10–12 раз. В России по официальным и не особенно рекламируемым данным 17–25 раз, а по неофициальным вообще зашкаливает. По числу миллиардеров мы вышли на второе место в мире. По данным журнала “Форбс”, в течение заключительного года президентства гражданина В. В. Путина количество долларовых миллиардеров в России возросло с 60 до 110. А за восемь последних лет увеличилось в 15 раз. Это какие ж у мужиков деньги! Сколько они для общества насоздавали, раз оно оценило их труды в такие суммы? Да при том, обратите внимание, в такие рекордно короткие сроки. Это вам не Форды и Рокфеллеры, столетиями сколачивавшие свои трудовые состоянья! Почему же наши всё знающие СМИ ничего не рассказывают об их творческой трудовой деятельности? Они ж благодетели народа нашего, памятники бронзовые по ним плачут!

Основная часть народа в России справедливо считает столь стремительное и тёмное обогащение кучки людей, неизвестно что создавших для общества, воровством народного достояния в особо крупных размерах. Тем более что деяния эти произошли в период развала государства, его экономики и потрясающего обнищания большей части населения. Но то народ считает, быть может, он заблуждается или чего-то не понимает. Есть же государственная власть с иерархией многочисленных судов, законодательных и правоохранительных органов, грудью защищающих конституционные права и свободы того самого заблуждающегося народа. Она-то, власть, как смотрит на подобное положение?

А зачем вообще обществу государственная власть? Задумываемся ли мы над этим хотя бы раз в четыре года, когда, как нас уверяют, мы её по собственной воле выбираем? Наблюдая шоу под названием “демократические выборы”, начинаешь сомневаться в том, что задумываемся. Правда, и слово “демократические” в данном случае как-то не очень к месту.

Если бы общество состояло из двух человек, то надо полагать, власть бы им не требовалась. Все спорные вопросы решались бы только в ходе переговорного процесса, как выражаются дипломаты. Не было бы ни большинства, ни меньшинства. Сплошное согласие (консенсус – для пренебрегающих рус-

ским языком)! В крайних случаях, лёгкий мордобой без летального исхода, иначе общество исчезнет. С появлением третьего члена общества возникали определённые проблемы – возможностью появления большинства и меньшинства, трудность согласования различных мнений даже физическим воздействием и проч. Дальше можно не продолжать.

По мере увеличения численности общества, развития экономики, духовной сферы, стремления к познанию мира проблемы нарастают лавинообразно. Следует заметить, что у любой власти ассортимент средств для оказания воздействия на общество не так уж и велик и может быть сведён всего к двум направлениям: **убеждение и принуждение**. Убеждать можно научными доказательствами, логикой, примерами, сравнениями и т. д. Можно и красивой ложью, или, наоборот, устрашением, используя электронные и другие СМИ, что сегодня широко практикуется. Средства для принуждения изложены в различных Кодексах, включая уголовный. Весьма эффективны и неписанные способы – не предоставлять возможности работать, нарушать законные права и многое другое в том же духе. Думается, в порядочном обществе власть должна отдавать приоритет убеждению. Конечно же, без навешивания лапши на уши. Но то порядочная власть и в порядочном обществе...

В наше время в большинстве стран власть осуществляется государством, то есть целой системой различных властных органов, но суть власти остается прежней – определяющее воздействие на деятельность и поведение народа с помощью тех или иных средств. В условиях демократии, которой мы наслаждаемся, предполагается, что государственную власть избирает весь народ, и она денно и нощно печется о его благоденствии. По части всенародных выборов нынешняя Россия за последние четверть века получила большой опыт, об их перипетиях рассказано в разных СМИ достаточно, нет смысла повторять. Читайте прессу, проправительственную и оппозиционную, и восхищайтесь демократичностью и справедливостью российской избирательной системы. Весьма впечатляет, в числе прочих справедливостей, не так давно принятая Государственной Думой поправка, отменяющая ограничения на количество принявших участие в голосовании, чтобы считать выборы состоявшимися. **100% проголосовало или 1% – власть избрана всенародным голосованием!** Просто и законно (легитимно – для забывающих русский). А можно вообще никому не ходить на выборы, придёт на избирательный участок кандидат в президенты с супругой, и порядок – выборы состоялись! Узаконить бы такую процедуру очередной поправкой Думы, и не потребуются развёртывать выборную церемонию, Какие бы деньги сэкономили при нашей-то нищете!

Если страну представить в виде некоего автопоезда, в котором с разной степенью комфортности разместилось население, то государственная власть – водитель этой тачки и набранная им бригада для обеспечения порядка в рейсе. Пассажиры могут выбирать водителя из числа кандидатов, предлагающих свои услуги. Естественно, каждый кандидат обещает в кратчайший срок по самым комфортным дорогам доставить пассажиров в светлое будущее. Коллективным договором между народом и властью можно считать Конституцию, где в общих чертах описано и светлое будущее, и дорога туда, и взаимоотношения народа с властью в пути, и кое-что другое. Конституцию приняли в России тем же всенародным демократическим волеизъявлением. С большой долей вероятности можно предположить, что основная масса населения чтением проекта Конституции себя не утруждала, пребывая в эйфории от обретенной под дулами танковых пушек, расстреливающих Верховный Совет, свободы и её “гаранта” – полупьяного гражданина Ельцина, сокращённо ЕБН. Да и те, кто прочитал проект, далеко не во всём могли разобраться, если не имели достаточного юридического образования. Сочинили его опытные стряпчие из команды Ельцина. Кругло и красиво завернули! А уж верноподданные СМИ взахлёб расписывали преимущества предлагаемой Конституции. Короче, 12 декабря 1993 года приняли её. По существу, народ за свой счёт нанял государственную власть, поручив ей катить страну в светлое будущее на изложенных в Конституции условиях. И вроде бы всё должно быть прекрасно.

Но путь к этому будущему многим в народе показался странным. Плановое управление экономикой Советского Союза предавалось анафеме, а государство было объявлено неэффективным собственником. Для наведения по-

рядка тут же решили всю имевшуюся в России государственную (общенародную!) собственность раздать “эффективным собственникам”, которые и поднимут экономику страны на недостижимую высоту. Для дележа собственности нашли некоего Чубайса, которого сердобольные друзья России на Западе поднатаскали по части справедливости дележа. Каждый гражданин получил ваучер – свидетельство о том, что ему (гражданину) отныне принадлежит кусок бывшей общенародной собственности, равный по стоимости двум автомашинам “Волга”, как уверял нас тогда этот самый Чубайс. Вкладывая его в любое дело и становись “эффективным” дельцом. Государство вмешиваться в экономику не должно, всё решит и отрегулирует рынок. Тем, кто жил в пору того дележа-грабежа, нет смысла его описывать. Наверное, они ещё помнят, как и куда пристроили ваучер и стали “эффективными”. Тех же, кто пребывал тогда во младенчестве, будет постепенно учить жизнь, а она – лучший учитель, особенно в тесной связи с историей.

Глашатаем рыночных принципов являлся Егор Гайдар и его приятели, как и Чубайс, скоростными методами натасканные западными доброхотами по вопросам вредности плана и пользы рынка. Поскольку у Ельцина лучших специалистов не нашлось, назначил он Гайдара премьер-министром. Каковы опыт и способности этого корифея в государственном управлении, и как он потрудился на благо народа, жившие в то чёрное для России время испытали на своей шкуре.

Справедливости ради следует заметить, что целый ряд честных зарубежных экономистов с мировым именем предупреждали ельцинскую экономическую камарилью об опасности затеянной вакханалии в экономике страны. Ещё в 1994 году на Западе опубликовано “Заявление нобелевских лауреатов”, подписанное пятью виднейшими американскими учёными. В их числе был наш соотечественник Василий Васильевич Леонтьев, работавший в Штатах с 30-х годов прошлого века. Он в своих работах обосновывал необходимость сочетания плана и рынка, доказывая, что **планирование на всех уровнях, начиная с предприятия и до стратегии развития экономики страны, есть жизненная необходимость, а экономические действия, не имеющие цели, бессмысленны.**

В “Заявлении” учёные предостерегали российских деятелей – без эффективной госпрограммы идущие в России преобразования приведут к следующим результатам:

- сокращение валового национального продукта;
- высокая инфляция;
- увеличение импорта конечного продукта до уровня, уничтожающего спрос на внутреннем рынке;
- криминализация экономики и установление атмосферы всеобщего страха и запуганности;
- ухудшение положения в социальной сфере, включая государственное здравоохранение, образование, безопасность населения;
- сокращение инвестиций в экономическую инфраструктуру;
- падение уровня жизни и рост разрыва в доходах.

Можно аплодировать нобелевским лауреатам! Редкий случай в экономических прогнозах, когда всё сбылось более чем на 100%. Что мешало прислушаться к столь авторитетному мнению мировых светил экономической мысли? Куда там! С благословения Ельцина Чубайс с Гайдаром, закусив удила, крушили всё. Их западных наставников меньше всего беспокоила судьба России и её народа. Наоборот – чем хуже, тем лучше для зачинщиков “реформ”.

Путин со товарищи тоже предупреждали, тем более что ко времени его президентства стало совершенно ясно, что Россию ведут не туда. Крупнейшие американские учёные-экономисты Джон Гэлбрейт и Дж. Стиглиц неоднократно, выступая в зарубежной печати и перед научной аудиторией в Москве, в числе прочего указывали, что **отход государства от управления экономической заводит страну в тупик, что первоочередной задачей является усиление влияния государства в управлении экономикой.** Зря старались! Путин твердо шествовал по кривой дорожке, указанной Ельциным, и, похоже, сумел превзойти достижения предшественника.

А правил царь Борис долго. Однако результаты правления были столь плачевны, что к очередному сроку президентских выборов в 1996 году рейтинг его (степень доверия народа этому правителю), по социологическим опро-

сам, составил всего два процента. Казалось бы – всё, нацарствовался! Но те, кто так думал, недооценили суть предложенной нам демократии. Ельцин в очередной раз был избран Президентом большинством голосов, “всенародным волеизъявлением”. Вот так! Скандальность ситуации была столь громкой, что даже буржуазные СМИ не смогли изобразить происшедшее как торжество свободы и демократии. Ларчик открылся быстро. ЕБН устраивал тех, кому его власть уже помогла хапнуть огромные куски бывшего народного достояния и давала возможность в дальнейшем разграбить оставшееся. В первую очередь ими явились первые российские олигархи. В тот период их поголовье составляло семь человек. Эта компания сбросилась капиталами, а остальное – дело выборных технологий и нанятых стряпчих – политехнологов, продажных СМИ и прочих атрибутов свободного демократического общества. Так что каждый гражданин может на досуге поразмышлять, о ком на Руси должна заботиться власть в условиях, не к столу помянутой, свободы и демократии. Государство в обществе, расколотом на классы, было и остается политическим органом господствующего класса. В обществе, базирующемся на частной собственности, господствует капитал. У кого деньги, у того и власть. Иного не дано и не будет, сколько ни поминай демократию. Восточная мудрость гласит: “Сколько ни повторяй – халва, халва, во рту слаще не станет!” История государства российского, равно как и других, наглядно демонстрирует, в чьих руках государственная власть. Сомневающиеся могут полистать труды Маркса, Энгельса, Ленина, других классиков экономической и политической мысли. Для оживления чтения можно прибавить поэму Николая Алексеевича Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”.

В конце концов сам Ельцин, очевидно, осознал, что лимит доверия к нему у населения исчерпан. Те, кто на него делал ставку за рубежом и в России, надо полагать, ещё раньше поняли, что столь одиозная фигура на посту президента подрывает имидж демократии в России. Это взаимопонимание, скорее всего, и привело к “досрочно добровольной” отставке президента России. В новогоднюю ночь нового 2000 года ЕБН перед телевизионными камерами попросил у россиян нечто вроде прощения, не вдаваясь в детали, за что (и так было всем понятно), пожелал новогодних благ и удалился от дел, оставив и. о. президента гражданина В. В. Путина.

В. В. Путин отработал восемь лет, два президентских срока. Уговаривали его податься и на третий, особенно предводители “Единой России”, в которой он потом председателем стал. Мол, очень хорошо правил, столько пользы принёс, даже какой-то, народу неизвестный, “План Путина” появился, как же мы без вас, осиротеет Русь в одночасье. Путин твёрдо заявил – не пойду, Конституцию нарушать не буду! Не пошёл! В премьеры к преемнику, которого сам определил, согласился, а в президенты ни-ни! Конечно, в будущем возможны всякие рокировки, но до будущего, по меньшей мере, год ждать. Доживём – увидим. Уходя, ВВП признался – все годы работал, как раб на галерах. Конечно, Президент России – работа не позавидуешь! Если работать на совесть, конца-края не увидишь ни сегодня, ни завтра. Правда, **народ и власть на Руси плывут на разных галерах**, но кому довелось поработать на управленческих должностях, представить могут.

Своим преемником Путин выдвинул Д. А. Медведева. Молодой, симпатичный, тоже из питерских. Уж коли президент предложил, партия его “Единая Россия” костями легла, но две трети голосов за избрание Медведева обеспечила. Для партии власти с нашей демократической избирательной системой это без проблем. Правда, коммунисты заершились – липа ведь, а не выборы, побойтесь Бога! Собрали массу документальных свидетельств об избирательных махинациях и подтасовках, подали иск в высшие судебные инстанции. Судьи в чёрных мантиях разберутся. А что толку, поезд, как говорится, ушёл. Признать выборы недействительными? Вы что, смеётесь?

Вот такая она российская власть. Сколько же для России и россиян сделала! Если только по-крупному, то всё равно не сразу перечислишь. С чего начать – с внешней или внутренней политики? В нормальных государствах, как утверждают корифеи, внутренняя политика является определяющей. Но то в **нормальных**, к которым сегодня Россию причислять не совсем скромно. У нас, пожалуй, наоборот. Даже, точнее, всю российскую политику, скорее всего, определяют из-за бугра.

...Когда ходишь по разным лавкам за продуктами или по дороге в своё шестисоточное “поместье” заезжаешь на бензоколонку, почему-то грустно и тревожно становится. Почём нынче буханка чёрного хлеба или батон белого?.. известно. Известна и стоимость год назад, заметно меньшая. А что касается бензоколонки, есть смысл посмотреть подробнее, благо располагаю собственной, корректной статистикой.

В течение достаточно длительного времени веду учет расхода и стоимости бензина для своего лимузина “Волга”, работающего на бензине “А-76” (“А-80”). Заправляюсь практически на одних и тех же заправках в Подмосковье, в пределах 50–60 км от Москвы. Стоимость бензина рассчитываю, как среднюю за год. Посмотрел результаты за последние годы, как раз когда В. В. Путин трудился на президентских галерах. Впечатляющая картина!

Цена литра бензина выглядит так:

2000 год – 5 руб. 26 коп.
2001 год – 6.90
2002 год – 7.26
2003 год – 8.14
2004 год – 10.11
2005 год – 13.38
2006 год – 15.40
2007 год – 15.50
2008 год – 20

Нетрудно подсчитать, что за указанные годы цена самого дешевого бензина возросла более чем в 3,8 раза. Интересно, что в 2007 году она почти не изменилась. Подумал, ошибся, перепроверил, всё правильно! Наверное, перед президентскими выборами 2008 года власть нашла способ договориться с королями бензоколонок, чтобы не портили настроение у электората. Ну а в следующем году те своё наверстали – цена взлетела на 30% (Минэкономразвития в самом начале 2008 года заявило, что рост потребительских цен на бензин в 2008 году не превысит 10%. Врало, как положено перед выборами). Надо полагать, цены на другие сорта бензина и дизтопливо возрастали в такой же пропорции. А рост цен на горючее сразу же тянет за собой цены на всю промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Вот вам и удвоение ВВП, обещанное бывшим президентом, который тоже ВВП.

Быть может, нефти меньше стали выкачивать из российских недр эффективные собственники нефтяных месторождений? Ничего подобного. Опубликованные данные таковы: в 2000 году качнули 324 млн тонн, в 2007-м – 496 млн! Тогда, возможно, казна доходы своих бюджетников тоже значительно увеличила?.. Проверил по своей статистике. За период 2000–2007 год доход нашей семьи (мы с женой, двое пенсионеров) увеличился в два раза. Подозреваю, что во многих подобных семьях и такого роста нет. А ведь последние годы цена нефти на мировом рынке зашкаливала далеко за сотню долларов за баррель. Что же получается? Выкачиваем больше и больше, продаем втридорога за границу, а для своего народа цены на бензин не только не снижаются, но непрерывно растут. И уже до того их вздули, что, по данным на 2007 год, они были выше американских в 1,2 раза. Обогнали-таки Штаты, ай да мы!

А власть невнятно бормочет, что сделать, мол, ничего нельзя. Нефтяным хапугам выгоднее продавать по высоким ценам за рубеж, чем по сниженным внутри страны. Может быть, государственная казна с такой торговли большой навар имеет? Как бы не так! По имеющимся данным, в Объединённых Арабских Эмиратах доля государства в доходах от добычи нефти составляет 88–91%, в Норвегии – 82%. В России – 34%... Других перечислять не буду. Можно лишь для образности сказать, что **жители России при таком раскладе получают от нефтедобычи долю в 2–2,5 раза меньшую, чем жители, например, Колумбии или Габона. К слову, литр бензина в Саудовской Аравии стоит 4 рубля, а в Венесуэле – 1 (один!) рубль.**

Если власть считает то, что творится у нас в России, и есть эффективная экономика, да ещё пытается народ в том убедить, то одно из двух: или власть в экономике тупа, как корабельный кнехт, или полагает столь же тупым свой

любимый народ, которому что ни говори, всему поверит. Но, скорее всего, третье – плевать она хотела на этот самый народ.

Говоря об “эффективной” экономике, которая как снег на голову обрушилась на Россию после предательского развала СССР, можно привести еще несколько цифр. Нефть и газ сегодня основные кормильцы России. Естественно, следует не только увеличивать добычу и продажу за рубеж, но и постоянно разведывать новые месторождения и думать на тему, что будет завтра. Кто и как на сей счет думает, данными не располагаю, но оказывается, что, начиная с 1994 года, ежегодная добыча нефти постоянно превышает прирост запасов, осуществляемый проведением буровых разведочных работ.

В 2007 году выкачали, например, на 111 млн тонн больше, чем разведали. Говорят, что нефти у нас немеряно, хватит! А вот это как посмотреть. По данным ОПЕК, **разведанных запасов нефти в России хватит до 2021 года**, газа – до 2083. По уровню добычи нефти мы к 2008 году практически вышли на уровень РСФСР в 1978 году. Тогда впервые было добыто более 500 млн тонн. Можно сказать, 30 лет улетели коту под хвост с помощью “эффективной” экономики. Может быть, за эти годы хотя бы производительность труда в нефтедобыче возросла? Если бы! По опубликованным данным, в сравнении с 1988 годом к 2000 году она снизилась в четыре раза.

А зачем “эффективным” собственникам, многим из которых у нас, к тому же, иностранцы, разведывать новые месторождения или заботиться об увеличении производительности труда в отрасли, деньги вкладывать? Качай, пока качается! А выкачаешь, тихонечко слиняй на Лазурный берег или ещё куда, где потеплее, не забыв, разумеется, прихватить выкачанный капитал. Чао, россияне! Если разведаете новенькое месторождение за ваши деньги, приглашайте, я вам снова эффективно покачаю.

Во многих нефтедобывающих странах, где власть думает и о народе, и о будущем государства, заработанные на нефти деньги вкладываются в развитие других отраслей экономики. Логично и разумно. Нефть когда-то и кончится, а на что жить будем? Но наша власть думает иначе. Поток нефтедолларов, заливавший Россию последние годы, напрямик направлялся в Штаты, где Минфин во главе с “лучшим” министром финансов Кудриным скупал зелёную валюту, ценные бумаги американских банков, другое аналогичное дерьмо и создавал Стабфонд. Процент под наши вклады американцы начисляли России мизерный. Зато кредиты российскому предпринимателю давали под обычный грабительский. Акулы нашего бизнеса брали, не раздумывая. А чего думать, коли любимая ими **власть России гарантировала зарубежным кредиторам возврат кредитов, если бизнесмены прогорят, из государственного, то есть народного, кармана!** Вот и набрали! процитирую газету “Новое время” № 42 за 20.10.08: “Совокупный внешний долг российских банков и компаний превысил 510 млрд долларов, из которых 210 млрд предстоит погасить до конца 2009 года. По текущему курсу это примерно 5,5 трлн рублей, что на 20% превышает совокупный капитал банковской системы... Брали в долг, как наркоманы, даже тогда, когда стало понятно, что кризис надвигается и брать в долг уже нельзя: 20 млрд прироста корпоративного внешнего долга в первом квартале этого года, 50 млрд – во втором, даже в третьем успели занять более 25 млрд”. Учитесь хапать, россияне, если в бизнес будете подаваться!

Мы-то считали, что Россия с внешними долгами рассчиталась. Ведь В. В. Путин с мостика президентской галеры чистосердечно признавался – с этой финансовой удавкой покончено! Смотрите, какая у нас власть умная, а Кудрин – самый умный! Всё бы хорошо, да тут нехстати (а для России, как всегда, неожиданно) завыл ураган кризиса и начал рвать и без того дырявые паруса нашей экономики.

Крупные предприятия России, доставшиеся в наследство от Советского Союза, набор положили ещё до разгула кризиса, а ныне их можно уже и прикапывать. Быстрого возрождения ни в каких планах не просматривается. Много говорится о необходимости государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Чёткой градации между ними не проводится, но надо полагать, что, даже объединив усилия, они не смогут производить ни самолёты, ни корабли, ни другую современную крупную продукцию. Те, кто руководит нынешним экономическим курсом России, очевидно, считают, что и незачем нам такую тяжесть производить, надрываться. Мелочёвку всякую, конечно, делайте на

здоровье. Но главное, качайте нефть и газ за рубеж, гоните лес, другое сырье, а оттуда вам за это поставят любой “секонд хенд”, на котором сможете летать, ездить и плавать, пока не гробанётесь. Но это ваши проблемы. Порыдаете, траур объявите, опыт уже приличный приобрели. Похоже, даже расценки за угробленные жизни выработали. Вот ведь какую вольготную жизнь нам предлагают, а мы всё нос воротим! Но если это не колониальный путь развития государства, тогда что?

Более чем печальная картина в промышленности сегодняшней России ясна. Можно спорить о деталях, но от этого, увы, она не улучшится. Так, может, за годы строительства капитализма мы преуспели в сельском хозяйстве? Дореволюционная Россия, в основном, была страной крестьянской, Советский Союз превратился в индустриальную державу. А что теперь?

Сегодня желающие могут получить в интернете массу интересных данных об объёмах производства продукции, в том числе сельского хозяйства, в СССР и нынешней России с весьма подробным описанием недостатков в советское время. Правда, нынешняя ситуация проанализирована не столь подробно. Наверное, продолжают разбираться, хотя прошло уже почти 20 лет с момента развала колхозно-совхозного хозяйства и обещаний, что фермер вот-вот наполнит российские закрома продуктовым изобилием.

Так или иначе, к концу 70-х годов в Советском Союзе продовольственная проблема была решена. Страна практически не зависела от импорта продовольствия. Однако зерно импортировали. При среднем производстве в стране примерно 186 млн тонн зерна в год закупали еще до 40 млн тонн, в том числе в США и Канаде. Считается, что импортировалось, в основном, фуражное зерно для животноводства. Конечно, далеко не все проблемы сельского хозяйства удалось решить. Колхозы и совхозы в основной массе оставались дотационными. В 1971–1975 годах государственные вложения в отрасль составляли до 26% всех инвестиций в экономику. Широкое поле деятельности для сельскохозяйственной науки и соответствующих государственных структур продолжало существовать.

Но вот настали долгожданные (для некоторых изголодавшихся) времена свободного рынка, который должен без государственного вмешательства всё отрегулировать. Колхозы и совхозы, как “не эффективные” хозяйства, ликвидировали, земли их по паям раздали крестьянам, которые могли или продать землю, или, оформив её в частную собственность, организовать фермерское хозяйство и процветать, эффективно хозяйствуя на собственной земле и наполняя Россию хлебом, мясом, молоком и даже экзотической страусятиной.

С 1992 года, когда начались земельные реформации, прошло до сегодняшних дней 18 лет. **Из 11,8 млн крестьян, получивших земельные паи, пока только около 15% смогли оформить право собственности на них.** К чему это ведёт в условиях правового, судебного и прочего беспредела в России, каждый может представить, посмотрев хотя бы пару телепередач типа “Чрезвычайное происшествие”.

На долю России приходится 10% мировой пашни и 50% чернозёма. На сегодня 40 млн га пашни “беспризорны” и в сельскохозяйственном производстве не используются. **Почти половину продуктов питания (а для крупных городов до 60–70%) мы завозим из-за рубежа, становясь одним из крупнейших продовольственных импортёров.** Например, по импорту сахара-сырца Россия занимает 1-е место в мире (в 2006 г. ввезено 2,63 млн т). В том же году был удвоен импорт свинины в Россию из Германии, Дании, Канады. По данным Минэкономразвития, к 2009 году импорт продовольствия вырос в два раза по сравнению с 2005 годом. Минэконом объясняет такое положение тем, что доходы населения возросли на 48%, а сельхозпроизводство лишь на 12%. И всё тут, и никто не виноват! При плановом хозяйстве подобная ситуация была бы учтена при планировании, а тут наглядно действуют могучая рука рынка (привет от гражданина Гайдара с того света!) и “профессионально-умелое” руководство всенародно избранной нами власти. По оценкам экономистов, страна, импортирующая более 30% необходимых продуктов питания, прощается со своей продовольственной безопасностью.

Ну, а как же с фермерством, которое начало развиваться с 1991 года под ликование фанфар демократических СМИ? Ныне фанфар уже не слышно. На 1 января 2004 года в России работали 263,9 тыс. фермерских хозяйств, в которых было занято 1 млн 200 тысяч человек, включая членов семей и наёмных

работников. Имея 8,7% всех сельхозугодий России, они произвели в 2003 году 4,2% продукции в ценах 2000 года. По данным министра Гордеева, в 2004 году фермеры произвели 5,9% валовой продукции сельского хозяйства, в том числе 17% всего произведенного зерна. Цифры, конечно, не ахти, но, может быть, разгуляются ребята на российских просторах. Дай-то Бог! Однако, не говоря о разгорающемся пожаре мирового кризиса, настораживают другие факты.

В большинстве развитых стран мира государство достаточно щедро поддерживает своих производителей сельхозпродукции, не оглядываясь на явно отжившие каноны рыночной экономики. У нас же оно от щедрот своих отстегивает им аж... 1% (один!) от расходной части бюджета (Евросоюз на эти цели выделяет в десятки раз (!) большую долю бюджета). В 2008 году планировалось выделить на село 76,8 млрд рублей. При этом, по расчетам Российской академии сельскохозяйственных наук, за год из сельского хозяйства “выкачивается” 100–120 млрд рублей из-за удорожания удобрений, техники, солярыки, электричества, стройматериалов, газа.

За последние 15 лет с карты России исчезло около 18 000 сёл и деревень (по другим данным – более 20 тысяч). Средняя зарплата крестьян втрое ниже, чем у горожан, – около 5,5 тыс. руб. Каждый третий из молодых – безработный. Пьянство становится нормой сельской жизни. Молодежь из деревни бежит. Почты, малые сельские школы, детсады, медпункты закрываются. Только 6% выпускников вузов возвращается в село. Обеспечивая газом Европу, Россия пока не провела “голубое топливо” в 60% своих селений. (А какой с них навар Газпрому?) В 2006 году по Программе “Социальное развитие села” построено всего 203,6 километра сельских дорог. А как звучит – социальное развитие села! Дураки и дороги – издавна бич России, с которым боимся расстаться.

А пока власть упорно и настойчиво стремится включить Россию во Всемирную торговую организацию – ВТО. Возможности наши по приобретению мировых товаров, очевидно, возрастут. При этом зачастую более дешёвых по сравнению с производимыми на своих предприятиях, которые не смогут конкурировать с импортом и станут окончательно загибаться. Либералы-рыночники бодро советуют совершенствовать производство, снижать себестоимость и повышать конкурентоспособность продукции. Молодцы! Это и ежу понятно, даже без гарвардского образования. Только вот как конкурировать, например, нашему производителю зерна, работающему в зоне рискованного земледелия на северной географической широте 50–55 градусов в весьма специфических условиях российского климата. Его американский коллега трудится на широте 40 градусов, что пролегает по южной Италии и южному Черноморью. Это не говоря уже о нынешнем состоянии нашего села. Вступим в ВТО, не оговорив условия государственной поддержки своих производителей, загробим и сельское хозяйство, и другие отрасли экономики, без того лежащие нынче на боку. Хватит ли государственного ума-разума у тех, кто торгуется с ВТО, жизнь покажет.

С приходом к власти Горбачёва и началом его деятельности по развалу СССР Советские Вооружённые Силы оказались одной из первых государственных структур, над которыми “перестройщики” занесли кувалду “реформирования”. Выдвигались два основных обоснования необходимости реформ – внешние военные угрозы значительно снизились, а потому столь значительные Вооружённые Силы государству не нужны. Для идейного оболванивания народа в СМИ началась кампания по дискредитации Армии и Флота с целью представить их в виде монстров, пожирающих основную часть доходов государства. Горбачев и его зарубежные советники отлично понимали, что народ еще хорошо помнил Отечественную войну и не сомневался в необходимости мощных Вооружённых Сил, обеспечивавших безопасность СССР, да и международную стабильность. Значит, требуется противопоставить Армию народу, подорвать ее авторитет и крушить! Вот сделаем ее “портативной”, мобильной и профессиональной, и жизнь расцветет! Процесс “реформирования” пошёл и тянется до сих пор. Об обещанном улучшении российской жизни за счет сокращения Армии помалкивают даже самые продажные шкуры, окопавшиеся в СМИ.

Уточним два понятия. Под обещанием “профессиональной” армии маскировали наемную армию, создаваемую на контрактном принципе, в отличие от

комплектуемой на основе всеобщей воинской обязанности. Армия не может быть “любительской”, она всегда профессиональна, иначе это не армия. Никакая наемная армия, созданная в мирное время в условиях России, не будет в состоянии вести достаточно серьезную войну без проведения мобилизации населения и промышленности. Под большим вопросом сегодня и морально-психологическое состояние армии с точки зрения защиты Родины. Неизбежно задумаются воины, чья она, Родина, и кого в ней следует защищать? Под вопли о необходимости наемной армии во многом заброшены проблемы мобилизационной готовности. В советское время это был один из ключевых моментов поддержания боевой готовности Вооруженных сил СССР.

В начале 80-х годов прошлого века советские Вооруженные Силы состояли из пяти видов: Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), Сухопутные войска (СВ), Военно-воздушные силы (ВВС), Войска противовоздушной обороны (ПВО), Военно-морской флот (ВМФ). Личный состав – 3 млн 705 тысяч и еще 560 тысяч во внутренних, железнодорожных и строительных войсках.

К примеру, войска США насчитывали более 2 млн человек. Далее сравним данные по СССР и США:

Баллистические ракеты – 2400 (СССР) – 1600 (США);
Стратегические бомбардировщики – 150 (СССР) – 316 (США);
Ядерные боеголовки – 8000 (СССР) – 9500 (США);
Боевые корабли – 294 (СССР) – 201 (США);
Подводные лодки – 259 (СССР) – 84 (США);
Авианосцы – 2 (СССР) – 14 (США).

Уточним для справедливости, что в числе подводных лодок СССР более половины дизельные, а у США только атомные, что наши авианосцы – авианесущие крейсера с небольшим числом самолетов вертикального взлета и посадки, совершенно не сопоставимые с авианосцами США.

Специалисты Пентагона считали, что США имели превосходство по 15 компонентам, в том числе в баллистических ракетах подводных лодок, в истребителях, высокоточном оружии, средствах коммуникации, системах раннего предупреждения. В 11 компонентах имелось равенство, в том числе в межконтинентальных баллистических ракетах, боевых машинах пехоты, крылатых ракетах, системах управления и контроля. СССР превосходил США по семи показателям – ракеты “земля–воздух”, противоракетная оборона, антиспутниковые системы, химическое оружие и другие.

Некоторые американские специалисты полагали, что Советские Вооруженные силы были хорошо подготовлены к обороне территории страны, но обрекались на неудачу в случае вторжения в Европу. Другие аналитики, наоборот, считали, что Советский Союз прекрасно подготовлен к ведению наступательной войны, но его экономика не в состоянии будет выдержать полномасштабного военного конфликта с Западом.

Не будем спорить с Пентагоном, организация солидная. В любом случае наши “заклятые друзья” не сомневались в возможностях СССР противостоять вооруженной агрессии в случае необходимости. Что мы имели и к чему ныне уверенно подползаем под руководством энергичных Верховных главнокомандующих и их самых лучших министров обороны, можно посмотреть на примере ВМФ, службе в котором мне довелось отдать более 45 календарных лет, или 62 года в льготном исчислении.

После Второй мировой войны в Советском Союзе был создан второй в мире по боевой мощи ВМФ, способный действовать и обеспечивать реализацию национальных интересов государства практически во всех районах Мирового океана. Торговый флот насчитывал более 1800 судов общим тоннажем более 22 млн тонн, советская океанография являлась одной из лучших.

Конечно, в безудержной гонке вооружений “холодной” войны безрасчетное зачастую строительство столь дорогой системы, как ВМФ, приводило к огромным затратам финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов страны и к серьезным ошибкам. Представляется, что основной из них явилось то, что с самого начала флот не проектировался и не строился как единая боевая система, состоящая из подсистем, тщательно сбалансированных между собой.

Развитие ВМФ осуществлялось, прежде всего, путем наращивания его ударной подсистемы в ущерб остальным. Создавались отличные, зачастую не имеющие аналогов в мире, надводные корабли и подводные лодки, но не строились должного количества и качества средства обеспечения базирования и судоремонта. Создавались отличные крылатые ракеты морского базирования большой дальности действия, но для них не создавались соответствующие средства разведки и целеуказания, что не позволяло реализовать боевые возможности ракет. Подобные примеры можно продолжать и продолжать. Кризисные явления в состоянии и развитии ВМФ, как, впрочем, Вооруженных Сил и государства, были отчетливо видны уже к концу 70-х годов. Их нужно и можно было преодолевать реформированием в научно выверенном плановом порядке. Почему тогдашние государственные мужи этим не занимались, историки, возможно, докапают. “Перестройкой” и “реформированием” занялись граждане Горбачев и Ельцин, сначала развалив государство, а затем добравшись до армии и флота.

После развала СССР начался развал ВМФ под лозунгом его реформирования. Флот убивали энергично. **Уже на 1.10.1997 года в боевом составе ВМФ оставалось лишь 39% боевых кораблей от состава, имевшегося на 1.1.1986 г.** Ныне флот остался и без морской ракетноносной авиации, являвшейся вместе с подводными лодками основной ударной силой ВМФ.

За прошедшие 15 лет “реформирования” не построено практически ни одного нового корабля для российского ВМФ. Достроенная атомная ПЛ “Гепард” – из советских заделов. Атомная ПЛ “Нерпа”, на ходовых испытаниях которой в Японском море произошла трагедия с гибелью 20 человек, была заложена в 1991 году, а достроена лишь в 2008-м. Широко разрекламированный ракетносец “Юрий Долгорукий”, спроектированный в советское время, строился более 10 лет. Создаваемую для него баллистическую ракету “Булава” никак не доведут до ума.

Судостроительная промышленность России постепенно хиреет, теряя опытные кадры. Спасибо Китаю, Индии, другим странам, поддерживающим наше судостроение своими заказами. За счет этого удалось построить для ВМФ несколько новых кораблей – корветов не очень понятного назначения. По прогнозам начала века, при сохранении существующего отношения государства к своему ВМФ, в его составе к 2015 году сохранится не более 60 кораблей (атомных ПЛ – 22, дизельных ПЛ – 9, надводных кораблей – 29). **И это на четыре географически разобщенных флота и Каспийскую флотилию!** Такое положение фактически приведет к прекращению активной военно-морской деятельности РФ. (Заметим, что военно-морская группировка НАТО насчитывает более 800 кораблей.)

Океанографические исследования находятся в столь же плачевном состоянии, а без них нельзя рассчитывать на успехи в освоении Мирового океана. И это в XXI веке, который, по мнению многих ученых мира, будет “Веком Океана”.

27 июля 2001 года утверждена “Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года”, в общих положениях которой указывается, что Морская доктрина является основополагающим документом, определяющим государственную политику России в области морской деятельности – национальную морскую политику. В начале сентября 2001 года Постановлением правительства России образована Морская коллегия под председательством премьер-министра для координации деятельности правительства в морских вопросах.

Таким образом, разработан объемный пакет программных и других документов, определены организационные структуры для их реализации. Остается ожидать практических результатов. Но, похоже, особых иллюзий питать не следует. Где-то в 2002-м или 2003 году скромно и незаметно в официозе “Российская газета” прошла информация о значительном сокращении финансирования ФЦП “Мировой океан”. После сообщений об одном или двух заседаниях Морской коллегии о дальнейшей деятельности ее не было слышно. О печальных итогах строительства кораблей сказано выше. Настораживает и постоянный заброс сроков реализации документов – 2020-е, 2030 годы. А впереди еще много лет! Как известно, Ходжа Насреддин предлагал падишаху за 20 лет научить ишака говорить, справедливо полагая, что за это время или падишах умрет, или ишак копыта отбросит.

В “Основах политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2010 года” зафиксированы следующие положения:

– Военно-Морской Флот – это главная составляющая и основа морского потенциала Российского государства, вид Вооруженных Сил Российской Федерации, предназначенный для обеспечения защиты интересов Российской Федерации и ее союзников в Мировом океане военными методами, поддержания военно-политической стабильности в прилегающих к ней морях, военной безопасности с морских и океанских направлений.

– Военно-Морской Флот является одним из инструментов внешней политики государства.

– Военно-морская деятельность, связанная с защитой государственных интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации в Мировом океане, **относится к категории высших государственных приоритетов.**

В этом же документе сформулированы тринадцать основных задач ВМФ. Приведу лишь первые две из них:

– сдерживание от применения военной силы или угрозы ее применения в отношении Российской Федерации и ее союзников с морских и океанских направлений, в том числе участие в стратегическом ядерном сдерживании;

– защита интересов Российской Федерации в Мировом океане военными методами.

А теперь вопрос – можно ли при современном состоянии ВМФ решить хотя бы указанные две задачи? Учтем при этом, что маховик разрушительных “реформ” раскручен, набрал инерцию, и состояние флота в ближайшей перспективе будет только ухудшаться. Заметим и другое – если даже сегодня руководство России вдруг поймет драматизм складывающейся ситуации и примет решение начать возрождение флота, то следует четко представлять влияние фактора времени. По опыту советского периода, когда возможности проектных организаций и судостроительной промышленности в разы превосходили имеющиеся сегодня, от начала проектирования головного корабля в серии до его вступления в строй проходило 7–10 лет. А воевать, если, не дай Бог, придется, можно будет лишь тем флотом, который создан в мирное время. В ходе войны никаких мало-мальски солидных кораблей, не говоря уже об атомходах, построить не удастся. По всем центрам судостроения уважающий себя противник будет наносить удары с первых дней войны.

А коль флот не нужен, упомянутые выше “основные направления”, “морскую доктрину” и прочие документы следует признать устаревшими и вредными, как лапша на уши для любителей флота. Если же современное руководство государства все-таки поймет, что без современных, а не потешных Вооруженных сил и ВМФ в их составе с Россией никто в мире считаться не будет, то, пока еще не поздно, надо начинать их возрождение, а не добивание.

За годы непрерывного “реформирования” государство для своих вооруженных сил закупало у бывшего государственного ВПК лишь отдельные экземпляры вооружения и военной техники в год. Поштучно! Особенно современную технику. Еще во время войны в Чечне в СМИ не раз упоминали созданный в России боевой вертолет “Черная акула”, превосходивший все мировые аналоги. Через некоторое время скромненько сообщили о закупке для родной армии аж двух (!) таких чудо-вертолетов. А отслужившие трудяги “Ми” различных модификаций валяются с неба с угрожающей частотой. Такая же картина с танками и самолетами. О кораблях говорилось выше. Министры обороны уже сами не могут разобраться, сколько в армии современной техники. Года три-четыре назад бывший тогда министром обороны Иванов заявил, что таковой 30%, а в марте 2009-го новый министр Сердюков “уточнил” – всего 10%. Граждане министры, такой разброс данных наводит на грустные мысли о вашей информированности и профессиональной пригодности. Правда, с последней и без того понятно. Всех своих союзников в мире Россия растеряла. Белоруссию, верного друга, непосредственно прикрывающего нас с запада, российские правители отторгают от себя, который год не реализуя согласованные решения о Союзнном государстве.

Многое еще можно порассказать о достижениях власти в борьбе со своими Вооруженными Силами. Это Александр III считал, что у России лишь два союзника – ее Армия и Флот, но то было больше века тому назад. Да и царь

он был серьезный, считал, видно, что за Россию в ответе. Нынешние либерал-демократы не чета ему!

В заключение хочется заметить, что ни русский национализм, ни православная религия не смогут стать объединительной идеей российского народа без такого важного фактора, как социальная справедливость. **Необходимо построить в России государство социальной справедливости.** Каким “измом” окрестят его теоретики, не имеет значения. Бесценный опыт строительства такого общества у нас имеется, во всём многообразии и великих достижений, и тяжелых провалов. Может ли народ сам организовать для достижения великой цели? Безусловно – нет! Должно появиться ядро, авангард народа, способный определить цели, разработать задачи и предложить народу целостную программу действий. Примет ее народ – дело пойдет! Нет – придется начинать сначала.

На словах, конечно, всё достаточно просто. На деле – тяжко! Но любой путь начинается с первого шага. Время пока есть, хотя катастрофически быстро убывает. Начать стоит! Во имя потомков наших и возрождения России!

“ТОЛЬКО ВАШ ЖУРНАЛ...”

В многочисленных письмах, которые приходят в журнал, редакцию благодарят за правду, за объективность, за честность. Да и как иначе говорить с читателями, которые на протяжении многих лет, зачастую из последних денег, подписываются на журнал и не просто прочитывают от корки до корки, но пропагандируют, дают почитать знакомым, дарят библиотекам. Спасибо вам за верность! Мы будем продолжать свой труд, чтобы ещё и ещё раз прочитать в строчках заветных писем: “Только ваш журнал”.

“ЖИВЁМ МЫ СЕЙЧАС НЕПРАВЕДНО...”

Дорогая редакция журнала “Наш современник”!

Посылаю письмо как единомышленник вашего журнала. На протяжении многих лет слежу за его публикациями.

Хочу выразить вам большую благодарность за стойкость ваших убеждений и поделиться своими мыслями о том, что происходит с нами, простыми русскими людьми, в эти тяжкие времена. Живём мы сейчас несправедливо. Труд перестал быть делом чести, доблести и героизма. Молодёжь и люди среднего поколения озабочены необходимостью получения сносного заработка для жизни в условиях высокой дороговизны продуктов питания, платного образования и здравоохранения. Для простого труженика зарплата в тридцать тысяч рублей считается верхом возможного, но и на неё сейчас трудно прожить семью, в которой больше одного ребёнка. А как прожить на меньшую зарплату? С жильём – полная катастрофа. Строятся только высотки, где квартиры куплены толстосумами. Квартиры продаются по ценам, совершенно недоступным народу. И всё это происходит на глазах у простых людей. У молодёжи нет никаких перспектив устроить свою жизнь. Власть не решает насущных вопросов улучшения состояния народа, который, даже по словам Путина, живёт в напряжённой бедности. Власть всецело озабочена тем, чтобы побольше продать нефти и газа из недр страны – единственных источников нашего существования. Ведь промышленности и сельского хозяйства у нас нет. В этих условиях в стране наблюдается острейший дефицит патриотического чувства. Откуда же ему взяться, если вокруг повальное взяточничество, коррупция, преступность? Как же нам строить наше будущее? А тут ещё это телевидение – показывают какие-то сказки из “красивой жизни” нуворишей. А пресса им вторит. А что по этому поводу думает правительство? Министры на своих заседаниях слушают лекции, которые читает им по бумажке премьер. Никакого обсуждения насущных вопросов жизни страны. Где у нас здоровые силы, могущие изменить критическое положение?

Уходит в небытие старое, к которому принадлежу. Уходит с тяжёлым чувством за судьбу России. Написал вам это письмо потому, что только ваш журнал в своих публикациях отзывается на горькие чувства нашего поколения.

С уважением
Игорь Анатольевич Малиновский,
ветеран Великой Отечественной войны,
бывший зам. директора Государственной Третьяковской галереи
г. Раменское Московской обл.

“НАШ СОВРЕМЕННОК” В КАЗАХСТАНЕ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я довольно молодой читатель Вашего журнала. Подписываюсь уже несколько лет, но что это значит в сравнении с десятилетиями существования “Нашего современника”. С тех пор, как жители Казахстана около 15 лет тому назад были лишены возможности слушать российские радиостанции, а российское телевидение доступно лишь через спутниковую антенну, наша семья начала поиски источника “пищи для ума”. Оказалось, что найти его не просто. Журнальная периодика оказывается часто смесью рекламно-развлекательной чуши и пошлости и вызывает лишь брезгливость. Но вот благодаря счастливой случайности в нашей семье появился “Наш современник”, и мы влюбились в него. Каждый номер ждём с нетерпением и читаем вслух. Главное – выйти победителем в борьбе с почтой, которая так и норовит “потерять” журнал.

Журнал Ваш разноплановый, в нём можно найти материалы из сферы политики, экономики, педагогики, психологии, социологии, лингвистики, истории – всего не перечислить. Публицистика – это сильная сторона журнала. С удовольствием читаем Ваши статьи, Станислав Юрьевич, а также материалы Шишовой, Медведевой, Кара-Мурзы, Осипова и многих других. А если в великолепных аналитических работах Александра Казинцева заменить слово Россия на Казахстан, то обнаружится 90% совпадения. Мы идём тем же курсом, точнее, топчемся на тех же граблях, если не считать нашего восточного колорита. Жизнь русских в Казахстане нельзя назвать комфортной. А “русским” – в Казахстане, а в России мы – “казахи”. Попав в Россию, русские из Казахстана сильно отличаются от коренного населения. Даже русский язык у них иной: диалектный. По причине разности менталитетов часть мигрантов возвращается из России обратно в Казахстан, в напряжённую, но привычную обстановку. Их негативный опыт отпугивает других потенциальных мигрантов. Глядя на нынешнее положение русских в Казахстане, невольно с горечью думаешь: как хорошо, что не дожили до нынешних смутных времён многие из тех сильных молодых русских людей, кто когда-то приехали в Казахстан осваивать целину, поднимать хозяйство, культуру и науку этой бывшей отсталой окраины царской России. Они лечили и учили местных людей, выращивали хлеб и строили заводы. Какое было дружелюбие, взаимопонимание и взаимообогащение культур. Как жаль, что многое из этого утрачено...

Надеемся только на то, что многие здесь в Казахстане уже наигрались в “национальное самоопределение” и здорово “полевели”.

Больнее всего видеть детей и подростков, стремительно тупеющих под воздействием американизированного образования (единое тестирование, бестолковые учебники с многочисленными ошибками и искажёнными фактами и, как следствие, отсутствие у учащихся умений сравнивать, анализировать, обобщать). А ведь только системе просвещения и образования под силу решение задачи воспитания, выращивания думающего поколения молодых людей.

В последних номерах Вашего журнала всё чаще стала встречаться со своими ровесниками и единомышленниками. Какое это всё-таки счастье – познакомиться на страницах журнала с их творчеством. И творчеством молодых авторов. От всего сердца желаю Марине Струковой, Марине Шамсутдиновой, Олегу Малинину и многим другим энергии, сил и творческих взлётов. Несмотря на все трудности, с оптимизмом смотрю в будущее, когда вижу таких людей, занимающих активную жизненную позицию.

С уважением
Наталья Ермоленко
г. Астана, Казахстан.

БЕЛОРУССКИЕ ФАКТЫ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Заранее прошу прощения за беспокойство, но написать хотелось давно – во время и после месячной поездки по моей родной Белоруссии и в дни двухнедельного пребывания в родительском доме (в Могилёвском районе). Я брал с собой Ваш трёхтомник “Поэзия. Судьба. Россия” и сборник стихов – в вагоне и в деревенской тиши как нигде лучше и читается, и думается обо всём, что связано какими-то нитями с прочитанным, потому что при чтении всегда обязательно сама собой выстраивается, проводится некая временная параллель, когда подсознательно сопоставляешь: а что в это самое время делал я? И тут же возникает целая галерея картин и лиц – кадр за кадром прокручивается такое “кино”, что совершенно не замечаешь времени (особенно в вечерние и ночные часы). Таким образом, поневоле переносишься в те далёкие годы, о которых без острых ностальгических переживаний и думать уже нельзя. Здесь, конечно, и возраст сказывается, и тяжким грузом лежит необратимость происшедших разломов и катастроф, на фоне которых полуголодная, но такая светлая и счастливая юность окрашивается в памяти в ещё более радужные тона – ведь, как известно, “что пройдёт, то будет мило”. И когда оказываешься во власти подобного настроения, строгая объективность оценок уже особого значения не имеет. Не хочется раскладывать по полочкам: “с одной стороны то-то, а с другой – совсем не то...”, ибо есть вещи, которые я считаю для себя абсолютно неделимыми ни на какие “стороны”, ни на какие составляющие. Есть определённые, выстраданные всей жизнью понятия, образы, идеи, которые я могу принимать и хранить в душе только в целостном состоянии. Таковы и Ваши стихи и Ваша искренняя проза – прекрасное и очень эффективное духовное лекарство.

Под впечатлениями от прочитанного мы с родственниками в городке Кобрине (Брестская область) много говорили и о книгах (Ваша трилогия у них появилась раньше, чем у меня), и о том, что славяно-русские проблемки культуры глушатся всюду, где имеет хоть малейшее влияние “богоизбранная” накипь. Из такого обмена информацией я не раз убеждался, что и в Белоруссии сионистские позиции не преодолены. Об этом можно судить хотя бы по закрытию – через суд – известного магазина “Православная книга” в Минске. И ещё: лет 8 назад я написал в редакцию “Советской Белоруссии” об одной простой, но интересной семье из д. Остромичи (Брестская область), в жизни и быту которой духовная сторона – увлечение славянской историей, песенное творчество, а также строго трезвеннический уклад – выражена настолько ярко и красиво, причём, естественно, без какой-либо напрягающей заданности, что о ней стоило бы рассказать читателям. В ответ получил конкретное обещание обязательно познакомиться с этой семьёй во время какого-либо редакционного выезда в те места. Через 7–8 месяцев осторожно напомнил о своём письме и обещании редакции – и снова получил столь же конкретный обнадёживающий ответ. Но вот прошло уже 8 лет, а обещания так и висят в воздухе...

Это, конечно мелкий, незначительный факт, однако примеры здорового, интересного, высокодуховного образа жизни стоило бы всемерно популяризировать, чтобы пробить ещё одну брешь в прочной завесе безысходности, внушаемой сейчас людям.

Однако главные, определяющие впечатления от пребывания в Белоруссии – другие. Не могу не рассказать, как в сентябре 2009 г. посетил вышеупомянутый Кобрин, а также Минск, Осиповичи (Могилёвская область) и мой родной Могилёв. Там, на малой родине, бываю ежегодно и вижу конкретную жизнь людей в её развитии. Приехав 18 сентября в Кобрин, с большой радостью узнал, что завтра состоится торжества знаменитых белорусских “Дожинок” – общенародный Праздник Урожая. Как известно, этот урожайный фестиваль отмечается по личной инициативе Президента Белоруссии Лукашенко и стал в республике одним из наиболее выдающихся культурных событий современности, где сфокусированы лучшие, самые передовые достижения белорусского народа – и прежде всего в сельском хозяйстве. Выбранный город к такому моменту реконструируется полностью, его буквально выворачивают наизнанку и обновляют до самых глубин – причём под жёсткую персональную ответственность областных и местных руководителей.

Думается, почему бы такую практику не перенять российским руководителям хотя бы на уровне регионов, сопоставимых с Белоруссией? Наверное, это было бы важнее иных резиденций, яхт, футбольных клубов и “представительских” расходов – в Пермском крае таковые, по сообщению газеты “Пермский обозреватель”, составили за 2009 год 1 миллиард рублей (хорошо погулял истеблишмент!).

Президент прилетел утром, проехал по улицам города, лично проверив уровень подготовки к празднику, и, несмотря на некоторые малозначительные недоделки, остался доволен объёмом и качеством работ. А там было что проверять: на подготовку к празднику и реконструкцию города выделялось 400 миллиардов белорусских рублей (соотношение с российским рублём 90:1). Объём выполненных работ колоссален: заново покрыты асфальтом многие улицы; километры тротуаров и городские площади, садовые и парковые дорожки безукоризненно выложены фигурной плиткой, сады, места для гуляний выгорожены заборами, скомпонованными из аккуратно отлитых железобетонных секций, увенчанных ажурными балюстрадами. Пруды и затоки речки Мухавец очищены и благоустроены, окружены набережными, зелёный разнотравный ковёр чередуется с островками деревьев и кустов, из которых выступают белоснежные ротонды и беседки. Произведён фасадный ремонт домов вдоль улиц, они покрыты свежими красками разных, но одинаково радующих глаз оттенков. Заново построены здания и сооружения Акварарка, Ледовый дворец, ряд других объектов административного и общественно-культурного назначения (это далеко не полный перечень выполненных работ). И всё это – в городке с 20-тысячным населением!

Открывая праздничные торжества, Президент выступил с краткой, но очень информативной речью, в которой прозвучали цифры, характеризующие достижения республики, и были названы имена лучших хлеборобов, механизаторов, сельскохозяйственных и иных передовых руководителей. Затем последовали их награждения, и нескольким комбайнёрам, добившимся в уборочную страду выдающихся показателей (в пределах 3–4 тысяч тонн зерна), Президент вручил ключи от легковых автомашин. Другие были награждены телевизорами, холодильниками и иной бытовой техникой. Атмосфера этого всеобщего единения была ощутимо радостной, искренней, солнечной (кстати, и погода улыбнулась в эти дни и теплом, и солнцем).

А дальше началось народное гуляние – в лучших традициях советских лет. Улица Дзержинского, одна из центральных, примерно на два километра была по обеим сторонам уставлена столиками, на тротуарах установлены живописные разборные павильоны-кафе с весёлыми названиями, десятки мангалов, на которых курились, источая дразнящий аромат, шашлыки, предлагалось множество национальных блюд белорусской кухни. На столиках стояли и водка, и вино, и пиво, и безалкогольные напитки (например, хорошо известный “Вейнянский родничок”) – люди заказывали, кто чего хотел. Однако ни в этот день, ни в последующие два дня празднования ни одного пьяного мы не увидели, не слышали ни одного скандала. Зато увидели и услышали много профессиональных и самодеятельных творческих коллективов (в национальных костюмах), явивших участникам торжеств десятки народных песен, танцев, драматических миниатюр, выражающих национальный колорит и лучшие черты белорусского народа.

На всём протяжении соседней – Пушкинской – улицы по обе стороны расположились народные мастера-умельцы со своей продукцией, от изделий которых просто разбегались глаза и захватывало дух – столько в них искромётной выдумки, образцов народной фантазии, глубинного художественного видения предметов и явлений. Некоторые мастера (например, кузнецы, художники) демонстрировали своё искусство тут же, перед зрителями. Эта выставка-продажа тоже была в центре внимания многотысячных гостевых потоков – с неё, собственно, и начиналось участие в празднике.

Примечательно то, что мы очень мало видели милиции. Не то чтобы её вообще не было, но милицейская форма не бросалась в глаза (в одном месте, при входе в парк, нас очень тактично проверили металлоискателем, что вполне нормально, поскольку год или два назад где-то во время “Дожинок” была взорвана какая-то “адская машина” – правда, говорили, что без тяжёлых потерь).

Но, быть может, главное, на что нельзя было не обратить внимания, гуляя по улицам, это лица и глаза людей – жизнерадостные, искренне добро-

желательные, лучившиеся светом и добротой, приветливо улыбающиеся на любое обращение, любой знак внимания, попытку заговорить.

Не подумайте, Станислав Юрьевич, что здесь нарисована идиллическая святочная картинка: скорее наоборот — я очень бледно и неполно выражаю словами то, что происходило в эти дни в Кобрине, что витало в воздухе, наполняло души людей, радовало глаз, духовно обогащало жизнь.

А жизнь в Белоруссии, применительно к отдельному человеку, хотя пока ещё и скромна, но вселяет уверенность в завтрашнем дне. Там нет детской беспризорности — как государственной проблемы, нет такого, как в России, количества бомжей, почти нет т. н. гастарбайтеров. Нет засилья иноземных преступных группировок. Проезд в городских автобусах в Минске стоит 6 российских рублей, в Могилёве — 5,5. Молоко — примерно 12–15 рублей, хлеб — в пределах 10-ти, мясные продукты дешевле в среднем процентов на 15, хлеб — процентов на 20 (а вот рыба дороже — морей ведь Белоруссия не имеет). Но самое-то главное: республика кормит себя сама, притом высококачественными продуктами — там словосочетание “продовольственная безопасность” не лишено реального смысла.

Осенью сады в Белоруссии буквально к земле пригибаются от яблок, слив, груш — их людям зачастую некуда девать. А мы, например, в Перми покупаем яблоки откуда угодно — но только не из Белоруссии, и стоят они дороже мандаринов (абхазские мандарины — 50 рублей, а яблоки — 60–75 наших кровных...). Причём яблоки везут из Узбекистана, Казахстана, Молдавии. Из Белоруссии же — нет. Это что же — блокада?

На этом фоне некоторым не обременяющим себя мыслительными усилиями моим землякам обывателям уже начинает казаться, что прочно сложившийся в республике политический и экономический уклад явился сам собой; им уже хочется некой новизны, обещаемой платными оппозиционными пустомелями. Они уже забыли вкус такой “новизны”, сопровождавшейся тотальным воровством, растаскиванием и разрушением народного хозяйства, которые процветали при Шушкевиче и его присных так же, как и в России при Ельцине, поставив республику на край пропасти — по известному либерально-демократическому сценарию.

Поэтому за месяц в прошлом году пришлось послушать в ряде случаев и обывательское брюзжание по поводу того, что уже год или полтора не увеличиваются пенсии (при том, однако, что в стране и города, и деревни строятся, реконструируются, развиваются), и недовольство языком Президента — простым, понятным народу, а где надо, и достаточно резким, категоричным. Некоторым из таких “языковедов” — в противовес Лукашенко — импонирует искусственно наведённый лицемерный лоск российской элиты. Ведь, как известно, в своём Отечестве пророка нет. Кое-кто критикует даже строительство коттеджей на селе, особенно в активно создаваемых агрогородках.

Кобрин получил мощнейший импульс дальнейшего развития на многие годы вперёд, и общественность города свою признательность выразила в краткой благодарственной надписи (на огромном камне в парке), адресованной Президенту и Правительству республики — добрые, искренние слова.

Очень хорошие впечатления оставил районный город Осиповичи, бывший одним из центров партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, — благоустроенный, чистый, ухоженный. И такие же ухоженные железнодорожные станции и развязды, где строения смотрятся как игрушки, а платформы выложены тротуарной плиткой. По-прежнему интенсивно строится Минск — местами целые кварталы представляют собой сплошную строительную площадку. То же происходит и в Могилёве: реконструирована и поднята на 10–15 метров улица Лазаренко (названа в честь генерала, погибшего при освобождении города от фашистской оккупации), крутой спуск которой к речке Дубровенке мешал движению. Эта речка, бывшая почти сточной канавой, в последние годы очищена, озеленена, построена прекрасная набережная с фонтанами, ажурными мостиками. Реконструирована и художественно оформлена как место для гуляния горожан улица Ленинская, построены мосты через Днепр, отреставрирован старый драмтеатр, построены новая ратуша, Ледовый дворец и здание музея, мемориальный комплекс в память об обороне Могилёва, зоосад — всего сразу не перечислишь.

И опять меня ночью не покидает, в общем-то, риторический вопрос: почему всё это возможно в Белоруссии — и почти невозможно в России? На него

кратко и энергично ответил Лукашенко на пресс-конференции с российскими журналистами: **не ворует Президент – не будут воровать и другие, а кто попробует – пожалеет.** И это не просто слова. Они очень эффективно и наглядно подкрепляются конкретными решениями и делами. Вот пример: около дюжины ретивых милицейских и иных чинов путём махинаций получили в заповедных местах республики приличные участки земли и возвели дворцы. Узнав об этом, Президент часть этих теремов заставил снести, а остальные передал детским учреждениям. Очень полезный опыт, его не худо бы перенять российским властям (увы – у нас это может выглядеть лишь как не очень удачная шутка...).

И подобных фактов немало.

По возвращении домой, на Урал, пришлось съездить по делам в Соликамск – древний город, первое упоминание о котором относится к летописи 1430 г. Город со славной историей и нелёгкой судьбой, Соликамск имеет мощнейшее объединение калийных комбинатов (в советский период их было 3), ныне работающих исключительно на экспорт, а также титано-магниевого завод, военный (пороховой) завод “Урал”, лесозаготовительный комбинат, строительный трест, знаменитый бумажный комбинат. Однако ни одного оригинального культурного центра, кроме кинотеатра и краеведческого музея, в нём нет. Этот город, с его почти 100-тысячным населением, не сравнить с теми же Кобрино и Осиповичами, имеющими, соответственно, 20 и 30 тысяч человек, по промышленно-экономическим возможностям. Но здесь – угрюмо-серые улицы с обшарпанными домами, в рытвинах и ухабах, замусоренные автобусные остановки, удручающие неприглядностью заброшенные домишки частного сектора... Подобные “прелести” не хочется перечислять.

Немногом лучшее впечатление оставляет и Пермь – столица края. Разбитый уличный асфальт, заплатки-пятачки из плитки на выщербленных тротуарах, давно не крашенные фасады, беспорядочно натканные во дворах высотные “свечки” – для избранных нынешних “господ”, забытая и захиревшая набережная Камы, отсутствие на множестве перекрёстков указателей улиц... Архитектурно-строительная неопрятность, ставшая привычной обыденностью, уже воспринимается как норма нашего бытия.

И снова возникает всё тот же вопрос: почему? Почему в Пермском крае, по территории почти равном Франции и имеющем в своих недрах всю таблицу Менделеева (6 одних только алмазных месторождений!) нельзя привести в божеский вид города и селения, как это сделано в Белоруссии? Не потому ли, что краем руководит мультимиллиардер Чиркунов со швейцарской пропиской (о чём не раз писали газеты)? Не потому ли, что и страной в целом, и огромными регионами управляют люди, озабоченные, главным образом, собственным обогащением (иначе каким “непосильным трудом” они “заработали” свои миллиарды?)

Может показаться, что я не очень патриотично сгущаю краски. Тогда, для сравнения, приведу цитату из письма, полученного от вдовы моего покойного друга – бывшей жительницы города Красновишерска (на севере Пермского края), недавно погостившей в родных для неё местах:

“Из Красновишерска уехала с огромным грузом в душе. Город вымирает, молодёжи почти нет. Бумажный комбинат вымер, обанкротился. Лесная биржа давно не существует. Домостроительного комбината тоже нет. А это ведь хлеб и жизнь людей. Старые деревянные дома рушатся, новых несколько домов построил “Уралалмаз”. Пошла, думала навестить соседей бывших. Пришла в ужас, как только подошла к дому. На кухне выбиты все стёкла. Закрыты дыры фанерой и тряпками. В общем, выяснилось, что живут во всей квартире какие-то алкаши. А Алексей – сосед и Мария умерли. Верней, Алексей задохнулся в дыму, чуть не сгорел. Двух ребят убили, видимо, по пьянке. Владимир жил за границей. Приехал, купил дом, и его ограбили, убили и сожгли вместе с домом. Конкретно, конечно, никто ничего не мог рассказать, т. к. старых жильцов никого нет. На кладбище могилу брата тоже не нашли. В общем, уехала вся расстроенная. Город неузнаваем. Рвалась перед смертью побывать на родине. Знакомых моих, ровни нет никого в живых, все поумирали, мужчины спились...”

Думаю, комментарии здесь не требуются (Красновишерск я знал ещё 50 лет назад – аккуратный небольшой городок, возникший благодаря целлюлозно-бумажному комбинату, производившему высококачественную бумагу. В нём шла тогда нормальная, обычная советская жизнь...).

Сравнения “там и тут” наводят на многие раздумья.

Вот ведь – совсем близко, рядом, за близкой границей на сотни километров – окно в окно! – есть истинно, кровно братская Беларусь, народ которой извечно предан России и с большой любовью всегда относился и воспринимал всё русское (утверждаю это не с чьих-то слов, а по многолетним личным впечатлениям, наблюдениям, переживаниям и общению с самыми разными категориями белорусского населения).

Перестроечно-развалный погром там начинался такими же темпами, как и в России. (В моём родном селе Махово, на Могилёвщине, например, совхозное имущество некоторые “активисты” растаскивали азартно, с каким-то нелепым рвением: один механизатор утащил половину своего приусадебного участка сельхозтехникой, которая бесплодна и бессмысленно ржавела много лет.) Однако пришёл к власти Человек Земли, знающий, как родится хлеб, как косят сено и доят корову, – честный, порядочный, где надо – заботливый, где требуется – предельно жёсткий, и разом положил конец коррумпированному разгулу. И страна вздохнула полной грудью: народ кормит себя высококачественными продуктами собственного производства, встала на ноги и получила развитие промышленность, армия превратилась в боеспособную силу, похорошела города и сёла, станции и полустанки, заметно – с положительным перевесом – улучшились демографические показатели, вернулись бесплатные здравоохранение и образование, поднимаются ввысь новостройки – жилые дома, библиотеки, дома культуры, школы, ледовые дворцы и аквапарки, растут и обновляются агрогородки.

Успехи республики были бы ещё более впечатляющими, не будь подлых подножек и атак заокеанско-европейской псевдодемократии и особенно российской олигархии, которая, со своей психологией захребетников, имеет бесстыдство упрекать белорусский народ в нахлебнических настроениях. К сожалению, порой даже патриотические русские издания подыгрывают этим наветам (недавно хорошая газета “За русское дело” написала о каких-то “непоследовательных” заявлениях А. Г. Лукашенко, не раскрывая, однако, суть этой “непоследовательности”). Не думаю, чтобы подобные выпады носили конструктивный характер.

О Лукашенко не шутя говорят, что он знает в республике всё – включая руководителей крупных предприятий и сельскохозяйственных комплексов, причём не только по фамилиям, но и по имени-отчеству. Он всё время в движении, его вертолёт появляется в самых неожиданных и достаточно отдалённых местах, и его визиты заставляют подтягивать живот и застёгивать пуговицы каждого руководителя, ибо жёсткая требовательность Президента хорошо известна всем – расхлябанности, необязательности, неисполнительности он не прощает. Он говорит с народом понятным языком, не подчеркивая своё превосходство снобистской терминологией, с большой искренностью и силой убеждения. Обычно создаётся впечатление, что он говорит лично с тобой. И люди верят этому Человеку, потому что никто не может его упрекнуть ни какими-либо несправедливо нажитыми ценностями – банковскими счетами, дворцами, земельными латифундиями, ни уступками суверенитета, ни холопским потаканием заморским мировым жандармам. Народ **Партизанской Республики**, потерявший в Великой войне **каждого третьего члена своей семьи**, защищая при этом не только себя, но и весь Советский Союз, доверил А. Г. Лукашенко своё будущее и не сомневается в том, что это доверие будет им сторицей оправдано.

Конечно, только слепому не видно, как убийственно для российских кзакрадов выглядит живой личный пример Лукашенко, как нежелателен, а точнее – страшен Союз России и Белоруссии для тех, кто живёт воровством, обманом, стремлением подавить любые проблески самостоятельного патриотического мышления, кто пуще мора либо пожара боится возрождения и усиления России, единения славянских народов. И они будут делать всё возможное, чтобы “насолить”, напакостить белорусскому Президенту, создавая препоны и рогатки, осложняя и отравляя жизнь братскому (понятное дело – не для них!), открытому и дружелюбному народу.

Но время всё расставит по своим местам.

Уважаемый Станислав Юрьевич! Мы с товарищами пытаемся посылно противостоять нашествию и оккупации, без этого многое в жизни теряет смысл, а советская закваска не позволяет полностью уединиться на кухне, как это обычно делала “творческая” интеллигенция, вполне определённого происхождения и свойства.

Вам просит передать большой привет мой сослуживец и друг (а Ваш калужский земляк) А. И. Сорокин – искренний почитатель и Вашего писательского дара, и твёрдой патриотической позиции. Желаем Вам крепкого здоровья, успехов во всех сферах деятельности, а также вашим сподвижникам – в большом и трудном деле сохранения и развития Русской литературы.

С глубоким, искренним уважением
Владислав Максимович Ковалёв
г. Пермь

“И ВСЁ ЭТО – ВО МНЕ...”

Здравствуйтесь, многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Читаю все публикации Вашего журнала от корки до корки. Особенно затронуло Ваше интервью с губернатором Калужской области А. Артамоновым, в котором реалии настоящего переплелись с воспоминаниями о днях минувших. Такое сочетание жизненно необходимо. Много уже лет я храню небольшой фрагмент газеты “Правда” от 20 июня 1942 года. Вы, конечно, понимаете, Станислав Юрьевич, что значат для меня эти свидетельства военного времени. Когда читаешь эти краткие сообщения с фронтов и тыла, ты оказываешься там, в центре событий. Почти как у Льва Толстого: “И всё это моё, и всё это – во мне, и всё это – я!” Вот под рубрикой “На фронтах Отечественной войны” фото девушки в пилотке со снайперской винтовкой в руках. Она смотрит в прицел, палец на спусковом крючке. Подпись: “Людмила Павлюченко – одна из героических защитников Севастополя, лучший снайпер N-ской части, уничтожившая свыше 300 фашистов”. И далее – небольшая заметка “Ожесточённые бои под Севастополем продолжаются...” А вот из статьи “Герои бомбовых ударов”: “...день и ночь над военными объектами и войсковыми соединениями врага наши самолёты сбрасывают сотни тонн разящего металла... Герой Советского Союза старший лейтенант Алексеев – мастер полётов в глубокий тыл к немцам. Он много раз бомбил вражеские укрепления, румынские нефтепромыслы Плоешти и морской военный порт Констанцу. Лётчики Вдовенко, Гоманенко, Ерёмин десятки раз бомбили немецкие переправы, железнодорожные станции...”

Очень хочется узнать, как сложилась судьба Людмилы Павлюченко и героических лётчиков, тем более, что среди них попались две родные мне фамилии по материнской линии.

Вы, Станислав Юрьевич, своими воспоминаниями о родственниках, отдавших жизнь за правое дело, всколыхнули мою память. Ваш дядя осенью 1941-го года бомбил Бердин – это потрясающая оплеуха немцам за наши разбитые аэродромы. За поражения в начале войны. Надо знать об этом и помнить всем не только в юбилейный год, но и всегда.

Подписку на “Наш современник” я оформила 24 сентября – в день подписчика. Свой журнал можно читать не спеша и перечитывать. Я читаю медленно, особенно работы Вадима Кожинова. Из публикаций прозы очень понравилась повесть А. Вульфова “Сторожка” (№ 2 за 2010 год), прочла её дважды. Какой у автора свежий язык, эпитеты неожиданные... Напоминает “Повести Белкина” А. С. Пушкина. Сюжет из жизни обитателей домика обходчика у железной дороги. Читая, переживаешь за героев, так и хочется узнать, что будет дальше?..

Не хочу Вас утомлять длинным письмом, поэтому заканчиваю. Юрий Перминов собирает книги для районной библиотеки села Большеречье – родины Владимира Макарова. Я тоже хочу поучаствовать в добром деле, тем более, что только что вышла моя книга “Уроки тишины”, где есть стихи, посвящённые Володе. Посылаю её Вам.

Желаю Вам здоровья, бодрости и продолжения работы.

С уважением
Валентина Останина
пос. Таврическое, Омской области.

“НАШ СОВРЕМЕНИК” СОЗВУЧЕН САМОТЛОРУ

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Внимательно читаю Ваш журнал и всё более прикипаю к его сути, его авторам. Наверное, потому, что многие мысли созвучны и близки, а боль в душе за проблемы Отечества не может оставить равнодушным любого человека, родившегося на этой земле.

Я однажды писал Вам, что отыскал в архивах восемь поколений своих предков, разобрался в истории края с XVIII века и понял, что обладаю несказанным богатством.

У олигархов, думаю, другие ценности, но мне ближе свои, кровные, связанные с историей моей семьи, родных мест, что исстари называются Родиной. Личность, семья, род – первокирпичики любого государства! И насколько крепки и связаны между собой эти первокирпичики – настолько крепким будет и государство.

Именно этот простой вывод привёл к главной мысли – нужно укреплять значение семьи, заниматься корнями семейного дерева и бережно растить молодые здоровые побеги будущих поколений. . .

Думаю, и у журнала эта мысль является одной из главных: как передать потомкам чистоту и крепость духа, многонациональные добрососедские узы, переживание за судьбу Отечества и стремление сделать её достойной!

Недавно мы празднично отметили выход в свет альманаха “Зори Самотлора-2010”, который посвящён Великой Победе нашего народа. Я сам продолжаю работу над подготовкой книги о Южном Урале.

С искренним уважением
Павел Плюхин
г. Нижневартовск.

НУЖЕН ЛИ НАРОД НЫНЕШНЕМУ ГОСУДАРСТВУ?

Уважаемый журнал “Наш современник”!

Поделюсь своим восприятием того времени, в котором мы живем, уж очень наболело!

На протяжении десятков лет неустанно вдалбливается нам миф о русском пьянстве, лени, желании разбогатеть не работая, приводятся сказки о Емеле, скатерти-самобранке, ковре-самолёте. Это же мечта народа об отдыхе от тяжкого труда, о справедливости, заступничестве. О мифе пьянства народа России можно прочитать в книге В. Мединского. Если такой ленивый, ничемный народ наш, то как же его учёные, инженеры, “просиживающие штаны” в своих КБ, разработали “Тополь”, “С-300” и многое, многое другое? Почему же сейчас не могут довести до ума “Булаву”? Да потому что квалифицированный инженерный состав и рабочий класс сейчас просто уже не существует.

Зато насаждается другой миф, сродни культу, о Ельцине как о книголюбе и библиофиле, великом гуманисте, строителе нового государства, да так, что уже названы его именем библиотека, улица, изваян памятник, забыли только кладбища вокруг городов назвать его именем. Уже земли не хватает для погребения убитых и покалеченных в чеченской войне, умерших от нищеты и беспросветности нашей жизни, от непрекращающегося терроризма. Хороший повод для “сплочения гражданского общества”!

Все перевернулось с ног на голову, сносят памятники, вообще стирают память о тех, кто действительно создавал страну, защищал её от врагов, строил социальное государство. Чтобы не сравнивать прошлое и настоящее, закрывают телепередачи, такие как “Суд времени”, “К барьеру”, недолго покрасуется и “Поединок”, где ещё можно молодежи сделать какие-то другие выводы, узнать хотя бы что-то, кроме “гулагов и репрессий”.

Сейчас уже становится ясно “что мы потеряли”: почти бесплатный проезд, жильё, медицину, образование для всех, безопасную прогулку по горо-

ду в любое время, единые цены на продукты питания, доступный отдых для всех, сбережения. А сейчас наши пенсии скукожились до неприличия по сравнению с советским периодом, нет сбережений, о квартплате и отдыхе говорить излишне, лечимся дома, уповая на Всевышнего, ведь старые люди часто не возвращаются из больниц.

Я задаю себе вопрос, какое отношение эта власть имеет к моей квартире, она её мне не давала, говорить, что пенсионеры стали миллионерами, раз имеют квартиру в собственности, неэтично. Специально пропагандировали приватизацию, умно продумали, как на собственников взвалить непомерную плату за ЖКХ и ещё ремонт дома. Наше поколение в горячем бреду не могло себе представить, что семья может быть выселена за неуплату или мошенничества чиновников, превратившись в бомжей (а подвалы уже все заняты), что можно стать безработным, искать средства на медицинские операции, даже для спасения детей! Хвастаются, что в магазинах всё можно купить, но продукты сомнительного качества, да на что их ещё купить?.. Не забывается плачущий старик, которому не хватило места в автобусе, что вёз бездомных в ночлежку, таким обездоленным старикам и детям несть числа.

Если государство свой народ не защищает, не лечит, не учит, только обирает, то напрашивается вывод, что и народ такому государству ничего не должен, это мое личное мнение, как говорит господин Сванидзе.

Благодарим всей семьей Александра Сегеня за “Филарета”, “Попа”, “Ивана III”; многое узнали о Крымской войне.

Всей редакции – низайший поклон, будьте здоровы.

Т. Соловьёва
г. Москва

С ПЛОХИМИ СОВЕТНИКАМИ И СТРАНА В БЕДЕ

Уважаемая редакция “Нашего современника”!

Хочу, как житель Московской области, поделиться с вами своими мыслями о том, что происходит у нас в области, да и в стране в целом, сейчас и к чему всё это может привести. Вот смотрите: взорвали ГЭС на Кавказе. Правительство пообещало найти мерзавцев и уничтожить. Одновременно президент Д. Медведев рекомендовал управленцам региона встретиться с почтенными аксакалами-старейшинами селений и обсудить создавшуюся криминальную обстановку. Один из лучших советов главы государства! Но сам президент с кем советуется?

Вокруг него мы постоянно видим Нарышкина, Суркова, Дворковича, Кучерену, Павловского и т. д. – далеко не аксакалов. Насколько они почтенны, житейски опыты, профессиональны, к сожалению, страна не знает. Есть, конечно, ещё Общественный совет, но как он формировался, насколько эффективен? Судя по ежедневной криминальной хронике телеканалов, Совет, а также МВД, Дума и особенно прокуратура осуществляют свои функции просто отвратительно!

Москва переуплотнена строительством (какой-то рукотворный апокалипсис), пробки, загазованность, болезни, сокращение жизни, переполненные больницы (посмотрите только МОНИКИ), а московские (и областные) власти и в ус не дуют.

Эту экологическую катастрофу, сложившуюся (политика “бабла”) ещё при Лужкове, расширяют в Московской области громовские назначенцы от архитектуры, межевания, леспромхозов, райадминистраторов, промоутеров, девелоперов. Всю эту миллионерско-миллиардерскую кофлю обильно финансируют поделщики антигосударственники кредитно-банковских систем.

Сверхплотная (не нормативная) застройка а-ля “лужков-ресин” осуществляется и за МКАД в 3–7–12 км от Москвы. Москвичи лишились ближних под-

московных зон отдыха. Гектары леса продаются и перепродаются, заборища покрыли всё Подмосковье. Заборами окружены пруды (даже противопожарные – д. Подушкино на Рублевке), заборы с берега уходят прямо в Москву-реку, леса вырубаются. **Академики РАН от градостроения, академики по лесоведению, при вашем десятилетнем молчаливом согласии произошла эта катастрофическая переуплотненная застройка, при вашем постыдном невмешательстве миллионы москвичей лишились традиционных, благоустроенных при СССР, зон отдыха! Какие же вы после этого академики, как вы встречаетесь с зарубежными градостроителями и лесоводами?** Они же знают о произошедших градостроительной и экологических катастрофах в Москве и Подмосковье!

Какой кпд от ближайших советников президента и премьера, от Общественной палаты, от Думы? Часто по ТВ показывают, как мерседесная пьянь убивает людей прямо на “зебрах”, как эта обожравшаяся “элита” убивает людей пачками на автобусно-троллейбусных остановках. Кого-то “отмазывают” (какое устоявшееся государственно-общественное постыдство), кому-то присуждают 7 лет лишения свободы. В США за убийство усыновленного российского ребенка может последовать казнь, а у нас за убийство на “зебрах” и остановках одновременно 3–4-х человек... мораторий на смертную казнь. В США, Китае и др. странах за наркоту, за изнасилование детей, старушек – расстрел, у нас мораторий... Ау! Грызлов, Нургалиев, Чайка, у вас в семьях никого не изнасиловали?! – Ах да, у вас же охрана...

Смотрят ли члены Общественной палаты ТНТ, Муз-ТВ, ТДК и прочие порноканалы, знают ли о газетных объявлениях, о вызовах девушек и мальчиков на дом? Как это всё вместе может сосуществовать – порно-ТВ, газетные порносвахи, Общественная палата, Дума, бездеятельная Прокуратура, РПЦ, Кремль – при этом возможно ли единение и процветание в обществе?!

Возможно, консультанты президента и Общественная палата очень стараются эффективно работать, но, как показывают ежедневные теленовости, их старания не приносят должных результатов, или всё же они “страшно далеки от народа”? Медведев рекомендовал горцам посоветоваться с известными, уважаемыми, почтенными людьми своего региона. А с кем мог бы президент и его советники встретиться из числа известных, уважаемых, житейски опытных сограждан нашей страны?

Ну, например, Капица, Алфёров, Песков, Бушин, Ю. Власов, Ст. Куняев, Глазьев, Мухин, Кургинян, Конюхов, Чикин, Комоцкий, Муратов, Распутин, Савицкая, Губенко, Говорухин.

Любая порядочная (уважаемая народом) редакция СМИ может составить свой список представителей от народа, с кем полезно было бы встретиться президенту для обсуждения насущных госпроблем. Но вряд ли варианты редакций сильно будут отличаться от предлагаемого списка.

Кстати, Путин в свое время посещал Солженицына, почему бы ему и Медведеву также не отдать дань уважения, например, Алфёрову и Распутину? Много ли у нас в стране таких многоопытнейших аксакалов?!

Недавно к нам приезжал Шварценеггер и напомнил всей нашей стране, что у нас есть **Великий Юрий Власов!** Хоть кто-нибудь из окружения президента, хоть как-нибудь отреагировал? Дворкович, Сурков, Эрнст, Добродеев и т. д., это вопрос к вам! Ю. Власова страна и мир узнали задолго, чем о существовании Горбачёва и Ельцина. Он не только Великий Илья Муромец современной земли Русской он, дай Бог каждому публицисту – Журналист с большой буквы. Он баллотировался в президенты России! Впрочем, если бы лет 7 назад мы вместо Тягачевых-Мутко в нашем спорте видели Ю. Власова, будьте уверены, не было бы провального Ванкувера!

Так что президенту России Д. Медведеву есть о чём задуматься, выбирая себе советников.

С уважением
Иван Лопатин
г. Луховицы Московской области

“ПУСТЬ ЗНАЮТ ПРАВДУ О ЖИЗНИ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Пишу Вам впервые, до этого не раз пыталась выразить Вам свою благодарность за Ваш благородный труд – просвещение российского читателя – русского и других народов СССР, а теперь уже России. Журнал Ваш выписываю уже более 20 лет и очень его люблю. Раньше читала многие толстые журналы, но, в конце концов, остановилась на Вашем. Стараюсь в журнале прочитать всё, но больше всего интересуюсь поэзией и публицистикой, которую перечитываю неоднократно, набираюсь опыта от публикаций рассказов, т. к. сама пробую писать. Очень люблю Ваш журнал и лично Вас, как патриота нашей Родины. Благодаря Вам узнаю много нового и интересного из истории нашего государства и его наследия в области литературы. Публикаций много, все их перечислить не могу, тем более что свой номер журнала после прочтения сразу отдаю в сельскую библиотеку. Не всё мне просвещаться, пусть и селяне знают правду о жизни нашего общества, о тех политических катаклизмах, которые низводят на нет былую славу русского народа и его героев. Очень жаль, что журнал “Наш современник” в нашем районе получаю одна я. Это меня удручает, но и обязывает каждый год выписывать его, невзирая на материальные проблемы и на реплики тех, кто не согласен с точкой зрения моего любимого журнала!

Валентина Буртова

село Рощино, Красноармейского района,
Приморского края.

“ЧИТАЕМ ВАС...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Низкий поклон Вам за Вашу посылку с номерами журнала “Наш современник”. Читаем Ваш материал “Жрецы и жертвы Холокоста” с болью в сердце за нашу страдальницу Россию, за православие, за наш русский народ.

Спасибо за повесть “Московский Златоуст” Александра Сегеня, за рассказы Владимира Крупина “Жертва вечерняя”. Все материалы Вашего журнала греют наши души.

Божьей благодати Вам и Вашей редакции.

Храни Вас Господь от всех врагов видимых и невидимых, а мы постараемся организовать подписку на 2-е полугодие.

Читатели “Нашего современника”

г. Сокол, Вологодской области

ПОЛЬША НОВАЯ ИЛИ ПАНСКАЯ?

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Расскажу, как я познакомился с журналом “Новая Польша” и какие выводы я для себя сделал.

Летом 2000 года я, оказавшись в районном центре Бежаницы Псковской области и освободившись пораньше от дел, зашёл в читальный зал местной библиотеки, и, случайно увидев на полках среди глянцевого многоцветья непривычные для меня серые обложки журнала “Новая Польша”, которых до этого почему-то не замечал (наверно, потому, что в райцентр езжу редко), кинулся к ним, как к старым друзьям. Оказалось, что журнал выходит с сентября 1999 года.

Польша... “Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось!..” — это Пушкин сказал о Москве, но и Польша для него чужда не была — вспомнить хотя бы Адама Мицкевича. Да, все мы в молодые годы увлекались польскими фильмами Анджея Вайды, Ежи Гоффмана и других творцов польской школы кино, блистательны польские актёры, польские кинокрасавицы приковывали внимание, незабвенные “Четыре танкиста и собака”, “Ставка больше, чем жизнь”, стихи Тадеуша Ружевица, группы “Червоне гитары”, “Скальды”, “Трубадуры”, “Клан”, Чеслав Немен — всех не перечислить... И вот — весь в этих розовых лирических снах моего отрочества и молодости, я кинулся в тёплые (как я думал) ностальгические воды польского журнала.

Не знаю, чего я ожидал... Дружбы народов? Старых имён? Слов благодарности нашим ветеранам за спасение Польши от фашизма? Но на ушат холодной воды, или помоев, я точно не рассчитывал. Журнал оставил впечатление абсолютно реваншистского издания. Словно все духи “холодной войны” вылезли из морозильных камер прошлого времени и кинулись на меня, русского читателя, плотным строем. Вся редколлегия, все представленные польские авторы, — все они бывшие диссиденты, жизнь положившие на борьбу с советским тоталитаризмом, а теперь заявившиеся к нам со своими претензиями к социалистическому строю и с обидами, как личными, так и национальными, к нам, русским. Постойте, ребята-демократы, но ведь СССР уже нет, журнал издаётся для новой, демократической России — или я что-то не так понял? Или это не “Новая...”, а “Панская Польша” на русофобский лад?

Издателем журнала числилась Национальная библиотека в Варшаве. А кто же финансирует издание?

Я обратился к девушке-библиотекарю с вопросом:

— Откуда у вас этот журнал? Как вы узнали о нём?

— Да никак. Мы его даже не выписываем. Приходит на наш адрес бесплатно.

Практически наметилось несколько тем, по которым “новопольцы” стали долбить нас, русских, с настойчивостью дятлов, видимо, так пытаясь наладить “русско-польское культурное сотрудничество” и взаимопонимание: начало 2-й мировой войны (раздел Польши между Германией и СССР), Катынь, страдания поляков в ГУЛАГе, а до этого — в XIX веке — в Сибири, имперские амбиции русских, взаимное непонимание между русскими и поляками, в котором виноваты, разумеется, русские с их великодержавными замашками, ну и т. д.

Чего нет в журнале, так это, собственно, очерковой информации о самой Польше: как живёт современный поляк, о чём он думает, чего хочет, как относится к переменам в стране. Многие материалы рассказывают нам о нашей жизни глазами поляков. А зачем? Нам интереснее увидеть жизнь их страны. В конце концов, журнал называется “Новая Польша”, а не “Новая Россия”. Представление же о современных русских и России у поляков хорошо передаёт заметка ученицы краковского лицея № 20 Малгожаты Чекай “Поляки, русские — сходства, различия” “Новая Польша” № 10 за 2007 год: “Да ведь у нас постоянно говорится, что Россия — это бедное, отсталое государство, что там ничего нет, а русские даже пальцем не хотят пошевелить, только высматривают, где бы им ухватить взятку, что-нибудь у кого-нибудь украсть либо отобрать или же, не дай Бог, безнаказанно застрелить невинного человека... У них там перестрелка — это самая что ни на есть обыденная вещь...” — И только поездка в Подмосковье, в языковой лагерь, убедила девушку, что всё, мягко говоря, не так.

Когда прошёл первый шок, я обратил внимание, что и первый-то номер “Новой Польши” вышел как-то несуразно — в сентябре 1999 г., а не в январе, что было бы логично, или в июле, т. е. со второго полугодия, например. Я сначала и не сообразил, почему? Но вот она, подсказка, — статья Ежи Редлиха “Годовщина сговора”. Ну, понятное дело, мерзавца Гитлера и “кровожадного азиата” Сталина. А всё по поводу бедной, беззащитной овечки мировой политики — Польши.

Как когда-то русские большевики начинали историю России не раньше, чем с октября 1917 года, так и новоявленные “друзья России” свою, польскую, историю начинают, подавая её для нас, с сентября 1939 года. Не раньше. По-

тому, что если взглянуть подальше, то можно увидеть, что “плод Версаля” начал свою историческую деятельность с захватов чужих территорий (вооружённые конфликты с чехами и немцами из-за пограничных земель, вторжение на Украину, в Литву и в Белоруссию в 1919 году, присвоение по Рижскому договору 1921 года территорий Западной Украины и Белоруссии, захват у Литвы Виленского края – тогда же).

Да и с Гитлером польское руководство шагало во времена Мюнхенского сговора нога в ногу: в частности, когда Гитлер захватывал у Чехословакии Судеты, Польша одновременно оккупировала Тешинскую Силезию, причём подготавливала отделение Тешина, устраивая вооружённые провокации против чехословаков посредством созданных банд, в которых были и поляки, и немцы. То есть Польша действовала теми же методами, что и фашисты. И вовсе не оправдывает поляков то, что перед оккупацией они всё же предъявили ультиматум чешскому руководству, и что от Чехословакии хапнула тогда и союзница Германии – Венгрия. Сама Польша действовала в связке с фашистами. Но писать об этом, значит, признавать и свою ответственность за развязывание Второй мировой войны. Как же так, мы жертвы – и мы виновны? Но ведь мы – “Новая Польша”, так дело не пойдёт.

Замечу, впрочем, что в дальнейшем тема “неизвестной” войны 1939 года практически не всплывала, больно скользкая, что называется, палка о двух концах, т. к. порождает закономерный вопрос: если Пилсудскому в 1918–1919 гг. можно было захватывать чужие территории по праву сильного, то почему Сталину в 1939 году нельзя было? Тем более что и территории-то не чужие были, а земли Западной Украины и Западной Белоруссии, в свою очередь, захваченные Польшей при Пилсудском.

В общем, с первого номера по нам, русским, и пошло, и поехало (и катится, замечу, до сих пор)! Ежи Редлих “Годовщина сговора” и Леонид Корнилов “Уроки польского” (№ 1, 1999 г.); Владимир Блинков “Неизвестная война” (№ 2, 1999 г.); Манук Жажоян “Заточённые в аду” (№ 3, 1999 г.); Александр Липатов “Не домашний это был спор”; Владимир Блинков “С какой ноги встанёт Варшава?” и Валерий Мастеров “Варшава была столицей “Континента” (№ 4, 1999 г.); Ю. Чапский “Бесчеловечье” (к 60-летию Катыни) и А. Романовский “Сибирь и поляки” (№ 3, 2000 г.), А. Кучинский “Он Сибири не боялся” (№ 5, 2000 г.) и т. д., и т. п. А мемуары бывшего майора КГБ Олега Закирова (№ 9, 2004 г., № 6, 2005 г., № 4, 2006 г., № 5, 2006 г.), который верой-правдой служил “неправедному режиму”, а в годы перестройки вдруг “прозрел” и стал вести самостоятельное расследование по катынскому делу? И, видимо, так его “хорошо” вёл, что теперь Закиров – свободный гражданин Польской республики. В Европе живёт, не хухры-мухры! Вот оно в чём дело (замечу в скобках)! Много их таких “радетелей” за правду-матку повидали мы в последние два десятилетия: предатели Резун-Суворов и О. Калугин (это те, кто на слуху), теперь – О. Закиров. И всё-то они боролись за правду, но почему-то с выгодой для себя.

Для того чтобы выжить в этой свободной Польше, надо уметь врать, и вот уже неиссякаемый В. Блинков пишет о книге “Война и мир” Кристины Курчаб-Редлих (польской журналистки, прожившей в России 14 лет – и, похоже, ничего не понявшей), в которой опять она рассуждает о “варваре Петре I” (который, кстати, спас Польшу от шведской агрессии), хорошо отзывается об А. Кредере (авторе печально небезызвестного в российской школе учебника по новейшей истории XX века, в котором в качестве примера первого акта движения сопротивления сообщается о восстании в Варшавском гетто – как будто не было, например, партизанской армии Броз Тито, уже летом 1941 года сражавшейся в горах Югославии с фашистами, не было белорусских партизан), хвалит чеченских бандитов как “борцов за свободу”, забыв, когда ей надо, про зинданы, работорговлю, отрезанные головы, например, английских (даже английских – вот ужас! – что уж говорить о русских) специалистов по телекоммуникациям, попавшим в плен к этим “милым” горцам.

...Всё так же благополучно приходит журнал “Новая Польша” бесплатно в центральную библиотеку Бежаницкого района Псковской области. И читает его, судя по не согнутым и несмятым страницам подборки за 10 лет, только один человек – ваш покорный слуга. Спасибо заокеанским спонсорам, не забывают, просвещают нас. И деньги у них не иссякают.

Когда-то в молодости я записал в своём дневнике: “За Северина Краевского с его ансамблем “Червоне гитары” я готов простить полякам всё”. Оказалось, однако, что сами поляки не готовы простить мне, русскому, ничего. Но это проблемы уже самих поляков.

Юрий Анатольевич Иванов
село Бардово Бежаницкого района
Псковской области.

“ВЫПОЛНЯЯ ВЕЛИКУЮ МИССИЮ”

Уважаемый Александр Иванович!

Мне фантастически повезло, когда Вы, будучи в Харькове с писательской делегацией, подарили мне потрясающую книгу “Возвращение масс”, ставшую для меня настоящим откровением.

Я долго и медленно читал её, перечитывал отдельные главы, а часть четвёртую “Россия, бедная Россия” прочитал несколько раз. Такого ясного, пристального, глубокого, всеобъемлющего аналитического и философского исследования процессов, происходящих в мире, в России и в отколовшихся от Советского Союза республиках я не встречал у других публицистов. Видимо, потому, что нет писателей публицистов, равных Вам по глобальному охвату событий, глубине их анализа, точности оценок и выводов, яркости характеристик политических деятелей и по филигранному владению словом.

Я впервые увидел живые портреты Саддама Хусейна, Махмуда Ахмади Нежада, Уго Чавеса, Эво Моралеса, Рафаэля Корреа, Александра Лукашенко, Исмаила Хании и других выдающихся руководителей государств, а также портреты их политических противников и врагов. Увидел в Вашей книге, а не на газетных полосах лживых и агрессивно-послушных СМИ, ориентированных на Израиль и США.

Конечно, более всего меня волновало и волнует положение русского народа в современной России. О том, что в прошлом веке плоды его труда уплывали в союзные республики, в страны народной демократии и далее, а сам русский народ бедствовал (особенно в глубинке), я знал. Но и за двадцать капиталистических лет положение русского народа не улучшилось, а ухудшилось, а национальной государственности он как не имел, так и не имеет!

Проанализированная Вами антирусская ситуация в РФ просто ошеломляет!

“Русский народ даже не упомянут в Конституции РФ!”

Власть против образования Русской республики в составе РФ и создания национального дома для русского народа. Руководители государства активизируют приток мигрантов в РФ, закрывают глаза на их вызывающе наглое и агрессивное поведение, не хотят знать, что они терроризируют русских людей в столице и в провинциях.

Русских патриотов лишают должностей, увольняют с работы, подвергают гонениям, исключают из общественной и литературной жизни, арестовывают, на них заводят уголовные дела по “русской” 282-й статье, их убивают, а убийц не ищут или “не находят”.

Сердце содрогается, когда читаешь это о своих русских братьях.

“Но те, кто пользуется нашей помощью и защитой, должны сознавать: это не обязанность нашего народа (вроде работы прислуги в большом доме), а добровольное и жертвенное служение, взятое на себя ради осуществления великой миссии русской нации”.

Потрясающие, мудрые слова!

Александр Иванович, они, может быть, сознают это, но благодарными никогда не будут. Пользуясь жертвенным служением русского народа, не ценят его (слишком они привыкли паразитировать на нём). Они признают только силу и мощь русского оружия.

Я бывал в командировках в Алма-Ате, Ташкенте, Тбилиси, Баку и царящие там порядки знаю, особенно – в Тбилиси. Русские действительно остаются до-

норами не только в духовном и материальном, но и в буквальном смысле слова: русская кровь лилась и льётся для защиты неблагодарных наций.

Приведённая Вами (со ссылкой на эмигрантскую газету “Русская жизнь”) молитва представителя “избранного народа” некоего В. Гиндина слишком красноречива, чтобы надеяться на благодарность ему подобных. Они создали чудовищный репрессивный аппарат в СССР, они методично физически уничтожали генофонд русского народа. Приведённые Вами многочисленные факты и примеры убеждают, что они авторы и исполнители продолжающегося геноцида русского народа.

Александр Иванович, я слежу за “возвращением масс” в Египте, Тунисе и других странах и поражаюсь Вашему провидческому дару... Есть, есть в нынешней России богатыри русского духа, и один из них – Вы, Александр Иванович!

Будьте здоровы и счастливы, если это возможно, выполняя великую миссию бескорыстного и страстного служения России и русскому народу.

Ваш
Анатолий Мирошниченко
г. Харьков, Украина

“МЫ ОТСТАИВАЕМ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ”

Здравствуйте, Александр!

Не примите за фамильярность такое моё обращение. По возрасту, оказывается, Вы мне как сын. Но дело не только в этом. Сыновья тоже бывают всякие. А Вы – наш человек, истинно советский, русский.

Прочитав в первом номере “Нашего современника” за этот год Ваш материал “30 лет без права передышки”, не мог не написать этих строк, сказать: спасибо! Нас, прошедших через все испытания ветеранов Великой Отечественной, остаётся всё меньше и меньше. Буквально в канун 65-летия Победы ушёл из боевой шеренги защитник Ленинграда, а потом бравший Берлин мой близкий друг Игорь Георгиевич Большаков – Почётный гражданин нашего города Нерехты. Он глубоко переживал, если не сказать: страдал, от того, что сотворилось со страной, за которую погиб в Ленинграде его отец и он сам проливал кровь. Эта боль в его стихах.

*Ещё один товарищ фронтовой
Ушёл, как говорится, в мир иной...
Мы никому не надобны сейчас
И каждый день здесь попрекают нас
За преданность Союзу и любовь,
За даром нами пролитую кровь,
За то, что до сих пор живём,
В траншеи не зарытые живём...*

Вконец изводят нас разнузданной клеветой историки-хамелеоны типа Сванидзе, прочие перевёртыши и продавшие души, честь и совесть служители власти. Фашистов – тех просто надо было убивать. А на этих нет никакой управы.

В меру своих остающихся ещё сил мы – последние на “бастионах” отстаиваем нашу Советскую Родину. В минувшем юбилейном году я побывал в трёх средних школах города и в городских библиотеках, которые ещё держатся на энтузиазме сотрудников и помощи читателей, больше старших поколений. Рассказывал ребятам правду о войне, о нашей Великой Победе. Но было горько услышать: старшеклассники, в большинстве своём, не знают, кто такие Алексей Маресьев, молодогвардейцы, Зоя Космодемьянская...

Об этом написал президенту Медведеву, послушав его очередное послание к народу, в котором говорилось о внимании к молодёжи, но не сказано, на каких ценностях должны воспитываться нынешнее и последующие поколения страны, с кого брать пример...

Ответ пришёл аккуратно, ровно через 10 дней. Но по вопросу о молодёжи — ни слова...

“Общаясь” я с Верховным Главнокомандующим и по так называемому Катынскому делу. Наш отряд морской разведки Балтийского флота шёл прибрежной территорией Польши, освобождённой войсками Красной Армии. Множество одиноких и братских могил наших бойцов и командиров на подступах к Данцигу, Кольбергу, Свинемюнде — нынешним польским городам, отвоёванным для поляков нашей кровью. Это забыто. Но продолжается раздувание каких-то явных фальсификаций.

А мы служили Советскому Союзу!

Ещё раз спасибо Вам, Александр, и поздравляю с выходом книги “Возращение масс”.

С уважением и благодарностью — Ваш читатель и почитатель

Виктор Павлович Воронов
г. Нерехта Костромской области

“О ЧЁМ ВЫ ПИСАЛИ, ТО СОВЕРШИЛОСЬ...”

Александр!

Получив Вашу книгу, я сразу же сообщил в редакцию журнала, как я потрясён Вашим подарком. Не хотел благодарить Вас голословно, прежде чем прочитаю книгу. Теперь я её прочитал и потрясён содержанием Вашей книги. Из неё я узнал много существенного о стране, где я живу, уж не говоря о стране, где жил. Вы пишете в нашей традиции — концептуально, и Ваши выводы позволяют понять непосредственно наблюдаемое. Самое чтение Вашей книги увлекательно. О чём Вы писали давно и что предсказывали, то совершалось, и сейчас это показывают по телевидению. Иногда сообщения с мест (прежде всего из Египта и Туниса) буквально перекликаются с фразами из Вашего текста. Поделюсь с Вами двумя соображениями, возникшими по ходу чтения.

Неоднократно Вы говорите о повсеместной неспособности правительств управлять своими странами и народами. В начале 60-х годов в спецхране я читал американский сборник статей, в которых делалась попытка представить себе, как будущие историки станут рассматривать наше время. Среди прочего они обратят внимание на проявившуюся неспособность править, управлять. Не помню, чем это объясняли авторы. И вот, как Вы говорите, эта неспособность проявляется. Из того, что видишь своими глазами, одно из следствий этого — массы, вышедшие на авансцену и требующие прав, а основанное на идее только частных интересов общество таких прав им дать не может.

Второе, о чём Вы пишете, это отрыв элиты от своей страны и своего народа. Эти процессы не имеют границ. Руководство не думает о тех, кем руководит, хотя и говорит, будто думает. Но это слова, дела же слишком говорят сами за себя и говорят другое: плевать! Цинизм, границ не имеющий. Прежние чиновные грабители грабили, себя не забывая, но и другим давали заработать на таких проектах, как железная дорога через всю страну от моря до моря. Теперь только грабят, набивая свой карман, а строить новые дороги не желают. И все элиты мечтают сбежать. Куда? Перед своими студентами я рисовал такую перспективу: в космос (билеты ценой в 200 тыс. долларов на первый пробный рейс уже распроданы), страна превращается в гигантский Диснейленд, в амьюзмент-парк, обслуживаемый высокотехнически, соответственно — повсюду казино, тоже высокотехнические, обслуживаемые работниками с высшим образованием, однако принадлежащие пришельцам. Элементы подобной утопии уже становятся реальностью.

О многом заставляет задуматься Ваша книга, она для меня — окно в нынешнюю жизнь. Таковы всегда были и Ваши статьи в журнале, а теперь и это глубокое панорамное исследование.

С наилучшими пожеланиями
Дмитрий Урнов
г. Беркли, США

“В ЖУРНАЛЕ ЗАТРОНУТЫ ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ”

Уважаемый Александр Иванович!

Финальный в 2010 году 12-й номер “Нашего современника” считаю замечательным по всем его разделам и статьям. Особенно ценю то, что в нём представлено творчество наших друзей из Белоруссии. Это демонстрация дружбы и близости культур русского и белорусского народов. В статье Юрия Година подробно обосновывается выгодность союза государств по конфедеративному признаку во внешней торговле, в военно-техническом и оборонном сотрудничестве. Другой автор Чеслав Кирвель показывает, что в мире идёт интенсивное формирование центров развития по региональному признаку, а это означает, что не глобализация, а регионализация становится главным фактором мирового развития.

В новых условиях непонятна политика хозяев финансов России, которые скопили финансовый резерв (в газетах называли сумму 4 трлн), не разрешая его тратить на поддержку промышленности, сельского хозяйства, на модернизацию, на образование. В прошлом мы огромные капиталы выбросили на спасение экономики США от кризиса, а теперь кого будем спасать? Может, о своём народе подумаем?

В статье Кирвеля на основе научного анализа делается следующий вывод: идея интеграции российской экономики в мировую является порочной. Механизм привлечения инвестиций не работает, даже дал обратный результат – вывоз капиталов из России. Нам самим необходимо производить всё, что необходимо нашему населению, а закупать только то, что не разоряет страну. Как, собственно, это и делает Китай. Наконец, нам нужно воссоздать технологический потенциал России в союзе с Украиной и Белоруссией, в кооперации с ними. Нам нужна общая духовная мобилизация, нам нужен новый проект будущего.

Считаю, что в статьях, опубликованных в журнале, затронуты очень важные проблемы, которые требуют обсуждения экономистов высокого ранга трёх наших братских стран.

Нужно действовать!

Е. Н. Березин
г. Челябинск

ЮРИЙ ДВОРЯШИН

доктор филологических наук

М.А. ШОЛОХОВ В ПЕРЕПИСКЕ С СОВРЕМЕННОКАМИ

Объемная публикация эпистолярия М. А. Шолохова началась сравнительно недавно. При жизни писателя по понятным причинам достоянием читателя стали только отдельные его письма. Так, например, в 1963 году в академическом издании “Литературное наследство” был опубликован полный текст ныне хорошо известного читателям письма М. А. Шолохова А. М. Горькому от 6 июня 1931 года, раскрывающего позицию автора “Тихого Дона” в изображении восстания казаков на Верхнем Дону в 1919 году. На страницах журнала “Вопросы литературы” в апрельском номере за 1965 год была опубликована переписка Шолохова с А. М. Горьким, А. С. Серафимовичем, Н. А. Островским. В 1980 году шолоховед В. В. Гура в своей книге “Как создавался “Тихий Дон” напечатал фрагменты ряда писем М. А. Шолохова и его корреспондентов. Ранее не публиковавшиеся эпистолярные материалы писателя были использованы К. И. Приймай в его книге “С веком наравне” (Ростов-на-Дону, 1981). После смерти М. А. Шолохова многие его письма, хранившиеся в государственных архивах и частных собраниях, стали достоянием общественности. В течение нескольких лет большие подборки писем художника слова увидели свет в журналах “Молодая гвардия”, “Дон”, “Знамя”, “Огонек”. Более 30 писем и телеграмм писателя было опубликовано в 1995 году в сборнике “Шолохов на изломе времени”, подготовленном в ИМЛИ РАН.

Шолоховедение последнего десятилетия пополнилось новыми изданиями. В канун столетнего юбилея М. А. Шолохова практически одновременно вышли два сборника его писем, которые являются своеобразным итогом изучения эпистолярного наследия писателя. Первый из них составлен коллективом ученых Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Это сборник “М. А. Шолохов. Письма” (М.: ИМЛИ РАН, 2003. 480 с.). В этом же 2003 году вышла книга “Михаил Шолохов. Письма 1924–1984. Жизнеописание в документах”, подготовленная В. В. Петелиным. Оба издания снабжены более или менее развернутыми, скрупулезно выверенными комментариями.

Однако за пределами внимания исследователей по-прежнему остается целый пласт эпистолярных материалов, связанных с М. А. Шолоховым. В том числе это письма к нему современников – людей самых разных социальных положений, профессий, судеб. Такие письма не только научно не исследовались, но еще и не публиковались в сколько-нибудь целостном виде. Исключение составляет лишь одна группа посланий, адресованных Шолохову. Это письмо и две телеграммы И. В. Сталина (см.: Писатель и вождь: переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. Составитель Ю. Мурин. М.: Раритет, 1997). Кроме того, ряд фрагментов писем к писателю приводится в коммен-

тариях к упомянутым ранее сборникам писем Шолохова. В “Вешенском вестнике” (2001, № 1) опубликовано несколько писем Е. Пермитина Шолохову.

Нельзя не отметить, что публикации этих эпистолярных материалов разрозненны, бессистемны, к тому же в своем большинстве они имеют основной целью лишь пояснение тех или иных сведений, упомянутых в письмах самого Шолохова. Между тем, нет сомнения в том, что публикация всего эпистолярного наследия Шолохова (не только писем самого писателя, но и многочисленных посланий к нему его современников) имеет большое значение и в деле уточнения фактов биографии и творческого пути писателя, и с точки зрения представлений о его роли в общественном сознании XX века, да и в постижении сущности социальных процессов в Советском Союзе.

В настоящем издании впервые публикуются 10 писем М. А. Шолохова, а также письма его корреспондентов – самых разных по своему социальному положению, профессиональным интересам, по степени близости к писателю соотечественников. Письма обеих групп расположены в хронологической последовательности.

Публикатор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность ознакомления и копирования архивных документов директору Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова А. М. Шолохову, а также руководству и сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства.

ПИСЬМА М. А. ШОЛОХОВА

1. Записка М. А. Шолохова – В. А. Регинину¹

Ст. Вешенская 21.4.30. При сем препровождаю отрывок из 6 ч. “Тихого Дона”².

С прив<етом> М. Шолохов

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 1433, оп. 2, ед. хр. 158).

2. М. А. Шолохов – Г. Астахову³

Дорогой станишник!

Что же ты молчишь? Когда твой отпуск? Когда приедете с Наташей в Вешенскую. Мы все ждем и будем искренне рады вашему приезду. И рыба ловится, и птицы много в степи и на озерах. А тут еще арбузы и дыни поспели. Не житье, а сплошная масленица. Срочно напиши, когда вас ждать, чтобы я был дома и – как водится, встречал у ворот.

Мария Петровна кланяется, я крепко жму руку. Ждем письма.

М. Шолохов.

17 VIII. 35 г.

Вешенская

Впервые с купюрой в кн.: Осипов В. О. Михаил Шолохов: годы, спрятанные в архивах... М., 1995. С. 27.

Печатается по автографу (ГМЗШ, КП-10163/2)

¹ Регинин Василий Александрович (1883–1952) – журналист. В 20–30-е годы участвовал в создании и редактировании ряда журналов: “30 дней”, “Смехач”, “Чудак”. В 1930 году – заведующий редакцией иллюстрируемого ежемесячника “30 дней” (издательство “Земля и Фабрика”, с. 1930 – ГИХЛ).

² В № 9 ежемесячника за 1930 год опубликованы три отрывка из “Тихого Дона” (кн. 3, ч. 6).

³ Астахов Георгий – советский дипломат. Репрессирован в начале 40-х годов. Знакомство состоялось во время 59-дневной поездки М. А. Шолохова с Марией Петровной за рубеж (конец 1934 – январь 1935). Подлинники писем М. А. Шолохова Г. А. Астахову переданы в Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова из Архива КГБ СССР в 2002 году.

3. М. А. Шолохов – Г. А. Астахову

16/Х – 35 г.

Дорогой станишник!

Немало были мы удивлены, получив ответ от тебя не из Лондона, а из Тифлиса. А затем и огорчились тем, что ты и Наташа⁴ не можете побывать в Вешках.

Твой вариант пока неприемлем по той причине, что М<ария> Петр<овна> привязана к дому своим сыном, а я – 4 кн. “Тихого Дона”. Но уж как-нибудь увидимся! Вольной птицей буду, когда развяжусь с книгой. Летом почти не работал, а теперь приходится навестывать...

Напиши, Егорушка, как ты выбрался из Лондона и надолго ли? Как живешь? Приехала ли Наташа? Буду рад получить от тебя весточку с тем, чтобы из виду не терять и на будущий год ждать на Тихий Дон. Крепко жму руку тебе и Наташе.

М. Шолохов.

Печатается по автографу (ГМЗШ, ДФ, КП-10163/3).

4. М. А. Шолохов – Е. Н. Пермитину⁵

Весь род Пермитиных поздравляем Новым годом Желаем здоровья счастья Матерому Пермитину новых творческих успехов Шолоховы.

/1.1.1952/

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, ф. 3140, оп. 1, ед. хр. 365).

5. М. А. Шолохов – К. Д. Воробьеву⁶

Вильнюс Литовская Мостовая 29 кв 21 Воробьеву Доставить Босанавичяус, 16, кв. 6

Если судьба повести одним дыханием⁷ не определилась разрешите мне

⁴ Наташа – жена Г. А. Астахова.

⁵ Пермитин Ефим Николаевич – (1895–1971) – русский журналист и писатель, член Союза писателей СССР. В 1917 году в барнаульской газете “Жизнь Алтая” напечатан первый рассказ “Последний вечер”, с которого, по словам писателя, началась его литературная биография. В 1923 году в Усть-Каменогорске выпускает первый в стране охотничий литературно-художественный журнал “Охотник Алтая”. В 1925-м в Новосибирске возглавил новый журнал “Охотник и пушник Сибири”, в котором в 1926-м опубликована его повесть “Капкан”. На алтайском материале написаны повести “Когти” (1931), “Враг” (1933), “Любовь” (1937), вошедшие позднее в значительно переработанном виде в роман “Горные орлы” (1951). С 1931 года жил в Москве. В 1938 году был арестован по ложному обвинению и с 1938-го по 1944 год провёл в ссылке. Освобожден при участии М. А. Шолохова. С конца 50-х работал над автобиографической трилогией “Жизнь Алексея Рокотова”: “Раннее утро” (1956), “Первая любовь” (1962), “Поэма о лесах” (1969).

⁶ Воробьев Константин Дмитриевич – (1919–1975) – русский писатель, прозаик, автор повестей и рассказов. Участник Великой Отечественной войны. Раненым попал в плен и находился в Ржевском, Каунасском, Саласпилском, Шяуляйском лагерях военнопленных (1941–1943). Дважды бежал из плена. В 1943–1944 годах был командиром партизанской группы в составе действовавшего в Литве партизанского отряда. В Вильнюсе вышел его первый сборник рассказов “Подснежник” (1956) и последующие сборники повестей и рассказов “Седой тополь” (1958), “Гуси-лебеди” (1960) и другие. Написал более 30 рассказов, очерков и десять повестей. Автобиографические повести писателю удавалось публиковать с большими задержками, с вынужденными купюрами и сокращениями (“Это мы, Господи!”, не окончена, 1943; опубликована посмертно в 1986; “Крик”, 1962; “Убиты под Москвой”, 1963).

⁷ Повесть “Одним дыханием”, написанная в 1949 году (впервые напечатана в сокращенном виде под названием “Последние хутора” в 1958), вышла в изд. “Советская Россия” в 1961 году и в последующем не переиздавалась.

предложить ее издательству Советский писатель Ответ телеграфте⁸ Шолохов.

/29.03.1954/

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, ф. 3146, оп. 1, ед. хр. 186).

6. М. А. Шолохов – В. П. Минко⁹

Дорогой Василь!

Извини, что не ответил сразу на твое письмо. Почти два месяца провалялся от проклятого вирусного гриппа.

Для “Зміны” в апреле пришлю небольшую главу. Что касается “Радянської України” – тут сложнее, и вот почему. Еще будучи в Киеве, я обещал “Правде України”. Им я дам кусок, а пока у меня больше готового для печати ничего нет. Всё – в работе, на правке. Сумею что-либо прислать не раньше июня-июля¹⁰.

В отношении матери, – невозможно установить местожительство ее деда на Черниговщине. Дело в том, что на Дон был вывезен ее дед с молодой женой, и теперь (после смерти всех стариков) установить ничего просто невозможно. Вместе с моим прадедом, купленным помещиком Поповым, было вывезено с Черниговщины, насколько я помню из рассказов матери, еще 14–16 семей. Одновременно с ними этот же помещик купил 2 или 3 семьи крепостных на Полтавщине и несколько семей в Воронежской губернии.

Повторяю, что установить точно сейчас абсолютно невозможно, т. к. нет ни каких-либо документов, ни живых свидетелей.

Приезду вашему с Олесем¹¹ буду сердечно рад. Только берите с собой и жинок; думаю, что им будет не менее интересно посмотреть на донские просторы.

Крепко обнимаю тебя, дорогой друг, и желаю здоровья, успехов!

22.3.55. Твой М. Шолохов

Впервые фрагмент: “Вітчизна”. Киев. 1965. № 5. С. 183 (в статье В. Минко “Брат по крови”).

Печатается по автографу (ГМЗШ, КП-11933).

⁸ На готовность М. А. Шолохова оперативно помочь в напечатании повести К. Д. Воробьев по неизвестным причинам откликнулся с запозданием. Только 28 декабря 1954 года он отправил в Вешенскую телеграмму: “Судьба повести одним дыханием не определилась убедительно прошу Вас помочь мне этом большое спасибо за телеграмму Воробьев Литовская ССР, г. Вильнюс, ул. Басанавичус, 16, кв. 6 Воробьеву К. Д.” (РГАЛИ, ф. 3146, оп. 1, ед. хр. 107).

⁹ Минко Василий Петрович (1902–1989) – украинский писатель. Выступил в печати с пьесами для самодеятельного театра в 1924 году, с 1927-го пишет очерки, рассказы, повести: “Белладона” (1929), “Ярина Черкас” (1936), “Над Хорол-рекою” (1949), “Ясные зори” (1951), сборник рассказов “Полная чаша” (1950), посвященные жизни послевоенной украинской деревни. Его сатирическая комедия “Не называя фамилий” (1953) обошла сцены многих театров страны.

¹⁰ Имеется в виду публикация в центральных украинских газетах фрагментов еще полностью не опубликованной второй книги романа “Поднятая целина”. В конце октября 1954 года М. А. Шолохов участвовал в работе III съезда писателей Украины. В выступлении на съезде, в частности, сказал: “Моя мать – украинка Черниговской области – с детства привила мне любовь к украинскому народу, к украинскому искусству, к украинской песне – одной из самых звучных в мире”. 31 октября 1954 года на страницах газеты “Радянська Україна” выступление М. А. Шолохова было опубликовано в виде статьи “Счастья тебе, народ украинский”.

¹¹ Олесь (Александр Терентьевич) Гончар (1918–1995) – украинский писатель, публицист, общественный деятель, которого с М. А. Шолоховым связывали дружеские отношения.

7. М. А. Шолохов – А. А. Кудряеву¹²

Дорогой т. Кудряев!

За дом, который мне начали строить еще до денежной реформы /взамен разбитого в 1942 г./, я все еще должен “астрономическую” сумму, и никакие издания меня пока еще не выручили из долгов... Вот почему не могу Вам помочь, а в сочувствии Вы не нуждаетесь, Вы – гордый.

С приветом М. Шолохов.

9. 6. 58 г.

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 487, л. 2).

8. М. А. Шолохов – Е. Е. Поповкину¹³

Москва Редакции журнала Москва¹⁴ Поповкину

Вешенской

*Рассказ я не помню¹⁵ пришли для ознакомления прочту как чужое тогда и будет добро или не добро обнимаю Шолохов
/07.05.1961/*

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, ед. хр. 45, л. 24).

9. М. А. Шолохов – Н. Е. Шундику¹⁶

Ответ Гл. редактору журнала “Волгарь” т. Н. Шундик на письмо от 6. VII. 66 г., в котором он просил опубликовать в журнале очерк В. Светозарова “Человек-легенда”¹⁷.

Дорогой мой редактор!

Во-первых, я – не легенда, а скорее веселый анекдот, а во-вторых, печатать очерк не стоит потому, что старик за 43 года многое перезабыл, ничего существенного не дополняет к тому, что уже известно, да еще вдобавок по

¹² Кудряев Аркадий Александрович – журналист, в письме к М. А. Шолохову представившийся “работником редакций Москвы”, выразил просьбу: “мне нужны взаимно 10–15 тысяч рублей”.

¹³ Поповкин Евгений Ефимович (1907–1968) – русский писатель. Автор романа “Семья Рубанюк” (1950), удостоенного Сталинской премии (1952). Главный редактор журнала “Москва” (1958–1968).

¹⁴ М. А. Шолохов входил в состав редколлегии журнала “Москва”.

¹⁵ Речь идет об одном из ранних рассказов М. А. Шолохова, с просьбой о разрешении на печатание которого обращался Е. Поповкин. В № 11 журнала “Москва” за 1961 год были напечатаны рассказы М. А. Шолохова “Илюха” и “Калоши”, которым предпослана редакционная врезка: “В будущем году литературным приложением к “Огоньку” выйдет собрание сочинений М. А. Шолохова. В него войдут некоторые ранние рассказы писателя, не известные широкому читателю, – они не переиздавались около тридцати лет”.

¹⁶ Шундик Николай Елисеевич (1920–1995) – прозаик, драматург. Один из создателей (1966) в Саратове литературно-художественного и общественно-политического журнала “Волгарь” (позднее назван “Волга”), который стал одним из лучших провинциальных журналов России. Был его главным редактором до 1976 года. В середине 60-х годов переехал в Москву, был избран секретарем СП РСФСР (1976–1978). С 1979-го по 1981 гг. возглавлял издательство “Современник”. Автор ряда романов и пьес, среди которых наиболее известен роман “Белый шаман” (1977), отмеченный в 1979 году Государственной премией РСФСР им. А. М. Горького.

¹⁷ Светозаров Виктор Алексеевич (1903–1982) – в 1920-е годы член литературной группы “Молодая гвардия”, в состав которой в 1923 году был принят по рекомендации В. Кудашова М. Шолохов. Член Союза писателей СССР с 1934 года. Автор рассказов и повестей. В 1961 году во владимирской газете “Призыв” был опубликован его очерк “Встречи с Шолоховым”. Предположительно именно этот очерк под названием “Человек-легенда” намеревался напечатать Н. Шундик в только что начавшем выходить журнале “Волгарь”, спрашивая на то разрешение у Шолохова.

старости лет еще и путает весьма изрядно. . . Такое мое мнение. Можно ему, не обижая, вежливо отказать. Парень он был хороший и – если остался таким же – в претензии не будет.

Знаю, что тебе тяжело с редакторством, а посему сочувствую, обнимаю и желаю “Волгарю” и тебе здравствовать.

Твой М. Шолохов

27. VII. 66 г.

Вешенская

Печатается по автографу (ГМЗШ, КП-18458/39).

10. Записка М. А. Шолохова – Н. В. Куценко¹⁸

Уважаемый т. Куценко!

Помочь не могу: я видел Довженко¹⁹ один раз и то мимоходом.

М. Шолохов.

10. 2. 70.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 2081, оп. 1, ед. хр. 211).

ПИСЬМА К М. А. ШОЛОХОВУ

1. А. В. Баранов²⁰ – М. А. Шолохову

Дорогой Михаил Александрович!

Прошу извинить за беспокойство моим письмом. Я знаю, что у Вас и без этого работы хватает, но надеюсь, что Вы выделите минуту времени на мое письмо. Так как мое письмо пишется мною в том самом месте, где рвутся мины, снаряды, где взрываются бомбы и строчит пулемет, одним словом, там, где наши русские, украинские, белорусские, казахские, узбекские и др. чудо-богатыри напористо и твердо держат фашистскую гадину. Вернее говоря, мое письмо со веселого места. Поэтому я прошу Вас принять мой боевой гвардейский привет.

В этом письме посылаю Вашу переписку²¹, которая мною была найдена на правом берегу р. Дона, не помню которого числа, но декабря месяца, х. Кутейникове Ростовской области²² при отступлении (вернее – горячего “латата” давали тогда) немцев²³.

¹⁸ Куценко Николай Владимирович – лицо не установленное.

¹⁹ Довженко Александр Петрович – выдающийся украинский кинорежиссер и писатель.

²⁰ Баранов А. В. – офицер Красной Армии, гвардии капитан, участник боев за освобождение большой излучины Дона.

²¹ “Перепиской” А. В. Баранов называет ряд документов и материалов из довоенного архива М. А. Шолохова, которые были найдены им во время боевых действий на Дону.

²² Сопоставление сведений, содержащихся в письме А. В. Баранова, с обстоятельствами военных действий на Дону зимой 1942 года дает возможность уточнить место и время обнаружения советским офицером части архива Шолохова. Речь идет о хуторе Кутейникове Селивановского (ныне – Милютинского) района, который расположен примерно в 80 километрах от Вешенской на правом берегу Дона. Как известно, правобережье Дона в течение почти полугода было оккупировано немецко-фашистскими войсками. Остается загадкой, каким образом, чьими усилиями рукописи и документы Шолохова были перемещены из станицы Вешенской, где 8 июля 1942 года дом писателя был разбомблен, в хутор Кутейников, находившийся в тылу у немцев. Не исключено, что эта акция могла быть совершена в соответствии со специальным заданием немецкого командования.

Пока что крайне ограничен круг сведений и о гвардии капитане А. В. Баранове, его расширение позволило бы приблизиться и к разгадке тайны “Кутейниковско-го” фрагмента архива Шолохова.

Эта переписка много кое-чего видала. Я ее хранил любовно почти полгода и решил отправить Вам²⁴.

Итак, крепко жму Вашу руку,
гвардии капитан А. В. Баранов.
Полевая почта 06689.
6 апреля 1943 года.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 641, л. 118).

3. И. С. Макарьев²⁵ — М. А. Шолохову

Норильск, 8/IV—43 г.
Михаил!

Вчера я досрочно освобожден решением Особого Совещания НКВД и первый раз вышел за проволоку.

Писать тебе эти 7 лет не имел возможности. Теперь ее имею.

Семь лет — это много, и я не знаю, как ты отнесешься к этой записке. Мне хочется написать тебе письмо размером с “Тихий Дон”, но сейчас я из-за времени (товарищ уезжает срочно) ограничиваюсь несколькими строками.

Они — вот о чем.

Я никогда не был ни в чем виноват. Семь лет вычеркнуты из жизни зря.

Задачей жизни ставлю сейчас — полную реабилитацию, снятие с себя всякого пятна в прошлом, возможности попасть туда, где должен быть каждый — на фронт.

Прошу мне в этом помочь. По опыту вешенских “хлебозаготовителей”, которых ты спасал от расстрела, по опыту старика, которого в свое время угна-

²³ О том, насколько стремительным был натиск советских войск, свидетельствуют, в частности, воспоминания одного из участников тех событий генерал-полковника А. С. Желтова: “Героический подвиг совершил личный состав 17-го гвардейского танкового полка 1-го механизированного гвардейского корпуса. Действуя по тылам врага, полк 23 декабря 1942 года. — Ю. Д.) под хутором Хлебинским смело вступил в схватку с превосходящими силами противника, дерзкой атакой разгромил их, при этом пленил штаб немецкого пехотного полка. Военный совет фронта представил полк к награждению орденом Красной Звезды, а его командира полковника Т. С. Позолотина — к присвоению звания Героя Советского Союза” (Операция “Малый Сатурн”. Ростов-на-Дону. 1973. С. 120).

²⁴ В архиве не обнаружены конверт или пакет, в котором А. В. Баранов отправил Шолохову его документы. Но нетрудно предположить, что в выборе адреса он поступил так же, как и многие бойцы и командиры Красной Армии, обращавшиеся в годы войны к писателю. На конвертах чаще всего стояла надпись: Москва, Союз писателей, Шолохову.

²⁵ Макарьев Иван Сергеевич (1902—1958) — литературный критик, автор книги “К прошлому нет возврата: О романе М. Шолохова “Поднятая целина” (М.: Сов. писатель, 1934). Один из руководящих деятелей Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей, позднее — Российской ассоциации пролетарских писателей. В 1929 году после появления в газете “Большевицкая смена” (Ростов-на-Дону) статьи Н. Прокофьева “Творцы чистой литературы”, в которой автор “Тихого Дона” обвинялся “в пособничестве кулакам и антисоветским лицам”, по поручению руководства СКАПП И. Макарьев проверял достоверность этих обвинений. Об этом Шолохов сообщал в письме Е. Г. Левицкой от 14 октября 1929 года: “Со дня на день жду товарища из Ростова (члену крайкома Макарьеву скаповцы поручили расследовать эту чертовщину)” (М. А. Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 49). Результаты проверки были сообщены в газете “Большевицкая смена” за 5 ноября 1929 года в публикации под названием “Против клеветы на пролетарского писателя”, где, в частности, утверждалось: “Выдвинутые против тов. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой, и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось”. Сообщение подписано: “Правление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей”. В 1936 году И. Макарьев был осужден. По некоторым сведениям, Шолохов добивался оправдания И. Макарьева, безрезультатно обращаясь непосредственно к наркому внутренних дел Н. И. Ежову. По всей вероятности, досрочное освобождение, о котором сообщает И. Макарьев, не состоялось. Он вернулся из заключения в Москву лишь в декабре 1955 года, проведя в лагерях 19 лет. В 1958 году покончил жизнь самоубийством. Публикуемое письмо до Шолохова не дошло. Направленное в Союз писателей СССР, оно в конце концов оказалось в Российском государственном архиве литературы и искусства.

ли в лагеря, — ты знаешь, что такие истории, какая произошла со мной, бывают, особенно учитывая, что произошла она в 1936–37 гг.

Мне кажется, что ты единственный, у кого хватит смелости мне помочь. А ее здесь надо проявить.

Если ты вмешаешься в дело, я почти ручаюсь за положительный исход. Заявления, идущие обычным путем, не доходят или угрождаются канцеляриями.

Я прошу у тебя не доверия ко мне, хотя ты знаешь, что я перед тобой кривить душой не стану, а вот чего:

Я пошлю тебе подробное описание того, как это все произошло, и формальное заявление. Прочти все это и решай сам, что делать и можешь ли ты что-либо сделать. Я послал бы все это и сейчас, но сейчас уходит последний самолет, а я только вчера вышел из лагеря.

Если ты не забыл меня и тебя интересует вопрос, был ли я сукиным сыном или нет, — прошу по получении этой записки телеграфировать мне только одно слово: “присылай” и свой адрес.

Мой адрес: пос. Норильск Красноярского края, контора цеха спецработ. Макарьеву Ивану Сергеевичу.

Хотел бы крепко тебя обнять, по-мужски поговорить и назвать тебя по-прежнему другом.

И. Макарьев.

Пишу коряво, т. к. повреждена правая рука, в одной баталии, которая явилась причиной моего досрочного освобождения. Как видишь, — везде фронт.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 641, л. 117–117 (оборот)).

4. В. Королев²⁶ – М. А. Шолохову

Добрый день, Михаил Александрович!

Привет из Красной Армии! Вторично решил обратиться к Вам. Но теперь пишу при совершенно иных обстоятельствах, чем было 5 лет тому назад. Ваше участие помогло мне в то время реабилитировать себя от несправедливых обвинений и неожиданно в ноябре 1939 года освободился, после чего и до самой мобилизации в армию работал председателем районной артели. Теперь уже с лишним год в Красной Армии, и в теперешнем году снята всякая судимость. Так что имею возможность чувствовать себя на положении равноправного. . .

²⁶ Королев В. — личность не установлена. Судя по содержанию письма — житель станции Вешенской, один из репрессированных в 1937–1938 годах по так называемому “Вешенскому делу” (М. А. Шолохов).

²⁷ Упоминание в письме о “Петре Кузьмиче” не случайно. Имеется в виду общий знакомый Шолохова и В. Королева П. К. Луговой (1904–1964) — партийный и советский работник, с 1930-го по 1945 год — секретарь Вешенского райкома ВКП(б). В этот период особенно близко сошелся с Шолоховым, благодаря чему имел возможность наблюдать за его творческой работой. Автор ценнейшей книги воспоминаний “С кровью и потом” (Ростов-на-Дону, 1991 г.). 6 июня 1937 года П. К. Луговой вместе с председателем Вешенского райисполкома Т. А. Лозгачевым был арестован. Следственные органы добивались от них сведений, компрометирующих М. А. Шолохова. Шолохов предпринял отчаянные усилия для того, чтобы спасти друзей. Лишь прямое обращение к Сталину — в сентябре 1937 года он в течение полутора часов беседовал с Генсеком — привело к тому, что вешенские руководители были освобождены, восстановлены в партии и на прежней работе. Однако множество людей, арестованных по тому же делу, продолжали находиться в местах заключения. Шолохов 16 февраля 1938 года вновь обратился к Сталину с большим письмом, в котором, в частности, сообщал: “Луговой и остальные вешенцы благодаря Вашему вмешательству освобождены, а сотни других коммунистов, посаженных врагами народа и партии, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылке. Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин! Не может быть такого положения, когда, к примеру, Луговой освобожден и восстановлен в партии, а те, кто арестован и осужден “за связь с врагом народа Луговым”, все еще страдают и несут незаслуженное наказание” (М. А. Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 184). Однако и после этого письма многие осужденные оставались в заключении. Очевидно, потребовалось отдельное обращение Шолохова в органы НКВД для того, чтобы добиться освобождения В. Королева.

Но одно обстоятельство не оставляет меня в покое. Будучи судим, был исключен и из партии. . .

По этому поводу Вас и прошу, как человека стоящего близко к Центральным органам нашей партии. Прошу узнать и, если не обременит, сообщить мне, могу ли я надеяться на восстановление.

О донских станицах из печати много кое-что пришлось слышать, а вот сколько ни стремился узнать о Вешенской, так ничего не удалось узнать. Однако хотелось бы. Есть ли связь с Петром Кузьмичем²⁷, где он и как здравствует. . .

С товар. приветом В. Королев
23. 5. 43.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 641, л. 99–99 (оборот)).

5. В. В. Вишневский²⁸ – М. А. Шолохову

Дорогой товарищ Шолохов!

С 5 по 16 октября с. г. я был в командировке в Германии. Было поручено выступить на Первом съезде советских писателей²⁹.

Командировка потребовала посещения города Веймара. Там домик Гете, его могила, памятник и т. д. В Веймаре, когда я беседовал с представителями нашей военной администрации, ко мне подошел гвардии подполковник Никкельберг Г. Л. Он вручил мне пакет на Ваше имя.

“Товарищ Вишневский, я работник особых органов. В 1942 г. во время боевых действий на Дону мне пришлось при задержании одной гражданки отобрать у нее рукопись. Я уверен, что эта рукопись принадлежит тов. Шолохову. По-видимому, это один из черновиков “Тихого Дона”. Сверка с книгой подтвердила мои предположения. Пять лет я держу эту рукопись у себя. Сейчас, пользуясь встречей с Вами, я хочу ее вместе со своим личным письмом послать тов. Шолохову”.

И рукопись, и письмо гвардии подполковника я охотно взял. По прибытии в Москву пересылаю все это Вам³⁰. Я прошу Вас дать ответ и гвардии подполковнику и мне о получении писем и пакета³¹. Шлю Вам добрые пожелания и свой привет.

Машинописная копия. Б. д. Дата установлена по штемпелю на конверте – 22.10.1947 (РГАЛИ, ф. 618, оп. 13, е. хр. 57, л. 73).

²⁸ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – русский писатель, драматург, прозаик. Автор знаменитых пьес “Первая конная” (1929), “Оптимистическая трагедия” (1933) и др. В послевоенные годы (с 1947 г.) – главный редактор журнала “Знамя”. В июле 1947 года на XI пленуме Правления СП СССР избран заместителем Генерального секретаря ССП.

²⁹ Имеется в виду Первый съезд немецких писателей, состоявшийся в Берлине 5–10 октября 1947 года. В работе съезда принимала участие делегация советских писателей в составе: Вишневский В. В., Горбатов Б. Л., Катаев В. П.

³⁰ Факт получения Шолоховым пакета, отправленного В. В. Вишневским, подтверждал известный шолоховед В. Н. Запевалов, имевший возможность беседовать с М. П. Шолоховой и знакомиться с архивом писателя, хранящимся в Государственном музее-заповеднике М. А. Шолохова. В. Н. Запевалов свидетельствует о том, что “Г. Л. Никкельберг пересылал Шолохову 27 листов черновой рукописи шестой части “Тихого Дона”. Сопроводительное письмо особых органов, датированное 11 октября 1947 года, хранилось в личном архиве М. П. Шолоховой” (Запевалов В. Н. Рукописи “Тихого Дона” в Пушкинском Доме // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб: Наука, 1995. С. 9–10). Упомянутый фрагмент рукописи “Тихого Дона” (27 листов) вместе с другими частями рукописи романа, чудом уцелевшими в огненном вихре Великой Отечественной войны (всего 137 листов), в июне 1975 года был передан Шолоховым на постоянное хранение в Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

³¹ Письма Шолохова В. В. Вишневскому и подполковнику Г. Л. Никкельбергу не известны.

6. А. Т. Твардовский³² – М. А. Шолохову

*Вешенская Ростовской области
Шолохову Михаилу Александровичу
Дорогой Михаил Александрович умоляю сообщить примерные сроки
представления рукописи³³ тчк крепко жму руку
Твардовский
2.12.1950 г.*

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, ф. 1702, оп. 4, ед. хр. 162, л. 1).

7. Н. С. Родионов³⁴ – М. А. Шолохову

*Милый, милый и дорогой друг Михаил Александрович, друг всего живого
и настоящего, друг нашего общего большого дела!*

Наконец, закончено наше издание – первое полное (академическое) издание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томов и 3000 печ. листов.

... Я никогда не забуду, как Вы помогли нашему делу и оказали моральную поддержку в один из трудных моментов его жизни³⁵.

³² Твардовский Александр Трифонович – русский поэт, редактор журнала “Новый мир”.

³³ Имеется в виду рукопись глав романа “Они сражались за Родину”, на получение которой очень рассчитывал назначенный в 1950 году редактором журнала “Новый мир” А. Т. Твардовский.

Телеграмме, очевидно, предшествовала устно или письменно выраженная готовность М. А. Шолохова опубликовать фрагмент романа в “Новом мире”. Однако публикация не состоялась.

³⁴ Родионов Николай Сергеевич (1889–1960) – литературовед, ответственный работник Гослитиздата, член Государственной редакционной комиссии по изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, которое, как известно, начало издаваться в 1928 году по решению Советского правительства. В 1950-е годы комиссию возглавлял А. Фадеев, а в ее состав, помимо Н. С. Родионова, входили Н. Н. Гусев, Ф. М. Головенченко, В. С. Кружков, М. А. Шолохов. Последний, 90-й том, собрания сочинений вышел в 1958 году, что и побудило Н. С. Родионова обратиться к Шолохову.

³⁵ Н. С. Родионов имеет в виду позицию М. А. Шолохова, занятую им в полемике, которая развернулась в 1950 году в редакционной комиссии по изданию ПСС Л. Н. Толстого. Речь шла о принципах издания произведений Л. Н. Толстого. Часть членов комиссии во главе с А. А. Фадеевым настаивала на необходимости корректуры, а то и изъятия определенных фрагментов произведений Л. Н. Толстого. В апреле 1951 года А. А. Фадеев в письме Н. С. Родионову определял свои взгляды в этом отношении следующим образом: “Многие члены Комиссии и я в том числе, при всех их и моем глубоком уважении к литературному наследству Л. Н. Толстого и его памяти, усомнились в возможности публикации некоторых из его произведений, носящих с точки зрения наших коммунистических взглядов открыто реакционный характер, являющихся прямой пропагандой религии (хотя бы в особом, своем толстовском понимании).

Мы уже говорили с Вами неоднократно о трудностях, которые вызвало бы, в частности, опубликование известной Вам части “Азбуки” Л. Н. Толстого. Также кажется нам неприемлемым опубликование тех мест из дневника Толстого, которые содержат такие же взгляды в их прямом и реакционном, с нашей точки зрения, выражении, и мест, связанных с такими интимными сторонами жизни Л. Н. Толстого, которые могут породить у читателя совершенно неправильное мнение о нем” (Фадеев А. А. Собр. соч. в 7 т. Т. 7. М., 1971. С. 285).

М. А. Шолохов твердо отстаивал иную позицию, о смысле которой можно судить по его телеграмме директору Государственного издательства художественной литературы А. К. Котову от 30 сентября 1950 года: “Мой дорогой друг, заседании быть не могу. Я за полноценное издание Толстого. Передай мой низкий поклон Родионову, его супруге. Обнимаю. Твой Шолохов” (М. А. Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 278).

По содержанию телеграммы можно судить о том, что М. А. Шолохов с глубоким уважением относился к Н. С. Родионову. В декабре 1949 года он обратился с официальным письмом как депутат Верховного Совета СССР к министру социального обеспечения РСФСР Сухову: “Горячо поддерживаю ходатайство Гослитиздата о назначении персональной пенсии т. Родионову Н. С. Думаю, что один из душеприказчиков величайшего из писателей мира не только имеет, но обязан иметь это право, особенно в нашей стране” (М. А. Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 268).

Совершенно необходимо, чтобы об этом же именно теперь громко на весь мир сказал свое слово такой человек, которого тоже по всему свету услышат все народы, борющиеся за мир во всем мире.

И такой человек только Вы, дорогой наш Михаил Шолохов.

Вот в силу поручения, завещанного мне “стариками”, я и обращаюсь к Вам с ходатайством, чтобы Вы написали о нашем издании, являющемся полным источником для изучения Толстого, статью в “Правде”.

... Большую часть времени теперь я нахожусь не дома, ... а в Лаврушинском переулке, в Пришвинской квартире. Там я помогаю в работе своему старинному другу В. Д. Пришвиной³⁶ над архивом Михаила Михайловича и над собранием его сочинений, шестой, последний том которого с неопубликованными произведениями и дневниками скоро выйдет. Искренно преданный Вам Н. Родионов 23/II—1958 г.

Печатается по рукописной копии (РГАЛИ, ф. 2532, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1–2).

8. К. Л. Зелинский³⁷ – М. А. Шолохову

[1954]

Дорогой Михаил Александрович!

Позвольте привлечь Ваше внимание к предмету, который, думается, не может быть Вам чужд как русскому писателю и сыну народа. Речь идет о литературном наследии Сергея Есенина. Что-то странное творится с ним. Кажется, все делалось до сих пор для того, чтобы замолчать и забыть поэта. Но память о нем не умирает в народе. И стихи Есенина – одни из тех немногих поэтических созданий, которые, подобно самим народным песням, не нуждаются в особой пропаганде и распространении. Их помнят и любят и так. Можно сказать, сам народ отредактировал Есенина. Небезынтересно, что на XIX съезде партии³⁸ вышедший в то время маленький сборничек стихов Есенина³⁹ был раскуплен делегатами в количестве восьми тысяч экземпляров.

Лучшие стихотворения Есенина выдержали проверку временем. Доказательством этого может служить тот факт, что для гослитиздатовской антологии “Русская советская поэзия” редакция отобрала примерно такое же количество Есенинских строк, как и Маяковского. Значит, “отобралось”. В то же время в общественном мнении, в критике Есенин как бы не существует. Его стихи фактически запрещены для исполнения по радио, чтцы в клубах и на эстраде тоже лишены права устраивать вечера Есенинских стихов, можно только в “смеси” с другими поэтами. Более чем за четверть века о Есенине не появлялось ни одной серьезной критической статьи. Выходящие сборники не рецензируются. Даже А. Фадеев в своей речи на последнем, XIII, пленуме ССП⁴⁰, называя имена писателей, составляющих ближайшее наследство советской литературы, ближайшую ее традицию, исключил Есенина, а ведь в этом списке было названо свыше сорока имен. Почему, скажем,

³⁶ Пришвина Валерия Дмитриевна – жена М. М. Пришвина.

³⁷ Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) – литературовед и критик, активный участник литературно-групповых взаимоотношений 1920-х годов. Один из идеологов созданного в 1924 году “Литературного центра конструктивистов”. Идеологическая платформа ЛЦК изложена К. Л. Зелинским в книге “Поэзия как смысл” (1929). В 1930 году выступил с критикой концепции конструктивистов. В 1932 году был введен в состав вновь созданного журнала “Литературоведение и критика”. С 1939 года – сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького. В 1950–60-е годы активно занимался изучением и пропагандой творчества С. А. Есенина. Принял участие в подготовке первого после более чем тридцатилетнего перерыва пятитомного собрания сочинений поэта (Есенин С. А. Собр. соч. Т. 1–5. М., 1961–1962). Вступительные статьи к этому изданию, а также к последовавшему за ним в 1966–68 годах были написаны К. Л. Зелинским.

³⁸ XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза состоялся 5–14 октября 1952 года.

³⁹ Имеется в виду сборник: Есенин С. Избранное. М., 1952.

⁴⁰ XIII пленум правления Союза писателей СССР состоялся 25 января – 2 февраля 1950 года. А. А. Фадеев выступил на пленуме с докладом “О задачах литературной критики”.

Дурды Клыч⁴¹ – это гордость всей советской литературы, а Есенин нет? Не буду сравнивать имена. Мне кажется, что неблагоприятная репутация Есенина является результатом того, что к ней еще лет тридцать тому назад приложили руку люди, враждебные нашей культуре, космополиты, чуждые национальным истокам Есенинской поэзии, и многие до сих пор повторяют обывательские представления о поэте как о каком-то якобы буржуазном декаденте и т. п. Ведь никто до сих пор не занялся научным исследованием наследия Есенина. Нет ни одной диссертации о поэте. Когда я для своей работы пошел по архивам, с целью ознакомиться с есенинскими материалами, то оказалось, что за четверть века моя фамилия была первой в архивных карточках. Это значит, что никто даже не поинтересовался заглянуть в эти материалы. А ведь они во многом совершенно опрокидывают прежние представления о Есенине.

В своей работе я натолкнулся и на другое: издательства почти и слышать не хотят о том, чтобы издать какую-нибудь книгу о Есенине. Ответ: несвоевременно. Почему? Я не могу этого понять. Я считаю, что нельзя построить сколько-нибудь полной истории советской литературы, вычеркнув оттуда Есенина. Для науки не существует табу. Наука исследует предмет таким, как он есть. Именно так я стремился подойти к Есенину, а вовсе не для того, чтобы возвеличивать отсталое в поэте!

Я чувствую потребность, Михаил Александрович, сказать Вам несколько слов, почему я пришел к теме Есенина и какое место она заняла в моей душе. Я прожил сложную литературную жизнь. Были годы (впрочем, тому уже тоже четверть века), когда урбанистские увлечения брали верх над органическим ощущением народной жизни. Не буду Вам рассказывать, какими путями я давно пришел к глубокому убеждению, что не только головой, но и сердцем должен каждый литератор, если он взялся за сие многотрудное дело, понимать и ощущать простую жизнь простого русского человека. И Есенин один из тех, кто дал мне глубже и правдивее, чем кто-либо другой, ощутить, как “отмучивался” русский человек от того печального, что было в его жизни, во имя того, чтобы жизнь стала ясной, прекрасной, брызжущей “буйством глаз и половодьем чувств”. Есенин один из тех, кто после Чехова показал нам, как много стыдливо-нежного и изумительно поэтического томится в душе русского человека и какая необыкновенная душа живет в том необозримом, до краев наполненном человечностью и задуманном самой историей для великих свершений, что мы называем Русью.

На будущий, 1955 год приходятся две Есенинские даты: шестидесятилетие со дня рождения /4 октября/ и тридцатилетие со дня смерти /27 декабря/. Хотелось бы, чтобы эти даты были поводом, зацепкой, чтобы привлечь общественное внимание к чудесному русскому советскому поэту. Я ни о чем не прошу Вас. Если не безразличен Вам этот поэт, Вы сами найдете форму или способ, как открыть для него ворота общественного признания, как покончить, наконец, с тем обидным и для поэта, и для читателя, и для всей нашей литературы положением, при котором имя Есенина оказалось “неудобнопроизносимым”.

Посылаю Вам свою небольшую работу о Есенине, которую мне хотелось бы увеличить до размеров – пусть небольшой книжки о поэте.

Нечего и говорить, как я Вам буду благодарен, если Вы мне пришлете хотя бы самое коротенькое мнение о статье⁴².

Печатается по машинописной копии. Б. д. Дата, 1954 год, установлена по содержанию письма (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 435, л. 1–3).

⁴¹ Дурды Клыч (1886–1950) – туркменский народный поэт, сказитель.

⁴² Ответ М. А. Шолохова К. Л. Зелинскому неизвестен. Однако известна его реакция на сообщение критика. 4 февраля 1955 года М. А. Шолохов направил письмо директору Государственного издательства художественной литературы А. К. Котову, в котором, в частности, писал: “Дорогой т. Котов! А почему бы не издать книжку о Есенине? Большой русский поэт, и о нем – ни слова. Пересылаю рукопись Зелинского. Ознакомьтесь с ней и подумайте там, у себя, в Гослитиздате, – быть может, стоит издать? Во всяком случае, прошу поговорить с автором. На мой взгляд, работа его заслуживает внимания” (цит. по: Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 300).

9. К. Л. Зелинский – М. А. Шолохову

Переделкино, 25.5.1965 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Смотрел я на экране телевизора, как праздновали Ваше 60-летие. Хотелось Вас поздравить, но не пригласили. И вспоминался мне другой Шолохов. Молодой, очень скромный, прятавшийся за спинами других писателей. Было это в октябре 1932 года, на встрече у Горького со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Постышевым⁴³. У меня сохранилась запись об этом вечере. Мы все теснились к Сталину, каждому хотелось ввернуть свой вопрос, а Вы нет. И Сталин все время искал Вас. Помню и его разговор с писателями о Григории Мелехове. Эта фигура не типична для всего русского крестьянства – говорил Сталин. Это казак. А средне-русский крестьянин не мог еще командиром белой дивизии. Тогда еще четвертая книга не была написана.

В моей жизни “Тихий Дон” сыграл огромную роль. Было у меня однажды огромное горе: заболел старший сын туберкулезом. Он уже умер теперь. И, помню, дошел я, читая Ваш роман, до того места, где Аксинья гонит гусей домой: “Тега, тега, гуси серые, домой, не пора ли вам наплаваться, мне девчоночке наплакаться”. И как-то слилось мое горе с горем Аксиньи. И слезы невольно полились из моих глаз.

Спасибо Вам, Михаил Александрович, за веру в людей, за любовь к ним и за широту взгляда. Радуюсь Вашему изумительному таланту. Читаешь Вас и точно стоишь на горе над рекой. Несет эта река свои полные воды, несет неудержимо... Как жизнь сама...

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 435, л. 4).

10. С. С. Наровчатов⁴⁴ – М. А. Шолохову

Дорогой Михаил Александрович!

Образу “ворошиловских стрелков” – Вы придали поистине всенародное значение, и я сердечно благодарен Вам за это. Надо сказать, что такое развитие образа пришло в голову и мне: в речи на конференции я сказал и о пу-

⁴³ Встреча писателей с членами Политбюро ЦК ВКП(б) состоялась 20 октября 1932 года на квартире у А. М. Горького на ул. Малая Никитская.

⁴⁴ Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) – русский поэт, публицист, литературовед. С 1974 года – главный редактор журнала “Новый мир”.

Письмо явилось реакцией на выступление Шолохова на XXIV съезде КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 года), в котором, в частности, было упомянуто и имя С. С. Наровчатова. Однако это упоминание не имело какого-либо оценочного характера. Шолохов использовал лишь некоторые образы-сравнения, которые Наровчатов употребил в своей речи на состоявшейся незадолго до съезда Московской городской партийной конференции: “ворошиловские стрелки”, “ушла пуля за молоком”. Шолохов обратился к этим образам для того, чтобы ярче выразить свою озабоченность качеством современной литературы. Приводим фрагмент выступления Шолохова: “Поговорим о тех, кто достоин доброго внимания, поговорим о деле. Секретарь московской писательской организации Сергей Наровчатов на Московской городской партийной конференции недавно сказал, что снайперов среди нас, писателей, не так уж много, но у нас немало ворошиловских стрелков, которые составляют костяк организации. Таков, примерно, смысл его верного, поэтического сравнения. Но Наровчатов не сказал о том, что среди стрелков есть изрядное число и таких, которые не только в “яблочко” или в “девятку” не попадают, а не попадают вообще в мишень.

Про такие выстрелы солдаты говорят: “Пошла пуля за молоком”. И странные вещи происходят на литературном стрельбище: пуля, миновавшая мишень, подобно бумерангу, возвращается к стрелку-мазиле, но не поражает его, а и вправду приносит ему если не молоко, то авторский гонорар “детिशкам на молочишко”.

Положение было бы еще терпимо, если бы стрелки-мазилы стреляли пореже, не беглым огнем и не навскидку. Но не так уж редко зря расстреливаются дорогие патроны, и ущерб, иногда значительный, терпит прежде всего наш читатель. Однако попробуй удали такого стрелка со стрельбища. Он утверждал, что находится на действительной писательской службе, всех уверяет, что он обещающий стрелок, что следующим выстрелом непременно поразит мишень. А сам и не думает об этом, ему и без попаданий живется отлично!”.

лях, отправляющихся “за молоком”, и о возвращающихся рикошетом обратно. Но в ТАССовской публикации, помещенной в центральных газетах, этот кусок выпал и остался лишь сам образ. Я нимало об этом теперь не жалею — Вы развили его остроумнее и шире, чем было у меня. Здесь показательна лишь синхронность мышления.

Когда Вы назвали мою фамилию, я, памятуя Ваши прежние выступления в адрес некоторых братьев-писателей, совершенно явственно почувствовал, что сердце покатило вниз. К счастью, все обошлось, как нельзя лучше. Но если бы Вы даже обложили меня на чем свет стоит, если бы изругали насмерть, то — говорю откровенно — я отнесся бы к этому так, как, встретившись с большой рекой, ну, хотя бы с Волгой, я бы стал тонуть. Волгу винить бессмысленно, а себя винить поздно. Вы для меня нечто вроде Волги: явление, принадлежащее уже не литературе, а самому народному естеству! Вам ближе Дон, но я родился на Волге и исхожу из своих реалий.

Добавлю еще одно: в нарушение привычных норм партийной и советской демократии, Вы для меня вне критики. Улыбнитесь над этим признанием, но это так. А от Вас любой совет, критический и некритический, я немедленно применю к делу.

Еще раз благодарю Вас за внимание.

Ваш Сергей Наровчатов

P. S.

Если Вас не затруднит, черкните мне две-три строчки, что Вы получили мое письмо⁴⁵.

Адрес: Московская городская ор-я здесь на съезде.

Печатается по автографу. Б. д., дата устанавливается по содержанию письма — предположительно: 1–6 апреля 1971 года (ГЛМ, ф. 364, оп. 1, № 221).

⁴⁵ Известен ответ Шолохова на письмо С. С. Наровчатова:

“Дорогой Сергей!

Письмо получил. Крепко обнимаю, и в помыслах не было взволновать тебя или как-то потревожить!..

Твой М. Шолохов. 6.4.71” (Цит. по: М. А. Шолохов. Письма. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 412).

Содержанием публикуемого письма С. С. Наровчатова интересовались исследователи судьбы и творчества Шолохова. Так, В. В. Петелин в комментарии к записке Шолохова С. С. Наровчатову заметил: “Что написал С. Наровчатов М. Шолохову — установить пока не удалось” (Михаил Шолохов. Письма 1924–1984. Жизнеописание в документах. Составитель В. В. Петелин. М.: Советский писатель, 2003. С. 504).

Однако, поскольку письмо С. С. Наровчатова не было опубликовано, по поводу его подоплеки и мотивов, побудивших к его написанию, были высказаны различные предположения. В сборнике писем Шолохова, подготовленном в ИМЛИ, выражено мнение о том, что выступление Шолохова на съезде “видимо, его (С. С. Наровчатова. — Ю. Д.) задело” (с. 413). В. В. Петелин высказал иную догадку: “Возможно, в этой скрытой полемике (содержащейся в выступлении на съезде Шолохова. — Ю. Д.), и довольно острой, Наровчатов увидел некую опасность для себя — как раз в это время его кандидатуру рассматривали на пост главного редактора “Нового мира”. Но опасения были напрасны: С. С. Наровчатов был утвержден в этой роли” (упомянутый сб., с. 504). Публикация письма С. С. Наровчатова позволяет внести ясность в один из многочисленных эпизодов отношений Шолохова с писателями-современниками.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖИВУЩИЙ В СВОЕМ НАРОДЕ

Что такое “народность” в поэзии? Что такое “народный поэт” — я имею в виду не официальное звание, а сущность? А есть ещё в обиходе слово того же корня — “простонародный” — являются ли они синонимом слову “народный”? И каковы все эти понятия — мировоззренческие? социальные? национальные? Или просто лексические? А если к слову “поэт” прирастает эпитет “народный”, то что это значит? Означает ли это, что поэт одновременно становится “великим”, “гениальным”, “популярным”? Или это слово носит в себе особый, лишь ему присущий смысл?..

Вот о чём я думал, читая стихи поэта из Омска Юрия Перминова. Является ли “народным” поэт Борис Пастернак? Если искренне признаться себе, что его стихи 20–30-х годов из книги “Сестра моя, жизнь” или поэмы “Спекторский”, “Высокая болезнь”, “1905 год” не стали (и уже никогда не станут) любимыми у читателя, который знает и любит пушкинское — “У лукоморья дуб зелёный” или “Буря мглою небо кроет”, то, конечно, Бориса Леонидовича “народным” не назовёшь, несмотря на его клятвенное “нельзя в конце не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту”. (В простоту “впасть” нельзя, с ней надо родиться.) Другие высокие эпитеты, согласен, окружают его имя, “прилипают” к нему, а “народный” почему-то не прилипает, хотя поэт отчаянно стремился в предвоенное время (март 1941 года) в книге “На ранних поездах” не то чтобы “стать своим”, но просто раствориться в стихии народности:

*Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.*

*В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.*

*Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всём разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведённые, врасос.*

Спасибо Пастернаку, что он в 1941 году, когда, по мнению нынешних идеологов демократии, советская власть сделала всех людей “винтиками”, бездушными серыми роботами тоталитаризма, впадшими от страха перед репрессиями в рабство, засвидетельствовал, что они, дети простого народа, были творцами своей судьбы...

Но, присягнув в любви к народу, Борис Леонидович всё-таки народным поэтом не стал, поскольку смотрел на народ хоть и с обожанием, но со стороны.

Юрий Перминов не “обожает”, не “боготворит” народ. Общение с народом рождает у поэта иные, более естественные чувства, лишённые ханды и экзальтации:

*Наш посёлок — солнечный скворечник
и моя остатняя судьба...*

*На отшибе нынешней — кромешной
суеты, оглохшей от себя,
вдалеке от офисов, лукавства,
от борделя с видом на тюрьму
наш посёлок — светлое лекарство,
что врачует нынешнюю тьму,
потому что ходят*

*друг за дружкой
с миром дни и ночи — не с тоской;
может, потому, что деревушкой
был он —*

наш посёлок городской.

Стихотворение, на первый взгляд, незамысловатое, но на фоне тотальной неприязни нынешней элиты и послушных ей СМИ к нынешнему простонародному, полунищенскому быту, на фоне злобной иронии высокомерного снобистского осуждения “бездельников”, “лодырей”, “алкашей”, бомжей, на фоне бесчеловечных откровений олигархов, кровных Чубайсу, на фоне европрессы, осуждающей всякого рода тоталитаризм и патернализм, — это стихотворение становится чуть ли не религиозной заповедью поэта.

Юрий Перминов зорко замечает искорки добра и совести в жителях посёлка, искорки, унаследованные от советских времён, когда посёлок был ещё деревней. Поэт не смотрит на этот быт сверху или со стороны, он сам ощущает себя частью этой жизни, а эта жизнь поддерживается его собственным существованием. Люди, населяющие его посёлок, — для него все — родня. И близкая, и далёкая, и кровная, и душевная.

Когда я прочитал рукопись книги Юрия Перминова “Солнечный скворечник”, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих поговорок: “Жизнь прожить — не поле перейти”. И наш поэт не перешёл бы это бескрайнее поле, если бы не нащупал связи с миром, родным ему.

Конечно же — первая и главная связь — с родимой матушкой.

“С Богом, сынок, иди, с Богом, сынок, возвращайся!” — каждое утро мама мне говорит...”, “Свет пропекает до сердца из маминого окна”...

А вслед за матерью на страницах книги возникают очертания других близких людей.

“Я, грешный, бабулю не видел давно”, и поселковый блаженный — для поэта тоже не чужой человек:

*Рассвет — как друг — нашёптывает, дескать,
стряхни печаль, о суетном —*

молчок...

*“Христос воскрес!” — солнечно, по-детски
приветствует посёлок дурачок:
в глазах — восторг, щебечет сердце птичкой
непуганой... Воистину воскрес!*

*Блаженный Ваня — крашеным яичком
любуется, как чудом из чудес.*

*Никто не знает — кто он и откуда,
но прижилась у нас не с кондачка
примета незатейливая: худа
не будет,
если встретить дурачка, —
ни днём, ни ночью горя не случится...*

*Нет у него ни страха, ни “идей”...
Кого он ищет, всматриваясь в лица
Любимых им, затюканных людей?..
И ничего ему не надо, кроме
Любви!..*

*Раскрыл, блаженствуя, суму,
и, преломив горбушку хлеба, кормит
небесных птиц,
слетающих к нему...*

В этом же родном поэту ряду живёт и “кладбищенский бомж”, и “старушка, тихая как белка”, и тётки “в пимах”, торгующие молоком, и даже к петрушке, зеленеющей возле “хрущоб”, он обращается, словно к родственному существу. Он, по собственному признанию, “всему насущному родня”, потому что его посёлок особый: “здесь от соседства немного совсем до родства”.

А приехав в незнакомый, но похожий на его посёлок городок, он

*На четвёртые сутки подумал: вполне
я освоился здесь, гостевая одышка
исчезает. Живу! Здесь Россия, а не
городишко чужой. Здесь — родной городишко.*

Осваивать всё чужое и делать его родным — вот в чём поэт видит своё призвание, вот в чём его вера, и его спасение от отчаяния:

*Посёлок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья,
с бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.*

Это чувство знакомо мне, выросшему в 30-е годы на полудеревенской окраине Калуги, а мой покойный друг Анатолий Передреев выразил его в 70-х годах известным стихотворением “Окраина”. Недаром Анатолий Константинович был плоть от плоти от русского простонародья, как и Юрий Перминов.

*Околица родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.*

*Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?*

*Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.*

*Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.*

*И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!*

Сорок лет лежит между двумя этими стихотворными мирами, но как изменилась жизнь! У Передреева окраина “выжила”, объединив два мира – городской и деревенский. Да, жилища окраины – “ни избы, ни дома”, были неказисты, но у каждого человека была крыша над головой. Бомжей не было. Было “сиянье промышленных “огней”, были “ранние гудки”, были “вишни и акации”, были воспоминания, была “голубая дымка”.

У Юрия Перминова осталась единственная стихия, соединяющая осколки разбитой “передреевской” жизни, – это струящееся из души поэта тепло и приятие всего ещё живого, родного и доброго, что осталось от окраины Анатолия Передреева.

*Здесь не моё — незбылемо — живёт
тепло, но не чужое, не чужое...*

*Зло не пристало к нашему посёлку:
без доброты нам — жителям — никак...
Собаки наши добрые, поскольку
других у нас не водится собак...*

*Район, где живу, называется спальным районом.
Понятно, что люди, как правило, спят по ночам...*

От несовершенной, но обустроенной и многообразной жизни прежней советской окраины в окраине перминовской всё ещё остаются очаги тепла, греющие душу.

Более того, печалась о прежней жизни, Перминов находит в сегодняшней жизни посёлка нечто новое:

*В мороз — тепло, в жару у нас — не душно...
У нас — как воплощенье естества —
всегда жила церквушка, потому что
здесь не было не помнящих родства.*

Когда исчерпываются все остальные возможности, которые человек обретает в работе, в кровной связи, когда иссякают силы, данные нам природой для перехода через поле жизни, то у каждого из нас остаётся неприкосновенный до поры до времени запас веры, как последнее средство от отчаяния:

*Свет небесный замер накануне
Рождества Христова. Не погас.*

У Передреева не было этой, говоря словами Есенина, “зацепки за жизнь”. У Юрия Перминова она есть. А кроме неё у него остаётся ещё выбор, о котором сказал Николай Рубцов, ставший безо всех оговорок истинно народным поэтом:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чём-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своём народе!*

МИХАИЛ БАЗАНКОВ

ЗАВЕТНЫЙ ЖЕМЧУГ ПОЭТА

Памяти Виктора Лапшина

Прошлой весной прощались... Но тихий голос его слышится над Галичским озером, над Балчугом, над городом и, может быть, по России там, где знающие поэта воспринимают откровения душой и сердцем. Давно ли, кажется, Виктор Лапшин смело заявил о себе в столичных журналах исторической, а вернее, мифологической глубины стихов, написанных в форме народных баллад? И одна за другой появились в столичных издательствах книги нового поэта: пронизательно представил его читающей публике Юрий Кузнецов, призывая господ “снять шляпы...”

21 апреля 2010 года в Галиче близкие и родные, коллеги, друзья, земляки провожали Лапшина в последний путь.

На суетливых “переходах” общество питается “пиарными” продуктами, людям предлагают не останавливаться, не задумываться, отчаянно участвовать в конкурентной гонке, забывая о том, что суета разворовывает время и лучшие качества человека. И потому поэт несколькими строками, даже одной-единственной иногда останавливал: “Даже гениев мысли напрасны, / Если гибель кругом, нищета...”

Он вспоминал пожелание Н. В. Гоголя: “А нужно любить Россию, проездиться по России”. “Проездиться” можно предначертанными путями с помощью молитвы в поэзии, если она от Бога, если она расширяет и собирает пространство, заставляет плакать и смеяться просветлённо. Вот так остановишься, глянешь со стороны – повторишь в согласии с поэтом:

“И не смысл нашей жизни неведом, / А причина его глубины...”

Иногда за философией русского поэта Виктора Лапшина, знавшего, на какой глубине народной жизни “заветный жемчуг копится”, невольно забредёшь в дебри слишком дерзких изысканий и осознаешь неподготовленность своей души: “Жить не диво безгрешным ангелом, / А попробуй-ка человеком...” Грешному приходится в покаяниях считать потери не только свои собственные, но за себя и других: “Слабо помнится, не предвидится, / Оporоче-но всё, что есть. / Ошельмована слава витязя / И оратая втуне честь. / Тайным врагам не в угоду ли / Умолчание да извет? / Хитро предали, ловко продали – / И виновных как будто нет...”

Напоминаю только штрихи сквозных, на много лет направлений поэтического диалога со всеми ради всех. Приходится осмысливать не только географическое, провинциальное захолустье, но и своё собственное. Сначала вопросите: “Как с такую глухую дырою / Ты посмел свою долю связать?” А потом, прозревая, признаться, что забыл: “На этой земле неказистой про-

сияли святые отцы”. Но здесь, в провинции, тоже нередко поэтам жестяными голосами кричали:

*Как он смеет? Да кто он такой?
Почему не считается с нами? —
Это зависть скрежещет зубами,
Это злоба и морок людской.*

Строфа знаменитого поэта — память Виктора Лапшина о нём никогда не туманилась, собственную высоту полётного слова он уверенно набрал в философском и молитвенном сокровенном диалоге с Юрием Кузнецовым. Замеченный сразу же Юрием Поликарповичем был определён в ряд целомудренных поэтов, “после чтения многих его стихов в душе остаётся тонкий аромат обаяния” (“Литературная учёба”, 1983 г.).

А в самом начале пути, по первым рукописям в 1968 году Николай Рубцов писал об ожидании законченных хороших стихов. А смелости желал неизвестному галичанину Виктор Боков. И вот мы, земляки, постепенно могли чувствовать, как возрастал поэт сложный, с широким эпическим видением. И находили подтверждение сказанному Ю. П. Кузнецовым: “...его воображение клубится, его умонастроение глубоко и полно тончайших смысловых оттенков. Человек, Родина, Природа — вот триединый объект его самых пристальных дум. Он способен выхватывать из глубины народной жизни такие человеческие типы, как “Красава”, “Василиса”. Его “Василиса” — новый русский миф большой духовной силы”.

...Горько повторяли мы перед гробом: “Что имеем — не храним...” Слабыми вздрагивающими голосами читали стихи. В моей руке сама встрепенулась и раскрылась книга “Кольцо”, сохраняющая произведения, услышанные за двадцать лет — удалось издать в 1994 году приложением к писательской газете “Литературная Кострома”. И почудилось мне: вспорхнула какая-то дивная птица, а вслед за ней над Балчугом, над озером полетели строки:

*Я не спрошу, куда меня стремится
Судьбины гнев на гибель своеволью:
Где жило сердце — ноет и щемит,
Но уж ни с кем не поделиться болью.*

*Туда, туда, в немую пустоту,
Туда, туда, в трепещущую рану,
Я всей землёю страждущей враспу
И быть собой — блаженно перестану.*

Помнится, после таких строк поэт всё-таки надеялся, что услышат, поймают прежде всего на родине, в древнем Галиче, предназначение которого осмысливал он и воспевал. Мы к административным землякам несколько раз обращались за участием в издании избранных произведений в сборнике “Дозор”. Но объёмная рукопись “под давлением особых обстоятельств” становилась всё тоньше. Со всей России знатоки присылали письма сочувствующие и возмущённые с цитатами от поэта.

“Кратенько” рассказывая о себе в предисловии к сборнику “Знаки судьбы”, изданному в Галиче (2005 г.), Виктор написал: “Мне повезло: я родился в море народного говора, а не на его бесплодном берегу”. Вспоминая мнение профессора Ю. А. Александровского о том, что несовместимо с творческой деятельностью (боязнь порывов, равнодушие к успеху, благоразумие и умеренность, холодное беспристрастие), в предъюбилейном размышлении о своей личной жизни определил, что беды его и вины сплелись воедино, не могли не сказаться на судьбе близких людей. “Великий литературовед и историк Вадим Кожин успокаивал: если бы, дескать, у меня всё шло гладко, не было бы моей поэзии. Похоже на правду”.

*Не одно, так другое воспрянет —
В зыбкой силе, в неверной красе...
Сердцу внятно, как мир океанит
И в слезе и в бессмертной росе.*

*И, за тайной без тайны спеша,
Прозреваяще, властно и сирю
Торжествует, томится душа
Нищетою и величием Мира.*

Виктор Михайлович сам оглядел свой сложный путь. “К себе как к стоявшемуся поэту я прямо-таки продрался. Лишь к 30-ти годам кое-что было написано мною стоящее. Что дремало многие годы, наконец-то проснулось”. В 1982 году пришло счастливое время. Вскоре он был принят в Союз писателей СССР. Под постоянным вниманием нескольких центральных изданий, в особенности журнала “Наш современник”, оказался галичанин в “широком литературном поле”. Отмечен премиями имени Ф. И. Тютчева, В. В. Кожина, от нескольких журналов, еженедельника “Литературная Россия”, костромскими губернаторскими премиями и премией ЦФО. Остались одиннадцать сборников: четыре московских, два ярославских, два костромских, три галичских...

В каждой тоненькой книжце отступает безмятежность и размеренность перед вселенскими тревогами, доступными для восприятия в свой срок не каждому. Немногим дарована способность находить на дне житейского моря заветный жемчуг. Завершаю печальные заметки начальной строфою стихотворения “Человек”:

*Не склонюсь перед гневом и злобою,
На земле я отнюдь не лишний,
Раз по образу и подобию
Сотворил меня Сам Всевышний.*

Виктор так завершил это стихотворение в 2004 году – почему-то надо повторить:

“Жить не диво безгрешным ангелом, / А попробуй-ка человеком...”. Он жил человеком, постигающим тайну небесную и земную. “Может быть, Россия – это тайна, / Но у тайны этой нету дна”... А в посвящении дочери Елене заговорил о неизбежном пределе.

“Последний год Земли мы хмуру коротали, / Весельчаки и те томились и роптали, / И грех уныния умами овладел; / Вещали мудрые, но речь была невнятна; / Причина смуты им сугубо непонятна, / Тем более её таинственный предел”.

P. S. Поэт знал, как у последней черты меняются друзья, дающие клятвенные обещания живым... Но не успел оставить завещания. Собраны книги, публикации в антологиях, журналах, коллективных сборниках, эпистолярные материалы, фотографии. Получено согласие администрации г. Галича на подготовку памятной экспозиции. Родственники, друзья, коллеги намерены создать музейную комнату. В каждом коллективном сборнике, в журнале и тематических изданиях напоминаем о поэтическом наследии Виктора Михайловича Лапшина. Решением правления поручено одному из друзей поэта поддерживать связь с родными, собирать материалы о жизни и творчестве...

АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ

РОССОШАНСКИЕ ЯБЛОКИ

Заметки к творчеству поэта-фронтовика Михаила Тимошечкина

Когда садишься на поезд в Миллерове, поначалу чувствуешь себя еще дома, на Дону, хотя родимая купель уже далеко, где-то за синей дымкой белоголовых степных отрогов, неторопливых речек, отороченных по берегам кудрявым лозняком, к которому вплотную прижимаются левады казачьих, а ближе к станции – украинских куреней и хат... Донщина... Горькая и красивая земля, заповедник российского духа. Отрываться душой от этого края тяжело, но что поделаешь: железная дорога – понятие строгое, сантиментов не допускает. И вот уже Чертковое с аккуратным ухоженным вокзалом, нарядными буфетчицами в накрахмаленных кокошниках да невесть откуда взявшимися цыганами, в основном, женщинами и чумазыми цыганятами.

А потом снова мелькают в окнах вагона телеграфные столбы, разъезды, полустанки – словом, извечный русский пейзаж, и лишь к вечеру пассажирский поезд, подтянувшись, как солдат перед начальством, торжественно и собранно вступает в подчинение станции Россошь. Народу на перроне густо, особенно торгового. Продают, как правило, съестное: рассыпчатую картошку, соленые огурчики, а в конце лета – тугие, как ядра, полосатые росошанские яблоки. Они лежат в ведрах, корзинах и просто внасыпь на бязевых лоскутах у ног румяных хозяек. Кажется, вся округа пропитана медовым духом достатка и хлебосольностью живущих здесь людей... Россошь – тихий городок с типичными приметамы быта двух народов – русских и украинцев. В далеком 61-м году я, конечно, не ведал, что житейская судьба приведет меня не однажды на песчаные улицы обетованной земли моих коллег и друзей-литераторов: Алексея Прасолова, Михаила Тимошечкина, Михаила Шевченко, Петра Чалого.

Будто совсем недавно я был принят на работу в газету “Вперед” Подгоренского района, а минул с тех пор не один десяток лет.

Будни в сельской газете – это действительно районные будни, интересного не так уж и много. Кроме того, меня, выросшего на донских песочках, буквально убивала жирная черноземная грязь. Лишь изредка будни скрашивались встречами с людьми самобытными, неординарными. Так, собственно, и произошло в один из осенних вечеров 1965 года, когда в редакцию вошел среднего роста мужчина в круглых роговых очках, темно-синем плаще и в яловых сапогах с высокими голенищами. Поздоровался с редактором. Пожал мне руку, представился:

– Тимошечкин.

Я назвал свою фамилию.

— Как же, слышал. И даже кое-что читал.

Вот так мы и познакомились с Михаилом Федоровичем Тимошечкиным. В те годы он работал собкором областной газеты “Коммуна” по Россошанской зоне. До этого я его не знал, хотя в литературной среде, особенно поэтической, его имя произносилось часто. Помню, как-то профессор-филолог А. М. Абрамов при встрече около здания Воронежского университета, лучисто сверкнув глазами из-под анодированных очков, прочел:

*— Я не тот, кто от отчего крова
Долю в город бежал искать,
Я колхозом командирован
Философию изучать.*

Не обращая внимания на прохожих, восхищенно говорил: “Ты чувствуешь? Слово-то какое нашел: не судьбу, не счастье, — долю. А ты говоришь, Бога нет...”

Безусловно, Абрамову очень “приглянулся” нерв поэзии Тимошечкина. В ней он четко улавливал нечто мощное, ядерное и вместе с тем удивительно душевное, что было так характерно для поэзии тех лет. Может быть, не столько для советской вообще, сколько для русской, свойственной таким поэтам, как М. Исаковский и А. Прокофьев. Конечно, Тимошечкин — поэт другого калибра, тем не менее, его с полным правом можно считать близким родственником названных мастеров, но в большей степени — поэтов фронтовой поры. Ибо “войну (он) знал не понаслышке”, поскольку воевал не в начальствующем составе, а в самой гуще рядового братства, имя которому пехота.

*И что мне звания и ранги,
Коль за оружие берусь!
Пусть не на самом правом фланге,
Но все равно стою за Русь.*

.....
*О нет, я правды не нарушу
И не скажу наоборот —
Мне до сих пор пронзает душу:
“Вперед! Тимошечкин, вперед!”*

... Фронтовых дорог у пехоты всегда вдоволь. Жестокие, кровавые будни — всего лишь тяжкая работа, которая все корежит на своем пути, и прежде всего — человека. Сколько солдат из миллионных армий погибло, стало инвалидами, попало в психушки или спилось... В этой связи вспоминаю своего подгоренского коллегу по газете, одареннейшего радиожурналиста — Ивана Ильича. Душа любой компании, знавший уйму анекдотов, он любил, а главное, умел поддерживать молодых. Но при всех достоинствах старый вояка страдал жесточайшими запоями. Тогда в бунтующей натуре Ивана Ильича просыпался бес лицедейства в звании, как минимум, “народный артист СССР” или, на худой конец, России. В таком состоянии он подходил к зданию местного райкома партии и начинал исполнять роль Гитлера, сыгранную им когда-то в Россошанском самодеятельном театре. Монолог фюрера длился минут десять, а затем доморощенный актер, сделав заключительный бесноватый жест, падал под забор и благополучно засыпал.

Тут же, по горячим следам, секретарь райкома партии по идеологии набирал номер телефона редактора, отчитывал его за слабую воспитательную работу в коллективе и давал указание немедленно убрать с глаз долой незадачливого сотрудника. Редактор тоже звонил куда-то, пробивая для неотложных нужд грузовую машину. Позже ее подгоняли к почтовому в райцентре учреждению, и сотрудники газеты вместе с шофером грузили пламенного артиста в кузов. А мне в этой обстановке доверялось самое почетное — транспортировать мирно посапывающее тело из Подгорного в Россошь, где проживал мой пожилой сослуживец.

Я часто перечитываю один из немногих сборников Тимошечкина “Бой”, выпущенный в свет Центрально-Черноземным книжным издательством в 1971 году.

Несколько месяцев спустя Михаил Федорович подарил мне это свое детище с очень милым автографом: “Саше Голубеву, поэту, вешенскому казаку, в ком чувствую родственное мне отношение к жизни, особенно сельской, — в память о наших встречах в Подгорном и Россоши. М. Тимошечкин. 1.06.72 г., г. Воронеж”.

В этой книжке война предстает не парадная, а самая что ни на есть земная, то есть окопная. Видимо, поэтому я берегу сборник Тимошечкина лучше других, потому что все написанное в нем — правда. Поэт видел врага самого конкретного — с перекошенным от злобы ртом, орущего и стреляющего в него и его однопольчан... Словом, на войне как на войне. И невольно возникает вопрос о том естественном чувстве самосохранения, которое всегда было свойственно людям от земли. Ибо, как никто другой, они душой и разумом понимают всю омерзительность войны, ее цинизм. Вот почему с неподдельным любопытством читаешь в сборнике о том натуральном ощущении родства крестьянина, надевшего солдатскую шинель, не только друг с другом, но и с природой, землей, всем сущим, ради чего они идут в бой. Сколько неопределенного восторга появилось у бойцов, когда они во время наступления неожиданно встретили гурт “оглохших от канонад” овец. Бойцам надо было позарез завернуть ополоумевших “кырей”, бежавших в немецкую сторону; кто-то из них догадался бросить “под перед” вожаку саперную лопатку. А вот каков результат:

*И было радостно меж нами,
Когда под крики похвалы
Они веселыми прыжками
Бежали в ближние тылы.
И пахло хлебом и овчиной,
И от кнута был слышен щелк...
Во взводе нашем половина
В пастушьем деле знала толк.*

Разумеется, не только в пастушьем. В стихотворении “Генерал” муза Тимошечкина, как мне кажется, с особым удовольствием окунается в разнотравье крестьянского духа. Еще бы! Перед полками, штурмовавшими Берлин, косит траву их генерал, их “батя”, под чьим водительством они дошли до рейхстага. Лирический герой Тимошечкина — уж не тот ли косарь, о котором земляк поэта Алексей Кольцов, глядя на удалую работу, сказал на веки вечные: “Раззудись, плечо! Размахнись, рука”. Если бы не воинская дисциплина, победители в один миг выкосили бы сочный луг в окрестностях немецкой столицы. Но это было после Победы, а до нее:

*Стоял апрель. Взбухали реки.
Жизнь пробуждалась ото сна.
Рождалась в каждом человеке
Одна великая весна.
Не перекликом журавлиным
Она была для нас близка, —
Гремел апрель, и шли к Берлину
Смертельно храбрые войска.*

Да, прав был Абрамов: “Бог все-таки есть...”. Ведь не иначе как сам Всевышний послал ему такое словосочетание — “смертельно храбрые войска”. По-моему, следует снять перед автором шляпу, а в полевых условиях — кепку, и поклониться до земли.

Возвращаясь к фронтовой юности Тимошечкина, окопным будням пехотинского братства, думаю, что, идя в атаку, каждый солдат надеется уцелеть. Наверное, поэтому фраза: “Воины с тонкими шеями, как же вам жизни сбересть?” — могла родиться только там, на передовой, в минуты отчаяния и на-

дежд. В стихотворении Александра Твардовского “Я убит подо Ржевом” погибший боец закликает оставшихся в живых победить врага любой ценой, иначе он пошлет на них проклятье, а “мертвых проклятье – это кара страшна”. Конечно же, бойцы догадывались о своей тяжелой участи, но... вот как думает об этом лирический герой Тимошечкина:

*А я боялся на войне —
Чтоб в плен меня не захватили
И чтоб случайно не убили
От взвода где-то в стороне.
Чтоб бомбою в глухом овраге
Не уложило наповал,
Чтоб не пришли домой бумаги
О том, что без вести пропал.
.....
И я хотел, чтоб на поверке
Среди просторного села,
Написанная на фанерке,
Моя фамилия была.*

Вообще, война в творчестве поэта делится как бы на две части: первая, когда немцы наступали, и вторая, когда их гнали восвояси. Поначалу настроение тягостной сосредоточенности явно преобладает над светлыми тонами человеческого переживания. Правда, потом от стихотворения к стихотворению автору как-то незаметно удается переломить полосу тяжелых эмоций. Пехотинец Тимошечкин, наверное, всей кожей ощутил “начало больших перемен”. Сражаясь, наши войска переходят на земли сопредельных государств, а это значит, что славяне, как себя называли фронтовики, еще на какие-то сотни километров приблизились к фашистскому логову. Но, идя на запад, бойцы и командиры все равно душой были на востоке, там, где родной дом. Обратимся к стихотворению “Командарм”, посвященному прославленному генералу, защитнику Сталинграда Павлу Батову. Убеленный сединами пожилой человек, водивший в бой тысячи людей, в минуты наивысшего торжества готов отказаться от участия в параде и праздничном обеде в Кремле, чтобы поскорее попасть в родную деревеньку и обнять родную матушку. Фронтовики, прошедшие “огни и воды”, без капли сомнения верили в свою победу, потому что в нее верили их родители: сельская женщина – мать командарма, и васьильевский конюх из воронежской глубинки Федор Михайлович Тимошечкин.

* * *

Домой, в Прихоперье, Тимошечкин вернулся в январе 1946 года. Поскольку фронтовик в васьильевской округе считался человеком известным (в свое время побеждал на школьных олимпиадах, а за четыре года до войны вообще “отколол” номер – опубликовал заметку в районной газете о плохом обеспечении учебниками своих одноклассников, чем вызвал у собственного отца горделивое чувство), бывшего комсорга роты тут же “захомутали” на должность секретаря Верхне-Карачанского райкома комсомола. Затем он окончил педучилище, немного учительствовал, а в 1948 году, уже из Белогорья, его послали на учебу в Москву, в Центральную комсомольскую школу. Время было крутое, тем не менее бескомпромиссная натура Тимошечкина и здесь нашла применение своему бунтарству. На одном из партийных собраний бывший пехотинец в пух раскритиковал секретаря партбюро за то, что в школе насаждается дух подхалимажа и угодничества. Естественно, голос строптивного лидера из донского села вызвал соответствующий резонанс у руководителей ЦКШ. Присутствовавший на собрании представитель ЦК ВЛКСМ изрек: “С Тимошечкиным надо разобраться”. Вскоре по заданию агитпропа ЦК партии была создана комиссия для разбирательства причин, побудивших слушателей выразить столь нелюбезное мнение не только о методах обучения, но и моральной обстановке в престижном учебном заведении. Критика в адрес руководства ЦКШ была признана справедливой. Однако этот кон-

фликт крайне возмутил первого секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Михайлова. Уже после окончания школы и получения диплома с отличием Тимошечкину – по совершенно незначительному поводу – был объявлен выговор, и вместо намечавшейся должности в столичном издании “Молодой колхозник” ему предложили служение журналистике аж в Забайкалье.

Трудяга-поезд добросовестно доставил выпускника ЦКШ в Сибирь. Но побыть газетчиком в холодном крае Михаилу довелось всего полтора года. После того, как Михайлова перевели в аппарат ЦК партии, его преемник, Александр Шелепин, даже не испросив мнения читинского руководства, на первом же заседании Секретариата ЦК ВЛКСМ снял злополучный выговор. Словом, простившись с сибирскими просторами, Тимошечкин вновь вернулся под солнце русской Европы.

Так поэт очутился по соседству с родными местами, получив работу в качестве собственного корреспондента в Урюпинском кусте Балашовской области. Познакомился с интересным собеседником, великолепно знавшим казачий фольклор, краеведом и писателем Борисом Лацилиным. Михаил Федорович дорожил расположением к нему старого литератора, давнего приятеля Шолохова, не раз гостившего у писателя в Вешенской. Вряд ли случайным оказалось появление Андрея Соколова (рассказ “Судьба человека”) в заштатном Урюпинске, где он повстречал своего приемного сына Ваню...

* * *

А всё же вернёмся немного назад...

После работы в Верхнем Карачане Тимошечкина направили на должность первого секретаря райкома комсомола в Белогорьевский район...

Молодость – пора особая. В те годы жилось яростно, звонко, и вроде бы не стоило задумываться над будущим. Посмотрите, какой очаровательной экспрессией наполнено четверостишие из стихотворения “Белогорье”, где лирический герой, не рисуясь, признается:

*В клуб наведуясь, а там уж
Встречу счастье свое.
Говорят, что вышла замуж,
Все равно люблю ее...*

Вообще надо сказать, что в этих краях, действительно, много диковинного. Например, в Белогорье квартировала конно-артиллерийская рота, в которой служил незадолго до восстания на Сенатской площади в 1825 году один из руководителей Северного общества Кондратий Рылеев. Здесь же, неподалеку от села Подгорного, в хуторе Острые Могилы будущий декабрист познакомился с дочерью бывшего командира Острогжского полка, а затем помещика Натальей Тевяшовой. Женился на ней и с Богом уехал в столицу, дабы обессмертить свое имя в рядах восставших.

Кроме того, есть в донском селе еще одна примечательность: в правобережной меловой горе на берегу Дона вырыты пещеры, чем-то напоминающие киевские. Белогорьевская жительница Мария Шерстюкова, сходявшая в XVIII веке в Киево-Печерскую лавру на поклонение святым мощам, решила сотворить нечто подобное. И, представьте себе, сотворила, прокопав в недрах насупленной горы трехкилометровый проход.

Но помимо историко-краеведческого интереса Белогорье всегда отличалось удивительной красотой среднерусского пейзажа, что, безусловно, не могло пройти мимо наблюдательного взгляда Тимошечкина. Его умение читать природу завораживает. Ведь не каждому, например, дано заметить такую картину:

*И заторопишься в дорогу,
И вот уже приметить рад:
У обгороженного стога
В обнимку лошади стоят.*

Побывав не один раз в гостях у смерти, стихотворец из Россоши с двойным упорством ценит радости мирского бытия... Подобные ощущения всегда были свойственны людям мужественным, с кремневым характером.

Как-то в редакции журнала "Подъем" встретились два самобытнейших творческих человека: прославленная Мария Мордасова и поэт Михаил Тимошечкин. Я знал, что росошанец не просто обожает народные песни, он их боготворит. Как будто на одном дыхании произнес он когда-то первоначальные строки запомнившегося многим его стихотворения:

*Как только запоет Русланова
"Вдоль по дорожке столбовой",
Забуду все, что есть, и заново
Услышу рядом голос твой.*

Что и говорить, русскому человеку песня – отрада в горькую минуту. А тут, глядя на вспыхнувшие глаза Тимошечкина при виде входившей Мордасовой, кажется, самим сердцем убедился во всепобеждающей силе великого таланта певицы из Воронежа.

Они сразу нашли общий язык, увлеченно рассуждали о поэтическом ладе, а точнее – единстве звучащего слова и музыки в народной песне. Долго говорили о фронтовых путях-дорогах, вспоминали послевоенную жизнь.

В конце рабочего дня втроем мы вышли на улицу. С низких серых небес срывался тихий апрельский дождь: спорый, ласковый. Совсем немного дней оставалось до праздника Победы. Того самого, который мои спутники "приближали, как могли".

Когда они расставались, Тимошечкин пожал певице руку и посмотрел в небо, радуясь дождю так, как умеет делать это сельский человек. Откланявшись, он поехал на вокзал. В кармане лежал билет до Россоши. Там, на юге области, неделей раньше, чем в Воронеже, в небольшом саду расцветут яблони, укрыв гибкие ветви бело-розовой метелью. А потом, не торопясь, пройдет лето, и в конце августа, когда народится молодой месяц, наступит удивительная пора яблокопада. Месяц будет висеть до зари над городской водокачкой, подслеповато щурясь на спящую окрестность, как бы вопрошая: "А что здесь у вас?" "У нас пока тихо. Лишь по ночам гулко падают на остывшую землю тугие, как ядра, краснобокие яблоки: росошанские... полосатые".

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

КОЛОКОЛА МИХАИЛА ЧВАНОВА

“Сплошные гоминоиды, с похмелья, с конопли трясёт... Вы все уже давно дисквалифицировались, вместо женщины у вас теперь бутылка. Скоро бабы от вас рожать перестанут. Одна надежда на “снежных мужиков”. Полстраны проехала – и порядочного мужика нет, замуж вот выйти не за кого. Алкаш на алкаше, алиментщик на алиментщике, психованные все какие-то, полубабы, мужик с мужиком уже жить начали...”

Это рассуждает Ленка, героиня рассказа Михаила Чванова “Осень в дубовых лесах”. Почти тридцать лет назад написан рассказ, а как будто о сегодняшнем дне. Ничего не изменилось, ещё хуже стало. Автор бьёт в самое больное, – исчезает в народе былая внутренняя сила, растворяется сам народ, распыляется, и нет этому злу никакого укорота. Страшнее всего то, что автор ничего не выдумывает, он просто изображает слепок жизни, нынешней жизни народа – наследника великой славы, воинской и трудовой, пережившего столько бедствий и горя, что от другого на его месте и следов бы не осталось.

Я перечитал обе книги рассказов и повестей Михаила Чванова “Мы – русские?..” и “Вверх по реке времени” (к обеим написал блестящие предисловия прозаик А. Сегень) и был, признаюсь, потрясён до глубины души пронзительным талантом этого смелого и честного художника слова. Его героев, несмотря на их некую чудаковатость и простоту, ты не просто принимаешь сердцем, ты начинаешь их любить, переживать за них, сочувствовать им во всех обстоятельствах, потому что все они по натуре добрые, светлые душой, самые что ни на есть человеческие, выхваченные из глубины народной, из самой жизни.

Вот “вещий Игорь” из одноимённого рассказа. Мальчишка, выросший в семье, где отец – “волк волком, сколько живём – ни разу не улыбнулся, одно слышишь: мать-перемать, зимой снегу не выпросишь... А этот – душа нараспашку, глаза навстречу тебе радостно растопырены, любому человеку рад, а уж если кто новый появится на улице – так тут же идёт знакомиться, и опекать будет, как больного или маленького. Другие ребятишки как ребятишки, играют себе, а он так и дежурит у ворот, как бы помочь кому да как бы успокоить кого...”. То он с коровой о чём-то говорит, ломоть хлеба ей даст. То бежит мужиков по улице собирать на помощь приехавшим, замёрзшим в пути людям, то дров соседке наколет. Безотказный. И вот ведь – совершенно русская судьба. Подрос, стал выпивать. “А как выпьет, так из него отец, Николай, так и полезет”. С отцом однажды из-за матери схватился, в тюрьму попал. Так с тех пор и пошла судьба наперекосяк. Из-за этой водки уже не

раз “отслужил”, как он сам признаётся. Трезвый – всем готов помочь, себя не жалеет. Двух ребятишек спас, когда те тонули на пруду, провалились в присыпанную снегом полынью. “Все орут, а толку. Ну что, едрёна мать, тут всё ясно: там – враги, тут – наши, надо лезть...” И как погибает? Опять-таки по доброте душевной. Большегрузная машина на красный свет поехала, напугала ребятишек, грязью окатила. Он прыгнул на подножку, стал урезонивать водителя, а тот его – монтировкой...

Вроде бы чего его жалеть, пьяница. Да и ненормальный какой-то, шалопутный. А вот жалеешь, как родного, потому что душа у него светится, плакать о таком человеке хочется...

Или вот “общественный смотритель Журавлёв”. Опять-таки необычная вроде судьба: в молодости был красавцем, гордец гордецом, в консерватории о нём поговаривали как о восходящей звезде, стихи писал, которые печатали серьёзные журналы, критики хвалили. Ухаживал за балериной. И вот прошли годы. Встречает его на улице знакомый по студенческим временам, который когда-то тоже был влюблён в неё. Журавлёв теперь работает техническим инспектором. Не стал ни композитором, ни поэтом. Принципиально. Ездит по дальним районам, проверяет технику, чтобы не было аварий, борется за здоровье людей. Конкретное дело. Это лучше, чем быть посредственным поэтом или композитором, считает он. Пять лет назад та самая балерина, за которой он ухаживал и которая “отшила” его, попала в автомобильную катастрофу. Муж погиб, а она жива осталась, но повредила позвоночник. И вот он теперь содержит её, ухаживает за ней, воспитывает её маленьких детей.

Где ты ещё встретишь такого человека, как не в самом народе, где увидишь такой несгибаемый феномен человеческого счастья? Прочитаешь – и в груди защемит: Господи, какой человек!.. Одновременно и больно, и радостно за него. И на жизнь начинаешь смотреть другими, более просветлёнными глазами. Рассказ об учителе черчения вообще поражает воображение. Что это, вымысел, фантастика или некое прозрение автора, который наделяет своего героя, простого учителя, тем не менее человека не от мира сего, каким его видят соседи и коллеги, гениальным складом ума? Он утверждает, что “создал теорию единого поля и выразил её в единой формуле. Эта теория объединяет в одно и объясняет все открытые по сей день законы физики и математики, все законы пространства и времени”. И эту теорию никто не может принять и понять, но и отмахнуться невозможно – уж очень логически всё выверено. И страшно, если она найдёт применение на практике. Герой рассказа утверждает, что алхимики, о которых мы сегодня вспоминаем с усмешкой, знали о расщеплении атомного ядра давно. Как, впрочем, многие учёные древности ещё до Демокрита. Но, в отличие от нынешних учёных-атомщиков, они знали, к чему это открытие может привести. И все эти знания спрятали глубоко, засекретили, зашифровали. Вроде бы скорее похоже на фантастику то, до чего додумался учитель черчения – опять-таки простой человек, самоучка, современный алхимик. И написано так убедительно, что читаешь и веришь: есть такой человек, есть такая теория...

И вот что удивительно.

Недавно по телевидению я услышал рассуждение одного известного учёного, который заявил, что если бы сегодня были расшифрованы все тайны древности, Земля бы уже погибла. Человек не готов воспользоваться знаниями, которые могут дать необузданную власть над природой. Последствия были бы ужасающими. И я тут же вспомнил “учителя черчения”.

И почти все герои в книге вот такие: обязательно деятельные, добрые, совестливые, зачастую гонимые, но непременно со свечой в душе, с любовью к миру, к людям, к природе. Это и Дима из рассказа “Бранденбургские ворота”, который умеет один класть печи из чёрной глины в приполярной тайге, и эти печи греют людей, и вся надежда там на него. А кто он? “Беглый не беглый, бич не бич – не поймёшь кто, документов нет, но зла никому не делает...” Никто не нашёл в тех местах глины, а он нашёл, и жжёт из неё кирпич, и печи кладёт. И глина чёрная, и печи из неё чёрные, и хорошо греют. А как попал на Север? Служил сверхсрочно в ГДР, был его пост у Бранденбургских ворот, влюбился в немку, две девочки-близняшки родились, Эльза и Маша. Но кому-то это не понравилось, и оказался Дима в лагерях в приполярной тайге. Судьба сломана, беду в себе носит, но зла ни на кого не держит. Живёт, пьёт, конечно, но сколько пользы от его пребывания в этом мире!

В чвановских рассказах настолько узнаваемо время действия, что даже не надо смотреть, в какие годы это написано. А посмотришь – и поразишься. Приметы тех лет восстанавливают самое главное, что было в жизни народа, страны. Это присуще только большому художнику слова – изобразить в малом тот момент, который стал историческим для общества. Взять ли рассказ “На тихой реке”, где повествуется, как равнодушные спасатели везут в лодке ещё живого мальчика, которого вытащил на поверхность воды случайный купальщик. Мальчика можно было спасти, но “спасатели” не торопятся, им всё равно. И вот картина: загорелые до черноты, они пьют прохладное пиво в своей дежурке за ширмой, а на раскалённом песке мать над мёртвым сыном – невозможно читать эти вопиющие строки. Написано в 1985 году. К власти только что пришёл Горбачёв. И страна, как этот полумёртвый мальчик, брошена в лодку тщеславному безразличному правителю. Что было дальше, мы знаем. Этот момент отмечает в предисловии и прозаик А. Сегень, чутко уловивший настроение и замысел рассказа.

Или жуткая повесть “У перевала” с подзаголовком “Прекрасен отдых в осенних горах” – это ведь поставлен точный диагноз больному, обречённому на гибель обществу, в котором люди потеряли всякое чувство ответственности, стали инфантильными и равнодушными друг к другу, когда нравственные устои, понятия стали пустым звуком для большинства, думающего только о себе, о своей выгоде. Забывают, что плывут в одной лодке, в данном случае в одной связке, как это случилось с туристической группой, и трагедия неминуема. И тогда, как правило, погибают лучшие. Чванов, написавший повесть ещё в 1980 году, по сути предсказал, что всех ждёт в недалёком будущем. Он угадал главное, угадал причину назревающей катастрофы в стране. И она – прежде всего в духовной составляющей общества. Ну так и нечего пенять на кого-то и на то, в каком сегодня мире живём.

Или маленький, всего на две странички, рассказ “Жилая деревня”. Там, где недавно ещё кипела жизнь, где колосились поля, теперь бурьян – на десятки вёрст окрест. В одной деревне пусто, в другой – один старик, к которому наезжают по осени родные, чтобы накопать картошки. Что может спасти нас, неужто совсем пропали? Всё-таки Чванов оставляет надежду: в этой глуши, куда и воры-то не заглянут, в пустом доме есть икона, а раз есть икона, туда ещё “хоть раз на месяц в году” приезжает Матрёна Ярыгина. Раёвкой называлась деревня. “Рая, конечно, не было, но жили. И перед страной заслуги были: и трудовые, и боевые, никак полсотни мужиков на войне полегло, и Герой Советского Союза свой был. Даже два, второй, правда, уже не на войне получил, лётчик-испытатель...” Прочитаешь такое – и вспомнишь, что почти везде сегодня так, в какую сторону ни поедешь. И автор заканчивает рассказ болевой строкой: “Больше я этой дорогой не ездил. Не могу”.

И мы уже в большинстве не ездим, потому что некуда и не к кому. Быльём поросла русская деревня. И невольное осознание вины, и горечь на сердце, и закономерный вопрос: что же дальше?

Читая книгу, я досадовал на себя: ну почему я так поздно открыл этого талантливейшего прозаика, ведь он начал печататься ещё в 70-е годы, причём один из его первых рассказов “Билет в детство” – шедевр современной литературы, который не заметить было просто нельзя. А ведь ещё Василь Быков писал ему тогда: “Дорогой Михаил! Ваш рассказ “Билет в детство” просто прекрасен. Замечательный рассказ! Я не вижу в нём недостатков, читать его было сплошным наслаждением. Пиром души. Очень точно, очень ёмко, очень трогательно! И всё так верно... Рассказ этот свидетельство того, что Вы можете... Не верьте там разным... Больше слушайте себя самого, талант Вам подскажет”. Почему-то критика старательно обходила молчанием творчество писателя, который и по духу, и по художественной силе, и по судьбе стоит в одном ряду с самыми прославленными именами русской словесности.

Неужели слава путешественника, прошедшего малохоженными тропами Урала, Камчатки, Чукотки, Якутии, поднимавшегося к кратерам величайших вулканов Евразии: Ключевского, Безымянного, обоих Толбачиков, руководство Всесоюзной экспедицией по поискам пропавшего в августе 1937 года при перелёте через Северный полюс самолёта С. А. Леваневского, слава председателя созданного им Аксаковского фонда, организатора ежегодного Международного Аксаковского праздника в Башкирии, вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры затмили яркое писа-

тельское дарование Михаила Чванова как в писательской среде, так и среди читателей?!

Вряд ли.

Пожалуй, дело в воззрениях Михаила Чванова на историю славянства, во многом расходящихся с теми же коллегами-патриотами по русскому национальному вопросу. Он мучительно размышляет: кто мы такие? Откуда мы – русские: народ, нация, какое предназначение наше на Земле? Или стать спасителями человечества, или, не оправдав надежд Бога, стать всего лишь живительным навозом для других народов? Почему славяне в своё время разбежались в истории? И до сих пор разбегаемся – русские, украинцы, белорусы, балканские славяне. Неужели славянское единство – это только иллюзия, губительный для России миф, созданный славянофилами во главе с Иваном Аксаковым, сыном дивного писателя Сергея Аксакова? Или всё же – спасительный, в том числе для всего человечества, союз?

Чванов горестно размышляет об этом и в автобиографической повести “Крест мой?!.”, и в статьях о семействе Аксаковых, и в философских раздумьях, которые, как правило, многослойны. В них история глубоко сплавлена с этнографией, и это настолько интересно и неожиданно, что начинаешь сам мыслить, чувствовать, переживать вместе с автором, который вызывает тебя словно бы на спор, порой и сам сомневаясь в своей неумолимой логике, но заряжает собеседника достоверными убедительными, а часто и малоизвестными широкому читателю фактами. И ты уже на его стороне.

“Меня, как русского, – рассуждает он, – коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, – великая нация. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов – постоянно вопить о своём величии, ничего не делая для него, а во-вторых: кем нам выдана эта индугенция на величие? И если выдана – то что, до скончания века?” Он подчёркивает, что каждое поколение должно заслужить это величие. Делом заслужить. Величие – не в величине территории и населения, а в силе духа народа. Русский – это не по крови, это по духу. Больше ста народов Всевышний соединил в одной Отчизне. Её, как мать, не выбирают. Это – воля Всевышнего. За всю историю Российского государства православные и мусульмане всегда стояли бок о бок в защите Отчизны. У нас одна Родина. Не будем забывать, что цвет русского дворянства составляли выходцы из Золотой Орды – Карамзины, Державины, Аксаковы, Апраксины, Голицыны, Татищевы, Измайловы, Аракчеевы, Бунины, Тургеневы, Арсеньевы, Годуновы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Танеевы, Сабуровы, Суворовы... Знатные роды! Это они, получив в своё время уделы в Московской Руси, стали опорой самодержавия, стали православными русскими, их потомки в большей части впоследствии вернулись опять в Поволжье, на Урал. Так мудро строилась Русь. В этом смысл истинного евразийства, которое поднимает на щит Михаил Чванов. Не случайно он приводит высказывание Ф. Достоевского: “Русский – это православный”.

И не случайно на одном из Аксаковских праздников, потом ещё и на Всемирном Русском соборе Верховный муфтий России заявил во всеуслышание о спасении Святой Руси. Многие русские стесняются говорить об этом, а вот муфтий не постеснялся. “Святое всё, что исходит от Бога, – сказал он. – Привыкли, что “Святая Русь” только для православных. Но мы, мусульмане, по своей истории знаем, что наши предки, которые живут сейчас по всей России, приняли ислам добровольно, у нас, как у православных, тоже была свобода выбора. А когда вера выбирается добровольно, это и есть святое. Поэтому естественно, нормально и нужно мусульманину называть свою Отчизну, которая у нас с православными общая, Святой Русью”.

Вот ведь как просто и мудро.

Вообще, чтобы понять глубже мировоззрение Чванова, надо читать Чванова.

На мой взгляд, так масштабно, так пронзительно и трагически о том, что случилось с Россией и Югославией в девяностые годы, ещё никто в нашей литературе не написал. В развёрнутом рассказе “Русские женщины”, в небольших по объёму повестях “Свидание в Праге”, “Времена года” и “Белый Ангел” по сути одни герои и одна тема – судьба русских людей, русских офицеров, обманутых, оказавшихся ненужными на Родине и воюющих в Сербии, горестная судьба русских женщин, чьи достойные мужья воюют и погибают на чужой земле, судьба югославов в братоубийственной войне.

Разве не рвёт сердце судьба русского генерала, который в Приднестровье не выполнил приказ об упреждающем огне и, спасая население, открыл огонь на поражение по молдавско-румынским частям? Теперь его разыскивает Интерпол, на Родине ему нет защиты, нет дела, он вынужден сражаться в Сербии. Больше нет для него места на земле. “И здесь мы скорее приживалки у чужой беды, чем помощники”, – с болью, с горечью признаётся он. Сколько там русских могил – и что? Чванов, по сути, окончательно здесь приходит к мысли о несостоятельности славянофильства, которому он так много отдал души, сил и времени. Балканские славяне – сербы, болгары, чехи, поляки, хорваты – все друг против друга, все словно обезумели в своём противостоянии, не понимая, какая глобальная катастрофа уже гудит над головой, над какой пропастью они стоят.

И разве не об этом же – судьба русского полковника Алексея Нелюбина, героя повести “Свидание в Праге”? Он сражался в Афганистане, в Нагорном Карабахе, его жене прислали сообщение о смерти мужа, она вынуждена была бежать с дочкой из Душанбе, где убили его родителей, чтобы завладеть домом, в Германию, вышла в конце концов замуж за спасшего её немца, теперь у неё своя семья. А он оказался жив, он опять в горячих точках, и его разыскивает Интерпол. И вот он находит её адрес, звонит ей и назначает свидание своей жене тайно, словно любовнице, в Праге. И они встречаются, чтобы разойтись навсегда. Она – в Берлин, к семье, он – в Сербию, где, прикрывая беженцев, раненым попадает в руки албанцев, и его распинают на дверях разрушенной церкви. . .

Это надо читать всем, чтобы понять всю трагедию русского честного офицера девяностых. Это написано с такой потрясающей художественной силой, что рыдать хочется от любви и боли, от гордости за настоящего человека, каких всё меньше и меньше на земле. Так написать мог только тот, кто не однажды побывал в балканском котле, своими глазами видел то, что происходило в Югославии. Савва Ямщиков писал: “Для меня подлинным открытием, заставившим восхититься и преклонить колени перед истинным подвижником и здравым мыслителем, стало знакомство с писателем Михаилом Андреевичем Чвановым. Том чвановской прозы и публицистики “Мы – русские?..” я в прямом смысле впитал в себя. Каждая строчка, каждое событие, каждая мысль автора были поразительно созвучны моему нынешнему настрою, а порою я забывал, что читаю написанное другим человеком, и становился незримым соавтором талантливого творца.

Глубоко философское осмысление югославской трагедии знающего историю и судьбу растерзанного края не с чужих слов Михаила Чванова. Когда мы с Аркадием Мамонтовым работали над фильмом о поруганных святынях Косова, я всё время обращался к страницам чвановской книги, находя исчерпывающие ответы на самые сложные вопросы в отношениях России и Сербии.

Литературные произведения, вышедшие из-под пера Чванова, органично вписываются в богатейшую сокровищницу современного русского писательского творчества и выдерживают сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова и Носова”.

Добавлю: какое сердце останется равнодушным, когда читаешь эти произведения, какое не дрогнет от любви к таланту необычайной силы?!

“Для меня, – пишет Чванов, – понятие русский – не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту”.

Честно сказано и справедливо. Его усилиями в селе Надеждино, на стыке Европы и Азии, на юге Башкирии, в Дмитриевском православном храме, и на колокольне Свято-Никольского храма на севере Башкирии зазвонили колокола.

“Во второй раз, вернувшись с Балкан, из раздираемой братоубийственной войной Югославии, я поехал на родину, к добрым своим башкирам и татарам, и на всякий случай попросил место, где хотел бы лечь, если умру не вдали от Родины, чтобы оттуда мне хорошо были видны и башкирское село Каратавлы, и татарский Малояз, и родная моя Михайловка”.

Повести, рассказы и очерки Михаила Чванова – это колокола веры, любви и надежды русского сердца. Как хочется, чтобы они были услышаны!

АЛЬБИНА ПОТАПОВА

“КОГДА МОЕЙ ДУШЕ СОЙДЕТ УСПОКОЕНЫЕ...”

Рубцов и православие. – Москва, 2009 год, издательский дом “К единству”, составитель доктор философских наук, профессор В. А. Алексеев.

Сборник представляет собой удивительный сплав статей, размышлений, воспоминаний современников Н. Рубцова и представителей последующих поколений о месте, роли и значении в творчестве поэта православных заповедей. Так, один из авторов подчеркивает, что этот вопрос становится “одним из центральных в современном рубцовеведении” (А. Киров). Некоторые исследователи и поклонники творчества Н. М. Рубцова, возможно, опрометчиво говорят о воцерковленности поэта. В широком смысле воцерковленность подразумевает приобщение человека к христианской традиции и церковной жизни.

Активно отстаивают свою точку зрения и утверждающие генетическую близость поэзии Рубцова к язычеству. Сторонники каждой находят у поэта множество аргументов в свою защиту. В нашу задачу не входит анализ полемики на эту тему. Наверное, ответ на этот вопрос дает нам сама биография Рубцова – сироты, скитальца, философа и правдолюбца.

Николай Рубцов рос и жил в атеистическую эпоху. Обстоятельства его сиротской судьбы объективно не могли привить будущему поэту веры в Бога с младенческих лет. Его детство прошло вблизи разрушенного храма под мелодии бравурных песен-маршей и сводок Информбюро. Юность пролетела в шумных общежитиях и матросском кубрике. А сколько времени в зрелые годы было потрачено поэтом на хождения по многочисленным редакциям, стычки с многочисленными чиновниками от литературы и партийными функционерами, требующими соответствия т. н. текущему моменту?

Тем парадоксальней тот факт, что в стихах Рубцова зазвучали слова о душе, вере. Зазвучали негромко, но искренно и трепетно. Именно исповедальные строки о России, ее истории, разрушенных храмах и заросших бурьяном погостах оказались по силе воздействия на читателя и слушателя самыми сильными.

В предисловии к сборнику В. А. Алексеев пишет: “...целомудренная и эстетически безупречная лира Николая Рубцова почти не упоминает имени Божьего всуе, само присутствие Божие в его поэзии совершенно очевидно”.

Вторит ему поэт и исследователь А. Грунтовский: “Быть может, все чудо Рубцова только в том и состоит, что он сумел передать ощущение благодати

Божией, разлитой в природе и в человеке. Не удумать об этом, не вычитать где-то, не имитировать, как иные стихослагатели, а ощутить и выразить”.

О стихии ветра, стихии света в поэзии Рубцова писал В. В. Кожин. Вероятно, можно говорить и о стихии православной веры в лирике поэта. Кстати, удачным решением составителя является включение в новое издание “старых” работ знаменитых литературных критиков В. Кожина, В. Оботурова, В. Чалмаева, А. Ланщикова, Ю. Селезнева. Таким образом, тема “Рубцов и православие” не изымается из общего контекста разговора о творчестве поэта. Неразрывная связь лирики Рубцова с традициями русской литературы рассматривается через призму философии, фольклора, истории, литературы России. К тому же читателям предоставляется еще одна возможность познакомиться с исследованиями корифеев советского литературоведения. Многие из приведенных статей давно не переиздавались, стали сегодня библиографической редкостью.

Включены в сборник работы молодого поколения исследователей литературы (А. Грунтовский, А. Висков, А. Киров). Статьи необычайно интересные, наполненные сравнениями с фольклорными и религиозными текстами, философскими раздумьями о ментальности русской поэзии.

Христианские заповеди осмыслились Николаем Рубцовым как “самая жгучая, самая смертная связь”, память предков. Поэт исповедуется в своих стихах, совершая христианское таинство от лица практически нескольких поколений россиян, отлученных от веры.

Возможно, именно в “стихийном” православии поэта кроется ответ на вопрос: почему так любима и востребована народом поэзия Николая Рубцова? Покаяние поэта трогает души его современников и потомков. Заставляет задуматься о вечном, о вере, что воспринималось нашими предками как незыблемая основа бытия человеческого.

В словаре языка и рифм Н. М. Рубцова (автор-составитель профессор М. И. Сидоренко) названо одно из наиболее употребляемых слов в творчестве поэта (как по принципу частотности, так и по принципу многообразия лексических значений) – слово “**ДУША**”.

Нравственное ядро его творчества не лежит на поверхности, не является сиюминутным ответом на злобу дня, оно затрагивает глубинные пласты народной философии, истории, православия. В этих сферах жизни народной нельзя лукавить, ловчить, фальшивить, писать что-либо “по решению пленума...”.

Авторы сборника много цитируют Рубцова. Каждый из них нашел свои строки, воплотившие, по их мнению, православные традиции в русской поэзии. Несомненным достоинством сборника “Рубцов и православие” стало включение в него огромного массива стихов поэта (около 100 страниц текста). Из них видно, что нравственная непреложность христианских заповедей никогда не ставилась поэтом под сомнение. После прочтения этого сборника о творчестве поэта можно сказать его же словами: “Поверьте мне: я чист душой”.

У сборника большой авторский коллектив: знаменитые поэты, писатели, известные литературные критики, публицисты, литературоведы, философы. В том числе и священнослужители: архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, протоиерей Александр Никулин.

Особый интерес представляют, несомненно, размышления священнослужителей. Предлагаем вниманию читателей работу священника храма Воскресения Дзержинского благочинного округа Нижегородской епархии, иерея **о. Сергея Муратова**.

О. Сергей Муратов

“Судьба – Суд Божий”

(Размышления о поэзии Н. М. Рубцова).

С поэзией Николая Рубцова я познакомился в середине 70-х годов. Сейчас уже трудно вспомнить ощущения, которые переживались от соприкосновения с рубцовским стихом. Да и нужно ли? Меня, по сути еще совсем молодого человека, мало что понимающего в жизни, тронули его стихи. Я интуитивно чувствовал, что этот человек многих мог согреть, оставаясь холодным для себя самого.

Насколько религиозны его стихи? Над этим вопросом я как-то не задумывался. Какая религиозность? О чем вы?.. Но для его друзей тогда это не было секретом.

Сегодня перечитываю предисловие к его сборнику стихов, написанное Вадимом Кожинным, его слова о том, что для Рубцова было характерно самоуглубление такой силы, что привело его от воспевания красоты родной земли к Вифлеемской звезде, к нравственным ценностям.

Я ловлю себя на мысли, что поэзия вообще не может быть вне религии, т. е. вне отношений человека с Богом. Правда, в то время открыто об этом сказать было невозможно, но вот как об этом рассуждал В. Кожин: “Самый, пожалуй, неоспоримый признак истинной поэзии — ее способность вызывать ощущения самородности, нерукотворности, безначальности стиха; мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек их из вечной жизни родного слова. Где они всегда, — хотя и скрытно, тайно, — пребывали”.

Сам Рубцов открыто сказал об этой своей способности, своем призвании слышать живущее в глубинах бытия полное смысла звучание: “И пенья нет, но ясно слышу я / Незримых певчих пенье хоровое...” (“Привет, Россия”). Можно было бы принять это за поэтическую форму выражения, если бы на сегодняшний день я не знал то, что в то время мне было неизвестно и непостижимо. Есть храмы, где некоторым прихожанам Господь дает возможность услышать ангельское пение. Мне доводилось служить в таком храме в селе Нуча Ардатовского района Нижегородской области.

А его обобщающие строки о Поэзии (с большой буквы, заметьте) не иначе воспринимаются, как мысли о Боге, о Его Предвечном Слове, Логосе, от Животворящей Силы которого мы всецело зависим:

*...Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь,
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...*

И, действительно, принимая внутренне боговодство, поэт одно из своих стихотворений и начинает так:

*О чем писать?
На то не наша воля!*

При кажущейся, на первый взгляд, простоте и лиричности поэзия Николая Рубцова сложна по-своему и богата глубоким смыслом, раскрывающимся по мере проникновения в нее с течением времени.

В стихах Рубцова мы соприкасаемся с бездонностью Евангельских образов. И только опираясь на них, можно еще больше проникнуть в глубину рубцовского стиха. При первом знакомстве со стихами “Старик”, “Зимним вечером”, “Я люблю судьбу свою...” не сразу можно угадать их внутреннюю связь. Это как бы зарисовки с натуры. Об их родстве, единстве говорит то, что это наша жизнь во всех ее свойственных человеку страстных проявлениях. Но образ одинокого старика, своей любовью объемлющего весь мир, с его смирением, граничащим с жертвенностью — простить все обиды, забыть о зле, причиненном ему людьми (“Не помнит он, что было прежде, и не боится черных туч...”), — это образ России, Родины, которую вот уже сколько десятилетий распинают и насилуют. А она все прощает своим неразумным детям, потому что сильна Богом.

Мимолетно прозвучат слова первых строф стихотворения “Зимним вечером” — “хлев”, “солома”, “огонек”, и невольно возникают рождественские ассоциации, навевающие воспоминания о пришедшем в мир Спасителе во мраке языческой ночи, о Святом семействе, не нашедшем нигде приюта в зимнюю стужу, кроме хлева, где жующие солому тельцы согревали своим дыханием Богомладенца.

А вот образы “сеющего” и “жнущего”:

*Все умрем, но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...*

Эти строки напрямую дают нам свидетельство того, что Рубцов отталкивался от библейского, Евангельского мироощущения. Вот строчки из книги Иова: “Пусть я сею, а другой ест” (31.8). Правда, стоит заметить, что в первоисточнике они произносятся в контексте покаяния, но и это состояние души свойственно поэту: “Мы сваливать не вправе вину свою на жизнь...”. И если поэт о “другом” говорит как о жнеце, то нет сомнения, что он имеет в виду своего читателя, пожинаящего плоды, посеянные автором. И об их духовном единстве свидетельствуют Евангельские строки: “...И сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: **один сеет, а другой жнет**” (Ин. 36-37).

Не случайно в финале, вместо слова “умрем”, Рубцов выбирает слово “уйдем”, потому что и себя он ощущает зерном, которое уходит в землю, но не только для того, чтобы умереть, но и возвратиться к жизни, как возвращается к жизни добрый колос, богатый спелым зерном. Вся поэзия Николая Рубцова пронизана христианскими символами Воскресения, и его стихотворение “Плыть, плыть...” заканчивается знаменующими словами:

*Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый крест!*

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

ПОЭТ И БОГЕМА

Есть достаточно подтверждений тому, что поэт ее сторонился. Эти подтверждения можно найти в стихах Николая Рубцова, в его письмах, в воспоминаниях современников о нем. Но самое выразительное свидетельство его взгляда на богемную среду – стихотворение “В гостях”, написанное в 1962 году. Именно здесь мы – единственный раз у Рубцова – встречаем само слово “богема”. И здесь же – развернутое определение богемности как стиля жизни.

И само стихотворение “В гостях” – для Рубцова тоже единственное в своем роде. В нем обозначена рубежная твердость, легко различим взыскательный прищур. И еще – нелицеприятность оценок, которая ни до, ни после того в его стихах по отношению к современникам не встречается. Кажется, так заметно, так взыскательно о богеме никто из поэтов, кроме Рубцова, вслух не говорил – ни тогда, в шестидесятые, ни позже.

1962 год для него – вообще особенная мета. Это время вызревания исповедальных и провидческих одновременно “Видений на холме”. Отсюда, собственно, Николай Рубцов и начинается как судьбоносное имя в русской поэзии последних времен. Уже на подходе такие стихотворные откровения, как “Русский огонек”, “Я буду скакать по полям задремавшей отчизны...”, “Тихая моя родина”, “В этой деревне огни не погашены”, “В горнице”, “Журавли”, “Звезда полей”... На пространстве всего в десять лет – какой восхитительный взлет, какое поистине ангельское парение, пусть и в предчувствии ледяного дыхания!

В его стихи снова, после первых, еще отроческих, проб, полновластно врываются просторы земли, скорбные и благодатные “сельские виды”, прозрачные, как на древней иконе, видения в короне восходящих лучей. Они вытесняют в лирике поэта намеренно жесткую угловатость морских сюжетов, черно-белую графику городского пейзажа и быта, которая так “торчит”, когда читаешь “В гостях”.

Впрочем, первоначальное название было иным – не “В гостях”, а “Поэт”. Именно так – в первом сборнике стихотворений Николая Рубцова “Волны и скалы”, изданном машинописным способом в Ленинграде летом того же 1962 года – всего в шести экземплярах. Под таким названием запомнил его и поэт Глеб Горбовский, которому стихотворение было посвящено. Горбовский говорит также, что стихотворение было вначале намного длинней, чем в посмертном издании 1971 года (сборник “Зеленые цветы”). В трехтомном собрании сочинений Николая Рубцова (2000 год, издательство “Тerra”) его составительница Валентина Зинченко приводит еще один вариант стихотворения, самый краткий. Он сохранился только в рукописно-машинописном тексте сборника “Звезда полей”, который поэт готовил к изданию в 1964 году. (Рукопись хранится в архиве Московского музея Н. М. Рубцова). Однако книжка с этим названием увидела свет лишь спустя три года, причем видоизмененная редакция стихотворения в нее почему-то так и не вошла.

Текстологу, который бы взялся произвести сопоставительный анализ редакций, пришлось бы столкнуться с трудностью, вряд ли преодолимой. Как теперь установить, по каким все же причинам производились сокращения и кем: самим Рубцовым или теми, кто давали ему советы или выставляли свои условия. В рукописи 1964 года отсутствуют первые 16 строк текста, который принято считать итоговым. Вот они, эти строки:

*Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.*

*Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...*

*Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!*

*Я продолжаю верить в этот бред,
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...*

К счастью, это начало в конце концов узаконилось. В нем уже намечены штрихи богемной обстановки, которая будет развернута в стихотворении дальше, а пока что подкреплена петербургскими видами в духе прозы Достоевского.

Но почему все-таки последовало переименование: не “Поэт”, а “В гостях”? Не потому ли, что автор в описываемой среде ощущал себя именно гостем, нешуточно ошеломленным, готовым, кажется, уйти не заходя? Такое его состояние красноречиво передано четырьмя строками, отсутствующими в сборнике “Волны и скалы”:

*Куда меня, беднягу, занесло!
Таких картин вы сроду не видали,
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!*

Зато лишь в самиздатской книжке 1962 года читаем большой отрывок, изъятый из следующих вариантов стихотворения, как легко понять, по цензурным соображениям. Это первый монолог хозяина-поэта и явление его привычных посетителей.

*Он, как матрос, которого томит
глухая жизнь в задворках и в угаре:
— Какие времена на свете, Гарри!
— О! Времена неласковые, Смит...*

*В моей судьбе творились чудеса!
Но я клянусь любой клятвой мира,
Что и твоя освищенная лира
Еще свои поднимет паруса!*

*Еще мужчины будущих времен
(да будет воля их неустрашима!)
разгонят мрак бездарного режима
для всех живых и подлинных имен!*

*...Ура, опять ребята ворвались!
Они еще не сеют и не пашут.
Они кричат,
они руками машут!
Они как будто только родились!
Они — сыны запутанных дорог...
И вот
стихи, написанные матом,
ласкают слух отчаянным ребятам,
хотя, конечно, все это — порок!*

И лишь затем следует строфа, сохранившаяся и в рукописи 1964 года, и в сборнике “Зеленые цветы”:

*Поэт, как волк, напьется натошак,
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете,
И все молчит, не двигаясь никак.*

Хотя Глеб Горбовский считал, что стихотворение в первоначальном виде “содержало гораздо больше строф, нежели в нынешней, посмертной редакции”, на самом деле картина несколько сложнее. Итоговый вариант не только потерял, но и приобрел. Он дополнен вторым монологом поэта, чье пьяное велееречие — обо всем и обо вся — разочарованный гость сопровождает горькой укоризной:

*И думал я: “Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?..”*

Это не осуждение, а именно укоризна, сострадательная по сути. Ведь за гаснущую лиру поэта гостю явно обидно. Впрочем, и голос его самого вот-вот исчезнет в “странном шуме”:

*Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервной системой:
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слез.*

Как видим, в этом суммированном (с 1962-го по 1971-й) изображении богемы тоже вроде бы нет сугубого осуждения. Скорее тут различаются незлобивая шутка, легкий сарказм. Однако в “коллективном портрете” вовсе не случайно присутствует слово “всерьез”. Вес этого слова еще возрастет, когда вспомним, что в ранней редакции строка звучала иначе: вместо “Но все они опутаны всерьез” читалось: “Но все равно опутан я всерьез”. Не только все они — но и я. Жест самоотстранения появится позже.

В любом случае Рубцов сразу же точно подметил и определил: богема по сути своей невозможна без обязательной спайки, без опутанности “какой-то общей нервной системой”. В ее наэлектризованное поле хаотично вовлекаются не только люди, их слова, жесты, но и предметы, и состояния природы.

*И все торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет.*

Такого вот “бессмысленного рассвета” в стихах Николая Рубцова мы, к счастью, больше никогда не увидим.

Казалось бы, тема исчерпана. Поэту больше не было нужды определять богему как таковую. Как стиль поведения, как способ существования в лите-

ратуре она его больше не интересовала. Последовало лишь два-три легких отголоска по мотивам стихотворения “В гостях”, близких ему по времени — и все. Да в стихотворении “Сергей Есенин”, написанном тогда же, в 1962 году, Рубцов решительно восстал против расхожего бульварного мнения о кабацкой грусти как основном мотиве творчества любимого поэта.

Грусть, конечно, была... Да не эта!

*Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!*

Это сопротивление Рубцова слухам и рассказам, опутывающим образ поэта, по сути своей нацелено против богемной среды. Той самой, что и при жизни Есенина, и после его смерти неустанно продолжала подпитывать удобную ей легенду о слабовольном авторе упадочных, грустных мотивов. Легенда вроде бы снисходительно-сочувственная, но как-то она ловко переплеталась с жесткой прокурорской фразеологией из статей Троцкого и Бухарина.

Нужно ли сегодня, через сорок лет после гибели Николая Рубцова, вспоминать о старой, казалось бы, вполне изжитой тяжбе поэта с литературной богемой?

В предисловии к своим “Волнам и скалам” он писал: “Любая “игра” не во вред стихам, если она — от живого образа, а не от абстрактного желания “поиграть”. Это замечание — тоже к портрету среды, запечатленной в его стихотворении 1962 года.

Неспособная к высокому, вдохновенному труду, богема порывается подменить его всяческими словесными имитациями. Неразборчивость, игривость, бесцеремонность в обращении со словом, постоянный зуд к словесным подтасовкам, двусмысленностям — родовая черта богемы, озобоченной участием в литературе.

В ее оболстительном словоизвержении на каждом шагу мелькают бойкие самооценки: “шедевр”... “гений”... “гигант”... “очаровательно”... “изумительно”... “бесподобно”... “божественно”... “чудно”... “восторг”... “блеск”...

В типичном богемном притоне беспрерывно клокочет неимоверное вариво. Тут все вперемешку: лесь, сплетня, велеречие, оговор, анекдот, бахвальство, сюсюканье, все плоское, подлое, пошлое, выпреннее...

Особенно лесь — она тут звучит постоянно, как мелкая разменная монетка.

Богема беспрерывно обязана мелькать вокруг чего-то подлинного. Как стая мотыльков возле горячей лампы.

Текучая, ненадежная, капризная, ускользающая масса — она во все хочет вмешиваться и все обсуждать, ни за что по сути не отвечая. Она завистливо подделывается под все жизненное, настоящее, достоверное, а когда ее уличают в смехотворности ее потуг на самостоятельную жизнь, она тут же забывает свой льстивый пошиб, становится холодной, злопамятной, вкрадчиво-мстительной... “И плюет на алтарь, где твой огонь горит, И в детской резвости колеблет твой треножник”.

Пушкин у нас первым дал ей имя, определил ее как чернь. С тех пор она беспреестанно перетекает из салона в салон, из подвала в притон. И это она наконец придумала для себя липкое местопребывание и занятие: тусовка, тусоваться...

А что Рубцов? По сути, современная богема, как ей и предписано, не в состоянии понять и принять Рубцова. Язык рубцовских звезд — для нее чужой, слишком деревенский. Рубцовское высокое чувство Родины, родной веры ей претит.

Не зная, куда еще податься, иногда она вдруг пускается без удержу подражать ему. Но кроме пьяненького надрыва, крикливо-лицемерных признаний любви к России ничего у нее не выходит. Только расписывается в своей душевной и духовной расслабленности и расхристанности.

Проглядев большой прилив народной любви к слову Николая Рубцова, она, богема, суетливо законодательствует теперь в “моде на Рубцова”, — “торчит”, по его меткому слову, на разных эстрадных подмостках со своим графоманским музыкальным перебряком к его стихам. Да, ей бы так хотелось поглотить его своим попсовым селем, вытеснить высокие смыслы его лирики из сознания старых, а особенно новых поколений.

Напрасные старания. Как Пушкин и Тютчев, как Некрасов и Есенин, Николай Рубцов неотделим от неколебимых основ русского мира.

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

РУССКИЙ ВЗГЛЯД

А. Г. Елфимов. Бразилия. Дневник путешественника из Сибири. Авторский фотоальбом; А. Г. Елфимов. Мальта. Фотоальбом. Общественный благотворительный фонд “Возрождение Тобольска”

Передо мной две книги, именно книги – фотодневники, впечатления, размышления...

Оговорюсь сразу, это моё субъективное: слово “альбом” ассоциируется у меня с чем-то более камерным, салонным ли... развлекательным или, как ныне модно говорить, гламурным, – словом, с тем, что не требует для восприятия ни концентрации чувства, ни работы мысли. Посмотрел и забыл, минут этак через пять.

Здесь же, в фотодневниках Аркадия Елфимова, с каждой страницей все более открывается для меня сам автор. Как фотохудожник, как человек... Его взгляд на мир, его думы и помыслы...

А думы эти, возьму на себя риск утверждать, в первую голову о родине нашей – о России. Так уж устроен русский человек: где бы он ни был, в какой бы точке земного шара ни находился, всегда родину вспоминает. Невольно сравнивая и сопоставляя её с “иными палестинами”. Да и настолько всё переплетено в этом мире, что нет, наверное, на земле места, куда бы сегодня... или вчера не ступила уже нога русского человека – так или иначе, везде русский дух проглядывается.

Однако думать и видеть – это одно, для художника главная проблема – передать своё видение как можно точнее, полнее, объемнее. Об этом и хочется сказать.

Видимо, не случайно и в составлении, и в оформлении книг налицо узнаваемо-русский духовный аскетизм. Текста в изданиях – немного. Но ровно столько, чтобы этого было достаточно. Это вроде бы и понятно. Елфимов, прежде всего, фотохудожник, и его остановленные мгновения говорят сами за себя, к чему уж их разъяснять.

Будь то очень “по-русски” увиденная фигура Христа, вдалеке, в облаках, с широко распростертыми из поднебесья объятьями, что на обложке бразильского дневника. Или же сюжет-серия о мальтийских загадочных остатках мегалитических храмов Джгантия, глубоко погружающий нас в древнейшую историю мальтийского архипелага, да и всего человечества...

Ещё не могу не сказать о “методологической”, если можно так выразиться, стороне творчества автора. Помню, как-то в разговоре один фотограф, совершенно случайно, высказал мысль, которая тогда ещё меня поразила:

“Вот я отснял какой-то кадр. Но буквально через секунду то, что я снял, в реальности — уже другое, уже изменилось. А того, что на снимке — никогда не повторится. И в этом смысле в любом случае мы лишь воссоздаем копию, не подлинник. А истинный Художник — Бог. Только Его подпись — везде, на всех оригиналах”.

И далее он изложил мне свою любопытную теорию-мечту “идеальной” фотосессии, ну, или приближенной к идеальной: установить фотоаппарат стационарно и снимать одно и то же место. Снимать с минимально возможной периодичностью, таким образом максимально к подлиннику приближаясь и приближаясь...

Почему я об этом вспомнил? Дело в том, что Аркадий Елфимов в своём творчестве — сознательно, неосознанно ли — похоже, следует этому принципу. Книги составлены так, что в них нет резких скачков сюжета, видимых разрывов фотоповествования. Есть резкие контрасты в восприятии действительности, смены настроения и состояния мира вокруг, но сама-то композиция, само “движение” кадров, их последовательность создаёт очень правдивую реальную иллюзию непрерывной хроники. Не то рассказа, не то размышления. А скорее, гармоничного, непрерывного синтеза первого и второго. Это — как кино, именно — кино, кадры здесь не статичны, они плавно перетекают один в другой, объединяясь в небольшие эпизоды, в более объемные сюжеты, которые, в свою очередь, создают вполне целостную и осмысленную картину увиденного. Скажем, такая цепочка: Мальта — её история — её море — русские на Мальте — Мальта и Россия... — мальтийский закат — возвращение.

Такому непрерывному восприятию способствует и цветовое решение эпизодов, сюжетов, да и, по большому счёту, самих дневников. Здесь тоже нет резких переходов, каждый из эпизодов будто выверен в своей единственно-характерной для него цветовой гамме. Вот — те же мальтийские мегалиты, здесь, как и положено, доминируют преимущественно светло-песчаные, “каменные” цвета, и полосы неба над ними — голубые или белёсые. Вот море, оно меняет свои оттенки от беззаботного светло-изумрудного до грозного темно-фиолетового, и небо... Вот Мальта госпитальерского рыцарского периода — гармоничное единение “каменного” цвета стен рыцарских замков, крепостных башен, бастионов и других строений, с тем же морем и небом...

Несколько иначе композиционно и по цвету построена хроника-рассказ о Бразилии. Если основной блок текстовой информации в мальтийском дневнике как бы предваряет видеоряд, то здесь, в рассказе о Бразилии, отдельные сюжеты чередуются с короткой, но емкой информацией. Авторские зарисовки-впечатления о нынешней Бразилии, справочные выдержки из “Брокгауза и Ефрона” о Бразилии прошлой. Этакий своеобразный неназойливый “голос за кадром”, дополняющий видеоряд. Только здесь он представлен ещё и визуально, как листки из блокнота с отрывочными дневниковыми записями. И это тоже придает авторскому фоторассказу эффект теплоты, непринужденности.

Кстати, о непосредственности: преобладающие цвета здесь, в бразильском дневнике, совсем другие — более яркие, насыщенные и разнообразные. Более эмоциональные. Но ведь и страна иная, совершенно не похожая на Мальтийский архипелаг. Иная экзотика, иные масштабы, иные строения... да и люди иные — более простодушные и, как подмечено автором дневника, несколько сумбурные, более склонные к импровизации, эмоциональные и непосредственные. Я бы подумал даже — более близкие нам по темпераменту...

Сказать, что фотодневники Аркадия Елфимова просто рассказ о путешествиях, о странах иных, значит, главного не увидеть. Я уже упомянул, что автор ищет и находит сходства и различия стран иных с Россией, незримые, но неотъемлемые связи с её историей, современностью, с ментальностью нашего мировосприятия.

Скажем поездка на Мальту для Елфимова — это возможность посетить Национальный музей Мальты. Крепость Викторину на острове Гозо. Сам остров, на котором “по легенде расположен тот самый знаменитый грот, где в плену у нимфы Калипсо томился Одиссей”. Творения рук человеческих — чудные мальтийские сады: “в Валлетте это Сады Гастингса, где растут “пришельцы” из многих стран мира”, “Верхние сады Баррака, когда-то излюбленное место свиданий рыцарей с прекрасными дамами” и, конечно, “Ботанический сад Сан-Антон — один из лучших в Средиземноморье”.

Но не только это. А ещё и “возможность увидеть последнее рыцарское государство на земле”, его столицу — город Валлетта, “самую мощную в мире морскую крепость”, прочно связанную с нашей российской историей...

Впрочем, по порядку. Елфимов, безусловно, романтик в душе, однако умеющий не только увидеть, но и анализировать увиденное. Не случайно в мальтийском дневнике отдельной главой выделено “Приветствие Духа”. Как пишет сам автор: “Русский дух и всемирную отзывчивость впервые поставил рядом Фёдор Достоевский в знаменитой речи о Пушкине”.

Есть на карте мира такие места, где во всеобщую мировую историю “русские узелки” накрепко вплетены. Вот и Мальта — своеобразный форпост многих крестовых походов, “извечный поединок Востока и Запада”, политическим жестом российского императора Павла I невольно ставший центром диалога двух христианских конфессий: православия и католичества. А ситуация возникла воистину парадоксальная: фактический глава православной церкви, русский самодержец в качестве гроссмейстера Мальтийского ордена должен был хотя бы номинально, но подчиняться римскому папе Пию VI. Жест широкий, но, как и любой политический пиар, — нестабильный и кратковременный. Да и вызванный, вернее всего, одним обстоятельством — необходимостью “дружить против” Востока.

Тогда же, два столетия назад, произошли и знаковые для России события. Как отмечает автор мальтийского дневника: “Важнейшие мальтийские святыни стали... святынями русскими: Десница Иоанна Крестителя, частица Древа Животворящего Креста Господня, Филермская икона Божией Матери...”

Что касается Мальты иоаннитской, — это одна из сквозных тем книги, историей буквально “дышит” весь сюжет — архитектура, фортификационные сооружения... Детали — решетчатые ограды, рельефные панно и “ручки дверей, которые служат одновременно дверными молотками”. Сам дух средневековья точно присутствует здесь: узкие каменные лестницы на крепостных стенах, старые улочки-колодцы, чей-то — подмеченный и точно переданный автором — мрачноватый взгляд, видимо, из одной из крепостных башен... — а там за аркой выхода открывается далёкий городской пейзаж в светло-голубой дымке... Отметим, кстати, что эта авторская находка используется в качестве дизайнерского элемента на ряде страниц: кадры на абсолютно-чёрном поле — как окна. Этакое сочетание рыцарской средневековой романтики и суровости той исторической эпохи.

Композиционно мальтийский дневник начинается с романтики. И заканчивается вполне оправданно великолепными романтическими видами средиземноморского заката — от тревожно-красного до умиротворяюще-золотистого. И не случайно фотовзгляд автора в этом эпизоде всё время на море направлен. Словно напоминает себе: всё заканчивается, пора прощаться, скоро домой.

Примечателен другой дневник — бразильский. Я уже упомянул о родстве бразильского и русского темперамента. Как пишет автор дневника: “Бразилия — страна-ребёнок”. А Россия, с ее многовековой историей?.. Ведь недаром же говорят у нас — что стар, что млад. Да и с нашей “традицией” печальной — всё “до основанья...”, и потом — всё с начала, с нуля, с фундамента... Как бы умираем — и возрождаемся...

Да и Бразилия — что большинство из нас знает о ней? Как самоиронично признается автор бразильского дневника: “Кофе, Пеле, белые брюки...” Замечу, что на страницах дневника — специально лишний раз пролистал! — этих самых “белых брюк” раз-два и обчёлся. Тоже элемент иронии, насколько наши представления не соответствуют действительности. Может быть, поэтому и знаменитый карнавал в Рио появляется лишь в конце дневника, да и то небольшими эпизодами.

Зато похожести и узнаваемости здесь — на каждом шагу. Всё с аэропорта начинается: “Как у нас — ...огромная очередь людей, уже получивших багаж на выходе из аэропорта”. И невольно мысль возникает: “...в Бразилии отношение к людям такое же, как и в России, оккупированной чиновниками. Неужели и здесь для этого сословия народ — быдло?”

Или проблемы застройки мегаполисов, наших и бразильских — “сочетания несочетаемого”: колониальной архитектуры с модерном мегаполиса, нищеты с кричащей роскошью фешенебельных отелей” — кстати, одна из доми-

нирующих в фотодневнике тем, одно из главных противоречий, показанных автором. Гигантские, огромные небоскрёбы самых разнообразных форм и стилей, этакое гипервеличие... а рядом – жизнь “фавел”, не то небольших удельных криминальных “государств в государстве”, не то кварталов для бедных. Вот кадры: небоскрёбы, небоскрёбы, небоскрёбы, люди, много людей... и рядом на страницах лачужки, и бездомные, лишённые крова – кто просто на улице картонную упаковку расстелил и отдыхает, кто в ванне приспособился... – ну точно Россия!

Кстати о людях. Во многих фотоснимках чувствуешь: отношение автора к бразильцам – бережное, несколько ироничное, но очень дружелюбное. Вот уличные музыканты прямо на тротуаре расположились – чем не Арбат! Вот женщина присела на каменный бордюр, что-то читает – тоже типичная картина любого нашего мегаполиса. А вот хозяйка с двумя пакетами в руках, видимо, делает закупки по хозяйству...

И люди такие же “дружелюбные, весёлые, отзывчивые, гостеприимные и жизнерадостные”. И праздники любят так же, как мы – “...во время проведения Карнавала и Великого Поста... вся страна... гуляет, спит или кается”, и чтоб “блестело” тоже любят – “презентации должны быть яркими и стильными...”, и прокатиться с ветерком, и полихачить на дороге – “правила дорожного движения... рассматривают в качестве рекомендаций, а не как руководство к действию”. Вижу это на фото.

И ещё одна сквозная и важная, на мой взгляд, тема бразильской фотохроники. Здесь уже не только сходство, но и значительное различие. Как сообщает автор: “Амазонские джунгли называют “лёгкими планеты”, поскольку 50% всего кислорода на земном шаре вырабатывается именно ими”. Цветы, различные растения, деревья, парки, аллеи – всё это во множестве проходит через весь дневник путешествия. Но вернусь к цитате: буквально здесь же, следом Елфимов делает интересное дополнение-посыл: “Видимо, другие 50% в Сибири...” Мне лично послышалась в этом нотка боли за наше, российское. И действительно, опять цитирую текст: “бразильцы, при всех имеющих у них проблемах, в нищете, на которую натыкаешься повсеместно, могут устраивать замечательные места коллективного отдыха, а у нас ничего похожего...”, и далее: “если в Тюмени на месте бывшего городского сада и появилась некая зона отдыха горожан, то это – зона, а не парк”. И опять ирония, на этот раз горькая. Я имею в виду слово “зона”, точнее, те ассоциации, которые оно невольно вызывает у любого россиянина.

По многим фотосвидетельствам автора в альбоме, которые он поясняет всего лишь одной фразой: “В бразильских парках – ... всё устроено для людей, для их отдыха, когда нет ничего навязчивого, как в нынешних наших парках, в которых власти видят, прежде всего, источник прибыли”. То есть вот в чём главное – “делать для кого-то” или – “делать для чего-то”. Разница огромная. Все же, думается, только тогда во благо – когда людей ради. А если прибыли для – это и себе во вред, и детям своим, и внукам...

Эти дневники – и мальтийский, и бразильский – как-то неизбежно и насущно обострили у меня в сознании извечный русский вопрос – как нам Россию обустроить? Куда для понимания этого глядеть надобно? Может, в себя? Там-то бы поискать и изменить что-то...

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ИСТИНА ЕВГЕНИЯ РОДИОНОВА

15 лет подвигу русского солдата

23 мая 1996 года четверых русских солдат, уже три месяца мучившихся в плену – Андрея Трусова, Игоря Яковлева, Александра Железнова и Евгения Родионова, – вывели на пустырь на окраине чеченского посёлка Бамут и поставили им условие – отречься от Христа, и тогда они будут оставлены в живых, им даже вернут свободу. Видно, было это очень важно для Руслана Хайхорова – ещё недавно рабочего совхоза, а ныне – “бригадного генерала” чеченской армии! То, что условие заключалось именно в отречении от веры предков, очень показательно. Значит, враги ненавидели русских солдат за то, что они – православные... представители иной культуры, иной морали, иной нравственной истины, глубоко чуждой ваххабизму. А нет ничего действеннее в деле разрушения чужого нравственного закона, как то, чтобы заставить его носителей прилюдно отказаться от него, оплевать, снять крест, растоптать его ногами!..

Русские солдаты отказались сделать то, что от них требовали. Евгений Родионов – единственный, у кого был крестик на груди, подвергся особенно изощрённой казни – ему отпилили голову. Совершил это сам “генерал” Хайхоров, тот самый, в кого наши солдаты не могли стрелять, ведь в момент их захвата в плен этот “храбрец” укрывался в машине “Скорой помощи” (под защитой знака Красного креста!), подъехавшей к дорожному посту возле пограничной заставы, на котором находился Евгений Родионов со своими сослуживцами.

Евгений Родионов вырос в простой рабочей советской семье. Небогатой, но честной, работающей. Родился в селе Чибирлей Кузнецкого района Пензенской области, впоследствии семья переехала в Подмосковье. Его отец Александр Константинович и мать Любовь Васильевна работали на местной мебельной фабрике, да и сам Евгений, после окончания девяти классов средней школы, пошёл работать на эту фабрику. Неизвестно, были ли у него какие-то планы продолжать образование, но намерений отлынивать, “косить”, как принято сейчас говорить, от службы в армии у него явно не было. Евгения призвали в июле 1995 года – уже вовсю шла война в Чечне, по России ползли зловещие слухи о погибших наших солдатах, о вагонах-холодильниках, доверху забитых трупами, стоящих на запасных путях у Ростова-на-Дону, о судьбе военнослужащих, попавших в плен к ваххабитам. Слухи о пытках, зверствах над ними в бандитском плену, об огромных выкупах, которые требуют дудаевские разбойники за русских людей. Война шла ни шатко ни валко – Грозный после тяжёлых боёв удалось взять, превратив в развалины этот

прежде цветущий советский город – жемчужину Кавказа, но дальнейшее продвижение наших войск искусственно сдерживалось: стоило только одержать победу над дудаевцами, как следовала “мирная” передышка, что давало возможность бандитам окрепнуть, пополнить свои силы.

В это время Женя Родионов проходил службу в Калининградской области, в пограничных частях. Там и присягу принял. Но вот наступил злосчастный для нашей страны 1996 год – год невероятного предательства, свершившегося в Хасавюрте 31 августа, когда генерал Александр Лебедь подписал “мирные” соглашения с главарём бандитов Масхадовым, что свело на нет все жертвы, понесённые российской армией в ходе почти двухлетней войны. “Мирные” эти соглашения обернулись в 1999 году кровавым вторжением бандитов в Дагестан, взрывами домов в Москве и началом новой, “второй” чеченской войны.

В январе 1996 года рядового Евгения Родионова направили в командировку в Чечню, на пограничную заставу. А через месяц, в феврале судьба свела его на большой дороге с одним из самых коварных и кровожадных бандитов. Он попал в плен, а наши впопыхах посчитали его... дезертиром.

С того момента, с 13 февраля 1996 года, когда Евгений Родионов со своими друзьями попал в плен, не только для него, но и для его матери Любови Васильевны начался крестный путь. Отдадим должное мужеству этой русской женщины – она не поверила милиционерам, пришедшим в её дом искать “дезертира”, она отправилась в Чечню. Насколько это опасно – ехать в логово к бандитам, она и не думала, она не знала тогда, как будут издеваться над ней вахабиты, как главарь одной из банд Ширвани Басаев будет зверски избивать её ногами, выбьёт ей зубы, убьёт её спутника... Она встретится с начальником той заставы, где служил Евгений, и ей не трудно будет узнать, что сведения о дезертирстве её сына и других солдат – это “ошибка”. Её сын был в бандитском плену, а для бандитов главный бог – это деньги. Сколько русских матерей в те годы продавали свои квартиры, своё последнее имущество, чтобы выкупить детей из плена...

Наконец, поиски привели Любовь Васильевну к Бамуту. В тот самый день, когда её Женечке исполнилось 19 лет, а именно 23 мая, когда была назначена казнь, она находилась всего в семи километрах от места этого преступления. Но сердце подсказывало ей, где искать сына... Теперь уже мёртвого, только труп, но ведь и мёртвого сына она не могла бросить в чужой земле. Она нашла помощь у сотрудников ОБСЕ, которые были вхожи к главарям бандитов. Один из этих посланцев Европы, некто Ленард, свёл её с “самим” Русланом Хайхороевым – палачом её сына. Тот не стал отрезаться от преступления, совершённого им, сказал нагло: “...У твоего сына был выбор. Он мог бы веру сменить, но он не захотел с себя креста снимать. Бежать пытался”. За тело Евгения этот негодяй требовал с матери 40 миллионов рублей. Таких денег у неё не было. Однако нашлись добрые люди и среди чеченцев – за умеренные деньги показали участок земли, где были закопаны солдаты. Но как определить, кто из них кто?... Наконец, на одном из тел нашли серебряный крест – это был крест Евгения. Дальнейшая экспертиза подтвердила, что это было точно тело Евгения Родионова.

Бандит Хайхороев сполна ответил за свои преступления. Его убили свои же чеченцы, его кровники в Бамуте. Но это будет через год, а тогда, в сентябре 1996 года, Любовь Васильевна везла мёртвое тело своего сына домой, и с какой чёрствостью чиновников, с какими трудностями ей пришлось столкнуться – об этом написано много, но нет душевных сил повторять этот рассказ... В чёрное ельцинское время и Россия словно превратилась в болото, где наивысшей ценностью была объявлена нажива, пресловутая “маржа” – поганое слово, которое и сейчас любят повторять иные наши политики, не понимая того, что эта “маржа” их же и сожрёт. Забыты, к несчастью, простые истины, от века бытовавшие некогда в России: о бескорыстии, о взаимопомощи (что так родственно и христианским вечным ценностям), любви к ближнему (да и дальнему), бесребренничеству...

Вот и Евгений, он же был по воспитанию русским советским человеком, и пример Александра Матросова, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев, панфиловцев был для него не пустым звуком. Но был у него и другой пример перед глазами – распятый Христос на нательном его кресте. Этот крест Евгений надел в 12 лет, тогда же и в церковь начал ходить, хотя святошей никог-

да не был, но крест – а через него и пример Христа – значил для него многое. По рассказам матери, он всё-таки отличался от иных парней – никогда не участвовал в драках, ушёл из боксёрской секции, хотя у него были успехи – не мог бить человека в лицо... Никогда, даже в детстве, не убивал никаких живых тварей, букашек, кузнечиков. Не рвал понапрасну листьев на деревьях, не ломал веток. Удивительно! Дух Божий действует, где хочет, и особой благодатью Евгений был, конечно, отмечен с детства. Судьба словно готовила его к свершению подвига, и подвиг его был подвигом Веры и Верности – Христу и людям, Родине и Богу – эти понятия словно соединились в его подвиге. И вот почему уже вскоре после того, как тело Евгения нашло, наконец, упокоение в родной подмосковной земле у села Сатино-Русское Подольского района, возле церкви Вознесения Христова, он был прославлен в сознании русских людей, как святой мученик.

Уже написаны иконы святого праведного воина Евгения, уже и мироточат они, уже часовни построены во имя нового святого земли Русской. Канонизирован воин Евгений, как местночтимый святой, Астраханско-Енотаевской епархией Русской Православной Церкви. Является местночтимым святым в Сербии, и не случайно. Во время натовской агрессии в Югославии в 1999 году русские добровольцы, сражавшиеся там, и сербские ополченцы молились святому воину Евгению. Верим, недалёк тот день, когда наша церковь прославит его в сонме святых угодников Божиих. Прославит советского по рождению человека, христианина по убеждению и по жизни своей, мученика за Христа и Россию по своей судьбе.